

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

**№ 2 (56)
2026**

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа»

The preparation and publication of the journal were carried out within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan “Preservation of the National Identity of the Tatar People”

Главный редакторакадемик АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков****Заместители главного редактора:**член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**доктор исторических наук **Ю.А. Зеленева**Ответственный секретарь – кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева****Редакционный совет:**

Б.А. Байтанаев – академик НАН РК, доктор исторических наук (Алматы, Казахстан) (председатель), **Х.А. Амирханов** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия), **С.Г. Бочаров** – кандидат исторических наук (Севастополь, Россия), **П. Георгиев** – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария), **Е.П. Казаков** – доктор исторических наук (Казань, Россия), **Н.Н. Крадин** – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия), **А. Тюрк** – Ph.D. (Будапешт, Венгрия), **А.А. Тишкин** – доктор исторических наук профессор (Барнаул, Россия), **Б.В. Базаров** – академик РАН, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия), **Д.С. Коробов** – доктор исторических наук, профессор РАН (Москва, Россия), **О.В. Кузьмина** – кандидат исторических наук (Самара, Россия), **П. Дегри** – профессор (Лёвен, Бельгия), **Вэй Джан** – Ph.D, профессор (Пекин, Китай), **А.С. Сагдуллаев** – академик АН РУз, доктор исторических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), **Р.Х. Сулейманов** – доктор исторических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан), **М.М. Саидов** – доктор исторических наук, профессор (Самарканд, Узбекистан), **Ш.Б. Шайдуллаев** – доктор исторических наук, профессор (Термез, Узбекистан), **Н.Н. Скакун** – кандидат исторических наук (С-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)
М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук (Казань, Россия)
Р.Д. Голдина – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)
С.В. Кузьминых – кандидат исторических наук (Москва, Россия)
А.Е. Леонтьев – доктор исторических наук (Москва, Россия)
Т.Б. Никитина – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)
А.А. Чижевский – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Ответственный за выпуск:академик АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков****Адрес редакции:**

420012 Республика Татарстан, г. Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс ПП753,

электронный Каталог печатных изданий "ПОЧТА РОССИИ"

Выходит 4 раза в год

© ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», 2026

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2026

© Журнал «Поволжская археология», 2026

Издательство «Фэн»

Казань, Республика Татарстан

Editor-in-Chief:

Academician of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zelenev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

B. A. Baitanayev – of the Nacional Academy of the RK, Doctor of Historical Sciences (Almaty, Republic of Kazakhstan) (chairman), **Kh. A. Amir Khanov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **S. G. Bocharov** – Candidate of Historical Sciences (Sevastopol, Russian Federation), **P. Georgiev** – Doctor of Historical Sciences (Shumen, Bulgaria), **E. P. Kazakov** – Doctor of Historical Sciences (Kazan, Russian Federation), **N. N. Kradin** – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation), **A. Türk** – Ph.D. (Budapest, Hungary), **A. A. Tishkin** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Barnaul, Russian Federation), **B. V. Bazarov** – Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Professor (Ulan-Ude, Russian Federation), **D. S. Korobov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russian Federation), **O. V. Kuzmina** – Candidate of Historical Sciences (Samara, Russian Federation), **P. Degryse** – Professor (Leuven, Belgium), **Wei Jian** – Ph.D, Professor (Beijing, China), **A. S. Sagdullaev** – Academician of the National Academy of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Historical Sciences, Professor (Tashkent, Republic of Uzbekistan), **R. Kh. Suleymanov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Tashkent, Republic of Uzbekistan), **M. M. Saidov** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samarkand, Republic of Uzbekistan), **Sh. B. Shaidullaev** – Doctor of Historical Sciences, Republic of Professor (Termez, Uzbekistan), **N. N. Skakun** – Candidate of Historical Sciences (Saint Peterburg, Russian Federation)

Editorial Board:

A. A. Vybornov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)
A. A. Chizhevsky – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

Responsible for Issue

A. G. Sitdikov – Doctor of Historical Sciences
Academician of the Tatarstan Academy of Sciences

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologie.pro>

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2026

© Mari State University, 2026

© “Povolzhskaya Arkheologiya” Journal, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Археологические культуры степной Евразии

Сулейманов Р.Х., Шоназаров Ш.Б. (Ташкент, Узбекистан)
К вопросу о факторах кочевнического хозяйственно-культурного уклада
в истории государств Евразии 8

Султанжанов Ж.К., Дарменов Р.Т., Тажекеев А.А. (Астана, Казахстан)
Культы и мировоззрение огузских племен Приаралья:
по новым археологическим материалам.....23

*Энхтур А. (Улан-батор, Монголия), Базылхан Н. (Астана, Казахстан),
Батболд Г. (Улан-батор, Монголия), Богенбаев Н. (Астана, Казахстан),
Буянхишиг Ц., Барс М. (Улан-батор, Монголия)*
Древнетюркский поминальный комплекс «Номгон-1»36

Колоколов А.М., Простяков И.С. (Тула, Россия)
Поминальный комплекс VIII века у д. Гора Услань
(по материалам раскопок 2024 года)45

Матвеева Н.П., Третьяков Е.А. (Тюмень, Россия)
Хронология перестроек фортификаций Усть-Терсюкского городища
и приемы строительства.....66

Парунин А.В., Полякова А.А. (Челябинск, Россия)
Погребальный инвентарь мавзолея Кесене (по итогам раскопок 1889 г.).....79

*Серегин Н.Н., Мамадаков Ю.Т. (Барнаул, Россия),
Киреев С.М. (Горно-Алтайск, Россия)*
Новые сведения о погребальных комплексах эпохи
Первого тюркского каганата на Алтае86

Кирилко В.П. (Симферополь, Россия)
Фрагмент портала от неизвестной крымской постройки
золотоордынского времени100

Ракушин А.И. (Саратов, Россия)
Перстни Аткарского грунтового могильника 111

Археология нового времени

Горохов С.В. (Новосибирск, Россия)
«Низкие» тарасы с тыном в Русском (Российском) государстве
во второй половине XVI – начале XVIII века128

Najafov Sh.N. (Baku, Azerbaijan Republic)
The Settlement Poylu III: residential buildings of the local population
in the basin of the middle course of the Kura River
in the 17th – early 19th centuries143

Смекалов С.Л. (Тула, Россия), Ланцов С.Б., Пономарев Л.Ю. (Симферополь, Россия), Маркова К.О. (Тула, Россия)

Религиозные и погребальные объекты Керченского полуострова XIX в.

восточнее Узунларского вала на картах и космических снимках155

Естественно-научные методы в археологии

Тянина Е.А., Лебедева О.С., Сингх В.К., Ениосова Н.В.,

Абдрашитова И.В., Статкус М.А. (Москва, Россия)

Клык кабана в металлической оправе с Троицкого XVI раскопа

в Великом Новгороде: комплексное исследование166

Миягашев Д.А. (Улан-Удэ, Россия), Бессонова Е.А., Зверев С.А., Маликов А.С.,

Жуциховская И.С. (Владивосток, Россия), Дикий Я.В., Бальжанов Б.Л., Курчатова И.Г. (Улан-Удэ, Россия)

Мультидисциплинарные исследования феодальной усадьбы

монгольской империи в Западном Забайкалье185

Газимзянов И.Р. (Казань, Россия)

Краниология раннеордынского населения Болгара по материалам

раскопок 2020 г. мусульманского некрополя (раскоп № ССХLIII)

у «Черной палаты»202

Sayfutdinova G.M. (Kazan, Russian Federation),

Qurbonov A.M. (Termez, Uzbekistan)

Integration of geospatial modeling methods and approaches

for the preservation and study of archaeological heritage sites219

Журбин И.В., Злобина А.Г., Рублева Е.А. (Ижевск, Россия)

Тепловизионная съемка для реконструкции культурного слоя

археологических памятников231

Список сокращений248

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ250

CONTENT

Archaeological cultures of steppe Eurasia

<i>Suleymanov R.Kh., Shonazarov Sh.B. (Tashkent, Uzbekistan)</i> On the Issue of the Factor of the Nomadic Economic-Cultural System in the History of the States of Eurasia	8
<i>Sultanzhanov Zh.K., Darmenov R.T., Tazhekeev A.A. (Astana, Kazakhstan)</i> Cults and Worldview of Oghuz Tribes of the Aral Sea Region: according to new archaeological materials	23
<i>Enkhtur A. (Ulaanbaatar, Mongolia), Bazylkhan N. (Astana, Kazakhstan), Batbold G. (Ulaanbaatar, Mongolia), Bogenbaev N. (Astana, Kazakhstan), Buyankhishig Ts., Bars M. (Ulaanbaatar, Mongolia)</i> Ancient Turkic Memorial Complex Nomgon-1	36
<i>Kolokolov A.M., Prostyakov I.S. (Tula, Russian Federation)</i> Memorial Complex of the 8th Centuries Near the Village of Gora Uslan (according to the 2024 excavations)	45
<i>Matveeva N.P., Tretyakov E.A. (Tyumen, Russian Federation)</i> Chronology of the Rebuilding of the Fortifications of the Ust-Tersyuk Hillfort and Construction Techniques	66
<i>Parunin A.V., Polyakova A.A. (Chelyabinsk, Russian Federation)</i> Burial Set from the Kesene Mausoleum (following the results of the 1889 excavations)	79
<i>Seregin N.N., Mamadakov Yu.T. (Barnaul, Russian Federation), Kireev S.M. (Gorno-Altai, Russian Federation)</i> New Data on Burial Assemblages from the Period of the First Turkic Khaganate in the Altai	86
<i>Kirilko V.P. (Simferopol, Russian Federation)</i> Fragment of a Portal from an Unidentified Crimean Structure of the Golden Horde Period	100
<u><i>Rakushin A.I. (Saratov, Russian Federation)</i></u> Rings from the Atkarsk Burial Ground (without mounds)	111

Archaeology of the Modern Period

<i>Gorokhov S.V. (Novosibirsk, Russian Federation)</i> "Low" Log Fortification Walls (Tarasas) with Palisades (Tyns) in the Russian Federation State in the Second Half of the XVI – Early XVIII Century	128
<i>Najafov Sh.N. (Baku, Azerbaijan Republic)</i> The Settlement Poylu Iii: residential buildings of the local population in the basin of the middle course of the Kura River in the 17 th – early 19 th centuries	143

Smekalov S.L. (Tula, Russian Federation), Lantsov S.B., Ponomarev L.Yu. (Simferopol, Russian Federation), Markova K.O. (Tula, Russian Federation)
 Religious and Burial Sites of the Kerch Peninsula of the 19th Century
 to the East of the Uzunlar Rampart on Maps and Satellite Images155

Natural Science Methods in Archaeology

Tyanina E.A., Lebedeva O.S., Singh V.K., Eniosova N.V., Abdrashitova I.V., Statkus M.A. (Moscow, Russian Federation)
 A Wild Boar Tusk in a Metal Mount
 from the Troitsky XVI Excavation Area
 in Veliky Novgorod: a comprehensive study166

Miyagashev D.A. (Ulan-Ude, Russian Federation), Bessonova E.A., Zverev S.A., Malikov A.S., Zhushchikhovskaya I.S. (Vladivostok, Russian Federation), Dikiy Ya.V., Balzhanov B.L., Kurchatova I.G. (Ulan-Ude, Russian Federation)
 Multidisciplinary Studies of a Feudal Homestead
 of the Mongol Empire in Western Transbaikalia185

Gazimzyanov I.R. (Kazan, Russian Federation)
 Craniology of the Early Golden Horde Population of Bolgar Based
 on the Materials of the 2020 Excavations at the Muslim Necropolis
 (excavation area no. CCXLIII) Nearby the Black Chamber202

Sayfutdinova G.M. (Kazan, Russian Federation), Qurbonov A.M. (Termez, Uzbekistan)
 Integration of geospatial modeling methods and approaches
 for the preservation and study of archaeological heritage sites219

Zhurbin I.V., Zlobina A.G., Rubleva E.A. (Izhevsk, Russian Federation)
 Thermal Imaging for Reconstruction
 of the Occupation Layer of Archaeological Sites231

List of Abbreviations..... 248

Submissions 250

Археологические культуры степной Евразии

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/pa2026.2.56.8.22>

К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ КОЧЕВНИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНОГО УКЛАДА В ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВ ЕВРАЗИИ

© 2026 г. Р. Х. Сулейманов, Ш. Б. Шоназаров

Историю кочевнической цивилизации сложнее изучить, чем оседло-земледельческой. В Средней Азии проблема происхождения кочевнического уклада жизни не решена. Скотоводы энеолитической и бронзовых эпох Евразии осваивали степи на телегах с войлоком. Они имели боевые колесницы с конями и мигрировали. С XIII–XII вв. до н. э. скотоводы Монголии и Восточного Туркестана переходят к всадническому образу жизни, что дает возможность перегонять большие стада на сотни и тысячи километров. Возникают военные объединения всадников, вооруженных копьями и мечами. Они ассимилируют андроновскую культуру и развивают кочевнический способ производства. Кочевники Центральной Азии взаимодействовали с урбанизированными государствами, обычно инициаторами являлись подвижные кочевники. Первые кочевые империи основаны скифами, которые получали регулярную дань и привлекали их к участию в военных походах на земли соседей, что приводило к войнам и набегам. В средневековых письменных источниках описываются разбойничьи набеги и грабежи Чингисхана и Амира Темура. Угон скота у соплеменников не считался преступлением, а рассматривался как своеобразный промысел. Кочевники защищали свои стада и нападали на соседей, создавая постоянный стимул для развития военной сферы. Создание военной организации обеспечивало существование общины. В традиционных скотоводческих обществах юноши получали военную подготовку, приобретая навыки планирования и проведения военных операций. Кочевые народы Центральной Азии создавали континентальные империи, но сохраняли родовую структуру власти. Экономический потенциал городов и кочевых скотоводов был равнозначен, не было господства кочевой или земледельческой культуры. Чингисхан и Амир Темура имеют сходные судьбы и методы правления. Они оба начали с малочисленной группы единомышленников и создавали свои империи с нуля.

Ключевые слова: археологическая культура ранних кочевников, происхождение кочевнического уклада, кочевническая цивилизация, военные объединения, всадники, мужской союз, барымта, угон скота, набеговая экономика, властная структура, урбанизированные государства, экономический потенциал, Чингисхан, Амир Темура.

Введение

История сложения и развития оседло-земледельческой цивилизации достаточно известна, сложнее дело обстоит с изучением кочевнической цивилизации, оказавшей гигантское влияние на формирование всех цивилизаций Евразии и Северной Африки. Проблема происхождения кочевнического уклада жизни в Центральной Азии и этнокультурная атрибуция археологических культур ранних кочевников Центральной Азии еще далеки от своего решения. Придомное скотоводство как способ производства в Средней Азии было известно по памятникам оседло-земледельческой

Джейтунской неолитической культуры с VII тыс. до н. э. Недавно на стоянке Аякагитма¹ в низовьях Зарафшана, относящейся к кельтеминарской неолитической культуре, тоже были найдены кости одомашненной коровы VII тыс. до н. э. Позже появляются и кости одомашненного верблюда бактриана, а также домашней овцы и козы. Ранее считалось, что кельтеминарцы занимались лишь охотой и собирательством (Бруне, Хужаназаров, Хашимов, 2012, с. 121). Обширные степные просторы средних широт Евразии энеолитической и бронзовых эпох осваиваются представителями ямной, афанасьевской и других ар-

хеологических культур, представители которых жили и передвигались на телегах, крытых войлоком. Хорошо известны катакомбно-подбойная, срубная и андроновская археологические культуры, носители которых, совмещая скотоводство и сезонное земледелие, активно занимались горным делом и развивали свое бронзолитейное дело. Они уже имели боевые колесницы, запряженные конями. С XVIII по XV вв. до н. э. они мигрируют на юг – в Китай, Индию, Иран, Ближний Восток и Европу. Причиной окончательного ухода из степей была вековая засуха XV в. до н. э. когда большая часть племен андроновской культуры покинула степи. Это было время Шань-Инь в Китае, гиксосов в Египте и касситов в Месопотамии. На всех территориях Древнего мира появляются боевые колесницы, запряженные конями, включая и южные оазисы Центральной Азии.

В эпоху поздней бронзы скотоводческие сообщества консолидируются на северных границах Китая, и с XIII–XII вв. до н. э. на гигантских степных просторах Монголии и Восточного Туркестана скотоводы начинают переходить к всадническому образу жизни. Следует отметить, что технология верховой езды, возможно, была известна со времен эпохи энеолита, когда лошадь уже была одомашнена.

Но с эпохи раннего железа происходит массовый переход от передвижения на телегах и колесницах к верховой езде. Это дало возможность перегонять большие стада домашних животных на сотни и даже тысячи километров. Такими животными были лошадь и овца. Они могли круглый год пастись в степи, так как были способны к тебеневке (каз. *тебиндеу* – зимнее пастбище) – разгребать снег ногами и поедать траву под ним. В случае некоторых природных катаклизмов только этот навык может спасти стадо от мора (Поляков, 2024, с. 74).

Для защиты своего скота и для грабежа других скотоводов возникают военные объединения всадников, вооруженных длинными копьями и мечами для боя верхом на коне. Эти явления впервые были отмечены для карасукской культуры Монголии с XII–XI вв. до н. э. В XII веке до н. э. под натиском этих кочевников падает государство династии Шань-Инь, на их место приходит династия Чжоу – выходцев из северо-западных степей. С XII в. до н. э. представители карасукской культуры оккупировали Минусинскую долину, и далее, в X в. до н. э., они распространяются по степям Казахстана, где оставили царские погребения могильников северного Тагискена, Дандыбая и Бегази. Остатки прежнего населения андроновской культуры было ассимилировано ими. Экономика войны имеет пока эпизодический характер. Это указывает на сложение ранних форм государственности кочевнического способа производства.

Диапазон и масштабы их кочевых территорий резко расширяются. Кочевые скотоводы специализируются на круглогодичном кочевании со своим скотом. Продвигаясь на запад вдоль степной полосы под именем скифов, они быстро достигают Европы. Кочевые народы превращаются в важный фактор мирового исторического процесса. При этом ассимиляция кочевников в среду автохтонного земледельческого этноса превращалась в большую проблему. Захватывая территории мелких оазисов и опираясь на свое военно-политическое превосходство, они ассимилируют местное население, навязывая им свою культуру и язык. В случае же захвата ими территорий крупных земледельческих стран элита кочевников, в роли правителей этих стран, поселяется в городах, что при демографическом превосходстве покоренного этноса завершалось ассимиляцией элиты за-

хватчиков местным населением, которая теряла связь со своими родичами, продолжавшими кочевать по северным степям. Так обычно происходило с Китаем на всем протяжении его истории.

Основная часть

Обычно инициаторами взаимодействия кочевников с урбанизированными государствами оказывались подвижные кочевники. Тема не новая. Помимо ряда известных письменных источников эпохи древности и Средневековья, содержащих богатую информацию по этой теме в Центральной Азии, уже начиная с полевых исследований Г.Е. Грумм-Гржимайло в этом направлении проведен обширный круг археологических исследований. Особо следует отметить труды С.В. Киселева, К.Ф. Смирнова, Л.Н. Гумилева, Э.А. Новгородовой и А.М. Хазанова. Книга последнего «Кочевники и внешний мир» дает глобальный обзор и систематизацию истории кочевых сообществ не только Евразии, но и Африки. Но эпицентром сложения и процветания кочевнических народов и их государств были обширные засушливые просторы Центральной Азии. Управление таким большим пространством у кочевника облегчалось спецификой степных ландшафтов и наличием мобильных верховых животных (Бондаренко, Коротаев, Крадин, 2002, с. 15). Верховая езда была известна издревле, но цельное общество кочевнического хозяйственнокультурного типа сложилось в восточной части Великой степи лишь в конце II – начале I тысячелетия до н. э., и, как отмечено, первый длинный меч, пригодный для рубки с коня, появляется в карасукской культуре на территории современной Монголии. Это были предки скифов.

Именно скифы были основателями первых кочевых империй. Основной формой эксплуатации оседлых наро-

дов было получение регулярной дани и участие в войске скифов при походах на земли других, отдаленных соседей. При этом признание власти кочевников могло быть мирным, путем договоров. В случае сопротивления начиналась война с человеческими потерями и мародерством. Эта форма взаимодействия кочевников с окружающим миром не менялась на протяжении тысячелетий.

Дальнейшие подъемы кочевнической государственности происходят при гуннах и древних тюрках. Согласно Л.Н. Гумилеву и А. М. Хазанову, максимального расцвета система государственности кочевников достигла в государстве Чингисхана (Хазанов, 2002).

Основной причиной частых войн и набегов кочевников была слабость и ненадежность их собственной экономической базы – рискованного кочевого скотоводства. Они всегда нуждались в продуктах оседлых хозяйств. Отсюда жизненная необходимость обмена с земледельцами. Однако их частые миграции неизбежно приводят к столкновениям и войнам. Самым весомым аргументом в споре всегда оказывалось оружие. Это рождает воинственность и милитаризм кочевнических политических объединений. Это началось очень рано, известно, что величайшие из древних кочевников, скифы и сарматы, поклонялись мечу как божеству воинов. Но длиться война бесконечно не могла, она прекращалась по мере истощения завоевательного потенциала кочевников и достижения определенных объемов дани с покоренных земель. Далее следует следующая стадия – развитие мирной государственности с неизбежным классовым расслоением и ассимиляцией оседающих кочевников (Сулейманов, 2024, с. 142, 159). Власть и государственность кочевников рождалось преимущественно путем насилия, в результате жесто-

ких войн между ними. Кончалось это грабежами и изгнанием или подчинением слабого более сильным. Началось это с борьбы отдельных родов и семей за пастбищные территории. Письменные источники оседлых народов всегда пишут о насилиях и грабежах соседних им кочевников. Особенно часто об этом пишут китайские источники. Сами кочевники называют это явление обычаем «*барымта*», и этой теме посвящена обширная литература.

Средневековые письменные источники повторяют мотив воровства скота и грабежей Чингисхана и Амира Темура. В частности, Темурбек с ранней молодости тоже занимался разбоем, грабежами и организацией малых и больших набегов (Турсунова, 2006, с. 15). Явлению барымта как особенности социальной жизни кочевых сообществ посвящено значительное количество исследований. Барымта известна и в общественной жизни Тюркского каганата. Китайский источник сообщает о некоторых «уголовных законах» тюрков каганата. Сообщается, что кража скота у соплеменников или сородичей была обычным явлением, потому что угон скота у соседей не являлся преступлением (Потапов, 1953, с. 91), а рассматривался как своеобразный промысел (Щеброва, 2010, с. 17). В тюркской обычно-правовой системе (VI–XII вв.) были известны такие институты, как *аип*, *кун*, *барымта* и др. Тюркский хакан Бильге на каменной стеле оставил запись о том, что он разгромил народ Тангут, забрал полностью имущество, взял в плен их сыновей и дочерей. В этом памятнике имущество называется «*барым*» (Усеинова, Усеинова, 2018, с. 29).

Барым – ср. тюрк.: чаг. *baranta*, каз. *барымта* ‘разбойничий набег, баранта’ (Нанзатов, Тишин, 2020, с. 181). Тюрко-монгольские параллели: *барымта* ‘набег с целью угона или воз-

врата силой угнанного скота, отобранного имущества’. В словаре татарских фразеологизмов обрело форму *барымтала*. В русский язык слово проникло как *баранта*, *барантач*. В словаре турецкого языка зафиксировано как *baranta*. Данная лексема монгольско-го происхождения *барымта* ‘поймать; обвинять’ с глагольной основой *бари* ‘поймать, ловить. В мишарско-типтярском говоре бытует слово *бартанитү* ‘отомстить’. В златоустовском говоре татарского языка зафиксирован глагол *бартаннау* в значении ‘сделать назло’ (Сафаров, 2015, с. 77, 142), *барымтач* (каз. барымташи) – участник набега, налетчик (Ишмухамбетов, 2019, с. 193).

Важно отметить, что для кочевых скотоводов домашний скот представлял собой главную материальную ценность, которая могла быть без труда утрачена в результате угона другими номадами (Шнирельман, 1994, с. 9; Крадин, Скрынникова, 2006, с. 18), и если враг доходил до кочевий, куда отходило всё стойбище с семьями номадов, то кочевники принимали бой (Агаев, 2022, с. 25). Значительная часть сил скотоводов уходит на защиту собственных стад и набег на стада соседей (Айонс, 2002, с. 73–74). Необходимость охраны стад или восполнения последствий грабежа с помощью вооруженной силы были постоянным стимулом для развития военной сферы жизнедеятельности в кочевом обществе (Худяков, 1985, с. 106–107). Создание особой военной организации, способной защитить домашних животных от угона либо восполнить утраченное вследствие неблагоприятных обстоятельств их поголовье путем захвата у соседей обеспечивало дальнейшее существование самой общины (Худяков, 2010, с. 104). Набеги и угон скота проводились против соседних групп, считавшихся социально отличными от угонщиков. Угоняя скот у членов своей же общины, вор

приобретает врагов у себя дома (Айонс, 2002, с. 73–74). Известны случаи, когда в результате *барымта*, угона скота и людей враждебным племенем, чужаки становились одним из родов покоренного племени (Турдалиева, 2008, с. 90).

Для юношей в традиционных скотоводческих обществах набеги и угон скота были самым привлекательным видом деятельности. В каждом племени благодаря традиции угона скота юноши получали военную подготовку. Они приобретали навыки планирования и проведения небольших военных операций. В жизни молодежных групп появляются лидеры, которые в результате удачной военной деятельности могут закрепить свои успехи и выйти за рамки традиционной военной организации, сконцентрировав в своих руках значительную силу и опираясь при этом на молодежь, которая переходит эту границу – между возрастной группой и профессиональной дружиной (Вдовченков, 2019, с. 20). Благодаря этому племенные лидеры располагали опытными кавалеристами, которых нерегулярно могли призвать для проведения военных операций. Кое-когда эти племенные группы могли объединяться в большие конфедерации, чтобы брать над государством верх и возводить на трон своих лидеров, основывая новые династии в оседлых государствах (Айонс, 2002, с. 74–75). Полагается, что так произошло с мужскими союзами и у киданей (Цыбикдоржиев, 2004, с. 340).

Барымта представляла собой как моральную, так и обычно-правовую норму. Основная цель угона скота заключалась в объективном стремлении достичь справедливости путем восстановления своего нарушенного права (Усеинова, Усеинова, 2018, с. 27) с целью похищения скота, но без использования оружия. Это играло особую роль в перераспределении ресурсов (Вдовченков, 2019, с. 12),

или в так называемой «набеговой экономике» (Турдалиева, 2008, с. 129). Набеги с угодом скота часто представляются как восстановление социальной гармонии. Даже считалось, что своими действиями *барымта* приводит состояние социума в соответствие с мировой гармонией. Так, мировая гармония в представлениях тувинцев связана с такими понятиями, как умеренность, равномерность и дарообмен. Для мировоззрения тувинцев и иных тюрок Южной Сибири характерны представления об общности доли, дарованной свыше (Мышлявцев, 2002). Похищение скота у большинства тувинцев, особенно бедных слоев населения, не ассоциировалось с кражей, а воспринималось как перераспределение несправедливо накопленной собственности. Имущество чрезмерно богатых сородичей считалось несправедливым, нажитым вопреки традиционным нормам и обычаям. Оно не должно было принадлежать одному человеку (Кисель, 2018, с. 159). Л.Н. Ермоленко полагает, что *баранта* была видом деятельности мужских союзов (Ермоленко, 1998, с. 62). В разных традициях членов мужских/молодежных союзов называли волками-собаками.

В Авесте упоминаются мужские сообщества молодых воинов (*mairya* в авестийском языке, *merak* в пехлеви), отмечено, что двуногие волки хуже четвероногих (Вдовченков, 2013, с. 196). Исследование А.И. Иванчика о «воинах-псах» – скифской молодежи во главе с «царственными юношами», вторгавшейся в Переднюю Азию в VII в. до н. э., – является самым ранним упоминанием мужских союзов у кочевых обществ. С.П. Толстов обосновал существование «мужских домов в домусульманской Средней Азии» как «одного из широко распространенных и общественно значимых бытовых явлений»; часто «коллективные трапезы» типологически увя-

зывают со спартанскими сесситиями (Грибовский, 2018, с. 114, 119). Отмечается также, что они типологически сходны со спартанскими *криптиями*, но в большей степени сближаются с традициями воровства или вымогательства пищи и являются широко распространенными как один из основных источников пропитания юношей и подростков, объединенных в мужской союз (Цыбикдоржиев, 2004, с. 338), или могли быть частью системы возрастных классов (Вдовченков, 2013, с. 183). В частности, В.В. Грибовский пишет: они «как маленький мир, существующий для самих себя и стремящийся к гармоническому равновесию, но не содержащий в себе ничего, что могло бы подчинить его высокой цели» (Грибовский, 2018, с. 106).

Набег и нашествие предполагает вторжение на вражескую территорию. И поэтому в тюркском языке, согласно огузскому эпосу «Китаби-Деде Горгуд», слово «набег» обозначено словом «*aqin*», а «нашествие» – «*urus*». Согласно «Диван Лугат ат-Турк» Махмуда ал-Кашгари, слово «*akin*» означает ночную атаку, а «*urus*» – драку, битву (Агаев, 2022, с. 26). Развитие войн как «коллективной формы грабежа» было вызвано развитием скотоводства, потому что домашние животные, представляя материальную ценность, были легко отчуждаемой формой собственности. Так, среди индоиранских (арийских) скотоводческих народов под понятием «война» подразумевалась «борьба за захват коров» (Кушкумбаев, 2009, с. 48). Набеги совершались не только с целью получения добычи, а также для того, чтобы доказать свою храбрость, кроме того, были знаком социального престижа (Першиц, Семенов, Шнирельман, 1994, с. 163, 195). В пользу данной версии говорит то, что в тюркском обществе угон скота у враждебных родов и племен считал-

ся героизмом. Вожди похвалялись такими действиями, как героическими делами, отличившиеся на баранте удалством и храбростью приобретали звание «*батырей*» (Усеинова, Усеинова, 2018, с. 29, 31), у казахов – *батыр*, туркменский – *сердар*, афганский – *сархан*, арабский – *акыд* (Першиц, Семенов, Шнирельман, 1994, с. 193). Так, у германцев времен Тацита, вожди которых добывали себе средства грабежом и войной, считали и то, и другое занятие одинаково почетным и различали эти два способа воинской доблести. У гользатов, по «*Chronica Slavorum*» Гельмольда, «кто не умеет грабить – слаб и бесславен (Фукс, 1981, с. 127), не пользуется уважением, и к нему относятся свысока» (Першиц, Семенов, Шнирельман, 1994, с. 162). А. Гейнс, объясняет это историческими традициями, тем, что отгон скота часто практиковался уважаемыми людьми – *батырами* (Фукс, 1981, с. 130). Согласно казахской пословице, скот принадлежит любому бурану и сильному врагу (Толыбеков, 1959, с. 218), то есть богатому (Стрелкова, 1983, с. 14).

Известно, что все кочевые народы Центральной Азии даже при создании ими великих континентальных империй, сохраняли родовую структуру власти, где подчиненные племена тоже сохраняли свои родовые отношения, в которые не вмешивались представители господствующего рода и племени. Все сводилось к небольшой дани и обязанности участия в военных походах господствующего народа или племени. В частности, подобные отношения продолжались у казахских ханов вплоть до включения их в состав Российской империи.

Наиболее подробные описания великих империй кочевников сохранили истории Чингисхана и Амира Темура. Чингисхан, прошедший в течение пяти лет школу службы в пограничных войсках государства чжурчжэней

в Китае, после долгой истребительной войны со своими соплеменниками татарами, отказался от родовой структуры строения своего войска. Это сопровождалось и страшным поражением самого Темуджина, когда он остался с 14 сторонниками. Со своими сторонниками он уже практически на склоне лет начинает строить свою армию не по родовой модели, а по десятичной структуре. Все покоряемые им далее племена и народы инкорпорировались им на этой системе. Она состояла из 10, 100, туманов и т. д. Армия держалась на строжайшей дисциплине, где единственным наказанием за нарушения была смертная казнь (Кычанов, 1993).

Чингисхан при своем походе на запад, оскорбленный высокомерием Мухаммада, ведет войну на истребление населения непокорного правителя. Ф. Старр отмечает это, указывая на карательный характер похода уже немолодого Чингисхана (Старр, 2019, с. 418). В памятнике старокалмыцкой (ойратской) письменности говорится: «Народ (монголы) славится воровством. Человека, ходившего на грабежи и убившего людей, называют «*батуром*», «хорошим мужчиной», и утверждая его главенствовать в своих хошунах, дают ему имя «нойон» (Бембеев, 2004, с. 45). Древнемонгольский *хаан* и становился таковым в большей степени на время войны, т. е. в результате наездов, набегов, разбоя (Владимирцов, 1934, с. 80). Б.Я. Владимирцов сравнивал монгольского хана XII в. с предводителем разбойничьей шайки, поведение которого определялось необходимостью содержать дружину. Ради этого на соседей предпринимались набеги за добычей (Хазанов, 2002, с. 269).

Еще в молодости Темуджин храбро кинулся отбивать свой маленький табун от превосходящих по численности грабителей (Крадин, Скрынникова, 2006, с. 331). Повзрослев,

Темуджин стал известен как лидер, обладающий железной волей, справедливостью и умением обходиться с людьми. К нему первоначально «присоединились не племена, а богатыри» (Насыров, 2022, с. 127). Таким был путь к власти Темуджина, длившийся 15 лет. Он был лидером группы товарищей-нукеров, происходящих из разных кланов, «пренебрегших обязательствами родства и всецело посвятивших себя военному лидеру по своему выбору». Достигнув ханского достоинства как лидер мужского союза, он запретил баранту, эту основу мужесюзного группирования, что стало причиной «скуки» и бунта его побратима Джамухи, утратившего возможность проделать тот же путь, опираясь на мужской союз (Грибовский, 2018, с. 89).

Русские сибирские летописи факт захвата престола кереитского Тогорила (Тоорил) Чингисханом интерпретируют как восстание «от простых людей именем Чинги и шед на него яко разбойник». Плано Карпини и Гильом де Рубрук в истории возвышения Чингисхана сообщают: «Тэмуджин начал быть сильным ловцом перед Господом, поэтому он научил людей воровать и грабить добычу»; «Он воровал, что мог из животных Унк-хана». В данном случае «разбойник» в сибирских летописях и «воровство» у последних авторов отражают неправильно понятые ими сведения о ритуализированных набегах за скотом – *баранте* (Цыбикдоржиев, 2004, с. 338) – на фоне безвластия.

Следует отметить, что Туран, или Туркестан, и Хорасан, как и Ближний Восток, имели отличающийся от Казахстана, Восточного Туркестана, Забайкалья и Монголии экологический и культурный ландшафт. Здесь не было бескрайних степей, тянувшихся вдоль средних широт на тысячи километров. Здесь земледельцы мелких оазисов и скотоводы обширных сте-

пей и полупустынь или горных хребтов изначально были обречены жить вместе в одной стране и совместно развивать свою культуру и государственные институты. В землях Турана и Ирана экономический потенциал городов, оседлых земледельцев и кочевых скотоводов был пропорционален и равнозначен. Здесь не было тотального господства кочевнической культуры, как на просторах Монголии и Казахстана. Не было и господства обширной и монолитной земледельческой культуры, как в Древнем Китае или Египте. Китай на севере граничил с самой большой в Евразии степной зоной Монголии и Восточного Туркестана, и дихотомное противостояние и соперничество оседлой и кочевой цивилизаций было жестоким и длилось с конца III тыс. до н. э. до Средневековья. Соперничество было безжалостным, войны велись с большими людскими потерями и часто сопровождалась случаями геноцида. Великая китайская стена не спасала. Но при усилении имперской власти в Китае ими организовывались жестокие карательные экспедиции против кочевников, которые бежали далеко на запад (Сулейманов, 2024, с. 153).

Л.Н. Гумилев приводит характерный пример эпохи троецарствия в Китае, когда соперничество гуннов приводит к взаимному истреблению населения в стране, количество которого упало с 50 млн до 7,5 млн на протяжении сорока лет войн 180–220 годов (Гумилев, 1974, с. 23). И такое происходило не один раз. Часто это было связано с захватом Китая кочевниками, после чего их мелкие владения начинают борьбу за выживание или с целью объединения Китая.

Завоевать можно было любую страну, но удержать можно было только освоенную и благоустроенную страну, где были налажены стабильное производство и социальная жизнь народа. Сама степь легко меняла хо-

зьев и задержаться тут надолго не мог никто. Древние кочевники неоднократно проносились как ураган по средним широтам Евразии, оставляя только могильники предков. В случае экологических кризисов, когда кочевое скотоводство не оправдывало себя, они мигрировали и оседали на границах уже освоенных земель Китая, Индии, Турана, Ирана и Европы. В новой среде они постепенно создают свои оседлые общины и внедряются в этнические среды давно сложившихся оседлых цивилизаций. Длинные во времени и пространстве миграции эпохи ранних государств по мере демографического роста и усиления охраны государственных границ сменяются войнами с оккупацией уже заселенных и освоенных территорий (Сулейманов, 2024, с. 154).

В 40-х гг. XIV в. Чагатайский улус распался на Моголистан с преобладанием кочевого элемента в степях и Мавераннахр с преобладанием оседлого хозяйства. В конце 50-х гг. ханская власть была сведена к нулю, и Чагатайское государство распалось на полтора десятка феодальных владений (кочевых или оседлых), непрерывно воевавших друг с другом за увеличение своих владений. Понятно, что кроме политической раздробленности это неизбежно вело к значительному разрушению хозяйства, упадку торговли и т. д. Этим смутным периодом умело воспользовался Тимур для захвата власти, как пишет А. Арсланова в Чагатайском улусе (Арсланова, 2009, с. 534). В *Адждй'иб ал-макдур фй ахбйр Тимур* Ибн Арабшаха отмечается что, отец Амира Темура, Тарагай, был среди «вельмож» при дворе правителя, одним из четырех «визирей», которые были главными советниками правителя (Шамильоглу, 2019, с. 81); он также поддерживал дружеские отношения с рядом вельмож как западной, так и восточной частей Чагатайского улуса (Султанов, 2004, с. 33).

Так, Тарагай был человеком, имеющим много скота и другого имущества (Шоназаров, 2024, с. 21). В качестве подтверждения можно привести описание хозяйства отца Тимура: «Когда мне исполнилось 20 лет, в этом году отец имел хорошее хозяйство. Скот давал много приплода. Я назначил над каждым 15 рабами начальника, из каждых 20 кобылиц я составил косяк, на каждые десять косяков я назначил одного раба, на каждые 10 верблюдов, на каждые 1000 баранов для присмотра я назначил одного раба» (Тортика, 1998, с. 168). В «Автобиографии Тимура – Кисса-и Темури» устройство хозяйства освещается следующим образом: «Мне исполнилось семнадцать лет. Я собрал весь его скот и все его добро, поставил отдельно каждую сотню баранов и отделил самцов от самок для приплода. На каждый десяток рабов, принадлежавших отцу, одного я поставил старшим. Мне исполнился двадцать один год. В этом году, который был кратным семи (считался счастливым, урожайным), у отца моего, Амира Тарагая, и у подвластных ему людей все посева дали богатый урожай; родилось также очень много скота» (Автобиография Тимура, 2019, с. 45, 53).

Амир Тимур сначала возглавил два десятка, позднее три сотни молодых воинов; его отряд сочетал самооборону с набегами и мелкими грабежами в духе монгольских кочевых традиций (хотя сами они давно отуречились и вели оседлую жизнь) (Зотов, 2001, с. 127). Это создавало образ степных «робин гудов» – защитников бедноты (Кисель, 2018, с. 159), причем в том случае, когда общество находится в условиях иностранной оккупации, преступниками называют партизан, борцов за национальную независимость, всевозможных «народных мстителей» и т. д. (Цыбикдоржиев, 2004, с. 341). Это говорит о том, что в обществе чагатаев XIV веке сильной

централизации власти не было. Общество находилось в состоянии, которое описывается у Лукиана как скифское (Вдовченков, 2019, с. 12). Поэтому, как уже отмечено, в скотоводческих обществах, не имеющих сильной центральной власти для поддержания закона и порядка, кража и угон скота являлись обычным делом (Айонс, 2002, с. 73–74). Ю.Ш. Агаев отмечает, что в классический набег с целью овладеть добычей и скотом кочевники ходили как в несколько тысяч воинов, так и целой армией в несколько десятков, а порой и сотен тысяч воинов (Агаев, 2022, с. 26).

Некоторые выводы общего характера по теме

Как отмечено, история Чингисхана и Амира Тимура, двух величайших полководцев в истории человечества, очень хорошо описана в источниках своего времени. По ним прослеживается процесс сложения кочевых империй вплоть до мелочей. История третьего великого завоевателя Александра Македонского тоже была достаточно задокументирована греческими и римскими источниками. Его ветераны, воевавшие при отце Александра, Филиппа II, со скифами за господство на правобережье Дуная, тоже имели большой опыт войны с ранними кочевниками. Армия Чингисхана и чагатаи Амира Темура в своих походах были мотивированы жаждой добычи силой оружия. При этом воины и их предводители рисковали жизнью. Это традиция идет от воинов раннего железного века. На Западе Евразии их покровителем был Митра – бог солнца. Основные противоречия между кочевыми и оседлыми государствами заключались в глубоких отличиях мировоззренческих систем и базовых ценностей двух различных способов производства – земледелия и скотоводства. Чингисхан имел опыт тысячелетних истребительных войн кочевников самих обширных степей

на Востоке Евразии – Кара Отеген – великое пастбище, и самого обширного в мире земледельческого оазиса в междуречье двух великих рек Востока и Евразии – Хуанхе и Янцзы. Война между кочевниками и земледельцами длилась тысячелетиями и часто сопровождалась геноцидом. Чингисхан уже на склоне лет, движимый жадой и мести Хорезмшаху Мухаммеду за его тупость и высокомерное отношение к его матери Туркан Хотун, сметал все на своем пути. Это была жестокая кара за оскорбления со стороны врага. Так, во время его войн в крупнейших городских центрах государства Хорезмшахов было полностью истреблено население Ургенча и Мерва. В каждом из них, согласно источникам, погибло более чем миллион населения. Это гигантские по тем временам цифры.

Амир Темур знал нечто большее. Он как наследник цивилизации Шахнаме и Авесты, а также достижений мусульманского ренессанса и военной машины народа-войска – монголов – вел завоевания в целях созидания. Он считал своим призванием восстановление славы древнейшей цивилизации Ирана и Турана, известной ему по Шахнаме, при этом учитывались достижения этики и права ислама. Право ислама базировалось на самой развитой в древности римской правовой системе. Арабские купцы, к которой принадлежал и сам пророк Мухаммед, хорошо знали это право, веками торгуя с христианской Византией. Чагатаи же служили Темуру орудием в строительстве нового общества в Центральной Азии, в постчингиской истории.

Но при прощании с Амиром Темуром его предводители армий плакали и называли его своим «кормильцем». Перед ними стоял вопрос: «Кто теперь будет вести их к победоносным войнам?»

Амир Темур сумел виртуозно сочетать ценности наследия Шахнаме, ислама и жестокие законы государства Чингисхана. Так он смог построить свой тип нового государства. Это была эпоха развитого Ренессанса в Евразии. Этот тип государства в Средней Азии, Индии, медленно деградируя, просуществовал до эпохи европейского колониализма.

Воины-кочевники не могли остановиться, потому что их жизнь зависела от доходов военной экономики. При прекращении экспансии обычно барымта, как кислота, разъедала стенки своего сосуда, то есть государств, в которых жили общества наследственных профессиональных воинов, которые отроду не знали иной деятельности, кроме воинской. Амир Темур, как и Чингисхан, вел к победам воинов до своей трагической кончины при небывалых холодах, наступивших в феврале в степях в начале его похода на Китай. Со смертью полководца все рассыпалось. Наследники кочевников-воинов начали оседать и заниматься земледелием, ремеслами и торговлей.

Следует отметить и существенное сходство в судьбах и деятельности Чингисхана и Амира Темура. Чингисхан очень долго воевал с тюрками Кара Утегена, который после победы над всеми другими претендентами он переименовал в Монголию. Свое государство он называл «Экке монгол улуси», лишь после этого на картах появились страна Монголия. Его долго преследовали неудачи: после катастрофического разгрома объединёнными силами Джамухи, бывшего своего побратима, и Тоорилхана, называвшего Темуджина своим сыном, он прячется в болотах Бальджуина (Балчик – «грязь»). Там он со своими сторонниками пил мутную грязную воду. С ним осталось, как отмечено выше, чуть более десятка сторонни-

ков. Трое из них – сам Чингис и его два брата по отцу – восходили к племени кият, были три *кереита*, два *кидана*, мусульманин Джаббар Ходжа, один *меркит*, а также керес, менгут, челутай, сулдус. Во втором параллельном списке оставшихся с Чингисом людей упомянут и купец Хасан из мусульман (Кычанов, 1993, с. 253).

То есть это была сплоченная группа единомышленников и соратников. Родовые связи давно забыты. Чингис строит свою армию по опыту войск Китая – из рекрутов, сформированных из десятков, сотен и туманов. Армия держится на очень строгой дисциплине. Чингис, накопив силы, коварно, поодиночке расправляется со всеми бывшими собратьями и названными отцами, чуть не погубившими его. Подобную историю пережил и Амир Темур, победивший родного дядю по отцу, Ходжи Барласа, и Эмира Хусейна, брата своей жены. Основатели великих кочевых империи начинали свою борьбу с нуля. Они создавали

свои властные структуры с небольшой кучкой преданных и сплоченных соратников, сознательно борющихся за политику лидера, избранного ими в войне всех против всех. При благоприятных обстоятельствах они шли с ним до конца.

Естественно, что враги основателей династии упрекают их в безродности и грабежах лишь потому, что они получили власть в наследство от предков, не пачкая рук. При Темуре таковыми были члены династии Юань Китая, Золотой Орды, Хулагуидская Персия, а также Османлы Турции. Темуджин, обретя эпитет Чингисхан, в условиях языческой среды среди тюрков апеллирует к Тангри – традиционному богу Неба. Амир Темур как правомерный мусульманин в стране с древней культурой не может себе позволить подобного. Он прошел по жизни обычным беком или амиром, довольствуясь уважаемым среди монголов титулом Курагана – зятя Чингисидового рода.

Примечание

¹ Айак-Агитма (Аякагытма; *узб.* Оуоқоғ'итма боғи'и) – Агытминская котловина, впадина в южной части пустыни Кызылкум к юго-востоку от кряжа Кульджуктау в Узбекистане. Название можно перевести как «не наступай», так как большая часть котловины непроходима из-за липкой грязи и многокилометровых луж.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автобиография Тимура. Богатырские сказания о Чингис-хане и Аксак-Темуре / Пер. В.А. Панов. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 195 с.
2. Агаев Ю.Ш. Стратегия кочевого мира Евразийской степи (с античных времен до позднего средневековья и раннего нового времени) // European Journal of Humanities and Social Sciences. 2022. № 5. С. 17–30. DOI:10.29013/EJHSS-22-5-17-30
3. Айонс У. Культурный капитал, набеги за скотом и военное превосходство традиционных скотоводов // Кочевая альтернатива социальной эволюции / Серия Цивилизационное измерение. Т. 6 / Отв. ред. Н.Н. Крадин, Д.М. Бондаренко. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2002. С. 72–78.
4. Арсланова А. Взаимоотношения Джучидов с Чингизидами в Средней Азии // История татар с древнейших времен в семи томах. Том III: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / Науч. ред. М.А. Усманов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 534–547.
5. Бембеев Е.В. Лингвистическое описание памятника старокалмыцкой (ойратской) письменности: «Сказание о хождении в Тибетскую страну Малодербетовского Баазабагши». Дисс.... канд. филол. наук. М. 2004. 142 с.
6. Бондаренко Д.М., Коротаев А.В., Крадин Н.Н. Введение: Социальная эволюция, альтернативы и нomaдизм // Кочевая альтернатива социальной эволюции / Серия Цивилизационное измерение. Т. 6 / Отв. ред. Н.Н. Крадин, Д.М. Бондаренко. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, 2002. С. 6–25.

7. Бруне Ф., Хужаназаров М., Хашимов Х. Новые данные к хронологии кельтеми-нарской культуры в Узбекистане (7–4 тыс. до н. э.) // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 38. Самарканд. 2012. С. 118–125.

8. Вдовченков Е.В. Проблема существования мужских союзов у сарматов // Ранние формы постгетарных систем / Отв. ред. В.А. Попов. СПб.: МАЭ РАН. 2013. С. 182–201.

9. Вдовченков Е.В. Эгалитарные и иерархические общества ранних кочевников степной зоны Евразии и конгруэнтные типы военной организации // Новое прошлое / The new past. 2019. № 4. С. 8–26. DOI 10.23683/2500-3224-2019-4-8-26

10. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 224 с.

11. Грибовский В.В. Социальная типология казахских сообществ // Казачество в тюркском и славянском мирах / Отв. ред. В.В. Грибовский, В.В. Трепапов. Казань: Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ, 2018. С. 94–172 с.

12. Гумилев Л.Н. Хунны в Китае: Три века войны Китая со степными народами III–VI вв.. М.: Наука, 1974. 260 с.

13. Ермоленко Л.Н. Представления древних тюрков о войне // Altaica 2 / Отв. ред. В.М. Алпатов. М.: Институт востоковедения РАН, 1998. С. 46–66.

14. Зотов О. Евразийская геополитика Тимура: ретроспективный взгляд // Вестник Евразии. 2001. № 1. С. 123–154.

15. Ишмухамбетов Р.В. Положение «принятых» служилых групп во Внутренней Букеевской орде (XIX–XX вв.). Дисс.... канд. ист. наук. Астрахань, 2019. 195 с.

16. Кисель В.А. Образ кайгала в тувинской культуре // Кунсткамера / Kunstkamera. №2. 2018. С. 153–161. DOI 10.31250/2618-8619-2018-2-153-161

17. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература, 2006. 557 с.

18. Кушкумбаев А. К. Институт облавных охот и военное дело кочевников Центральной Азии. Сравнительно-историческое исследование. Кокшетау: Келешек-2030, 2009. 170 с.

19. Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. Чингисхан: личность и эпоха. Бишкек: (Кыргызстан), 1991. 286 с.

20. Мышляцев Б.А. Современная Тува: нормативная культура (конец XX – начало XXI вв.). Дисс.... канд. ист. наук. Новосибирск. 2002. <https://cheloveknauka.com/sovremennaya-tuva-normativnaya-kultura-konets-hh-nachalo-hhi-vv>

21. Нанзатов Б.З., Тишин В.В. Байырку и баргу: конец одного мифа // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 1. С. 168–189. DOI 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.009

22. Насыров Р.В. Идеал носителя государственной власти в тюркском политическом сознании // Очерки истории политических и правовых институтов тюркских народов / Ред. А.А. Васильев. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. С. 116–129.

23. Першиц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А. Война и мир в ранней истории человечества. В двух томах Т. II. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. 246 с.

24. Поляков А.В. Лошадь в культурах эпохи палеометалла Минусинских котловин // Поволжская археология. 2024. № 4(50). С. 73–80.

25. Потанов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.-Л.: АН СССР, 1953. 444 с.

26. Сафаров РТ. Военная лексика татарского языка. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2015. 196 с.

27. Старр С.Ф. Утраченное просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. М.: Альпина Паблицер, Интеллектуальная литература, 2019. 574 с.

28. Стрелкова И.И. Валиханов. М.: Молодая гвардия, 1983. 284 с.

29. Сулейманов Р.Х. Как начинался «Век Темура»: (на основе источника «Кисса-и Темури»). Ташкент: Complex Print, 2024. 192 с.

30. Султанов Т.И. Тимур и его империя. Алматы: Мектеп, 2004. 149 с.

31. Тольбеков С.Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII–XIX веках. Алма-Ата: Казахское государственное издательство, 1959. 452 с.

32. Тортика А.А. Средние размеры стада как основной экологический, экономический и социальный показатель традиционного кочевого общества // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць молодих вчених. Харків. 1998. 168–174 с.

33. Турдалиева Ч.Дж. Западные путешественники и исследователи о кыргызах и Кыргызстане (вторая половина XIX – начало XX вв.). Бишкек, 2008. 280 с.

34. *Турсунова Г.Н.* Основные этапы деятельности Амир Темура (1360–1405 гг.). Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Худжанд, 2006. 22 с.
35. *Усеинова Г.Р., Усеинова К.Р.* Барымта: понятие, сущность, условия правомерности // *Юридический вестник ДГУ.* 2018. Т. 25. № 1. С. 27–34. DOI: 10.21779/2224-0241-2018-25-1-27-34
36. *Фукс С.Л.* Обычное прово казахов в XVIII первой половине XIX века. Алма-Ата: Наука, 1981. 224 с.
37. *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. Алматы. Дайк-Пресс, 2002. 604 с.
38. *Худяков Ю.С.* Формирование военного искусства кочевников в условиях степного ландшафта // *Проблемы реконструкций в .S. Vasil'evskiy, YU.P. Kholyushkin археологии / Отв. ред. Р.С. Васильевский, Ю.П. Холушкин. Новосибирск : Наука,, 1985. С. 105–111.*
39. *Худяков Ю.С.* Общие направления развития военной организации и этносоциальной иерархии у древних кочевников Центральной Азии // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология.* 2010. Т. 9. № 3. С. 103–110.
40. *Цыбикдоржиев Д.В.* Мужской союз, дружина и гвардия у монголов: преемственность и конфликты // *Монгольская империя и кочевой мир / Редкол. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 334–363.*
41. *Шамильоглу Ю.* Племенная политика и социальное устройство в Золотой Орде. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 260 с.
42. *Шнирельман В.А.* У истоков войны и мира // *Война и мир в ранней истории человечества.* М., 1994. Т. 1. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 175 с.
43. *Шоназаров Ш.Б.* Топоним Тарагай/Тўрагай // *История Центральной Азии.* 2024. № 3-4. С. 13–29.
44. *Щеброва С.Я.* Культура войны древних кочевников Алтая в скифское время: историко-типологический и семиотический анализ. Автореф. дисс.... канд. культурологии. СПб, 2010. 27 с.

Информация об авторах:

Сулейманов Рустам Хамидович, доктор исторических наук, профессор, Национальный университет Узбекистана (г. Ташкент, Узбекистан); sr39@mail.ru

Шоназаров Шухрат Буриевич, старший преподаватель, Национальный университет Узбекистана (г. Ташкент, Узбекистан); suhratsonazarov742@gmail.com

ON THE ISSUE OF THE FACTOR OF THE NOMADIC ECONOMIC-CULTURAL SYSTEM IN THE HISTORY OF THE STATES OF EURASIA

R.Kh. Suleymanov, Sh.B. Shonazarov

The history of nomadic civilization is more difficult to study than that of sedentary-agricultural civilization. In Central Asia, the issues of the provenance of the nomadic way of life remains unresolved. Cattle breeders of the Eneolithic and Bronze Ages of Eurasia mastered the steppes on felt-covered wagons. They possessed horse-drawn war chariots and migrated. From the XIII-XII centuries BC, the cattle breeders of Mongolia and Eastern Turkestan transitioned to a mounted lifestyle, which made it possible to drive large herds for hundreds and thousands of kilometers. Military associations of horsemen armed with spears and swords emerged. They assimilated the Andronovo culture and developed the nomadic mode of production. The nomads of Central Asia interacted with urbanized states; usually, the mobile nomads were the initiators. The first nomadic empires were founded by the Scythians, who received regular tribute and military participation during campaigns to the lands of other neighbours, which led to wars and raids. Medieval written sources describe the predatory raids and plundering of Genghis Khan and Amir Timur. Driving off cattle from fellow tribesmen was not considered a crime, but was viewed as a specific type of livelihood. Nomads protected their herds and attacked their neighbours, creating a constant stimulus for the development of the military sphere. The creation of a military organization ensured the existence of the community. In traditional pastoral societies, young men received military training, acquiring skills in planning and conducting military operations. The nomadic peoples of Central Asia created continental empires but preserved the clan structure of power. The economic potential of cities and nomadic cattle breeders was equivalent; there was no domination of nomadic or agricultural culture. Genghis Khan and Amir Timur have

similarities in their fates and activities. They both started with a small group of like-minded individuals and created their empires from scratch.

Keywords: archaeological culture of early nomads, provenance of the nomadic system, nomadic civilization, military associations, horsemen, male union, barymta, cattle rustling, raiding economy, power structure, urbanized states, economic potential, Genghis Khan, Amir Timur.

REFERENCES

1. Panov, V. A. (transl.) 2019. *Avtobiografiya Timura. Bogatyrskiy skazaniya o Chingis-khane i Aksak-Temire (Autobiography of Timur. Bogatyr Legends about Genghis Khan and Aksak-Temir)*. Moscow, Berlin: "Direkt-Media" Publ. (in Russian).
2. Agaev, Yu. Sh. 2022. In *European Journal of Humanities and Social Sciences* 5, 17–30 (in Russian).
3. Aions, U. 2002. In Kradin, N. N., Bondarenko, D. M. (eds.). *Kochevaya al'ternativa sotsial'noy evolyutsii (Nomadic Alternative in Social Evolution)*. Series: Civilisational Dimension. Vol. 6. Moscow: Center for Civilisational and Regional Studies of the RAS, 72–78 (in Russian).
4. Arslanova, A. 2009. In Usmanov, M. A. (ed.). *Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. Tom III: Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII –seredina XV (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 3: The Ulus of Jochi (the Golden Horde). 13th – mid. 15th cc.)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 534–547 (in Russian).
5. Bembeev, E. V. 2004. *Lingvisticheskoye opisaniye pamyatnika starokalmytskoy (oyratskoy) pis'mennosti: «Skazaniye o khozhdenii v Tibetskuyu stranu Maloderbetovskogo Baaza-bagshi» (Linguistic Description of a Monument of Old Kalmyk (Oirat) Script: "The Tale of the Journey to Tibet by Baaza-bagshi of the Maloderbetovsky Ulus")*. PhD Diss. (Philology). Moscow (in Russian).
6. Bondarenko, D. M., Korotaev, A. V., Kradin, N. N. 2002. In Kradin, N. N., Bondarenko, D. M. (eds.). *Kochevaya al'ternativa sotsial'noy evolyutsii (Nomadic Alternative in Social Evolution)*. Series: Civilisational Dimension. Vol. 6. Moscow: Center for Civilisational and Regional Studies of the RAS, P. 6–25 (in Russian).
7. Brune, F., Xujanazarov M., Xashimov X. 2012. In Shirinov T. Sh. (ed.). *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 34. Samarkand: Institute of Archaeology of the Uzbekistan Academy of Sciences, 62–68 (in Russian).
8. Vdovchenkov, E. V. 2013. In Popov, V. A. (ed.). *Ranniye formy potestarnykh sistem (Early Forms of Potestary Systems)*. Saint Petersburg: MAE RAS Publ., 182–201 (in Russian).
9. Vdovchenkov, E. V. 2019. In *Novoye proshloye (The new past)* 4, 8–26 (in Russian).
10. Vladimirtsov, B. Ya. 1934. *Obshchestvennyy stroy mongolov. Mongol'skiy kochevoy feodalizm (The Social System of the Mongols. Mongolian Nomadic Feudalism)*. Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).
11. Gribovsky, V. V. 2018. In Gribovsky, V. V., Trepavlov, V. V. (eds.). *Kazachestvo v tyurkskom i slavyanskom mirakh (Cossacks in the Turkic and Slavic Worlds)*. Kazan: Institute of Archaeology of the Tatarstan Academy of Sciences, 94–172 (in Russian).
12. Gumilev, L. N. 1974. *Khunny v Kitaye. Tri veka voyny Kitaya so stepnymi narodami III–VI vv. (The Huns in China: Three Centuries of War between China and the Steppe Peoples (3rd–6th cc.)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
13. Ermolenko, L. N. 1998. In Alpatov, V. M. (ed.). *Altaica. 2*. Moscow: Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 46–66 (in Russian).
14. Zotov, O. 2001. In *Vestnik Yevrazii (Acta Eurasica)* 1, 123–154 (in Russian).
15. Ishmukhamedov, R. V. 2019. *Polozheniye «prinyatykh» sluzhilykh grupp vo Vnutrenney Bukeyevskoy orde (XIX–XX vv.). (The Status of "Accepted" Service Groups in the Inner Bukey Horde (19th–20th Centuries)*. Diss. PhD. Astrakhan (in Russian).
16. Kisel, V. A. 2018. In *Kunstkamera* 2, 153–161 (in Russian).
17. Kradin, N. N., Skrynnikova, T. D. 2006. *Imperiya Chingis-khana (The Empire of Genghis Khan)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
18. Kushkumbaev, A. K. 2009. *Institut oblavnykh okhot i voyennoye delo kochevnikov Tsentral'noy Azii. Sravnitel'no-istoricheskoye issledovaniye (The Institution of Battue Hunts and Military Affairs of Central Asian Nomads. A Comparative Historical Study)*. Kokshetau: "Keleshek-2030" Publ. (in Russian).
19. Kychanov, E. I. 1993. *Zhizn' Temuchzhina, dumavshego pokorit' mir. Chingiskhan: lichnost' i epokha (The Life of Temuchin Who Thought to Conquer the World. Genghis Khan: Personality and Epoch)*. Bishkek: "Kyrgyzstan" Publ. (in Russian).
20. Myshliavtsev, B. A. 2002. *Sovremennaya Tuva: normativnaya kul'tura (konets XX – nachalo XXI vv.) (Modern Tuva: Normative Culture (late 20th – early 21st centuries))*. Diss. PhD. Novosibirsk (in Russian).
21. Nanzatov, B. Z., Tishin, V. V. 2020. In *Voprosy onomastiki (Problems of Onomastics)* 17 (1), 168–189 (in Russian).

22. Nasyrov, R. V. 2022. In Vasiliev, A. A. (ed.). *Ocherki istorii politicheskikh i pravovykh institutov tyurkskikh narodov* (Essays on the History of Political and Legal Institutions of the Turkic). Barnaul: Altai State University, 116–129 (in Russian).
23. Pershits, A. I., Semenov, Yu. I., Shnirelman, V. A. 1994. *Voyna i mir v ranney istorii chelovechestva. V dvukh tomakh* (War and Peace in Early Human History. In two vols) II. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (in Russian).
24. Polyakov, A. V. 2024. In *Povolzhskaya arkhologiya* (Volga River Region Archaeology) 50(4), 73–80 (in Russian).
25. Potapov, L. P. 1953. *Ocherki po istorii altaytsev* (Essays on the History of the Altaians). Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).
26. Safarov, R. T. 2015. *Voyennaya leksika tatarskogo yazyka* (Military Vocabulary of the Tatar Language). Kazan: Institute for Language, Literature and History Institute named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan (in Russian).
27. Starr, S. F. 2019. *Utrachennoye prosveshcheniye: Zolotoy vek Tsentral'noy Azii ot arabskogo zavoyevaniya do vremen Tamerlana* (Lost Enlightenment: Central Asia's Golden Age from the Arab Conquest to Tamerlane). Moscow: "Alpina Publisher, Intellectual Literature" Publ. (in Russian).
28. Strelkova, I. I. 1983. *Valikhanov*. Moscow: "Molodaya gvardiya" Publ. (in Russian).
29. Suleymanov, R. Kh. 2024. *Kak nachinal'sya «Vek Temura»: (na osnovе istochnika «Kissa-i Temuri») (How the "Age of Temur" Began: (Based on the Source "Qissa-i Temuri")*. Tashkent: "Complex Print" Publ. (in Russian).
30. Sultanov, T. I. 2004. *Timur i yego imperiya* (Timur and His Empire). Almaty: "Mektep" Publ. (in Russian).
31. Tolybekov, S. E. 1959. *Obshchestvenno-ekonomicheskiy stroy kazakhov v XVII–XIX vekakh* (Socio-Economic System of the Kazakhs in the 17th–19th Centuries). Alma-Ata: "Kazakh State Publishing House" (in Russian).
32. Tortika, A. A. 1998. In *Aktual'ni problemi vitchiznyanoĭ ta vsesvit'noĭ istorii: Zbirnik naukovikh prats' molodikh vchenikh* (Current Issues of National and World History: Collection of Scientific Papers of Young Scholars). Kharkiv. 168–174 (in Russian).
33. Turdalieva, Ch. D. 2008. *Zapadnyye puteshestvenniki i issledovateli o kyrgyzakh i Kyrgyzstane* (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) (Western Travellers and Researchers about the Kyrgyz and Kyrgyzstan (Second Half of the 19th – Early 20th Century). Bishkek (in Russian).
34. Tursunova, G. N. 2006. *Osnovnyye etapy deyatel'nosti Amir Temura (1360–1405 gg.)*. (Main Stages of Amir Temur's Activity (1360–1405). PhD Tesis. Khudzhand (in Russian).
35. Useinova, G. R., Useinova, K. R. 2018. In *Yuridicheskiy vestnik DGU* (Law Herald of Dagestan State university) 25(1), 27–34 (in Russian).
36. Fuks, S. L. 1981. *Obychnoye provo kazakhov v XVIII pervoy polovine XIX veka* (Customary Law of the Kazakhs in the 18th – First Half of the 19th Century). Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
37. Khazanov, A. M. 2002. *Kochevniki i vneshniy mir: (Nomads and the Outside World)*. Almaty: "Daik-Press" Publ. (in Russian).
38. Khudiakov, Yu. S. 1985. In Vasil'yevskiy, R. S., Kholuyshkin, Yu. P. (eds.). *Problemy rekonstruktsiy v arkhologii* (Issues of Reconstructions in Archaeology). Novosibirsk: "Nauka" Publ., 105–111 (in Russian).
39. Khudiakov, Yu. S. 2010. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriya, filologiya* (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology) 9 (3), 103–110 (in Russian).
40. In Bazarov, B. V., Kradin, N. N., Skrynnikova, T. D. (eds.). *Mongol'skaya imperiya i kochevoy mir* (The Mongol Empire and the nomadic world). Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 334–363 (in Russian).
41. Shamiloglu, Yu. 2019. *Plemennaya politika i sotsial'noye ustroystvo v Zolotoy Orde* (Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde). Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).
42. Shnirelman, V. A. 1994. *Voyna i mir v ranney istorii chelovechestva* (War and Peace in Early Human History) I. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (in Russian).
43. Shonazarov, Sh. B. 2024. In *Istoriya Tsentral'noy Azii* (History of Central Asia) 3–4, 13–29 (in Russian).
44. Shchebrova, S. Ya. 2010. *Kul'tura voyny drevnikh kochevnikov Altaya v skifskoye vremya: istoriko-tipologicheskii i semioticheskii analiz* (Culture of War among the Ancient Nomads of Altai in the Scythian Period: Historical-Typological and Semiotic Analysis). PhD Diss. Saint Petersburg (in Russian).

About the Authors:

Suleymanov Rustam Kh. Doctor of Historical Sciences, Professor. National University of Uzbekistan. University street, 4th house, Almazor district, Tashkent, 100174, Uzbekistan; sr39@mail.ru

Shonazarov Shukhrat B. National University of Uzbekistan, University street, 4th house, Almazor district, Tashkent, 100174, Uzbekistan; suhratsonazarov742@gmail.com

Статья принята в номер 01.06.2026 г.

КУЛЬТЫ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ ОГУЗСКИХ ПЛЕМЕН ПРИАРАЛЬЯ: ПО НОВЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ¹

© 2026 г. Ж.К. Султанжанов, Р.Т. Дарменов, А.А. Тажекеев

Целью данной статьи является анализ материалов, связанных с культовыми предметами, найденными в ходе раскопок городища Жанкент. В процессе археологических исследований были собраны обширные данные, отражающие жизнедеятельность, быт и мировоззрение огузских племен в раннем Средневековье. Одним из таких комплексов являются очажные подставки в виде протом баранов, расположенные на плоской прямоугольной в сечении основе и ориентированные в противоположные стороны, обнаруженные в жилых помещениях городища Жанкент. Следует подчеркнуть, что эти подставки необходимо рассматривать не только как элементы, предназначенные для обогрева помещений, но и как культовые объекты. Очаг, как в древности, так и в современности, являлся неотъемлемой частью жилищных конструкций, выполняя две основные функции: приготовление пищи и отопление. Однако, помимо этого, очаг был сакральным элементом, тесно связанным с культом огня. Исследования восприятия огня в различных культурах показывают, что очаг играл роль священного центра в жилище. Примером служат очаги, найденные на памятниках Жанкент, Кескен-куюк-кала, Ширкейли Кос-асар и Сортобе 1, которые исследователи отождествляют с огузскими городами VIII–X вв. н. э.

Ключевые слова: археология, Восточное Приаралье, раннее Средневековье, города огузов, Жанкент, Кескен-Куюк-Кала, Ширкейли Кос-асар, Сортобе 1, ритуальные очаги, культовые изделия.

Введение

Культы и мировоззрение тюрков-огузов давно привлекают внимание исследователей, однако всесторонний анализ этой темы стал особенно актуален лишь в последние десятилетия (Толстов, 1947, с. 55–102; Байпаков, 2007, с. 35–36; Комплексное исследование..., 2014). Новые археологические данные значительно прояснили вопросы происхождения и эволюции религиозно-культовой идеологии огузов, однако многие аспекты остаются дискуссионными и требуют дальнейших исследований (Комплексное исследование..., 2014).

Недавние археологические раскопки памятников Приаралья – городищ Жанкент, Кескен-Куюк-Кала, Сортобе 1, Ширкейли Кос-Асар (рис. 1) – позволили собрать уникальную коллекцию культовых изделий. Эти находки открывают новые перспективы для

изучения религиозных представлений тюркских племен, населявших нижний бассейн Сырдарьи в VII–X вв.

Археологические материалы

Культовые изделия представлены массово в виде керамических фигур баранов, птиц и единичных находок костяных накладок с сюжетом борьбы человека и драконов (или тигра, барса?).

Керамические фигуры баранов можно разделить на категории в зависимости от уровня детализации изображения: реалистичные фигурки – это тщательно проработанные скульптурные изображения баранов; стилизованные фигурки – упрощенные формы, наивысшую степень упрощения которых представляют так называемые «двойные ручки»; реалистично выполненные протомы – фрагменты скульптур, отличающиеся высокой степенью детализации; налепы

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (программно-целевое финансирование № BR24992939 «Сырдарья и Каратау в древности и средневековье: генезис и трансформация культуры»).

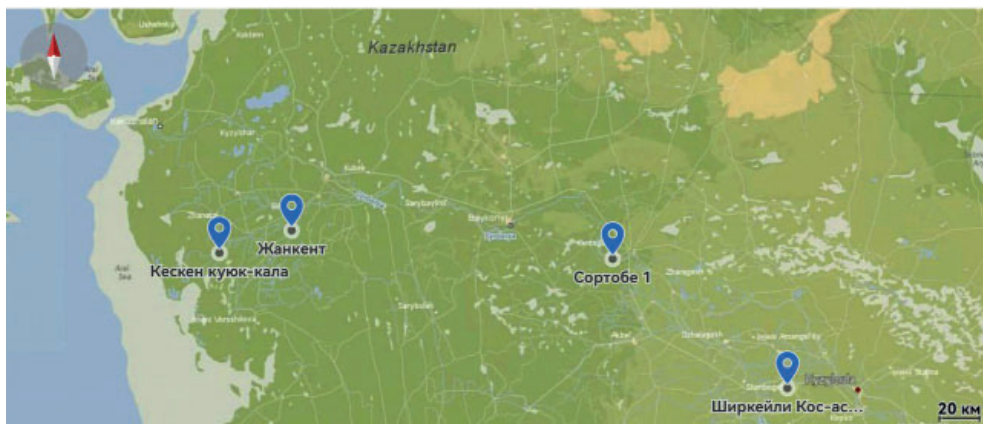

Рис. 1. Карта расположения средневековых памятников Приаралья.

Fig. 1. Map of the location of medieval sites of the Aral Sea region.

в виде рогов – декоративные элементы, имитирующие бараний рог. Реалистичные и стилизованные фигурки (первый и второй типы) часто использовались в качестве ручек для керамических сосудов, в основном кружек.

Самые ранние культовые материалы с зооморфными предметами апогротейного назначения, относящиеся к тюрко-огузским племенам, были обнаружены на городище Ширкейли Кос-Асар. Это крупное поселение неправильной овальной формы представляет собой комплекс из трех крепостей, построенных предположительно в разное время и на определенном этапе объединенных единой фортификационной системой (Дарменов и др., 2018, с. 402–409). Среди находок городища встречаются предметы культового назначения. Основная керамическая коллекция аналогична комплексу «болотных городищ» (Толстов, 1947), к числу которых относится и городище Жанкент. Эти материалы восходят к культурам раннеземледельческих племен, известным в науке как жетыасарская, каунчинская и отарско-каратауская.

Кроме того, выявлено несколько керамических предметов, имеющих культовое значение:

1) «Шашлычница» – керамический вертел в виде головы быка с двумя отогнутыми рогами. Длина 6 см, высота туловища 3 см, высота рога 4 см, ширина 3 см.

2) Фрагмент из обожженной глины – подпрямоугольный удлиненный брусок с выступающим уступом по периметру и сферическим навершием с отверстием. Длина уступа 12 см, ширина – 5 см, диаметр навершия 7 см.

3) Фрагмент из обожженной глины – равнобокая трапеция с выступом по центру. Верхняя часть отсутствует. Размеры: нижнее основание 22 см, верхнее – 14 см, боковые стороны – 11 см.

4) Протома барана – фрагмент из обожженной глины с зооморфным изображением головы барана.

5) Керамическая крышка – плоская, дисковидная, украшенная прорезанным геометрическим орнаментом в виде овала. Ручка выполнена в форме завитков бараньих рогов. Высота ручки 7 см, длина – 8 см (Амиргалина, 2018, с. 364–372).

Аналогичные очаги с подставкой прослеживаются в более ранних памятниках жетыасарской культуры. Согласно описанию Л.М. Левиной, склепы второго типа имели следующую:

Рис. 2. Очаги с керамической подставкой. 1 – Жанкент. Раскоп 1. Помещение № 6 (по: Зиливинская, 2013, с. 107); 2 – Сортобе 1. Раскоп 2. Помещение № 3; 3 – Сортобе 1. Раскоп 2. Помещение № 4.

Fig. 2. Hearths with ceramic stand; 1 – Zhankent. Excavation 1. Room 6 (Зиливинская, 2013, p. 107); 2 – Sortobe 1. Excavation 2. Room 3; 3 – Sortobe 1. Excavation 2. Room 4.

щую планировку: по периметру стен была выстроена суфа, в центре пола располагался прямоугольный очаг с бортиками. Перед очагом стоял брусковидный алтарь с выступающими концами, оформленными в виде пирамидок, а также курильница (Левина, 1996, с. 88).

Очаги с подставками в виде протомы барана широко распространены в огузских памятниках, включая Жанкент, где они обнаружены почти в каждой жилой комнате. Эти конструкции служили не только для обогрева, но и имели культовое значение. Раскопки Жанкента показали, что почти во всех жилых домах обнаружены прямоугольные очаги, расположенные в центральной части основной комнаты. Основные результаты исследований уже опубликованы (Курманкулов и др., 2007; Аржанцева и др., 2010; Комплексное исследование..., 2014; Тажекеев, Султанжанов, 2022), поэто-

му приведем краткий обзор находок. В помещении 6, расположенном в западной части квартала, выявлен хорошо сохранившийся очаг размером 1,7×1,1 м, ориентированный по оси север – юг (рис. 2: 1). У его южной стенки находилась подставка из сырцовых кирпичей, уложенных плашмя с наибольшим уклоном наружу. С северной стороны очага располагалась керамическая подставка в виде протомы баранов (48×13,5×12 см), украшенная отиснутым орнаментом, включающим геометрические и растительные мотивы (зигзаги, треугольники, розетки, спиральные завитки). Перед подставкой был вкопан в пол сосуд с прокаленным венчиком (диаметр 20 см), внутри которого обнаружена зола (Зиливинская и др., 2011; Зиливинская, 2013, с. 100–107).

Анализ очагов жилых построек Жанкента показывает, что эти очаги и их керамические подставки не

использовались по прямому назначению. Зооморфные подставки не подходили для установки посуды, а локализация золы и углей у углубления с небольшим сосудом указывает на их использование как курильниц для ароматических веществ. Очаги с идентичной конструкцией к Жанкентским были найдены при раскопках городища Сортобе 1 в 2017–2020 гг. (Билалов и др., 2017). Так, в помещении 3 (относится к третьему строительному горизонту существования памятника) находился Х-образный очаг (80×60 см) из пахсовых блоков, рядом – прокаленная площадка (100×90 см) с подставкой (45×15 см) в виде барана. Под ней было углубление для горшка (20×20 см) (рис. 2: 2).

Помещение 4, возможно использовавшееся в ритуальных целях, также имело очаг с подставкой в виде стилизованной протомы барана (размер 1×0,8 м) и примыкающую к нему радиальную платформу (рис. 2: 3). Перед подставкой находилось прокаленное сосудообразное углубление.

Сортобинские очаги отличались Х-образной формой, кладкой из сырцового кирпича и параллельно расположенными подставками. Зола и угли скапливались за подставкой, в неглубокой яме (20–40 см глубиной, до 50 см в диаметре), где также стоял горшок. По С. Билалову, форма очага напоминает бараний кожу (каз. тулак) – символ очищения входящего человека (Билалов и др., 2017).

При изучении очажных подставок важно учитывать их сходство с керамическими комплексами городищ Жанкент и Сортобе 1. Орнамент наносился прочерчиванием узоров и выскребыванием в виде треугольников, зигзагов и прямых линий, характерных для горшков, крышек и светильников. Зооморфные и растительные мотивы выполнялись резьбой, а штампом наносились изображения птиц, животных, рыб и сложных геометри-

ческих знаков, вероятно имеющих сакральный смысл.

Особое место в огузской керамике занимал образ барана, встречающийся не только на очажных подставках, но и на ручках крышек, выполненных в рельефно-реалистичном стиле. Для огузов баран был не только важным хозяйственным животным, но и символом силы и власти. В зороастризме, распространенном среди огузов до ислама, он олицетворял власть и стабильность (Байпаков, 1980, с. 32–45). Культовое назначение очагов с огузских городищ пока остается не до конца изученным. Их исследование помогает понять как бытовые, так и религиозные аспекты жизни населения Огузского государства в раннем Средневековье.

Среди культовых объектов огузских памятников особое место занимают зооморфные светильники: 1) *чаша на ножке*, поддерживаемая с трех сторон зооморфными фигурками с антропоморфными личинами, нанесенными по сырой глине; 2) *светильник с чашевидным резервуаром*, установленный на полой округлой ножке, основание которой переходит в квадратную форму (рис. 3: 1). В четырех углах сохранились стилизованные головы козлов (возможно, горных) с массивными рогами, соединяющимися вверху и подпирающими чашу. Изделие выполнено из ожелезненной глины с примесью шамота и органики, торцы украшены насечками (Городагузов..., 2023).

Изображения птиц широко распространены в керамике огузов. Один из таких артефактов – *курильница в виде птицы* на высокой конической ножке (рис. 3: 2). Фигурка выполнена с четкими видовыми признаками: длинная шея, маленькая головка, массивное туловище, заостренный хвост, выпуклые крылья. Поверхность украшена резным орнаментом в виде растительных побегов. Очертания напомина-

Рис. 3. 1 – керамические светильники (по: Города огузов ..., 2023, с. 135);

2 – курильница (по: Великая степь ..., 2019, с. 386);

3 – костяная накладка (рисунок С. Ребушинской).

Fig. 3. 1 – ceramic lamps (Города огузов ..., 2023, с. 135); 2 – incense burner (Великая степь ..., 2019, с. 386); 3 – bone overlay (drawing by S. Rebushinskaya).

ют голубя, почитаемого в культурах многих народов, включая мусульманскую, как символ чистоты и верности (Великая степь..., 2019, с. 386–387).

Среди костяных изделий выделяются накладки с изображениями драконов (рис. 3: 3). Одна из них, длиной 18,3 см, украшена зооморфными и антропоморфными мотивами. Верхний край оформлен в виде двух драконьих голов с раскрытыми пастьми, между которыми стоит человек с раскинутыми руками. Его одежда детализирована: кафтан с пуговицами, пояс с

насечками. Головы драконов проработаны тщательно: сквозные глаза, заостренные уши, резные зубы. Орнамент включает параллельные линии, точечные углубления и крестовидный узор. По краям изделия имеются отверстия для крепления (Тажекеев, 2017).

Обсуждение

Тюрки, включая огузов, исповедовали культ Тенгри – верховного небесного божества. Ибн-Фадлан отмечал, что они возносили молитвы к небу, произнося «Бер Тэнгре». В

«Хронике» Михаила Сирийца говорится, что «qan tangri» означает «небесный бог», где «qan» – «небесная синь», а «tangri» – «бог» (Путешествие..., 1939; Ковалевский, 1956). В раннем Средневековье тенгрианство испытало влияние соседних религий, но тюрки сохраняли почитание предков и тотемизм (Давлетшин, 2002). Со временем языческие культы ослабли, однако зоолатрические верования продолжали отражаться в преданиях. Тенгрианство основывалось на космическом порядке, связывая поступки человека с высшей волей (Дарменов и др., 2024). В огузских легендах упоминаются магические «дождевые» камни, вызывающие дождь, как у Балкика ибн Джабгу, который направлял камень к солнцу, и начинался ливень (Ибн аль-Факих, 1939; Бартольд, 1973; Малов, 1947).

Тюрки верили, что их тотемные животные (волк, лев, верблюд, баран) продолжали охранять своих потомков. Ашина и тю-кюэсы считали себя потомками волка, помещали его изображение на знамена и верили, что их предок-волк обладал способностью к оборотничеству. По одной из гипотез, на Кудыргинском валуне изображен человек с волчьей головой, предположительно шаман (Liu Mau-tsai, 1958). В казахском эпосе отец Алпамыса носил имя Байбори («Волк-первочеловек»).

Другие тюркские племена также имели тотемных предков. В огузо-уйгурских преданиях их самоназвание звучало как «уху-угэ-уйгуры-бык» (Абдулдаев, 2003). В Карлуко-Караханидском государстве западная часть почитала верблюда (Бугра), а восточная – льва (Арслан) (Караев, 1983). Династия правителей Жанкента происходила из рода «барани» (серна, овца, ягнёнок), и этот зоолатрический тотем дал названия племенам кара- и ак-коюнлу (Агаджанов, 1969). В народных легендах говорится о челове-

ке, подарившем одному сыну белого, а другому – чёрного барана.

Тотемные животные у тюркских народов не только отражали родовую принадлежность, но и несли мифосакральную нагрузку. Одним из таких животных была собака. В монголо-тибетских преданиях упоминается культ «Небесной собаки». В *Огуз-наме* говорится: «Если ты хочешь дать кому-либо милостыню, то сначала ее надо дать собаке. Если у собаки не будет печали, то ее не будет и у нас. Поэтому я и дал ей этот кусок» (Фазлаллах Рашид ад-Дин, 1987, с. 36).

В *Сборнике летописей* Фазлаллаха Рашид ад-Дина приводятся несколько легенд о генеалогии кыпчаков (Фазлаллах Рашид ад-Дин, 1952, с. 83–84). Одна из них – легенда об Огуз-хане, согласно которой мальчик по имени Кыпчак родился во время неудачного похода огузов (уйгуров) против племени ит-бараков – мифического народа, обитавшего на севере. У чувашей сохранился похоронно-поминальный обряд, связанный с собакой. Специальную часть пищи выбрасывают собакам, при этом старший член семьи, бросая куски, со слезами говорит, что этими подношениями угощает самого умершего (Масленицкий, 1785, с. 120–144). Собака являлась персонификацией человеческой души, которая после смерти принимала облик этого животного (Кондыбай, 2008). Археологические находки подтверждают ритуальное значение собаки. В жетысарских памятниках обнаружены собачьи кости в захоронениях, включая входы в погребальные камеры. В Бабиш-Мулла I найден расписанный охрой череп собаки, в Бабиш-Мулла 6 – полное захоронение. Л.М. Левина связывала эти обряды с индоевропейскими верованиями и культом Гекаты (Снесарев, 1969; Соколова, 1972; Литвинский, Седов, 1984; Левина, 1996).

В материалах Жанкента встречаются изображения дракона (небесно-

го змея), почитавшегося как воинское тотемное божество у ариев, тюрков, монголов, уйгуров и других кочевых народов Евразии. По своему психотипу он близок волку. В тюркской мифологии *айдахар* (дракон-змея) – хтоническое существо, сочетающее черты змея, птицы и хищного зверя. В легендах он выступает как положительным, так и отрицательным персонажем, которому приносили жертвы – животных и людей (Башкирское народное..., 1988, с. 47; 153).

Культ барана (*серны, овцы, козы, ягненки*) широко освещен в научной литературе. Его истоки восходят к индо-иранской мифологии и связаны с понятием *Фарна* (Литвинский, 1968; Байпаков, 1980, с. 32–45; Шенкар, 2013, с. 427–452). В связи с этим останавливаться на нем подробно не будем.

Одним из наиболее распространенных образов, встречающихся в Жанкенте, является изображение птицы. В *Огуз-наме* содержатся ценные сведения о священных родовых птицах-тотемах (*онгонах*), среди которых орел, белый сокол, кречет и неизвестные онгоны. В легендах казахов, башкир, якутов и других кочевых народов упоминаются мифические орнитоморфные предки и этнонимы, созвучные с названиями почитаемых птиц. В *Путевых записях* Ибн-Фадлана отмечается, что башкиры считали журавля священной птицей (Ковалевский, 1956, с. 112). Казахи выходили на охоту с орлом только в утренние и вечерние часы, что, вероятно, связано с религиозно-магическими представлениями о восходе и закате солнца. В культе птиц отразилась вера в их магическое влияние на плодородие природы, плодовитость диких и домашних животных, а также самого человека. У башкир сохранился праздник *Каргатуй* (*карга* – ворона, *туй* – праздник), посвященный возрождению природы и почитанию вороны. Одним из цен-

тральных ритуалов этого праздника было кормление птиц кашей (Илимбетова, Мигранова, 2021, с. 215–220). Г. Симаков отмечает, что у тюркских народов сохраняется обычай высевать злаки в садок для линяющей ловчей птицы. Этот ритуал символически связан с культом плодородия: рост новых перьев должен способствовать урожаю, а вода – вызывать дожди (Симаков, 2000). Эхо тотемических представлений можно проследить и в казахских брачных традициях. При сватовстве жених именовался соколом, а невеста – кречетом. К головному убору невесты прикрепляли пучки перьев филина (каз. *үкі*), выполнявшие апотропеическую (защитную) функцию и символизировавшие смену ее социального статуса (Сураганова, 2009, с. 45; Лобачева, 1978, с. 144–175).

В тюркских эпосах рождение героев сопровождается снами о мифических птицах (например, в эпосах *Манас* и *Шура-батыр*), а после смерти душа превращается в *бидайык* (мифическая ловчая птица) или *туйгун* (белый ястреб-тетеревятник).

В башкирском эпосе *Кара юрга* герой Кушлак-батыр обменивает кречета на табун лошадей с иноходцем Кара юргой. Однако птица предупреждает его о грядущей беде:

«Кушлак-батыр!.. Не отдавай меня, Кушлак-батыр...

Отдашь меня – беда грянет...

Счастья лишишься, жизнь потеряешь...» (Киреев, 1970, с. 102).

Мировоззрение и обряды огузов остаются малоизученными, так как средневековые источники лишь частично отражают духовную и материальную жизнь Приаралья VIII–X веков. По К.М. Байпакову, утилитарные предметы быта средневекового Южного Казахстана сохраняли в декоре отголоски культов домашнего очага и предков (Байпаков, 1990; Байпаков, Терновая, 2005). Появление зооморф-

ных мотивов в культуре огузов связано с распространением ислама. Арабские завоеватели уничтожали храмы, вытесняя традиционные культы в семейную сферу (Филанович, 1983; Калинина, 1988; Смагулов, 2004; Зиливинская, 2013). Зооморфные образы восходят к древним евразийским традициям, находя аналогии в каунчинской, оттаро-каратауской и жетыасарской культурах (Левина, 1996). П. Бицилли отмечал, что мышление основано на связи «символа и символизируемого», поскольку «вещи-символы несут на себе отпечаток Творца» (Бицилли, 1995, с. 14–18). Древние не воспринимали мир как систему символов – для них он таким и был.

Заключение

Таким образом, керамические протомы, зооморфные подставки, светильники и костяные накладки указывают на тесное переплетение утилитарных и сакральных функций предметов материальной культуры. Культурные атрибуты огузов отражали сакральные коды кочевого общества. Мастера стилизовали формы предметов, подчеркивая линейность, геометричность и строгость канонов. Зооморфные элементы – изображения баранов, козлов, птиц и драконов – несли ритуально-культурную функцию и мировоззренческое значение. По мнению М. Элиаде, предметы обретают значимость, участвуя в реальности, превосходящей их самих (Элиаде, 2000, с. 25–27). Так, обычный камень, например «громовой», мог наделяться магической силой.

Фигуры барана и птиц, представленные как в декоре, так и в виде курильниц, в огузской культуре выступают не только символами хозяйственного благополучия, но и сакральными образами, выполнявшими апотропейную функцию и служившими проводниками между земным и небесным уровнями. В контексте тенгрианства и тотемических представлений баран олицетворял силу, плодородие и связь с высшими силами. Очаги с зооморфными подставками и курильницы, не предназначенные для практического использования, являлись, по-видимому, элементами ритуального пространства, связанными с очищением и подношениями. Мотив борьбы с драконом, зафиксированный на костяных накладках, отсылает к космогоническим мифам Центральной Азии, в которых герой утверждает порядок, поддерживаемый небесными силами.

Таким образом, комплекс культурной пластики огузов свидетельствует о сохранении и переосмыслении тотемистических мотивов в системе тенгрианского миропорядка и раскрывает глубинные аспекты духовной культуры населения Приаралья в раннем Средневековье. Устные предания, шаманские практики и идеи о связи души человека с тотемным животным сохранялись даже после слияния с исламом, формируя военный дух огузов-сельджукидов и оказывая влияние на историю Средней Азии и Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулдаев Э. Киргизско-русский словарь. Бишкек: Шам, 2003. 195 с.
2. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад: Изд. «Ылым», 1969. 297 с.
3. Аржанцева И.А., Зиливинская Э.Д., Караманова М.С., Рузанова С.А., Уткельбаев К.З., Сыдыкова Ж.Т., Билалов С.У. Сводный отчет об археологических работах на городище Джанкент в 2005–2007, 2009 гг. Кызылорда: Компас Кызылорда, 2010. 87 с.
4. Амиргалина Г.Т. Анализ керамического материала с городища Ширкейли Кос-асар полевых сезонов 2015–2017 гг. // «Маргулановские чтения – 2018. Духовная модернизация и археологическое наследие». Сборник материалов Международной научно-прак-

тической конференции / Ред. колл. Б.А. Байтанаев, М.Н. Дуйсенгали, Р.А. Бекназаров, Л.А. Краева, Д.А. Воякин. Алматы-Актобэ: Типография ЖК С. Т. Жанәділов, 2018. С. 364–372.

5. *Амиргалина Г.Т.* Некоторые аспекты огузского орнаментального искусства на примере керамики городища Жанкент // Электронный журнал E-history. URL: <https://e-history.kz/upload/iblock/769/769cda31007c149dd8b076c9608c534>. Дата обращения: 18.02.2025 г.

6. *Байпаков К.М.* Культ барана у сырдарьинских племен // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: «Наука КазССР», 1980. С. 32–45.

7. *Байпаков К.М.* По следам древних городов Казахстана (Отрарский оазис). Алма-Ата: Наука КазССР, 1990. 205 с.

8. *Байпаков К.М.* Огузы, туркмены и сельджуки в городах Жетысу и Южного Казахстана / Известия НАН РК. Серия общественных и гуманитарных наук. 2007. № 1. С. 35–61.

9. *Байпаков К.М., Терновоя Г.А.* Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе). Алматы: Бауыр, 2005. 236 с.

10. *Бартольд В.В.* Собрание сочинений / Отв. ред. А.С. Тверитинова. М.: Наука, 1973. Том VIII. 724 с.

11. Башкирское народное творчество. Богатырские сказки / Отв. ред. Н.Т. Зарипов. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1988. Книга 3. 351 с.

12. *Билалов С.У., Тажекеев А.А., Дарменов Р.Т.* Археологические исследования средневекового городища Сортобе // Вестник Казахского государственного университета имени аль-Фараби. Серия историческая. 2017. № 4. С. 62–75.

13. *Бицилли П.М.* Элементы средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995. 242 с.

14. Великая степь: история и культура. Мир древних тюрков. Т. III. Каталог выставки / Отв. ред. А. Онгарулы. Нур-Султан, 2019. 454 с.

15. Города огузов Приаралья в истории культуры тюрков (раскопки городища Жанкент) // Отчет о научно-исследовательской работе по итогам 2023 года. Руководитель проекта Ш. Мустафаев. Астана: Тюркская академия, 2024. 234 с.

16. *Давлетшин Г.* Некоторые сюжеты из области духовной культуры древних тюрков // Древнетюркский мир: история и традиции. Материалы научной конференции (Казань, 24–25 января 2001 г.) / Отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань, 2002. С. 10–25.

17. *Дарменов Р.Т., Тажекеев А.А., Билалов С.У.* Археологическое исследование городища Ширкейли Кос-асар // «Маргулановские чтения – 2018. Духовная модернизация и археологическое наследие». Сборник материалов Международной научно-практической конференции / Ред. колл. Б.А. Байтанаев, М.Н. Дуйсенгали, Р.А. Бекназаров, Л.А. Краева, Д.А. Воякин. Алматы-Актобе, 2018. С. 402–409.

18. *Дарменов Р.Т., Хасенова Б.М., Назаров А.Ж.* Перстень-печать с надписью «Muhammad» из средневекового городища Джанкент // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2024. № 16. С. 512–526. DOI: 10.53737/2713-2021.2024.46.72.023.

19. *Зиливинская Э.Д.* Очаги жилого комплекса на городище Джанкент // Известия НАН РК. Серия общественных и гуманитарных наук. 2013. № 3. С. 100–107.

20. *Зиливинская Э.Д., Билалов С.У., Сыдыкова Ж.Т.* Раскопки жилого квартала на городище Джанкент // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды. Сборник научных статей памяти В.П. Костюкова / Отв. ред. Д.В. Марыксин, Д.В. Васильев. Астрахань: «Астраханский университет», 2011. С. 27–39.

21. *Ибн аль-Факих.* Извлечения из «Китаб ахбар ал-Булдан» по Мешхедской рукописи // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. / Под ред. С.Л. Волина, А.А. Ромаскевича, А.Ю. Якубовского. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1939. С. 151–155.

22. *Илимбетова А.Ф., Мигранова Э.В.* Исторические корни народного праздника Каргагуй («Воронья свадьба») у башкир // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10. № 2. С. 215–220.

23. *Калинина Т.М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата / Тексты, пер., коммент. Т.М. Калинина; Отв. ред. В.Л. Янин. Москва: Наука, 1988. 178 с.

24. *Караев О.* История Караханидского каганата (X – начало XIII вв.). Фрунзе: Илим, 1983. 301 с.

25. *Киреев А.Н.* Башкирский народный героический эпос. Уфа: Башкнигоиздат, 1970. 304 с.
26. *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во Харьков. ун-та, 1956. 348 с.
27. *Кондыбай С.* Мифология казахов / пер. с каз. З. Наурызбаевой. Алматы: Сага, 2008. 470 с.
28. Комплексное исследование на городище Жанкент (работы 2011–2014 гг.) / Сост. И.А. Аржанцева, А.А. Тажекеев. Алматы: Арыс, 2014. 320 с.
29. *Курманкулов Ж.К., Аржанцева И.А., Зиливинская Э.Д., Рузанова С.А., Сыдыкова Ж.Т.* Материалы Джанкентской археологической экспедиции. Кызылорда: Инжу Маржан, 2007. 58 с.
30. *Литвинский Б.А.* Кангуйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии). Душанбе: Дониш, 1968. 120 с.
31. *Литвинский Б.А., Седов А.В.* Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М.: Наука, 1984. 239 с.
32. *Левина Л.М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э. М.: Восточная лит-ра, 1996. 396 с.
33. *Лобачева Н.П.* К истории сложения института свадебной обрядности (на примере комплексов свадебных обычаев и обрядов народов Средней Азии и Казахстана) // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана / Под ред. Г.П. Снесарева. М.: Наука, 1978. С. 144–175.
34. *Малов С.Е.* Шаманский камень «яда» у тюрков Западного Китая // Советская этнография. 1947. № 1. С. 151–160.
35. *Масленицкий Т.* Топографическое описание губернии Симбирской. 1785 г. URL: <https://ulrgo.ru/upload/iblock/23d> (дата обращения: 18.02.2025 г.).
36. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Пер. и комментарий под ред. И.Ю. Крачковского. Москва-Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1939. 194 с.
37. *Симаков Г.Н.* Культ хищных птиц у народов Средней Азии и Казахстана (на примере соколиной охоты). Дисс... докт. ист. наук. СПб., 2000. 333 с.
38. *Смагулов Е.А.* Арабское нашествие в Южный Казахстан: данные письменных и археологических источников // Мобилизованный археологией. К 80-летию Акишева Кималы Акишевича (1924–2003) / Ред. колл. М.К. Хабдулина, Д.А. Талеев, А.С. Ганиева. Астана: издательство ЕНУ, 2004. С. 104–113.
39. *Снесарев Г.П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969. 319 с.
40. *Соколова З.П.* Культ животных в религиях. М.: Наука, 1972. 216 с.
41. *Сураганова З.К.* Обмен дарами в казахской традиционной культуре. Астана, 2009. 192 с.
42. *Тажекеев А.А.* Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Археологические исследования на городище Жанкент, Казалинского района Кызылординской области». Кызылорда, 2017. 85 с.
43. *Тажекеев Ә.Ә., Султанжанов Ж.Қ.* 2019 және 2022 жж. Ортағасырлық Жанкент қала-жұры маңына жүргізілген археологиялық барлау жұмыстары жайлы // Қазақстан археологиясы. 2022. № 3 (17). 91–102 бб. DOI: <https://doi.org/10.52967/akz2022.3.17.91.102>.
44. *Толстов С.П.* Города гузов // СЭ. 1947. № 3. С. 55–102.
45. *Фазлаллах Рашид ад-Дин.* Огуз-Наме / Перевод с персидского, предисловие, комментарии, примечания и указатели Р.М. Шукюровой; Ред. З.М. Бунятов. Баку: ЭЛМ, 1987. 128 с.
46. *Фазлаллах Рашид-ад-дин.* Сборник летописей / Пер. с перс. Л.А. Хетагурова; Отв. ред. С. П. Толстов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 222 с.
47. *Шенкарь М.А.* Об иконографии х^арənah и его роли в идеологии древних иранцев // Последний энциклопедист: к юбилею Б.А. Литвинского / Ред. колл.: Г.Ю. Колганова, А.А. Петрова, С.В. Кулланда. М: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 427–452.
48. *Элиаде М.* Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское / Пер. с фр. Ю.Н. Стефанова, Н.К. Гарбовского, А.М. Васильевой; Науч. ред. В. П. Калыгин, И. И. Шептунова. Москва: Ладомир, 2000. 414 с.
49. *Liu Mau-Tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (Türkien). (Göttinger Asiatische Forschungen, Bd. 10.) 2 vols.: [VIII], 484 pp.; [v], 485–831 pp., map, table. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. DM. 60.

Информация об авторах:

Султанжанов Жетесби Канапияевич, докторант, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Республика Казахстан); zhetesbi.sultanzhanov@gmail.com

Дарменов Рустем Турарбекович, ведущий научный сотрудник, Национальный музей Республики Казахстан (г. Астана, Республика Казахстан); darmenov_rustem@mail.ru

Тажекеев Азилхан Ауезханулы, автор-корреспондент, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Астана, Республика Казахстан); a.tazhekeyev@gmail.com

CULTS AND WORLDVIEW OF OGHUZ TRIBES OF THE ARAL SEA REGION: ACCORDING TO NEW ARCHAEOLOGICAL MATERIALS

Zh.K. Sultanzhanov, R.T. Darmenov, A.A. Tazhekeyev

The purpose of the article is to analyze materials related to cultic objects discovered during the excavations of the Zhankent settlement. The archaeological research has yielded numerous findings concerning the daily life, customs, and worldview of the Oghuz tribes in the early Middle Ages. One such complex consists of hearth supports in the form of sheep protoms, oriented in opposite directions on a flat, rectangular cross-section base, which were found in residential buildings at the Zhankent settlement. It should be emphasized that these hearth supports should be considered not only as items intended for heating the premises, but also as cultic structures. The hearth, both in ancient times and in the modern period, was a key component of residential buildings, serving the primary functions of food preparation and heating. At the same time, the hearth was a sacred space, associated with the cult of fire. Studies on the human perception of fire demonstrate that the hearth also served as a sacred place within the dwelling. Examples of this can be found in the hearths discovered at the Zhankent, Kesken-kuyuk-kala, Shirkeyly Kos-asar, and Sortobe 1 sites, which researchers associate with Oghuz towns of the 8th–10th centuries AD.

Keywords: archaeology, Eastern Aral Sea Region, early Middle Ages, Oghuz towns, Zhankent, Kesken-Kuyuk-kala, Shirkeyly Kos-asar, Sortobe 1, ritual hearths, cult objects.

REFERENCES

1. Abduldajev, E. 1969. *Kirgizsko-russkiy slovar' (Kyrgyz-Russian dictionary)*. Bishkek: Sham Publ. (in Russian).
2. Agadzhanov, S. G. 1969. *Ocherki istorii oguzov i turkmen Sredney Azii IX-XIII vv. (Essays on the history of the Oghuz and Turkmens of Central Asia in the 9th-13th centuries)*. Ashkhabad: Ylym Publ. (in Russian).
3. Arzhantseva, I. A., Zilivinskaya, E. D., Karamanova, M. S., Ruzanova, S. A., Utkel'bayev, K. Z., Sydykova, Zh. T., Bilalov, S. U. 2010. *Svodnyy otchet ob arkheologicheskikh rabotakh na gorodishche Dzhan kent v 2005-2007, 2009 (Summary report on archaeological work at the Dzhan kent settlement in 2005-2007, 2009)*. Kyzylorda: Kompas Kızılorda Publ. (in Russian).
4. Amirgalina, G. T. 2018. In Baitanayev, B.A. (ed.). *Margulanovskie chteniya-2018. Dukhovnaya modernizatsiya i arkheologicheskoe nasledie (19–20 aprelya 2018 goda) (Margulan Readings - 2018. Spiritual Modernization and Archaeological Heritage (April 19–20, 2018))*. Almaty-Aktobe: ZHK "S. T. Zhanadilov Tipografy" Publ., 364–372 (in Russian).
5. Amirgalina, G. T. In *Elektronnyy zhurnal E-history (Electronic magazine E-history)*. URL: <https://e-history.kz/upload/iblock/769/769cda31007c149dd8b076c9608c534> (in Russian).
6. Baypakov, K. M. 1980. In Akishev, K.A. (ed.). *Arkheologicheskiye issledovaniya drevnego i srednevekovogo Kazakhstana (Archaeological research of ancient and medieval Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka KazSSR" Publ., 32–45. (in Russian).
7. Baypakov, K. M. 1990. *Po sledam drevnikh gorodov Kazakhstana (Otrarskiy oasis) (In the footsteps of the ancient cities of Kazakhstan (Otrar oasis))*. Alma-Ata: Nauka KazSSR Publ. (in Russian).
8. Baypakov, K. M. 2007. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan. Seriya obshchestvennykh nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* 1, 35–61 (in Russian).

The work was carried out within the financial support of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (a program-targeted funding № BR24992939 «Syrdarya and Karatau in antiquity and the Middle Ages: genesis and transformation of cultures»).

9. Baypakov, K. M., Ternovaya, G.A. 2005. *Religii i kul'ty srednevekovogo Kazakhstana (po materialam gorodishcha Kuyryktobe) (Religions and cults of medieval Kazakhstan (based on materials from the Kuyryktobe settlement))*. Almaty: Bauyr Publ., 236 (in Russian).
10. Bartol'd, V. V. 1973. In Tveritina, A.S. (ed.). *Sobraniye sochineniy (Collected works)*. Moscow: "Nauka" Publ., VIII (in Russian).
11. In Zaripov, N. T. 1988. *Bashkirskoye narodnoye tvorchestvo (Bashkir folk art) Bogatyrskiyekazki (Bogatyr Tales)*. Ufa: Bashkir Book Publ., Book 3 (in Russian).
12. Bilalov, S. U., Tazhekeyev, A. A., Darmenov, R. T. 2017. In *Vestnik Kazakhskogo gosudarstvennogo universiteta imeni al'-Farabi. Seriya istoricheskaya (Bulletin of the Al-Farabi Kazakh State University. The series is historical)* 4, 62–75 (in Russian).
13. Bitsilli, P. M. 1995. *Elementy srednevekovoy kul'tury (Elements of medieval culture)*. Saint-Petersburg: "Mifril" Publ. (in Russian).
14. In Ongaruly, A. (ed.). 2019. *Velikaya step': istoriya i kul'tura. Mir drevnikh tyurkov. Katalog vystavki (The Great Steppe: history and culture. The world of the ancient Turk). Exhibition catalog* 3. Nur-Sultan (in Russian).
15. 2024. In *Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote po itogam 2023 goda (Report on scientific research work based on the results of 2023)*. Astana: Tyurkskaya akademiya Publ. (in Russian).
16. Davletshin, G. 2002. In Zagidullin, I. K. (ed.). *Drevnyurkskiy mir: istoriya i traditsii (The Ancient Turkic World: History and Traditions)*. Kazan, 10–25 (in Russian).
17. Darmenov, R. T., Tazhekeyev, A. A., Bilalov, S. U. 2018. In Baitanayev, B.A. (ed.). *Margulanovskie chteniya-2018. Dukhovnaya modernizatsiya i arkhologicheskoe nasledie (19–20 aprelya 2018 goda) (Margulan Readings - 2018. Spiritual Modernization and Archaeological Heritage (April 19–20, 2018))*. Almaty-Aktobe: ZHK "S. T. Zhanadilov Tipografy" Publ., 402–409 (in Russian).
18. Darmenov, R. T., Khasenova, B. M., Nazarov, A. Zh. 2024. . In *Materialy po arkhologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 16, 512–526 (in Russian).
19. Zilivinskaya, E. D. 2013. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan. Seriya obshchestvennykh nauk (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Social Sciences Series)* 3. 100–107 (in Russian).
20. Zilivinskaya, E. D., Bilyalov, S. U., Sydykova, Zh. T. 2011. In Maryksin, D. V., Vasilyev, D. V. (eds.). *Voprosy istorii i arkhologii srednevekovykh kochevnikov i Zolotoy Ordy (Questions of the history and archeology of medieval nomads and the Golden Horde)*. Astrakhan': Astrakhan University Publ., 27–39 (in Russian).
21. Ibn al'-Fakikh. 1939. In Volin, S. L., Romaskevich, A. A., Akubovskiy, A. U. (eds.). *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii (Materials on the history of the Turkmens and Turkmenistan)*, Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., I, 151–155 (in Russian).
22. Ilimbetova, A. F., Migranova, E. V. 2021. In *Samarskiy naychniy vestnik (Samara Journal of Science)* 10 (2), 215–220 (in Russian).
23. Kalinina, T. M. 1988. In Yanin, V. L. (ed.). *Svedeniya rannikh uchenykh Arabskogo khalifata (Information from the early scholars of the Arab Caliphate)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
24. Karayev, O. 1983. In *Istoriya Karakhanidskogo kaganata (X – nachalo KHIII vv.) (History of the Karakhanid Khaganate (10th – early 13th centuries))*. Frunze: "Ilim" Publ. (in Russian).
25. Kireyev, A. N. 1970. *Bashkirskiy narodnyy geroicheskiy epos (Bashkir folk heroic epic)*. Ufa: "Bashknigoizdat" Publ. (in Russian).
26. Kovalevskiy, A. P. 1956. *Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg. (Ibn-Fadlan's Book on His Journey to the Volga in 921–922)*. Kharkov: Kharkov State University (in Russian).
27. Kondybay, S. 2008. In Naurzabayeva Z. (ed.). *Mifologiya kazakhov (Kazakh mythology)*. Almaty: "Saga" Publ. (in Russian).
28. In Arzhantseva, I. A., Tazhekeyev, A. A. (eds.). 2014. *Kompleksnoye issledovaniye na gorodishche Dzhankent (raboty 2011–2014 gg.) (Comprehensive study on the Dzhankent settlement (2011–2014 works))*. Almaty: "Aris" Publ. (in Russian).
29. Kurmankulov, Zh. K., Arzhantseva, I. A., Zilivinskaya, E. D., Ruzanova, S. A., Sydykova, Zh. T. 2007. *Materialy Dzhankentskoy arkhologicheskoy ekspeditsii (Materials of the Dzhankent archaeological expedition)*. Kyzylorda: "Inju Marjan" Publ. (in Russian).
30. Litvinskiy, B. A. 1968. *Kangyuysko-sarmatskiy farn (k istoriko-kul'turnym svyazyam plemen yuzhnoy Rossii i Sredney Azii) (Kangyu-Sarmatian Farnese (on the historical and cultural ties of the tribes of Southern Russia and Central Asia))*. Dushanbe: «Donish» Publ. (in Russian).
31. Litvinskiy, B. A., Sedov, A. V. 1984. *Kul'ty i ritualy kushanskoy Baktirii (Cults and rituals of Kushan Bactria)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
32. Levina, L. M. 1996. *Etnokul'turnaia istoriia Vostochnogo Priaral'ia. I tysiacheletie do n.e. – I tysiacheletie n.e. (Ethnic and Cultural History of Eastern Aral Sea Region of I Millennium BC – I Millennium AD)*. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).
33. Lobacheva, N. P. 1978. In Snesareva, G. P. (ed.). *Sem'ya i semeynyye obryady u narodov Sredney Azii i Kazakhstana (Family and family rituals among the peoples of Central Asia and Kazakhstan)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

34. Malov, S. Ye. 1947. In *Sovetskaya etnografiya (Soviet ethnography)*, 1, 151–160 (in Russian).
35. Maslennitskiy, T. *Topograficheskoye opisaniye gubernii Simbirskoy. 1785 g. (Topographic description of Simbirsk province. 1785)*. URL: <https://ulrgo.ru/upload/iblock/23d> (in Russian).
36. In Krachkovskii, I. Yu. (ed.). 1939. *Puteshestviye Ibn-Fadlana na Volgu (Ibn Fadlan's Journey to the Volga)*. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ. (in Russian).
37. Simakov, G. N. 2000. *Kul't khishchnykh ptits u narodov Sredney Szii i Kazakhstana (na primere sokolinoy okhoty) (The cult of birds of prey among the peoples of Central Asia and Kazakhstan (on the example of falconry))*. Doct. Diss. Saint Petersburg (in Russian).
38. Smagulov, Ye. A. 2004. In Khabdulina, M. K., Talejev, D. A., Ganiyeva, A. S. (eds.). *Mobilizovannyi arkhologiiye. K 80-letiyu Akisheva Kimalya Akishevicha (1924–2003) (Mobilized by archaeology. On the 80th anniversary of Akishev Kemal Akishevich (1924–2003))*. Astana: ENU Publ., 104–113 (in Russian).
39. Snesarev, G. P. 1969. *Relikty domusul'manskikh verovaniy i obryadov u uzbekov Khorezma (Relics of pre-Muslim beliefs and rituals among the Uzbeks of Khorezm)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
40. Sokolova, Z. P. 1972. *Kul't zhivotnykh v religiyakh (Animal cult in religions)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
41. Suraganova, Z. K. 2009. *Obmen darami v kazakhskoy traditsionnoy kul'ture (Gift exchange in Kazakh traditional culture)*. Astana (in Russian).
42. Tazhekeyev, A. A. 2017. In *Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote po teme «Arkhologicheskiye issledovaniya na gorodishche Zhankent, Kazalinskogo rayona Kyzylordinskoy oblasti (Report on the research work on the topic "Archaeological research at the settlement of Zharkent, Kazalinsk district of the Kyzylorda region")*. Kyzylorda (in Russian).
43. Tazhekeyev, A. A. Sultanzhanov, Zh. K. 2022. In *Arkhologiya Kazakhstana (Kazakhstan Archaeology)*, 3 (17), 91–102 (in Kazakh).
44. Tolstov, S. P. 1947. In *Sovetskaya etnografiya (Soviet ethnography)*, 3, 55–102 (in Russian).
45. Fazlallah Rashid ad-Din. 1987. In Bunyatov, Z. M. (ed.). *Oguz-Name (Oguz-name)*. Baku: Elm Publ. (in Russian).
46. Fazlallah Rashid-ad-din. 1952. In Tolstov, S. P. (ed.). *Sbornik letopisey (Collection of chronicles)*. Moscow-Leningrad: SSSR Academy of Sciences Publ. (in Russian).
47. Shenkar', M. A. 2013. In Kolganova, G. Yu., Petrova, A. A., Kullanda S. V. (eds.). *Posledniy entsiklopedist: k yubileyu B.A. Litvinskogo (The Last Encyclopedist: on the anniversary of B.A. Litvinsky)*. Moscow: Institut vostokovedeniya RAS Publ., 427–452 (in Russian).
48. Eliade, M. 2000. In Kalygin, V. P., Sheptunova, I. I. (eds.). *Izbrannyye sochineniya: Mif o vechnom vozvrashchenii (Selected writings: The Myth of Eternal Return)*. Moscow: "Ladomir" Publ. (in Russian).
49. Liu Mau-Tsai. 1958. *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-kiie)*. Series: Gottinger Asiatische Forschungen, Bd. 10. 2 vols.: [viii]. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, DM. 60.

About the Authors:

Sultanzhanov Zhetesbi K. L.N. Gumilyov Eurasian National University. Satbaev str. 2, Astana, 10000, Republic of Kazakhstan; zhetesbi.sultanzhanov@gmail.com

Darmenov Rustem T. National Museum of the Republic of Kazakhstan. Tauelsizdik ave., 54, Astana, 120001, Republic of Kazakhstan; darmenov_rustem@mail.ru

Tazhekeyev Azilkhan A. Corresponding author, Margulan Institute of Archaeology, Abay Ave., 22, Astana, Z10G9D2, Republic of Kazakhstan; a.tazhekeyev@gmail.com

Статья принята в номер 01.06.2026 г.

УДК 903.6

<https://doi.org/10.24852/pa2026.2.56.36.44>

ДРЕВНЕТЮРКСКИЙ ПОМИНАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС «НОМГОН-1»¹

© 2026 г. А. Энхтур, Н. Базылхан, Г. Батболд,
Н. Богенбаев, Ц. Буянхишиг, М. Барс

Совместная экспедиция Тюркской Академии и Института археологии Академии наук Монголии продолжила археологические раскопки в поминальном комплексе «Номгон-1» в Номгонской долине Хашаатского сомона Архангайского аймака Монголии. Ранее археологические раскопки проводились в поминальном комплексе «Номгон-2» в 2019–2023 годах. В 2022 году в этом комплексе были впервые обнаружены верхняя часть стелы с фрагментами текста на древнетюркском и согдийском языках. Однако вторую половину стелы найти не удалось. С помощью устного опроса местных жителей была собрана информация, которая привела к результатам поиска. 18 августа 2023 года, при участии местного старейшины Доржийна Дамдина, на одной из могил, расположенной в 40 км от комплекса «Номгон-2», был найден надгробный камень с надписью на монгольском языке: «ум-ма-ни-бад-ми хум, П. Долгор, 1939–1978», который сильно напоминал нижнюю часть стелы. Это фрагмент стелы, на одной из сторон которой были сильно поврежденные тексты, написанные древнекитайскими иероглифами, что ранее принимали за древнебрахмийские письма. Анализ размеров нижней части стелы и углубления в постаменте черепахи с комплекса «Номгон-2» подтверждает, что найденная верхняя часть стелы в 2022 году действительно принадлежит той же стеле. Таким образом, стела в честь Кутлуг-кагана приобрела общий вид с постаментом в форме черепахи. Это уникальная стела, найденная в результате археологических раскопок более чем через 130 лет после обнаружения Хошо-Цайдамской стелы, построенной в честь Бильге-кагана и Культегина, известной как Орхонская надпись. В апреле 2024 года в Улан-Баторе были проведены специальные презентации результатов раскопок. Археологические работы, начавшиеся в 2024 году на поминальном комплексе «Номгон-1», продолжаются, и нами представлены первые результаты исследования.

Ключевые слова: археологические раскопки, Монголия, Кутлуг-каган, древнетюркская письменность, древнетюркские поминальные комплексы, «Номгон-1», «Номгон-2», стела с надписями, черепица, керамика, кирпичи.

Введение. Поминальный комплекс «Номгон-1» является первым объектом среди древнетюркских поминальных комплексов Номгонской долины. Он расположен на юго-востоке, в 700 метрах от асфальтированной дороги Улан-Батор – Каракорум – Хошо-Цайдам. В комплексе хорошо видны ограда и квадратный земляной холм размером 24,1×18,3 м. Холм ориентирован на восток. Длина двойных стен составляет 53 м, ширина – 42 м, а толщина – 8 м. В центре комплекса обнаружено много фрагментов серой керамики. В комплексе также найдена статуя кагана, у которой повреждены

голова и руки. Хорошо видны пояс и фигура, сидящая в позе со скрещенными ногами, характерной для канона правителей того времени. К востоку от комплекса, на расстоянии более 200 м, сохранилось 11 балбалов.

Основная часть. Археологические раскопки 2024 года¹. В 2019 году были проведены частичные раскопки (глубина 15–20 см, участок 1×1 м), в ходе которых была обнаружена отломанная часть камня с возможными надписями и знаками. Однако никаких надписей или символов на камне найдено не было («Nomgon-2» Ant Külliyesi..., 2023, с. 18). В 2024

¹ Предварительный научный отчет совместной экспедиции «Номгон-2024» Тюркской Академии и Института археологии Академии наук Монголии.

Рис. 1. Верхняя часть стелы. Фрагменты древнетюркского текста. Поминальный комплекс «Номгон-2», 2024 г. (прорисовка – Н. Базылхан).

Fig. 1. Upper part of the stele. Fragments of the Old Turkic text. Memorial complex Nomgon-2, 2024 (Drawing by N. Bazylkhan).

году было установлено, что этот отломанный фрагмент камня представляет собой обломок нижней части стоящей каменной статуи (бедиза).

В 2024 году на комплексе «Номгон-1» проводились полноценные раскопки. Для исследования использовались различные археологические методы, включая разведочные, диахронно-сравнительные, типолого-сравнительные, культурно-стратификационные, а также топографо-картографические. Все раскопки были документированы с помощью фотографий и специальных записей. Также были использованы аэрофотоснимки и видеозаписи с дрона на высоте 10–400 м. Кости животных, найденные в ходе раскопок, были отправлены на радиоуглеродный анализ для определения хронологии.

Комплекс «Номгон-1» представляет собой большое поминально-архитектурное сооружение. Общая площадь комплекса составляет 53×42 м. Во время раскопок участок был раз-

делен на 156 секторов по 4×4 м. В центре комплекса расположен храм, здание которого построено из кирпича, кирпичи имеют размеры 33×14 см.

Каменные изваяния – бедиз². Бедиз № 1 – каменная статуя, изображающая каганов и наследных принцев (тегинов), установленная в поминальных комплексах. Для таких изваяний характерен устойчивый канон – сидящая поза с скрещенными ногами. Статуя выполнена из белого гранита и расположена в секторе F11. Общие размеры: 54–78×54–74×25–27 см. Длина чаши 8 см, ширина – 10 см, ширина пояса – 4 см. Правая рука держит чашу на груди, а левая – на талии, что соответствует традиционному стилю древнетюркского периода. Эта поза обычно называется «каганским сидением» или «сидением высокопоставленных правителей».

Бедиз № 2 – каменное изваяние, по-видимому представляющее собой стоящую фигуру человека. Однако оно повреждено в области пояса, и

Рис. 2. Верхняя и средняя часть стелы без постамента. Фрагменты древнетюркского и китайского текста. Поминальный комплекс «Номгон-2», 2024 г.

Fig. 1. Upper and middle parts of the stele without the pedestal. Fragments of ancient Turkic and Chinese text Memorial complex Nomgon-2, 2024.

Рис. 3. Каменные изваяния (Бедиз № 1, Бедиз № 2), сидящая поза со скрещенными ногами и стоящая фигура. Поминальный комплекс «Номгон-1».

Fig. 3. Stone statues (Bediz No. 1, Bediz No. 2), a cross-legged seated figure and a standing one. Memorial complex Nomgon-1.

грудная часть исчезла. Форма ремня на передней части фигуры, его ширина – 2,5 см. Изваяние имеет высоту 51 см, ширину 30 см и толщину 18 см.

Каменные статуи барана. **Каменная статуя барана № 1** – статуя хвостатого барана размерами 56,4×50,0×25 см была найдена при раскопках на восточной стороне сектора В13 комплекса. Этот памятник является первой статуей овцы, обнаруженной за пределами комплекса. **Каменная статуя барана № 2** – вторая каменная статуя овцы была найдена на поверхности земли, в 250 м к северо-западу от комплекса. Размеры: 65×52,5×21,5 см. Хвостатая овца была раскопана для идентификации обратной стороны. Верхняя часть каменной статуи овцы имеет круглую форму, основание сплажено.

Балбалы. По данным исследований, количество балбалов, видимых из почвы, располагающихся с восточной стороны комплекса «Номгон-1», составляет 11. Еще два балбала были найдены в ходе раскопок. Таким образом, общее количество балбалов – 13. На раскопанных балбалах не обнаружено ни знаков, ни тамг, ни текста.

Общая структура храмового здания «барык»³. Храмовое сооружение

Рис. 4. Каменные скульптуры барана. Поминальный комплекс «Номгон-1».

Fig. 4. Stone ram sculptures. Memorial complex Nomgon-1.

четырёхугольной формы было обнаружено в центре комплекса «Номгон-1». Установлено, что стены здания были построены из кирпича, а также вы-

крашены известью. Вокруг стен были обнаружены небольшие кусочки извести. В поминальном комплексе вдоль оси расположены входные ворота, затем балбалы, каменная статуя овцы и каменная статуя человека – бедиза. Вокруг храмового здания имеются следы внешней стены и рва. Более подробную информацию мы получим после полного завершения раскопок. Однако следует подчеркнуть, что, поскольку раскопки не завершены на всей площади и на необходимой глубине, некоторые артефакты и другие элементы структуры еще не были полностью исследованы.

Черепичные покрытия. На крыше барыка (храмового здания), построенного в центре комплекса «Номгон-1», использовались два типа глиняной лицевой черепицы. Первый тип – черепица с цветочными орна-

Рис. 5. Балбал №7. Поминальный комплекс «Номгон-1».

Fig. 5. Balbal No. 7. Memorial complex "Nomgon-1".

33×18×6,5 см. Интересно отметить, что внутренний край цоколя был прижат на 6,5 см, чтобы кирпичи больше выступали. Каждое пересечение рядов фундаментных кирпичей оформляется простым углом, с подъемом на полкирпича вверх и широкой стороной, загнутой в землю.

Возможно, этот фундамент был заложен позже, в ходе ремонта памятника. Есть несколько причин, почему стороны фундамента здания неодинаковы, а кирпичи на северной стороне стены разделены и уложены неравномерно. Кроме того, качество кирпичей, использованных для фундамента пола и стен, значительно отличается. Размеры кирпичей также неодинаковы.

Строительный кирпич. При раскопках комплекса «Номгон-1» было найдено множество фрагментов кирпича. Очевидно, что конструкция храма (барыка) была возведена методом укладки кирпичей на пол и стены. Фундамент храмового здания был заложен из кирпичей размером 33×33×6 см, квадратной формы. Поверх этого фундамента была построена стена из кирпичей размером

с подъемом на полкирпича вверх и широкой стороной, загнутой в землю. Возможно, этот фундамент был заложен позже, в ходе ремонта памятника. Есть несколько причин, почему стороны фундамента здания неодинаковы, а кирпичи на северной стороне стены разделены и уложены неравномерно. Кроме того, качество кирпичей, использованных для фундамента пола и стен, значительно отличается. Размеры кирпичей также неодинаковы.

Плита оградки. При раскопках был обнаружен осколок угловой колонны и одна плита с орнаментами ограды (ящика). Размер плиты: 2×1,25×0,17 м. На плите имеются две горизонтальные линии на расстоя-

Рис. 6. Кирпичный фундамент храмового здания. Поминальный комплекс «Номгон-1».

Fig. 6. Brick foundation of the temple building. Memorial complex "Nomgon-1".

Рис. 7. Черепица с цветочным орнаментом. Поминальный комплекс «Номгон-1».

Fig. 7. Tile with a floral pattern. Memorial complex Nomgon-1.

янии 15 см сверху и два параллельных цветочных мотива снизу. Высота цветка 75 см, ширина – 76 см. В правом нижнем углу верхней части плиты длиной 73 см и шириной 35 см имеется трещина. Время, когда трещины были отремонтированы, указывает на использование известковой замазки для их заполнения. Размер трещины 18×8 см.

Топографические обзоры. Во время раскопок были проведены топографические исследования всех поминальных комплексов Номгонской долины. Разрабатываются данные, полученные топографами в 2024 году.

Разведочные работы. В ходе разведки вокруг Номгонской долины были обнаружены новые артефакты древнетюркского периода. Найдены новые стелы с древнетюркскими тамгами, ограды с стелами (в Рашаант и Дашинчилен сомонах Булганского аймака), а также проведена рекогносцировка древнетюркских наскальных надписей «Улаан чулуутын оволжоо 1–4» (в Лун сомоне Центрального аймака).

Обсуждение. Некоторые исторические и этноархеологические объяснения поминальных комплексов Номгонской долины. Кутлуг-каган (682–692), Капаган-каган (693–716) и

Бильге-каган (716–734) – эти три кагана правили в Тюркском каганате с 682 по 734 год, в течение 52 лет.

Говоря об отце и деде Кутлуг-кагана, исследователь Лю Мау-Цай приводит следующие имена: «...Ити-ми-то Фу (бег) – Ку-ту-лу Хие-кин – Ашина Ку-тол-лу /Эльтериш/...». Таким образом, имя отца Кутлуга – Эльтериш хан – **Ку-ту-лу Хие-кин**, а имя его деда – Ити-ми-то Фу (бек) (Die Chinesischen..., 1958, с. 212–213).

Бухоу, жена Гаоцзуна, правителя Танского государства, дала ему новое имя «Буцулу» (бессмертный пес) по-китайски, поскольку Кутлуг-каган не был побежден. В 690 году Бухоу стала императрицей Танского государства и изменила название государства с «Тан» на «Чжоу». Согласно китайским хроникам, Кутлуг-каган скончался в период правления Тяньшоу в начале 690–692 годов (Die Chinesischen..., 1958, с. 213–214).

В надписи на каменном изваянии бедиза «Чойрена» сказано: «Нас покинул Эльтериш-каган, седьмого числа третьего месяца года овен /объеззян?/». Если это так, то этот год

Рис. 8. Черепица с фигурами львов. Поминальный комплекс «Номгон-1».

Fig. 8. Tile with lion figures. Memorial complex Nomgon-1.

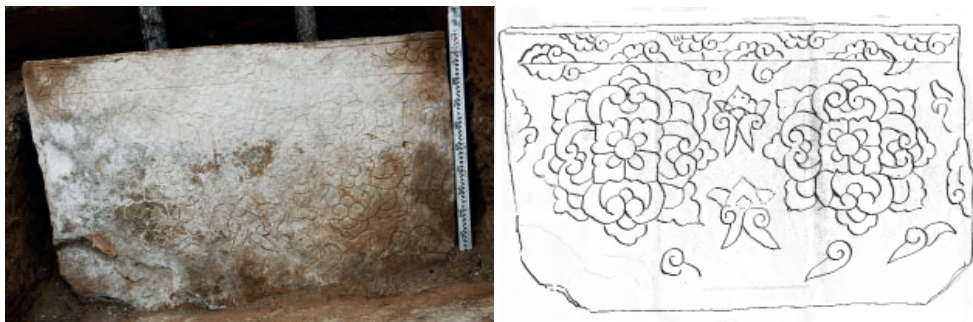

Рис. 9. Плита с орнаментами оградки. Поминальный комплекс «Номгон-1» (прорисовка – Н. Базылхан).

Fig. 9. Slab with fence ornaments. Memorial complex Nomgon-1 (Drawing by N. Bazykhan).

соответствует 683 или 695 году нашей эры. Согласно китайским источникам, Кутлуг-каган умер в 691, 692 или 693 годах (Қазақстан тарихы..., 2006, с. 179–180). На наш взгляд, если древнетюркский текст «Чойрена» правильный, то Кутлуг-каган, вероятно, умер в 695 году. Поскольку Бильге-каган и Кюльтегин были младшими после Кутлуг-кагана, то согласно каганскому закону, младший брат Кутлуга, Капаган (в китайских источниках – «Мочо», или, когда он был более могущественным, «Эльтериш, Великий сын Тенгри», или «Чжанчо»), взшел на престол. После того

как Капаган стал каганом, он воевал против табгачей-китайцев, всегда побеждал и становился сильнее. Территория каганата значительно расширилась – до 10 тысяч ли (1 ли – 571,5 м). Капаган назначил правителем левого крыла своего младшего брата Досифу, а старшего сына Кутлуга (то есть Бильге-кагана) – правителем правого крыла, дав каждому из них по 20 тысяч солдат. Также он назначил своего сына Фуцу (или Бёгю, Тоси) «маленьким каганом» и дал ему 40 тысяч воинов. Капаган-каган был убит во время охоты племенами Байырку в 716 году. Досифу, упоминаемый в китайских

Рис. 10. Общий вид раскопок поминального комплекса «Номгон-1». Аэрофотосъемка, 2024 г. (А. Энхтур).

Fig. 10. General view of the excavations of the memorial complex Nomgon-1. Aerial photography, 2024. (A. Enkhtur).

хрониках, – это, вероятно, Эль этмиш Ябгу, или Атачим, известный из комплекса памятников «Онгин». В ходе исследований В.В. Радлов сообщил, что там были найдены два битигташа, то есть стелы с надписями (Radloff, 1895, с. 243–256).

Во время конфликта в армии в 716 году Кюльтегин сверг сына Капагана и его сторонников, посадив на трон своего старшего брата Бильге. Таким образом, после вступления Бильге-кагана на престол его брат Кюльтегин и Тоньюкук совместно управляли всеми землями и армиями Тюркского каганата и правили до 734 года.

Родовая схема династии каганов:

1. ...Ити-ми-то Фу (бек)
2. Ку-гу-лу Хиэ-кин
3. Кутлуг Эльтериш каган, время правления – 682–695 гг.
4. Капаган каган, время правления – 695–716 гг.
5. Бильге-каган, время правления – 716–734 гг. (Die Chinesischen..., 1958, с. 833–834).

На данный момент четко идентифицированы стелы с древнетюркскими текстами в честь Кутлук-кагана, Эль этмиш Ябгу / Онгинский памятник / второго младшего брата Кутлук-кагана, по-китайски «Досифу», Бильге-кагана и Кюльтегина. Однако неизвестно, существовали ли стелы в честь Капаган-кагана, первого младшего брата Кутлук-кагана. Возможно, поминальный комплекс «Номгон-1» посвящен Капаган-кагану, так как он расположен в непосредственной близости от комплекса Кутлук-кагана. В ходе будущих исследований может

быть обнаружена стела Капаган-кагана, а также его сына Бёгу, «маленького кагана», и других представителей его династии, возможно сыновей Кутлук-кагана, известных как «ешир» (ашина).

Поминальные комплексы Номгонской долины представляют собой уникальные сооружения, которые имеют много общего, но также отличаются по размеру. Среди них можно выделить большие комплексы (например, комплекс «Номгон-2», общая площадь которого составляет 60×40 м) (Энхтөр..., 2022, с. 69–75), средние комплексы (например, «Номгон-1» с площадью 53×42 м), а также меньшие по размеру комплексы.

Краткое заключение. В 2024 году впервые начались археологические раскопки памятника «Номгон-1», и на первом этапе были уточнены форма храмового здания и размеры комплекса. В частности, четко выявлены каналы, плотины, храмовые конструкции, а также жертвенные прямоугольные каменные столбы и плита оградки комплекса. Раскопки комплекса «Номгон-1» продолжают. Письменных памятников на территории комплекса «Номгон-1» пока не было обнаружено. Мы надеемся, что в дальнейшем удастся получить важные археологические находки из поминальных комплексов «Номгон-1» и «Номгон-3», исследования которых планируются на 2025 год. В рамках дальнейших работ также будет рассмотрен вопрос сохранения, реставрации и музеефикации поминальных комплексов «Номгон-1–9».

Примечания

² bediz (бедиз) – древнетюркское слово, которым обозначали каменные изваяния и скульптуры как часть погребально-поминального комплекса, посвященного, в частности, культу предков.

³ barıq (барык) – древнетюркское слово, которым обозначали в поминальных и культовых мемориальных комплексах храмовые сооружения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Қазақстан тарихы туралы қытай деректемелері. IV том. Әулеттік тарихи жылнамалар. 2-бөлім. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 480 р.

2. Энхтөр А., Дархан К., Напил Б., Нурболат Б., Буянхишиг Ц., Батболд Г., Далантай С. Кутлуг хааны тахилын онгон цогцолбор, гэрэлт хөшөө // Археологийн судлал. *Studia Archaeologica*. Tomus XLI, Fasciculus 7. Улаанбаатар. 2022. P. 69–86.

3. *Mustafayev Sh., Enthör A., Bazilhan N., Batbold G., Bögenbaev N., Buyanhişig Ts.* «Nomgon-2» Antik Külliyesi. 2023 Yılı Arkeolojik Kazı Çalışmaları Raporu. Astana: Türk Akademisi, Moğolistan Bilimler Akademisi Arkeoloji Enstitüsü, 2023. 168 p.

4. Die Chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'U-K'UE) von Liu Mau-Tsai. I Buch. Texte. Otto Harrassowitz-Wiesbaden, 1958. P. 1–484.

5. Die Chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'U-K'UE) von Liu Mau-Tsai. II Buch. Anmerkungen-Anhänge Index. Otto Harrassowitz-Wiesbaden, 1958. P. 485–831.

6. *Radloff W.* Das denkmal am Ongin // Die altturkischen Inschriften der Mongolei. S-Petersburg: Dritte Lieferung, 1895. P. 243–256.

Информация об авторах:

Энхтур Алтангэрэлийн, Ph.D, доцент, заведующий сектором средневековья, Институт археологии Академии наук Монголии (г. Улан-баатор, Монголия); aenkhtur2001n@gmail.com

Базылхан Напил, кандидат филологических наук, старший эксперт отдела науки, автор-корреспондент. Тюркская Академия (г. Астана, Казахстан); napilbaz@gmail.com

Батболд Гончигийн, Ph.D, специалист по исследованиям средневекового сектора, Институт археологии Академии наук Монголии (г. Улан-баатор, Монголия), boldoog@gmail.com

Богенбаев Нурболат, Ph.D, эксперт отдела науки, автор-корреспондент. Тюркская Академия (г. Астана, Казахстан); nurik198080@mail.ru

Буянхишиг Цэрэнхандийн, магистр, специалист по исследованиям средневекового сектора, Институт археологии Академии наук Монголии (г. Улан-Батор, Монголия), buyaka345@gmail.com

Барс Маамхуугийн, специалист по исследованиям средневекового сектора, Институт археологии Академии наук Монголии (г. Улан-Батор, Монголия), maamkhuubars85@gmail.com

ANCIENT TURKIC MEMORIAL COMPLEX NOMGON-1 (PRELIMINARY SCIENTIFIC REPORT ON THE NOMGON-2024 JOINT EXPEDITION OF THE TURKIC ACADEMY AND THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE MONGOLIAN ACADEMY OF SCIENCES)

**A. Enkhtur, N. Bazytkhan, G. Batbold, N. Bogenbayev,
Ts. Buyankhishig, M. Bars**

The joint expedition of the Turkic Academy and the Institute of Archaeology of the Mongolian Academy of Sciences has continued archaeological excavations in the Nomgon Valley of the Khashaat sum of the Arkhangai aimag, Mongolia, at the memorial complex Nomgon-1. Previously, archaeological excavations were conducted at the memorial complex Nomgon-2 from 2019 to 2023. In 2022, the upper part of a stele with fragments of text in Old Turkic and Sogdian was discovered for the first time at this archaeological resource. However, the second half of the stele could not be found. Through oral surveys of local residents, information was collected that led to the results of the search. On August 18, 2023, with the participation of local elder Dorjin Damdin, a gravestone with a Mongolian inscription was found on one of the graves located 40 km from the "Nomgon-2" complex: "Um-ma-ni-badmi hum, P. Dolgor, 1939-1978", which strongly resembled the lower part of the stele. This fragment of the stele, on one side of which were heavily damaged texts written in ancient Chinese characters, which were previously mistaken for ancient Brahmi script. An analysis of the dimensions of the lower part of the stele and the recess in the turtle pedestal from the Nomgon-2 complex proves that the upper part of the stele found in 2022 indeed belongs to the same stele. Thus, the stele in honor of Kutlug Qaghan has acquired a complete appearance with a turtle-shaped pedestal. This is a unique stele discovered as a result of archaeological

Preliminary scientific report of the joint expedition "Nomgon-2024" of the Turkic Academy and the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of Mongolia

excavations more than 130 years after the discovery of the Khoshoo Tsaidam stele, erected in honor of Bilge Qaghan and Kul Tigin, known as the Orkhon inscriptions. In April 2024, special presentations of the excavation results were held in Ulaanbaatar. Archaeological work that began in 2024 at the memorial complex "Nomgon-1" is ongoing, and we present the first results of the study.

Keywords: archaeological excavations, Mongolia, Kutlug Qaghan, Old Turkic script, Old Turkic memorial complexes, Nomgon-1, Nomgon-2, stele with inscriptions, tile, ceramics, bricks.

REFERENCES

1. 2006. *Қазақстан тарихы туралы қытай деректемелері. IV том. Әулеттік тарихи зһылнамалар. 2-бөлім. (Chinese data on the history of Kazakhstan. Volume IV. Dynastic historical annals. Part 2).* Almaty: Dajk-Press. (in Kazakh).
2. Enkhtur, A., Darkhan, K., Napil, B., Nurbolat, B., Buyankhishig, Ts. Dalantaj, S. 2022. In *Archaeological studies*. Tomus XLI, Fasciculus 7. Ulaanbaatar, 69–86 (in Mongolian).
3. Mustafayev, Sh., Enhtur, A., Bazilkhan, N., Batbold, G., Bogenbayev, N., Buyankhishig, Ts. 2023. "Nomgon-2" Memorial Complex 2023 Archaeological Excavations Report. Turkish Academy, Institute of Archaeology of the Mongolian Academy of Sciences. Astana (in Turkish).
4. 1958. *Die Chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'U-KÜE) von Liu Mau-Tsai*. I Buch. Texte. Otto Harrassowitz-Wiesbaden, 1–484 (in German).
5. 1958. *Die Chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'U-KÜE) von Liu Mau-Tsai*. II Buch. Anmerkungen-Anhänge Index. Otto Harrassowitz-Wiesbaden, 485–831 (in German).
6. Radloff, W. 1895. In *Die altturkischen Inschriften der Mongolei*. S-Petersburg: Driette Lieferung, 243–256 (in German).

About the Authors:

Enkhtur Altangereliin. PhD, Associate Professor, Head of the medieval sector. Institute of Archaeology of the Mongolian Academy of Sciences. 54b Enkhtaivan Avenue, 14th District, 13th District, Bayanzurkh district, Ulaanbaatar 13330, Mongolia; aenkhtur2001n@gmail.com

Bazylkhan Napil. Candidate of Philological Sciences, Corresponding author. International Turkic Academy. Street E-179. Diplomatic town, cottage 32. Astana, Kazakhstan; napilbaz@gmail.com

Batbold Gonchigiin. Ph.D, Institute of Archaeology of the Mongolian Academy of Sciences. 4b Enkhtaivan Avenue, 14th District, 13th District, Bayanzurkh district, Ulaanbaatar 13330, Mongolia; boldoog@gmail.com

Bogenbayev Nurbolat. Ph.D., Corresponding author. International Turkic Academy. Street E-179. Diplomatic town, cottage 32. Astana, Kazakhstan; nurik198080@mail.ru

Buyanhishig Tserenkhandiin. Institute of Archaeology of the Mongolian Academy of Sciences. 4b Enkhtaivan Avenue, 14th District, 13th District, Bayanzurkh district, Ulaanbaatar 13330, Mongolia; buyaka345@gmail.com

Bars Maamkhuugiin. Institute of Archaeology of the Mongolian Academy of Sciences. 4b Enkhtaivan Avenue, 14th District, 13th District, Bayanzurkh district, Ulaanbaatar 13330, Mongolia; maamkhuubars85@gmail.com

Статья принята в номер 01.06.2026 г.

ПОМИНАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС VIII ВЕКА У Д. ГОРА УСЛАНЬ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2024 ГОДА)

© 2026 г. А.М. Колоколов, И.С. Простяков

В 2024 году сотрудниками ТАЭ были продолжены работы по изучению поминального комплекса, расположенного на площадке городища у д. Гора Услань, на левом берегу р. Упы. Первое ритуальное сооружение было исследовано в 2021 г. В 2024 г. на площадке городища были раскопаны еще два близких по конструкции объекта. Они представляют собой каменные выкладки, на поверхности либо у подножья которых располагались керамические сосуды, а также скопления костей домашних животных – остатков ритуальной пищи. Под выкладками расположены остатки кострищ. Вблизи одного из сооружений зафиксирован массивный жертвенник в виде плоской известняковой плиты, установленной на каменных подставках. По причине отсутствия человеческих останков эти сооружения отнесены к объектам, связанным с поминальной обрядностью. Обширная серия керамических форм позволяет сузить датировку комплекса, предложенную для сооружения, изученного в 2021 году (2-я пол. VII – VIII в.), и ограничить ее рамками VIII в. Исследования 2024 года позволили установить, что мы имеем дело не с единичным сооружением, а с крупным поминальным комплексом, организованным на площадке городища эпохи раннего железного века. Этнокультурный характер объекта свидетельствует о взаимодействии славянского населения региона – носителей древностей типа Сахновки-Волынцева – и представителей степного круга культур эпохи Хазарского каганата.

Ключевые слова: археология, Тульская область, Окско-Донской регион, городище, VIII век, ритуальное сооружение, поминальный комплекс, древности типа Сахновки-Волынцева.

Работы, которым посвящена эта статья, являются продолжением исследований 2021 года, материалы которых уже были опубликованы на страницах журнала «Поволжская археология» (Колоколов, 2023). Тогда в ходе раскопок на городище у д. Гора Услань был изучен уникальный объект. Он представлял собой округлое в плане и усечено-коническое в профиле сооружение, сложенное из камней (рис. 2: 1–3), под которым были обнаружены остатки кострища, содержащего набор вещей: железный нож (рис. 2: 8), миниатюрный лепной кувшин (рис. 2: 7) и бронзовую пряжку (рис. 2: 6). У подножья конструкции стоял лепной горшок, относящийся к древностям круга Сахновки (рис. 2: 4). Объект был интерпретирован как поминальное сооружение и датирован в рамках 2-й пол. VII – VIII в. В качестве его этнокультурной интерпретации рассматривалась версия взаимодействия славянского населения региона

с выходцами из степной среды, что и нашло отражение в особенностях поминального обряда (Колоколов, 2023, с. 184; 2024, с. 142). В 2021 году не было понятно, является ли изученное сооружение единичным или на площадке городища есть еще подобные объекты, т. к. в рельефе памятника они не выделялись. По этой причине к конструкции, исследованной в 2021 г., было применено обозначение «комплекс». В 2024 г., когда поблизости было выявлено и изучено еще два схожих сооружения, стало ясно, что речь идет о сложном ритуальном комплексе, состоящем из множества объектов. Поэтому в дальнейшем изложении во избежание путаницы к изученным объектам мы будем применять обозначение «ритуальное сооружение», а термином «поминальный комплекс» будем обозначать совокупность этих сооружений на площадке городища у д. Гора Услань. Сооружениям присвоена сквозная нумерация арабскими

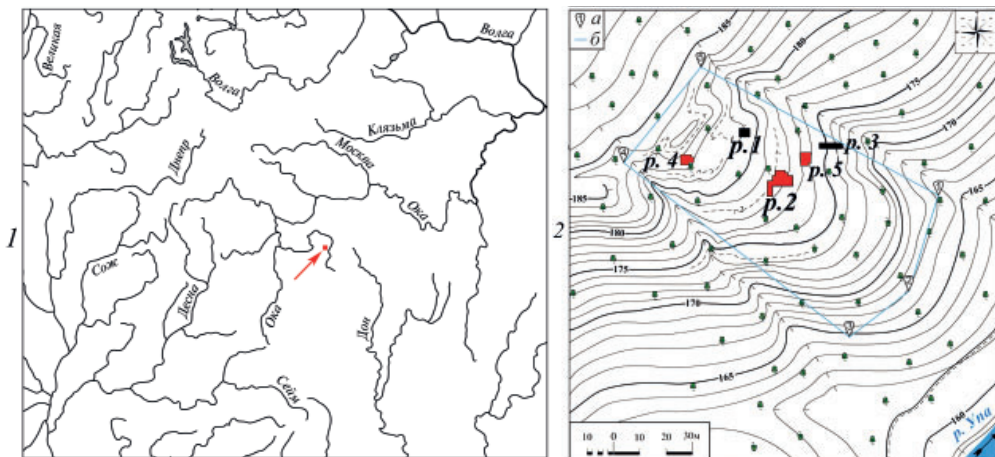

Рис. 1. I – городище у д. Гора Услань, месторасположения памятника.

II – топографический план городища у д. Гора Услань.

Красным цветом выделены раскопы, в которых изучены ритуальные комплексы.

Условные обозначения: а – поворотная точка границ памятника;

б – граница памятника.

Fig. 1. I – The hillfort near the village of Gora Uslan, showing the location of the site.

II – Topographic plan of the hillfort near the village of Gora Uslan.

Excavation areas where ritual complexes were studied are highlighted in red.

Legend: a – turning point of the site limits; b – site limits.

цифрами. Ритуальные сосуды, связанные с ними, нумеруются внутри каждого сооружения римскими цифрами. Соответственно, каждому сосуду присвоен шифр, состоящий из номера сооружения и номера сосуда (напр., 1-1).

Городище у д. Гора Услань, на площадке которого расположен поминальный комплекс, находится на левом берегу р. Упы, в черте современного г. Тулы, на мысу, образованном двумя оврагами, защищённом двумя валами и рвом (рис. 1, 2). Время создания и наиболее активного функционирования укрепленного поселения относится к эпохе раннего железного века (VIII–IV вв. до н. э.). В IX–X вв. на площадке городища возникло поселение, связанное с функционированием Верхнеокского участка Донского торгового пути (Столяров, Колоколов, Простяков, 2022).

В 2024 году на площадке городища было заложено два раскопа¹, им присвоены номера 4 и 5 (рис. 1: 2). Раскоп 4 располагался в приваловой части

городища и имел площадь 17 кв. м. Им было изучено ритуальное сооружение 2. Раскоп 5 площадью 19 кв. м был заложен вблизи северо-восточного склона городища, в 7 метрах к С-В от раскопа 2, где в 2021 году было изучено ритуальное сооружение 1. Раскопом 5 исследовано ритуальное сооружение 3.

В целом объекты, изученные в 2024 году, демонстрируют ту же организацию, что и сооружение 1. Они представляют собой каменные выкладки, под которыми находится кострище без следов кремации; на их поверхности либо в подножии расположены лепные сосуды, с которыми связаны остатки ритуальной пищи. Тем не менее рассматриваемые сооружения имеют ряд особенностей, отличающих их друг от друга.

Ритуальное сооружение 2 отличается оригинальной конфигурацией каменной выкладки. После снятия верхнего слоя почвы оно представляло собой разреженное, хаотичное скопление

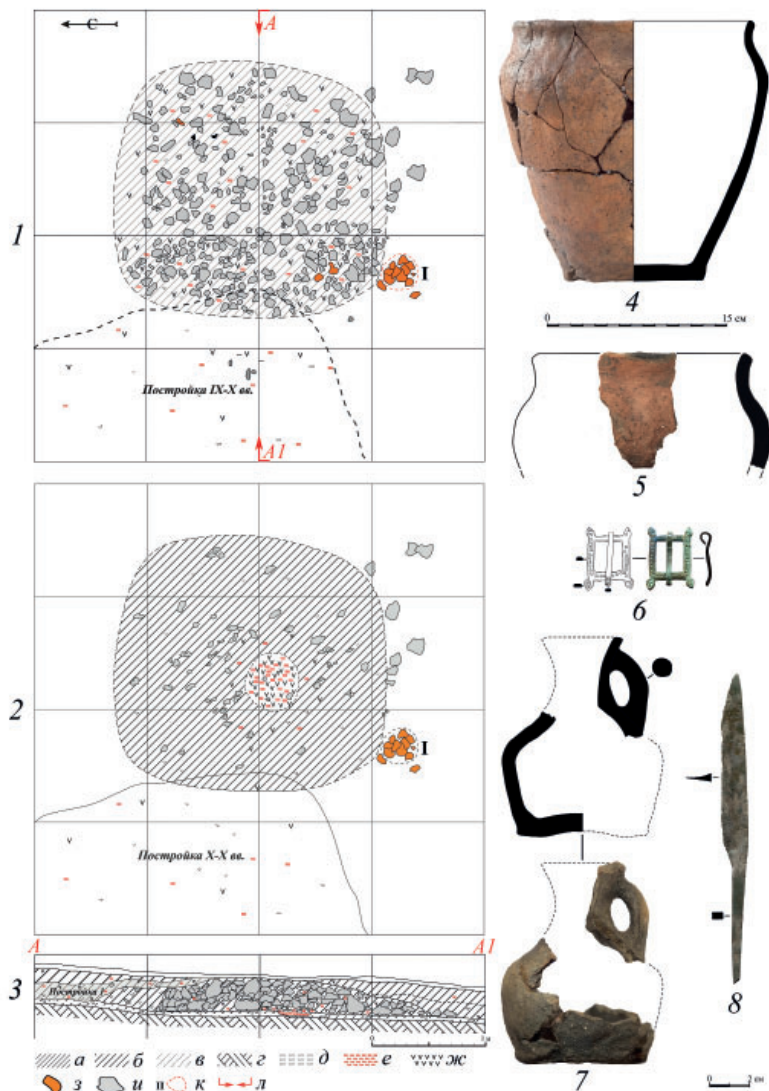

Рис. 2. Городище у д. Гора Услань. Ритуальное сооружение 1, работы 2021 года.

1 – ритуальное сооружение 1 после расчистки каменной выкладки; 2 – ритуальное сооружение 1 после разбора каменной выкладки, на уровне кострища; 3 – стратиграфический профиль каменной выкладки. 4–8 – находки из ритуального сооружения; 4 – лепной сосуд (1-I); 5 – лепной сосуд (1-II); 6 – пряжка; 7 – миниатюрный лепной кувшин; 8 – нож. 4 – подножье каменной выкладки; 6, 7 – кострище; 8 – 20 см к СЗ от кострища; 5 – нижняя часть каменной выкладки над кострищем. 4, 5, 7 – керамика; 6 – бронза; 8 – железо. Условные обозначения: а – темно-серый суглинок; б – серый суглинок; в – предматериковый диффузионный слой; г – материк; д – зола; е – печина; ж – древесный уголь; з – фрагмент керамики; и – камень; к – развал сосуда; л – место заложения стратиграфического разреза.

Fig. 2. The hillfort nearby the village of Gora Uslan. Ritual structure 1, 2021 excavations. 1 – ritual structure 1 after cleaning the stone alignment; 2 – ritual structure 1 after clearing away the stone alignment, at the fireplace level; 3 – stratigraphic profile of the stone alignment. 4–8 – finds from the ritual structure: 4 – hand-made vessel (1-I); 5 – hand-made vessel (1-II); 6 – buckle; 7 – miniature hand-made jug; 8 – knife. 4 – base of the stone alignment; 6, 7 – fireplace; 8 – 20 cm to the NW from the fireplace; 5 – lower part of the stone alignment above the fireplace. 4, 5, 7 – ceramics; 6 – bronze; 8 – iron.

камней. Однако после окончательной расчистки оказалось, что сооружение имеет правильную форму в виде равнобедренного треугольника, медиана которого сориентирована по линии В–З с небольшим отклонением (рис. 3: 1; 4: 1). Основание треугольника имело размер 1,8 м, высоту – 3,2 м. Выкладка состояла из необработанных конкреций известняка и лимонита. Камни были плотно подогнаны, конструкция имела высокую прочность.

Разрез сооружения был предпринят по линии медианы, в результате чего был получен профиль каменной выкладки вместе с кострищем (рис. 3: 2, 3; 4: 3). Кострище располагалось под центром сооружения и имело типичную костровую стратиграфию: в нижней его части находился слой прокалённого грунта, в верхней – зола и мелкие фрагменты древесного угля (рис. 3: 2, 3; 4: 2, 3). Камни над кострищем не имели следов прокала, следовательно, выкладка возводилась поверх уже прогоревшего костра. При этом, в отличие от сооружения 1, кострище, а затем каменная выкладка были организованы не на дневной поверхности, а в специально приготовленном углублении. Вещевых находок либо следов кремации кострище не содержало.

С ритуальным сооружением 2 связаны шесть лепных керамических сосудов. Три из них (сосуды 2-I, 2-II и 2-III) находились у Ю–З края и фиксировались в виде локально расположенных развалов (рис. 3: 4; 4: 1). Расположенное в центральной части сооружения скопление фрагментов лепной керамики оказалось остатками еще трех сосудов (2-IV, 2-V и 2-VI), форма которых была реконструирована.

Сосуд 2-I (рис. 5: 1) представляет собой приземистый округлобкий горшок с высокими плечиками и высоким вертикальным венчиком.

Он имеет толстые стенки (до 1 см) и большой объем – около 6 л. В качестве примеси к тесту использована дресва и мелкофракционный шамот, поверхность заглажена. На верхней части венчика наблюдается воздействие открытого пламени. По морфологии этот сосуд относится к классической лепной волынцевской керамике – типа 7 по А.Т. Смиленко и С.П. Юренко (Смиленко, Юренко, 1990, с. 280, рис. 59: 7, 8).

От сосуда 2-II (рис. 5: 2) сохранились только венчик и донце; достаточного набора стенок, позволяющего осуществить графическую реконструкцию его формы, не обнаружено. Сосуд имеет толстые стенки, шероховатую поверхность и значительную примесь крупнофракционного светлоглиняного шамота в тесте. Венчик короткий, слабо отогнутый наружу, с орнаментом в виде вдавлений, нанесенных эпифизом кости мелкой птицы. По форме он относится к типу I2 сахновской керамики по О.М. Приходнюку (Приходнюк, 1980, с. 49, рис. 27).

Сосуд 2-III (рис. 5: 3) является вытянутым конусовидным горшком с высоким, прямым, слегка заваленным внутрь венчиком. Сосуд тонкостенный, с заглаженной поверхностью и примесью крупного шамота в тесте. Объем сосуда составляет около 3 л. Лепные сосуды с наклонённым внутрь венчиком не вполне характерны для керамики типа сахновки-волынцевца, однако такая профилировка встречается среди гончарной волынцевской посуды (Смиленко, Юренко, 1990, с. 281, рис. 60: 1).

От сосудов 2-IV-V сохранилась только верхняя часть, поэтому определить их морфологию возможно лишь приблизительно. Сосуд 2-IV (рис. 5: 4) представляет собой конусовидный горшок с коротким венчиком, незначительно отогнутым наружу. Стенки сосуда тонкие, поверхность заглажен-

Рис. 3. Ритуальное сооружение 2, работы 2024 года.

1 – ритуальное сооружение после расчистки, вид с С; 2 – продольный разрез каменной выкладки, вид с С; 3 – разрез кострища, вид с С; 4 – развалы лепных сосудов (2-I-III) у подножья каменной выкладки, вид с СЗ.

Fig. 3. Ritual structure 2, 2024 excavations.

1 – ritual structure after cleaning, view from the north; 2 – longitudinal section of the stone alignment, view from the north; 3 – section of the fireplace, view from the north; 4 – broken hand-made vessels (2-I-III) at the base of the stone alignment, view from the NW.

ная, в тесте примесь мелкофракционной шамота. Сосуд 2-V (рис. 5: 5) также имеет конусовидную форму с высокими, крутыми плечиками и высоким, отогнутым наружу венчиком.

Стенки сосуда тонкие, поверхность шероховатая, в тесте примесь крупного шамота. Венчик сосуда орнаментирован косыми насечками по краю. Такой орнамент является типичным

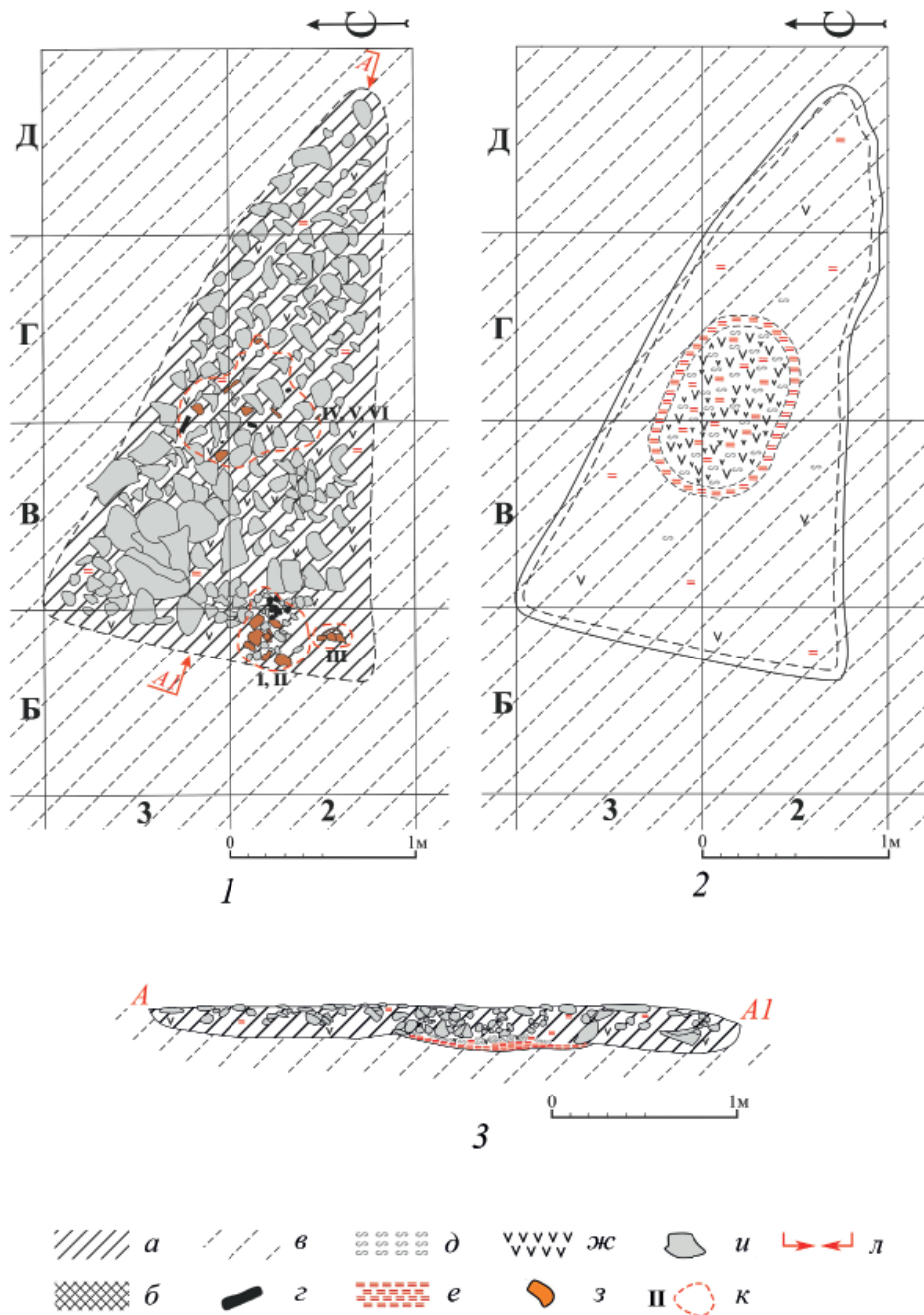

Рис. 4. Ритуальное сооружение 2, работы 2024 года.

1 – ритуальное сооружение 2 после расчистки; 2 – ритуальное сооружение 2 после разбора каменной выкладки; 3 – разрез А–А1.

Условные обозначения: а – темно-серый суглинок; б – участки турбации; в – засыпка рва эпохи РЖВ; г – кость животного; д – зола; е – печина; ж – древесный уголь; з – фрагмент керамики; и – камень; к – развал сосуда; л – место заложения стратиграфического разреза.

Fig. 4. Ritual structure 2, 2024 excavations. 1 – ritual structure 2 after cleaning; 2 – ritual structure 2 after clearing away the stone alignment; 3 – section A–A1.

для волынцевской керамики (Сухобоков, Юренко, 1997, с. 164, рис. 1: 11). По форме он близок типу П2 по О.М. Приходнюку (Приходнюк, 1980, с. 49, рис. 27).

Сосуд 2-VI (рис. 5: 6) представляет собой приземистый, округлобокий, сильно профилированный горшок с высоким S-видным венчиком. Такая форма сосудов типична для сахновской керамической традиции. По О.М. Приходнюку, она соответствует горшкам типа I-1 (Приходнюк, 1980, с. 49, рис. 27, II, 2). Сосуды аналогичной формы происходят из сахновских комплексов поселения Новоямское 3 (рис. 9: 64) (Обломский, 2016, с. 107, рис. 6), селища Каменка 1 на р. Вырке (рис. 9: 29), а также из наиболее ранней постройки славянского поселения на площадке Супрутского городища (рис. 9: 86) (Колоколов, 2024, с. 144, рис. 2: 1–3; с. 145, рис. 3: 2, 3). Он имеет тонкие стенки, хорошо заглаженную поверхность и тесто с примесью мелкофракционного шамота.

Ритуальное сооружение 3 демонстрирует схожие конструкцию и размеры с сооружением 1, изученным в 2021 году (рис. 2: 1–3). Его каменная выкладка также имеет округлую форму и близкие размеры: диаметр около 3 м, мощность до 40 см (рис. 6: 1; 7: 1, 3). Однако сооружение 3 имеет и ряд существенных отличий.

Во-первых, кострище здесь располагалось не по центру каменной выкладки, как в случаях сооружений 1 и 2 (рис. 2: 2; 4: 2), а в Ю-З ее части (рис. 7: 2, 8). На площадке под каменной выкладкой, на уровне кострища, зафиксирована высокая концентрация прокалённого суглинка (рис. 7: 2). Прослойка с высоким содержанием прокала читается и в бортах раскопа, на том же уровне. Она могла сформироваться как в ходе предварительного прокала ритуальной площадки – приема, встречающегося, например, в погребальном обряде КПДК (Седов,

1995, с. 216), – так и в результате рассеивания костра, намеренного или случайного. В пользу последнего свидетельствует то, что кострище здесь сохранилось хуже, чем в сооружениях 1 и 2, где подобной прослойки не обнаружено.

Во-вторых, ритуальное сооружение 3 включало в себя элемент, не зафиксированный при изучении двух первых объектов: массивный жертвенник, расположенный в 0,2 м к Ю-З от каменной выкладки. Он представлял собой плоскую известняковую плиту подтреугольной формы, длиной 80 см, шириной основания 50 см и толщиной 10–12 см (рис. 6: 1, 2; 7: 1, 4). Несмотря на то, что раскоп располагался вблизи склона и его поверхность понижается в направлении севера на 0,7 м, жертвенный камень расположен строго горизонтально. Это было достигнуто при помощи двух каменных подставок, установленных под плиту со стороны склона (рис. 6: 3; 7: 5–7). Вероятно, наличием жертвенника объясняется и расположение кострища – оно находится в непосредственной близости от камня – в 0,6 м. к С-В.

В-третьих, в отличие от сооружения 1, где ритуальный сосуд был один и находился у его подножья (рис. 2: 1, 2), здесь сосуды стояли непосредственно на поверхности каменной выкладки и были расположены по кругу (рис. 7: 1). Всего обнаружено шесть графически реконструируемых форм, которые были зафиксированы *in situ*, в виде локально расположенных развалов (рис. 6: 4, 5). Их плохая сохранность связана с тем, что они находились практически на современной дневной поверхности, под слоем лесного опада.

Сосуд 3-I (рис. 8: 1) располагался в южной части конструкции, в 0,6 м от края. Он имел вытянутую форму, близкую к баночной, с покатыми плечиками и коротким прямым венчиком,

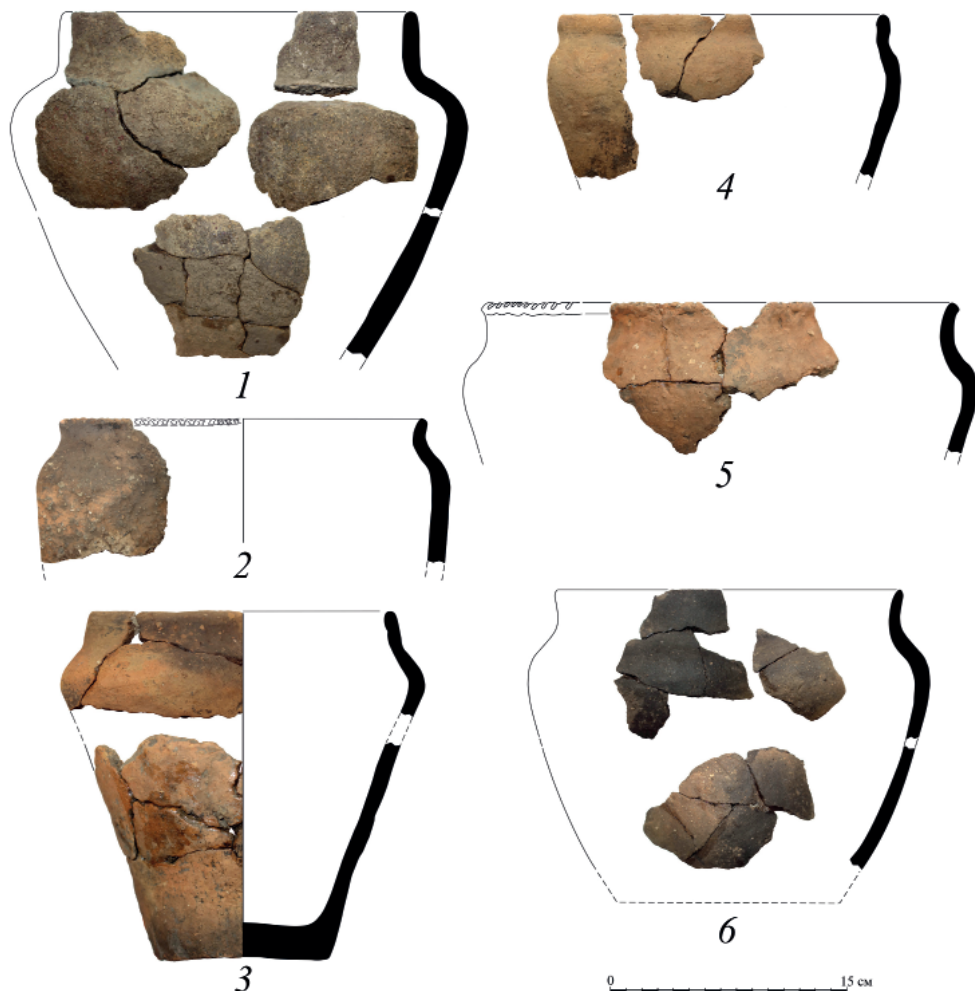

Рис. 5. Ритуальное сооружение 2, работы 2024 года. 1–6 – керамические сосуды, зафиксированные на поверхности и у подножья каменной выкладки. 1 – сосуд 2-I; 2 – сосуд 2-II; 3 – сосуд 2-III; 4 – сосуд 2-IV; 5 – сосуд 2-V; 6 – сосуд 2-VI.

Fig. 5. Ritual structure 2, 2024 excavations. 1–6 - ceramic vessels recorded on the surface and at the base of the stone alignment. 1 – vessel 2-I; 2 – vessel 2-II; 3 – vessel 2-III; 4 – vessel 2-IV; 5 – vessel 2-V; 6 – vessel 2-VI.

орнаментированным косыми насечками по краю. Стенки сосуда тонкие, поверхность бугристая, тесто содержит крупный шамот в качестве примеси. Его объем составляет около 4,5 л.

Сосуд 3-II (рис. 8: 2) обнаружен в Ю-3 части каменной выкладки. Его форма и объем близки к сосуду 3-I. При этом, в отличие от сосуда 3-I, он изготовлен в иной технологической традиции – тесто плотное, с примесью

мелкофракционного светлоглиняного шамота, поверхность тщательно заглажена. По форме сосуда 3-I-II близки к типу I-4 сахновкой керамики по Приходнюку (Приходнюк, 1980, с. 49, рис. 27) или типу V лепной волынцевской керамики по А.Т. Смиленко и С.П. Юренко (Смиленко, Юренко, 1990, с. 280, рис. 59: 4). Сосуд схожей профилировки происходит из комплекса наиболее ранней постройки

славянского поселения на площадке Супрутского городища (Колоколов, 2024, с. 145, рис. 3: 1).

Сосуд 3-III (рис. 8: 3) обнаружен в С-3 части каменной выкладки, на краю. Он имеет приземистую, мисковидную форму, плотное тесто с примесью мелкофракционного шамота и тщательно заглаженную поверхность. Объем сосуда составляет около 4 л. По форме соответствует типу IV волынцевских мисок по А.Т. Смиленко и С.П. Юренко (Смиленко, Юренко, 1990, с. 280, рис. 59: 13).

Сосуд 3-IV (рис. 8: 4) обнаружен в западной части сооружения, с краю. Он имеет вытянутую, конусовидную форму с крутыми плечиками и высоким прямым венчиком, высота которого составляет $\frac{1}{4}$ общей высоты сосуда. Стенки сосуда толстые, поверхность бугристая, покрытая трещинами, тесто содержит крупный шамот в качестве примеси. Объем сосуда составляет около 4,5 л. По форме он близок к типу VII лепной волынцевской керамики по А.Т. Смиленко и С.П. Юренко (Смиленко, Юренко, 1990, с. 280, рис. 59: 8).

Сосуд 3-V (рис. 8: 5) находился в С-В части конструкции. Он был сильно фрагментирован, т. к. располагался под корнями дерева. Горшок имеет коническую форму с коротким, слегка отогнутым наружу венчиком, резким переходом от тулова к плечу, тесто содержит примесь мелкофракционного светлоглиняного шамота, орнамент отсутствует, поверхность заглажена. Это самый крупный сосуд из всех обнаруженных – его объем составляет около 8 л. По форме и характеру теста он наиболее близок сосуду 1-I (рис. 2: 4). Оба эти сосуда относятся к типу I-2 сахновской керамики по О.М. Приходнюку (Приходнюк, 1980, с. 49, рис. 27).

Сосуд 3-VI (рис. 8: 6) располагался в юго-восточной части выкладки, в 0,45 м от края. Удалось восстановить

только верхнюю часть сосуда, нижняя, очевидно, была уничтожена расположенным рядом перекопом. Сосуд имеет конусовидную форму, крутые плечики и высокий, отогнутый наружу венчик. Так же как венчик сосудов 2-V и 3-I, он орнаментирован разраженными косыми насечками тупым предметом по краю, что типично для лепных волынцевских сосудов (Сухобоков, Юренко, 1997, с. 164, рис. 1: 2-4). Стенки сосуда тонкие, поверхность шероховатая, в тесте примесь крупного шамота. По форме он близок типу П2 по О.М. Приходнюку (Приходнюк, 1980, с. 49, рис. 27).

Интересной находкой является стенка сосуда с налипной шишечкой. Она принадлежит толстостенному лепному сосуду с шероховатой поверхностью и содержанием крупного шамота в тесте (рис. 8: 7). Стенка была обнаружена отдельно, в центральной части выкладки, и, вероятно, является фрагментом несохранившегося сосуда. Ближайшая аналогия с территории Окского региона происходит из погребения 14 грунтового могильника Щурово, где горшок с такими же шишечками на стенках использовался в качестве погребальной урны (Сыроватко, Клещенко, Добровольская, 2012, с. 90, рис. 2). По вещевому набору могильник датируется в рамках конца VIII – начала X в., но захоронение, к сожалению, не имеет узкой датировки (Сыроватко, Клещенко, Добровольская, 2012, с. 87). Похожий орнаментальный прием наблюдается на некоторых экземплярах посуды из салтово-маяцких ритуальных комплексов. Среди них – лощеная кружка с налипными шишечками из катакомбы в яме 29 (Винников, Плетнева, 1998, с. 95, рис. 35: Б), а также и кубышка из состава тризны 2 к погребениям в постройке 18 (Винников, Плетнева, 1998, с. 100, рис. 37: Г) на территории Маяцкого поселения. Сосуды с таким же декоративным эле-

Рис. 6. Ритуальное сооружение 3, работы 2024 года.

1 – ритуальное сооружение 3 после расчистки, вид с ЮЗ; 2 – жертвенный камень, вид с З; 3 – жертвенный камень, вид с В; 4, 5 – развалы лепных сосудов на поверхности каменной выкладки (4 – сосуд 3-I; 5 – сосуды; 3-II-III).

Fig. 6. Ritual structure 3, 2024 excavations. 1 – ritual structure 3 after cleaning, view from the SW; 2 – sacrificial stone, view from the W; 3 – sacrificial stone, view from the E; 4, 5 – broken hand-made vessels on the surface of the stone alignment (4 – vessel 3-I; 5 – vessels 3-II-III).

ментом широко представлены в захоронениях 2-й четв. VII – рубежа VII–VIII в. могильника Мокрая Балка (Афанасьев, Рунич, 2001, с. 133, рис. 70: 6–8; с. 139, рис. 76: 19; с. 192, рис. 117: 10; с. 207, рис. 132: 3; и т. д.). Сто-

ит отметить, что с площадки городища Гора Услань происходит фрагмент зеркала, имеющий близкие аналогии в материалах этого могильника (Колоколов, 2023, с. 183; 178, рис. 5:1). Таким образом, сосуд, к которому

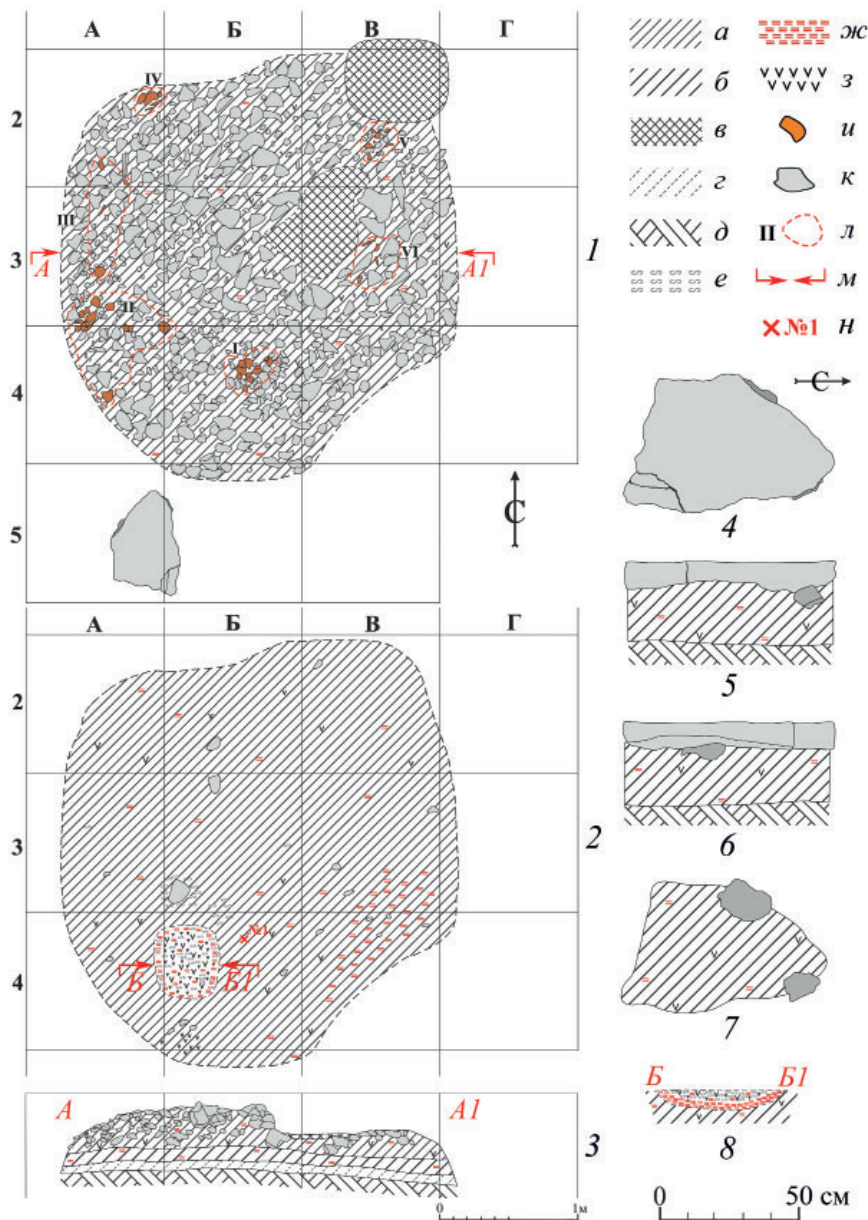

Рис. 7. Ритуальное сооружение 3, работы 2024 года. 1 – ритуальное сооружение 3 после расчистки; 2 – ритуальное сооружение 3 после разбора каменной выкладки; 3 – разрез А–А1; 4–7 – жертвенный камень: 4 – вид сверху; 5 – вид с В; 6 – вид с З; 7 – каменные подставки под жертвенный камень. 8 – кострище, разрез Б–Б1. Условные обозначения: а – темно-серый суглинок; б – серый суглинок; в – участки турбации; г – предматериковый диффузионный слой; д – материк; е – зола; ж – печина; з – древесный уголь; и – фрагмент керамики; к – камень; л – развал сосуда; м – место заложения стратиграфического разреза; н – индивидуальная находка.

Fig. 7. Ritual structure 3, 2024 excavations. 1 – ritual structure 3 after cleaning; 2 – ritual structure 3 after dismantling the stone masonry; 3 – section A–A1; 4–7 – sacrificial stone: 4 – top view; 5 – view from the East; 6 – view from the West; 7 – stone supports beneath the sacrificial stone. 8 – fireplace, section B–B1.

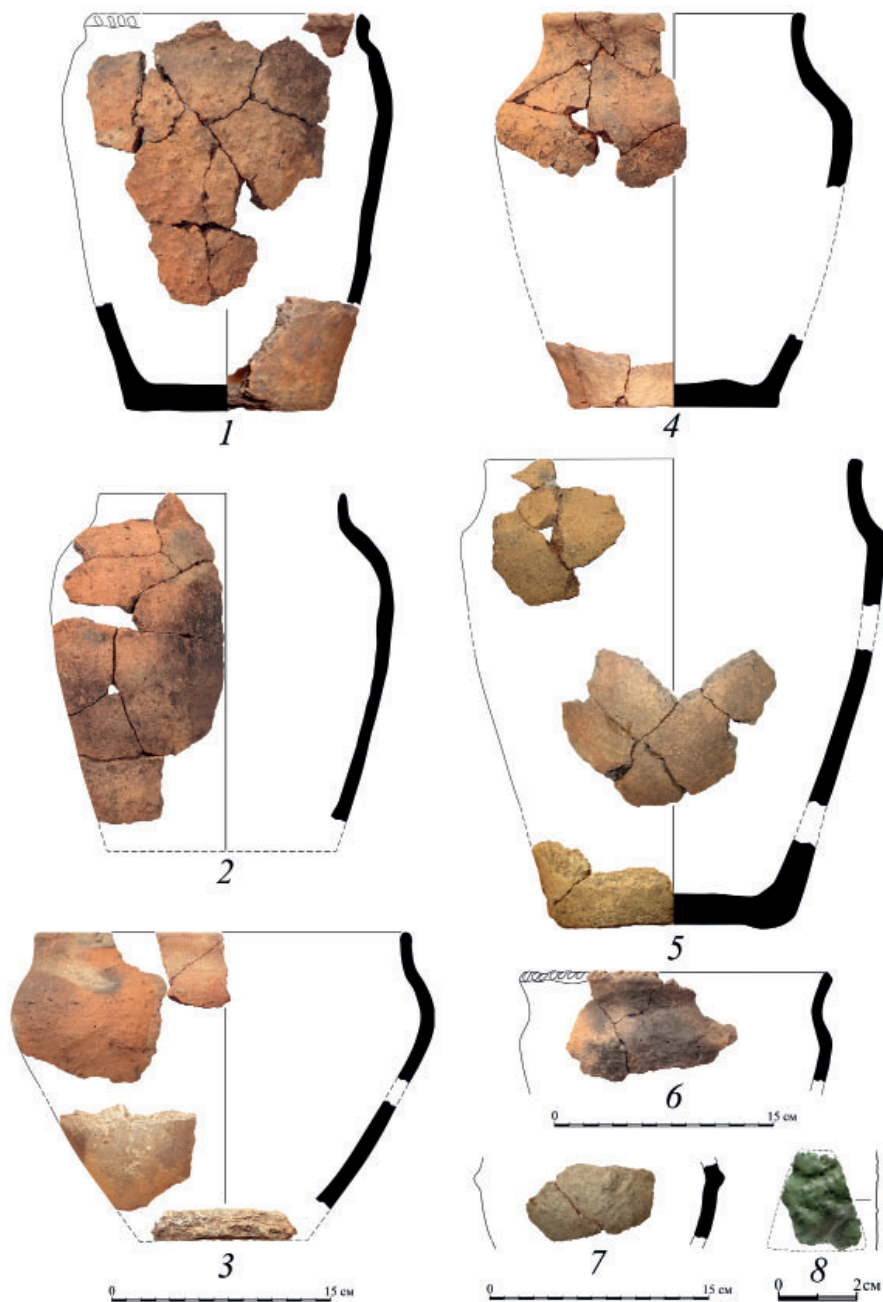

Рис. 8. Ритуальное сооружение 3, работы 2024 года.

1–6 – керамические сосуды, зафиксированные на поверхности каменной выкладки.

1 – сосуд 3-I; 2 – сосуд 3-II; 3 – сосуд 3-III; 4 – сосуд 3-IV; 5 – сосуд 3-V;

6 – сосуд 3-VI. 7 – стенка сосуда с налипной шишкой;

8 – трапециевидная подвеска, обнаруженная вблизи кострища, бронза.

Fig. 8. Ritual structure 3, 2024 excavations. 1–6 – ceramic vessels recorded on the surface of the stone alignment. 1 – vessel 3-I; 2 – vessel 3-II; 3 – vessel 3-III; 4 – vessel 3-IV; 5 – vessel 3-V; 6 – vessel 3-VI. 7 – vessel wall with adhesive bump; 8 – trapezoidal pendant found near the fireplace, bronze.

принадлежала стенка с наклепной шпичкой, может являться подражанием южным образцам ритуальной посуды. К сожалению, невозможность реконструировать форму сосуда не позволяет более точно определить его культурно-хронологическую позицию.

В целом вся керамика, связанная с ритуальными сооружениями 1 и 2, демонстрирует две традиции изготовления: сосуды высокого качества, тонкостенные, с плотным тестом, содержащим в качестве примеси мелкофракционный светлоглиняный шамот, и грубые, толстостенные сосуды с примесью крупного шамота в тесте. Существование такой керамики характерно для комплексов с материалами круга Сахновки. Такие комплексы известны как на территории Окско-Донского региона (Екимов, Колоколов, 2023, с. 231–232, рис. 14–15), так и на сопредельных территориях (Родинкова, 2016, с. 129–137, рис. 46–61).

Единственная вещевая находка, связанная с сооружением 3 – трапециевидная привеска без орнамента, была обнаружена вблизи кострища (рис. 7: 2; 8: 8). Такие украшения имеют чрезвычайно широкое распространение: они известны как в составе славянских, так и салтово-маяцких и финно-угорских древностей. Крупные трапециевидные подвески без орнамента широко представлены в составе Днепровских кладов I группы, выпадение которых маркирует нижнюю дату древностей сахновского круга (Родинкова, 2011, с. 243, рис. 1: 31).

В комплексе развалов многих сосудов из сооружений 2 и 3 среди фрагментов керамики зафиксированы скопления костей животных и птиц. Так, археозоологические серии относятся к сосудам 2-I-II, 2-III, 2-IV-VI, 3-I, 3-II (см. табл. 1)². Интерпретировать эти находки можно как остатки поминальной пищи. В целом ритуальные действия, связанные с трапезой и приношением жертв в память о покойном,

в современной науке определяются термином «тризна». Среди костного материала представлены четыре вида домашних животных: овца, свинья, лошадь, КРС, также обнаружены кости птицы, предположительно куропатки (см. табл. 1). Большинство костей фрагментировано, что характерно именно для кухонных останков. Некоторые из них обуглены по краям, что свидетельствует о приготовлении мяса на открытом огне. Остатки свиньи в основном представлены частями, содержащими много соединительной ткани, что может свидетельствовать о приготовлении студня или подобных ему блюд (Чубур, 2024).

Наиболее сложным вопросом является определение времени создания комплекса. Достаточно надежными основаниями для датировки обладает сооружение 1, исследованное в 2021 году. Вещевой набор и керамический комплекс позволил датировать его в рамках 2-й пол. VII – VIII вв. (Колоколов, 2023, с. 182). Дополнительным подтверждением верхней даты являлось то, что западную часть каменной насыпи перекрывала наземная часть жилой постройки IX–X вв. (рис. 2: 1–3). Исследования 2024 года позволяют несколько уточнить эту дату. Несмотря на отсутствие новых, узко датированных вещей находок, эти работы дали обширную серию керамических форм.

Керамика поминального комплекса у д. Гора Услань сопоставима с материалами волынцевского типа, распространёнными в конце VII – VIII вв. на территории Поднепровья и недавно выделенными на Верхней Оке (рис. 9). Внутри этого типа необходимо выделять два круга древностей. К комплексам, содержащим характерную гончарную волынцевскую керамику, следует применять термин «круга Битицы», по названию городища, с которым, вероятнее всего, был связан один из наиболее крупных

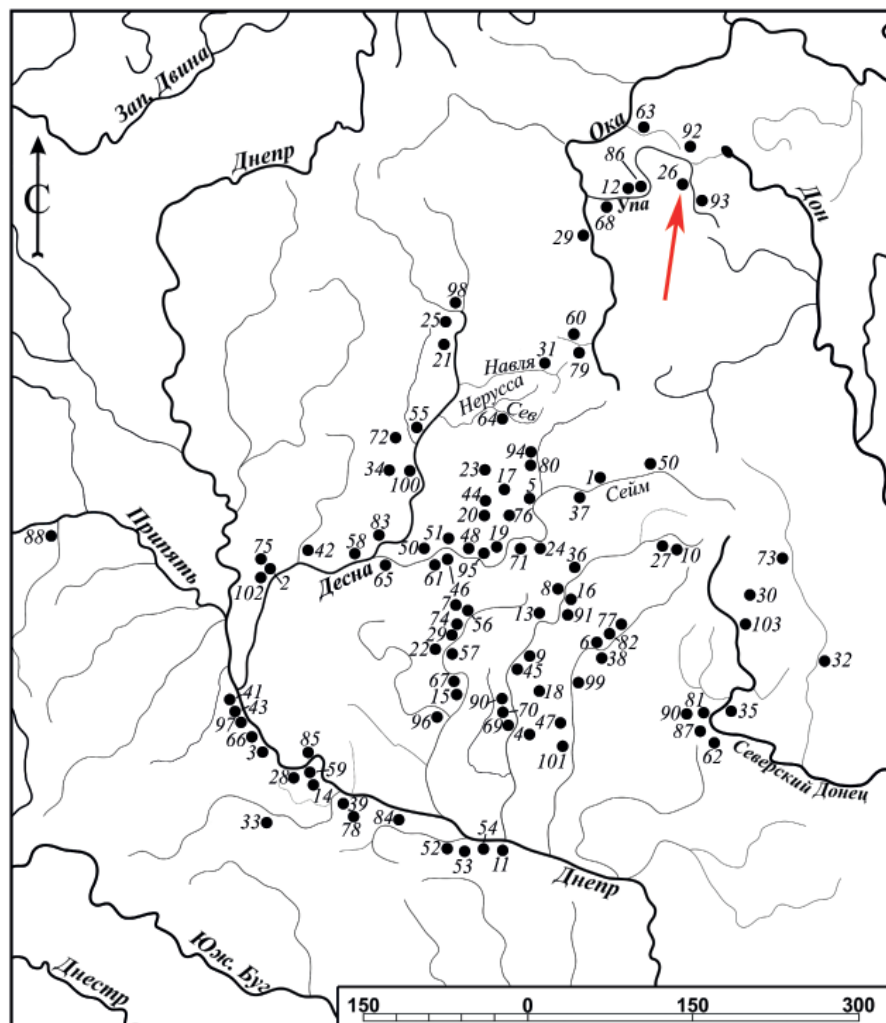

Рис. 9. Карта распространения памятников волынцевского типа. Красная стрелка указывает на городище у д. Гора Услань. 1 – Авдеево; 2 – Александровка 1; 3 – Белгородка; 4 – Белокини; 5 – Березняки 3; 6 – Березовка; 7 – Беседовка; 8 – Битица; 9 – Бишкинь; 10 – Боброва 5; 11 – Большая Андрусовка; 12 – Большое Тризново 3; 13 – Бровково; 14 – Бучак; 15 – Васильки; 16 – Верхняя Чернетчина; 17 – Веселое; 18 – Вовки; 19 – Волынцево; 20 – Воргол; 21 – Выгоничи; 22 – Глинск; 23 – Глухов; 24 – Глушково 1; 25 – Голяжье; 26 – Гора Услань; 27 – Гочево 3; 28 – Григоровка; 29 – Деркачевка-Довжик; 30 – Дмитриевка; 31 – Железное Городище; 32 – Жовтенево; 33 – Журавка; 34 – Залиновье; 35 – Занки; 36 – Запселье; 37 – Иваново 2; 38 – Ивановка; 39 – Канев; 40 – Каменка 1; 41 – Киев; 42 – Киселево 2; 43 – Китаево; 44 – Кочерги; 45 – Кудановка; 46 – Куриловка 2; 47 – Лаврики; 48 – Латышевка; 49 – Лебяжье 3; 50 – Ленинское; 51 – Литвиновичи 3; 52 – Луг 1; 53 – Луг 2; 54 – Макаров Остров; 55 – Макча; 56 – Малые Будки; 57 – Мельники 1; 58 – Мена 5; 59 – Монастырек; 60 – Муравлево; 61 – Нечаевка; 62 – Нижний Бишкинь 1; 63 – Никулино; 64 – Новоямское 1 – 3; 65 – Обмачев; 66 – Обухов 2; 67 – Пески; 68 – Петровское; 69 – Плешивец; 70 – Поповка; 71 – Попово-Лежачи 4; 72 – Посудичи; 73 – Приоскольское 2; 74 – Раковая Сечь; 75 – Роище; 76 – Руднево; 77 – Рябовка 3; 78 – Сахновка; 79 – Сеножатное 3; 80 – Сныткино 3; 81 – Соколово; 82 – Солдатское; 83 – Сосновка; 84 – Стецовка; 85 – Стовпяги; 86 – Супруги; 87 – Сухая Гомольша; 88 – Сушаны-Хмельник; 89 – Терновый; 90 – Тимченки; 91 – Токари; 92 – Торхово 3; 93 – Уткино 1; 94 – Харасея; 95 – Харьевка; 96 – Хитцы; 97 – Ходосовка; 98 – Хотылево; 99 – Хухра; 100 – Целиков бугор; 101 – Чередники; 102 – Шестовица; 103 – Шоссейное.

Fig. 9. Map showing the distribution of Volyntsevo-type sites. The red arrow indicates the hillfort nearby the village of Gora Uslan.

Таблица 1

Определение археозоологических находок из комплексов ритуальных сооружений 2 и 3

Скелетный набор	№ сосуда	Животное				
		Свинья	Овца	КРС	Лошадь	Птица
<i>Ритуальное сооружение 2</i>						
Локтевая кость, фрагмент дистальной части	2-IV-VI	2				
Верхняя челюсть, фрагмент		1				
Шейный позвонок, фрагмент		1				
Пястная кость, фрагмент		1				
Фаланга II		1				
Крестцовый позвонок			1			
Ребро, фрагмент			3			
Локтевая кость, фрагмент			1			
Бедренная кость – фрагмент диафиза			2			
Бедренная кость, фрагмент						1
Позвонки поясничные и крестцовые (целый и фрагменты со следами обугливания)	2-III		6			
Тазовой кости фрагмент			1			
Череп, включая верхнюю челюсть, фрагменты, зубы	2-I-II				15	
Второй шейный позвонок		1				
Поясничный позвонок			1			
Грудной позвонок, фрагмент			1			
Крестцовый позвонок			2			
Ребро, фрагмент			1			
Плечевая кость, фрагмент			1			
Лопатка, фрагмент			2			
<i>Ритуальное сооружение 3</i>						
Пястная кость, фрагмент	3-I	1				
Фаланга II		1				
Фрагмент позвонка со следами обугливания			1			
Поясничный позвонок			1			
Большая берцовая кость молодого животного			1			
Бедренная кость молодого животного, фрагмент				1		
Головка названной выше бедренной кости, отпавшая				1		
Нижняя челюсть, фрагмент			1			
Таранная кость, со следами обугливания		3-II	1			
Плюсневая кость молодого животного, фрагмент			1			
Ребро, фрагмент			2			
Большая берцовая кость, фрагмент диафиза со следами обугливания				1		

центров производства таких сосудов. Комплексы же, керамический набор которых включает только лепную

посуду, уместно именовать «круга Сахновки». Термин «древности типа Сахновка» в основном используется в

отношении материалов раннего этапа памятников волынцевского типа (кон. VII – 1-й пол. VIII в.), для которых характерно отсутствие гончарных сосудов. При этом на территориях, значительно отдаленных от Битицы, второй этап мог наступить позднее или не наступить вовсе, и сахновский этап длился вплоть до роменской эпохи, сменяющей волынцевскую. Таким образом, отсутствие на территории изучаемого комплекса гончарной волынцевской керамики, как в комплексе изученных сооружений, так и в культурном слое городища, однозначно не говорит о принадлежности памятника раннему этапу волынцевской культуры.

Рассматривая в целом керамический комплекс изученных сооружений, можно заключить, что наряду с типичной сахновской керамикой (сосуды 1-I-II, 2-IV-VI, 3-V-VI) в нем присутствуют развитые волынцевские формы (сосуды 2-I, 3-II-IV), причем они встречаются не только в комплексе ритуальных сооружений, но и в подъемном материале с площадки городища (Колоколов, 2023, с. 178, рис. 5: 4). Такие формы сосудов известны как среди лепной, так и среди гончарной волынцевской керамики (Смиленко, Юренко, 1990, с. 280–281, рис. 59–60). Наличие таких сосудов позволяет ограничить время бытования комплекса VIII в.

Помимо датировки памятника необходимо еще раз обратиться к проблеме функциональной интерпретации комплекса. Сооружение, исследованное в 2021 году, было определено как поминальное, что было отражено в заглавии посвященной ему работы (Колоколов, 2023, с. 173). В двух сооружениях, изученных в 2024 году, также не было обнаружено человеческих останков при соблюдении аналогичного обряда.

Традиционно термин «поминальный комплекс» применяется к

объектам, имеющим явно ритуальное назначение, но не содержащим следов захоронений. В частности, А.К. Амброз выделяет «сооружения поминального культа, связанного с применением огня». К ним он относит курганы в Нижнем Поволжье, содержащие кострища, кости животных и обгорелые вещи, но лишенные следов погребений, а также комплекс в Макартете и Вознесенке (Амброз, 1980, с. 19–20). С поминальной обрядностью исследователи связывают комплекс 7 в Новогригорьевке (Казанский, 2020, с. 95) и Ливенцовский VII, кург. 35, 2-й пол. VI – нач. VII в. (Безуглов, Ильюков, 2007, с. 25–48), относящиеся к постгуннскому времени. Причем в обоих упомянутых случаях использованы каменные выкладки, перекрывающие следы ритуальных действий.

Таким образом, можно уверенно констатировать, что и мы имеем дело именно с поминальным комплексом, состоящим из локально расположенных поминальных сооружений. Вероятно, они были посвящены соплеменникам, не вернувшимся из военного похода или погибшим вдали от дома в связи с какими-либо трагическими событиями. Не исключено также, что место кремации и захоронения праха покойных располагалось в другом месте и в будущем тоже будет обнаружено. Место сооружения поминального комплекса было выбрано не случайно: это узкий мыс, отделенный от окружающего пространства древним валом, возведенным в эпоху раннего железного века.

Наиболее сложным вопросом является этнокультурная интерпретация комплекса. Как уже было сказано, аналогичные сооружения в синхронных древностях верховьев Оки и Дона, а также сопредельных регионов неизвестны. По этой причине необходимо обращаться к более дальним, инокультурным материалам.

Первым делом напрашиваются параллели с древнетюркскими поминальными практиками, где имеются синхронные, аналогичным образом организованные объекты. Схожие комплексы, а именно округлые каменные выкладки, под которыми расположены угольные пятна, сосуды, кости животных и в редких случаях вещевые находки, обнаруживаются, в частности, в тюркских древностях южного Зауралья, в составе памятников Селенташского типа VI–VIII вв. (Боталов, 1996, с. 149, рис. 1; 153, рис. 4; 156, рис. 6). Аналогичные поминальные сооружения можно обнаружить и еще дальше на востоке – т. н. ритуальные курганы раннесредневековых тюрков Алтая 2-й пол. VII – 1-й пол. IX вв. (Серегин, Матренин, 2016, с. 131, рис. 62; 132, рис. 63). В целом возведение поминальных сооружений с применением каменных выкладок, жертвенниками и остатками тризн – характерная черта древнетюркской культуры сер. – 2-й пол. I тыс. н. э. (Дворников, 2004).

В то же время можно обратить взор на запад и обнаружить схожие объекты в синхронных древностях Балкан. Это т. н. «српске громиле» – небольшие курганы, обложенные камнем, около 4–5 м в диаметре, без следов захоронений, однако с остатками ритуалов, посвященных умершим. Близкое к публикуемому по форме и размеру сооружение из Уздолья близ Книна (совр. Хорватия) содержит, помимо костей животных, фрагменты керамики и датируется VIII – нач. IX вв. (Янковић, 1998, с. 75–79). Любопытно, что единичные вещи 2-й пол. VII – нач. VIII века, связанные с Балканскими древностями, встречаются на территории Верхней Оки (Колоколов, 2024, с. 146, рис. 4: 4).

Разумеется, наличие схожих объектов в древнетюркских и балканских древностях, даже несмотря на их относительную синхронность,

не позволяет всерьез возводить сооружения, изученные на городище у д. Гора Услань к столь территориально и культурно далёким материалам. Приведенные примеры скорее демонстрируют особую сложность, возникающую при этнокультурной интерпретации уникального для нашего региона памятника.

Однако степной вектор интерпретации комплекса, намеченный еще при публикации сооружения 1, также остается актуальным. Благодаря исследованиям последних лет схожие объекты стали известны в Верхнедонском ареале салтово-маяцкой культуры. Территориально ближайший к нам изучен на селище Мухино-2: он представлял собой каменную выкладку прямоугольной в плане формы и размерами 1,2×1,5 м, ориентированную по линии С-З – Ю-В. Под камнями были найдены мелкие кальцинированные кости коровы, а также железный наконечник копья. Сооружение датировано авторами работ в рамках 2-й пол. VIII – сер. IX вв. (Земцов, Владимиров, 2024, с. 217–234). Ритуальное сооружение хазарского времени с использованием сплошной каменной выкладки известно и на территории Нижнего Подонья – это знаменитый «курган с камнем», с поверхности которого собран набор наконечников стрел кон. VIII – нач. IX вв. (Флеров, 2005, с. 33). При этом исключительно славянский характер керамики ритуальных сооружений 2 и 3 на городище у д. Гора Услань еще подтверждают глубокий культурный синкретизм поминального комплекса, отмеченный еще при интерпретации материалов 2021 года.

При публикации ритуального сооружения 1 уже была подчеркнута схожесть объектов на городище Гора Услань с некоторыми комплексами новинковского типа конца VII – VIII в., расположенными на территории Самарской Луки (Колоколов,

2023, с. 181–182). Там, помимо сплошного использования каменных выкладок при сооружении курганных насыпей, известны курганы, не содержащие захоронений, а также встречаются довольно близкие аналогии миниатюрному лепному кувшинчику из ритуального сооружения 1 (рис. 2: 7). Новые исследования на Самарской Луке свидетельствуют о тесном взаимодействии славян и степняков в VIII веке, что выражается в памятниках Жигулевского типа, в комплексе которых обнаруживается значительный славянский компонент (Сташенков,

2024, с. 83–85). Вероятнее всего, возникновение поминального комплекса на городище Гора Услань в VIII в. связано со схожими этнокультурными процессами, предваряющими как массовое заселение берегов Верхней Оки и ее притоков славянами в IX в., так и мощное влияние салтово-маяцкой культурно-исторической общности на этом этапе. Помимо многочисленных археологических материалов, это нашло отражение в «Повести временных лет» как данническая зависимость вятичей от хазар.

Примечания

¹ Выражаем благодарность автору археологических работ Евгению Васильевичу Столярову за возможность воспользоваться неопубликованными материалами.

² Археозоологическое определение осуществил к.и.н., профессор РАЕ Артур Артурович Чубур. Выражаем благодарность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 10–23.

2. Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. Мокрая Балка. Вып. 1: Дневник раскопок. М.: Научный мир, 2001. 252 с.

3. Безуглов С.И., Ильюков Л.С. Памятник позднегуннской эпохи в устье Дона // Средневековые древности Дона. Материалы и исследования по археологии Дона II / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Москва; Иерусалим: Мосты культуры, 2007. С. 25–48.

4. Боталов С.Г. Памятники селенташского типа в Южном Зауралье // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Труды музея-заповедника Аркаим / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Каменный пояс, 1996. С. 148–158.

5. Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1998. 214 с.

6. Дворников Э.П. Поминальные памятники древних и средневековых кочевников Горного Алтая: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. Барнаул: Алт. гос. ун-т., 2004. 24 с.

7. Екимов Ю.Г., Колоколов А.М. Материалы VIII–X вв. поселения Каменка-1 в меридиональном течении Верхней Оки // Куликово поле: история и археология / Отв. ред. А.Н. Наумов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2023. С. 208–235.

8. Земцов Г.Л., Владимиров С.Ю. Раннесредневековые материалы поселения Мухино-2 на Верхнем дону // КСИА. 2024. Вып. 274. С. 217–234.

9. Казанский М.М. Древности степных кочевников постгуннского времени (середина V – середина VI в.) в Восточной Европе. // МАИЭТ. Вып. XXV / Ред. А.И. Айбабин. Симферополь: Соло-Рич, 2020. С. 90–167.

10. Колоколов А.М. Поминальный комплекс 2-й половины VII–VIII вв. у д. Гора Услань // Поволжская археология. 2023. № 2(44). С. 173–188.

11. Колоколов А.М. Этнокультурная ситуация на территории Верхнего Поочья в «предроменский» период (2-я пол. VII–VIII вв.) // Нижневолжский археологический вестник. 2024. № 1. С. 136–156.

12. Обломский А.М. Материалы раннего средневековья на поселении Новоямское 3 // Русский сборник. Вып. 8 / Ред. А.Е. Шинаков. Брянск: РИО БГУ, 2016. С. 103–108.

13. Приходнюк О.М. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI–IX ст. н.е. Київ: Наукова думка, 1980. 152 с.

14. Родинкова В.Е. Женский костюм днепровских племен в эпоху великого переселения народов: современное состояние исследований // Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии: материалы Школы молодых археологов. Кириллов, 3–12 сентября 2011 года / Отв. ред. В.Е. Родинкова М.: ИА РАН, 2011. С. 239–265.

15. Родинкова В.Е. Отчет о полевых археологических исследованиях (раскопках), проведенных в 2016 году на поселении Куриловка 2 Суджанского района Курской области // Архив ИА РАН. Р–1. № 54596

16. Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М.: Фонд археологии, 1995. 415 с.

17. Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.

18. Смиленко А.Т., Юренко С.П. Керамика // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период / Ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова думка, 1990. С. 279–290.

19. Сташенков Д.А. О возможности выделения новой археологической культуры VIII–IX вв. в Среднем Поволжье и ее славянской атрибуции // От ранних славян до Руси. Тезисы докладов научной конференции к 100-летию со дня рождения В.В. Седова / Отв. ред. Н.В. Лопатин, В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2024. С. 83–85.

20. Столяров Е.В., Колоколов А.М., Простяков И.С. Раскопки городища у деревни Гора Услань на территории города Тулы // АИЦЧ, 2021. Липецк, Воронеж: «Новый взгляд», 2022. С. 177–179

21. Сухобоков О.В., Юренко С.П. Орнаментация волинцевського-роменського керамічного комплексу // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян / Ред. В.Д. Баран. Київ; Львів: РАС, 1997. С. 161–176.

22. Сыроватко А.С., Клещенко Е.А., Добровольская М.В., Урновое погребение Щуровского могильника // Археология Подмоскovie. Вып. 8 / Отв. ред. А.В. Энгватова. М.: ИА РАН, 2012. С. 86–94.

23. Флёров В.С. Цимлянский комплекс хазарского времени на Нижнем Дону // Поволжская археология. 2015. № 1(11). С. 4–39.

24. Чубур А.А. Отчет по результатам обработки остеологических коллекций, полученных в ходе проведения археологических исследований на городище у д. Гора Услань. Тула, 2024 / НА ГМЗ «Куликово поле». № 2024–3/О.

25. Јанковић Ђ. Српске гробнице. Београд: Свесловенски савез; Књижевна реч, 1998. 174 с.

Информация об авторах:

Колоколов Александр Михайлович, научный сотрудник, Государственный музей-заповедник «Куликово поле» (г. Тула, Россия); kam@kulpole.tula.net

Простяков Иван Сергеевич, младший научный сотрудник, Государственный музей-заповедник «Куликово поле» (г. Тула, Россия); retar1988@mail.ru

MEMORIAL COMPLEX OF THE 8TH CENTURIES NEAR THE VILLAGE OF GORA USLAN (ACCORDING TO THE 2024 EXCAVATIONS)

A.M. Kolokolov, I.S. Prostyakov

In 2024, the TAE continued to study the memorial complex located at the hillfort square nearby the village of Gora Uslan, on the left bank of the Upa River. The initial ritual structure at the site was excavated in 2021, and the 2024 season saw the unearthing of two additional, similarly constructed features. They take the form of stone arrangements; ceramic vessels and clusters of domestic animal bones – the remains of ritual meals – were found either on top of or at the base of these stones. Traces of hearths were discovered beneath the stone arrangements. Near one of the structures, archaeologists identified a massive pagan altar consisting of a flat limestone slab placed on stone supports. Because no human remains were found, these structures are interpreted as installations related to memorial rituals rather than burials. A large assemblage of ceramic types makes it possible to refine the initial date proposed for the 2021 structure (second half of the VII to VIII centuries), narrowing the complex's timeframe strictly to the VIII century. The 2024 research revealed that we are dealing not with a single isolated structure, but with a substantial memorial complex established on the square of an Early Iron Age hillfort. The ethnic cultural profile of the site points to interactions between the local Slavic population, who produced Sukhnovka-

Volyntsevo type antiquities, and groups associated with the steppe cultures of the Khazar Khaganate era.

Keywords: archaeology, Tula region, Oka-Don region, hillfort, VIII century, ritual structure, memorial complex, antiquities of the Sakhnovka-Volyntsevo type.

REFERENCES

1. Ambroz, A. K. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu Srednevekov'ya (Eurasian steppes during the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR. Moscow: "Nauka" Publ., 10–23 (in Russian).
2. Afanas'ev, G. E., Runich, A. P. 2001. *Mokraya balka. Vyp. 1. Dnevnik raskopok (Mokraya balka. Part 1. Excavation Diary)*. Moscow: "Nauchnyi Mir" Publ. (in Russian).
3. Bezuglov, S. I., Il'ukov, L. S. 2007. In Guguev, Yu. K. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Dona (Medieval Antiquities of the Don Basin)*. Series: Materials and Research of the Don Archaeology 2. Moscow-Jerusalem: "Mosty kul'tury" Publ., 25–48 (in Russian).
4. Botalov, S. G. 1996. In Tairov, A. D. (ed.). *Materialy po arkheologii i etnografii Yuzhnogo Urala (Materials on Archaeology and Ethnography of the Southern Urals)*. Series: Proceedings of the Arkaim Museum-Reserve. Chelyabinsk: "Kamennyi poyas" Publ., 148–158 (in Russian).
5. Vinnikov, A. Z., Pletneva, S. A. 1998. *Na severnykh rubezhakh Khazarskogo kaganata. Maiatskoe poselenie (On the northern borders of the Khazar Khaganate. Mayaki settlement)*. Voronezh: Voronezh State University Publ. (in Russian).
6. Dvornikov, E. P. 2004. *Pominal'nye pamyatniki drevnih i srednevekovykh kochevnikov Gornogo Altaya (Memorial monuments of ancient and medieval nomads of Gorny Altai)*. PhD Thesis. Barnaul: Altai State University (in Russian).
7. Ekimov, Yu. G., Kolokolov, A. M. 2023. In Naumov A. N. (ed.). *Kulikovo pole: istoriya i arkheologiya (Kulikovo Pole: history and archaeology)*. Tula: "Kulikovo Pole" State Museum-Reserve Publ., 208–235 (in Russian).
8. Zemtsov, G. L., Vladimirov, S. Yu. 2024. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 274, 217–234 (in Russian).
9. Kazanskii, M. M. 2020. In Aibabin A. I. (ed.). *Materialy po arkheologii, istorii, etnografii Tavrii (Materials on archaeology, history and ethnography of Tavria) XXV*. Simferopol: "Solo-Rich" Publ., 90–167 (in Russian).
10. Kolokolov, A. M. 2023. In *Povolzhskaya Arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 2 (44), 173–188 (in Russian).
11. Kolokolov, A. M. 2024. In *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* (1), 136–156 (in Russian).
12. Oblomskii, A. M. 2016. In Shinakov, A. E. (ed.). *Russkii sbornik (Russian collection)* 8. Bryansk: Editorial and publishing department of Bryansk State University Publ., 103–108 (in Russian).
13. Prikhodnyuk, O. M. 1980. *Arkheologichni pam'yatki Seredn'ogo Pridniprova VI–IX st.n.e. (Archaeological sites of the Middle Dnieper Region of the 6th–9th centuries AD)*. Kiiv: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).
14. Rodinkova, V. E. 2011. In Rodinkova, V. E. (ed.). *Novyye issledovaniya po arkheologii stran SNG i Baltii: materialy Shkoly molodykh arkheologov. Kirillov, 3–12 sentyabrya 2011 goda (New Research on Archaeology of the CIS and Baltic States: Materials of the School of Young Archaeologists. Kirillov, 3–12 September 2011)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., 239–265 (in Russian).
15. Rodinkova, V. E. 2017. *Otchet o polevykh arkheologicheskikh issledovaniyakh (raskopkakh), provedennykh v 2016 godu na poselenii Kurilovka 2 Sudzhanskogo rayona Kurskoy oblasti (Report on archaeological field research (excavations) conducted in 2016 at the settlement of Kurilovka 2 in the Sudzhansky district of the Kursk region)*. Moscow. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Science. R-1, dossier 54596. (in Russian).
16. Sedov, V. V. 1995. *Slavyane v rannem srednevekov'e (The Slavs in the early Middle Ages)*. Moscow: "Foundation of Archaeology" Publ. (in Russian).
17. Seregin, N. N., Matrenin, S. S. 2016. *Pogrebal'nyy obryad kochevnikov Altaya vo II v. do n. e. – XI v. n. e. (The burial rite of the Altai nomads in 2nd century BC – XI century AD)*. Barnaul: Altai State University (in Russian).
18. Smilenko, A. T., Yurenko S. P. 1990. In Baran, V. D. (ed.). *Slavyane Yugo-Vostochnoy Evropy v predgosudarstvennyy period (The Slavs of south-eastern Europe in the pre-state period)*. Kyiv: "Naukova dumka" Publ., 279–290 (in Russian).
19. Stashenkov, D. A. 2024. In Lopatin, N. V., Rodinkova, V. E. (eds.). *Ot rannikh slavyan do Rusi (From the early Slavs to Russia)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., 83–85 (in Russian).
20. Stolyarov, E. V., Kolokolov, A. M., Prostyakov, I. S. 2022. In Ivashov M. V. *Arkheologicheskie issledovaniya v Tsentral'nom Chernozem'e 2021 (Archaeological research in the Central Black Earth region in 2021)*. Lipetsk; Voronezh: "Novyy vzglyad" Publ., 177–179 (in Russian).

21. Sukhobokov, O. V., Yurenko, S. P. 1997. In Baran, V. D. (ed.). *Problemy pohodzhennya ta istorichnogo rozvitku slov'yan (Issues of the origin and historical development of the Slavs)*. Kiev, Lviv: "RAS" Publ., 161–176 (in Ukrainian).

22. Syrovatko, A. S., Kleschenko, E.A., Dobrovolskaya, M. V. 2012. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ya: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of the Scientific Seminar)* 8. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., 86–94 (in Russian).

23. Flerov, V. S. 2015. In *Povolzhskaya Arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 1(11), 4–39 (in Russian).

24. Chubur, A. A. 2024. *Otchet po rezul'tatam obrabotki osteologicheskikh kollektiy, poluchennykh v khode provedeniya arkheologicheskikh issledovaniy na gorodishche u d. Gora Uslan' (Report on the results of processing osteological collections obtained during archaeological research at the hillfort near the village of Gora Uslan)*. Tula. Archive of the State Museum-Reserve "Kulikovo Pole", dossier 2024–3/O (in Russian).

25. Janković, Đ. 1998. *Srpske gromile (Serbian gromile)*. Belgrade: Sveslovenski savez Publ., Književna reč Publ. (in Serbian).

About the Authors:

Kolokolov Alexander M. Kulikovo Pole State Museum and Reserve, Lenin Ave., 47, Tula, 300041, Russian Federation; kam@kulpole.tula.net

Prostyakov Ivan S. Kulikovo Pole State Museum and Reserve, Lenin Ave., 47, Tula, 300041, Russian Federation; retar1988@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2026 г.

УДК 902.01

<https://doi.org/10.24852/pa2026.2.56.66.78>

ХРОНОЛОГИЯ ПЕРЕСТРОЕК ФОРТИФИКАЦИЙ УСТЬ-ТЕРСЮКСКОГО ГОРОДИЩА И ПРИЕМЫ СТРОИТЕЛЬСТВА¹

© 2026 г. Н.П. Матвеева, Е.А. Третьяков

Изучение фортификаций на двухплощадочном мысовом Усть-Терсюкском городище проведено на 4 участках: стрелке мыса, цитадели, западном фланге и фронтальной линии второй площадки. Делается вывод об эволюции оборонительных сооружений от эскарпа и установки частокола в раннебакальское время по всему периметру (IV–V вв.), до возведения разновременных и разнородных конструкций, не единообразных на отдельных оборонительных линиях. На цитадели они трансформировались из насыпного вала с забором поверху и трапециевидным 3,5 метровым рвом к валу с бревенчатой конструкцией и засыпанным рвом. С фланговой стороны сначала был сделан 3-х метровый ров с бермой и насыпной вал с забором и с дернованием. В V–VI вв. они сменились рвом с увеличенной бермой, подсыпанным валом с вершиной из тарасов и дозорной башней. На фронтальном участке были построены вал 1 и ров 1, аналогичные фланговым. Эти объекты сменились насыпным валом 2 шириной 6 м с кратковременным дернованием между тремя эпизодами досыпки и рвом шириной 3,8 м без бермы (вероятно, VII–VIII вв.). В финале существования крепости вал 2 был покрыт дерновыми блоками с целью его укрепления и создания бруствера, а также выкопан ров 3. Этот эпизод строительства, предположительно, относится к юдинскому времени (XI–XIII вв.). Технология строительства обусловлена перемещением рыхлых грунтов, нарезанием дерновых блоков, возведением каркасных и срубных сооружений.

Ключевые слова: археология, Зауралье, фортификация, Средневековье, бакальская культура, юдинская культура.

Введение

Оборонительным линиям Средневековья в лесостепной зоне Западной Сибири уделялось мало внимания, видимо из-за трудоемкости и долговременности таких работ. Активизировались раскопки средневековых городищ лишь в последние десятилетия (Михалев, Полеводов, 2007; Адамов и др., 2008; Зах, 2009; Раннесредневековые комплексы..., 2015; Кайдалов и др., 2010; Матвеева и др., 2024). Элементы защитных линий по результатам раскопок рассмотрены в ряде публикаций (Конигов, 2007; Западная Сибирь..., 2022; Матвеева, 2017; Рафикова и др., 2013). Для бакальской культуры отмечены увеличение масштабов оборонительного строительства, преемственность от раннего железного века в применении тарасной конструкции стен (Матвеева и др., 2008; Рафикова и др., 2013,

с. 49; Рафикова, Берлина, 2014). Для потчевашской и карымской культур Ишимо-Иртышья установлено сходство с архитектурой Нижнего Приобья, относительно полно охарактеризованной (Борзунов, Чемякин, 2013; Западная Сибирь..., 2022, с. 11–15).

Изучение строительных работ на городищах способно пролить свет на уровень технического оснащения, оборонительную архитектуру, характер военных конфликтов, на участников борьбы за конкретные ресурсы. Опорным памятником для изучения этих проблем на сегодня можно считать Усть-Терсюкское городище, на котором в течение пяти лет велись раскопки оборонительных линий. Задачей авторов была реконструкция его истории как отдельного многослойного памятника. Предметом исследования в данной работе является развитие фортификационных соору-

¹ Исследование поддержано грантом Российского научного фонда № 24-28-00215 «Оборонительная архитектура западносибирских городищ раннего средневековья» (<https://rscf.ru/project/24-28-00215>).

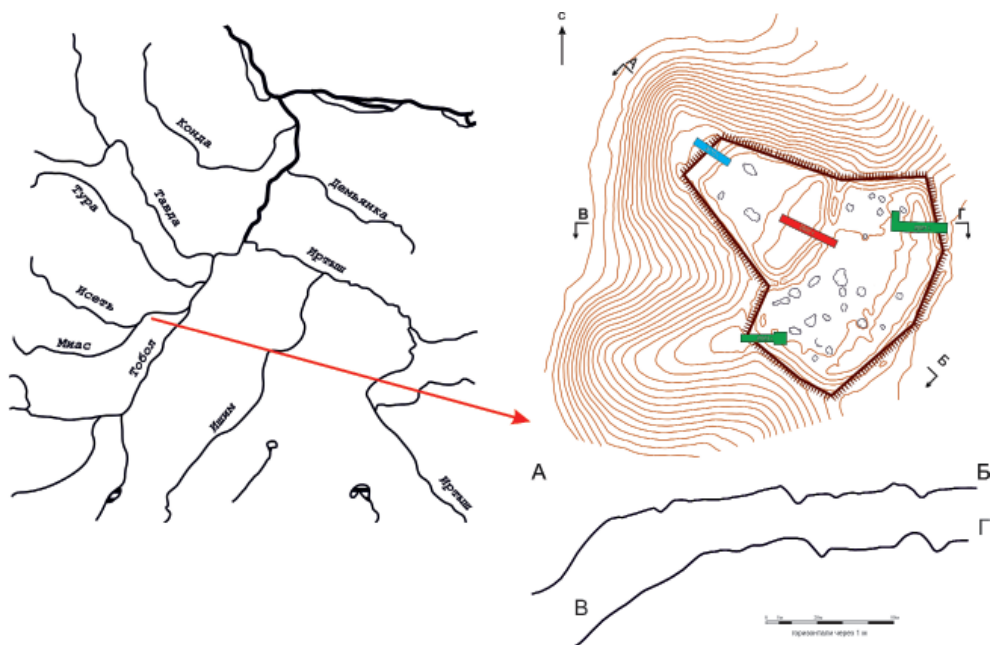

Рис. 1. Схема расположения памятника и инструментальный план Усть-Терсюкского городища с итоговым контуром оборонительных линий.

Fig. 1. The layout of the monument and the instrumental plan of the Ust-Tersyuk hillfort with the final outline of the defensive lines.

жений средневекового времени. Ранее нами с помощью методов археологического наблюдения и почвоведческого анализа было установлено наличие погребенных линий из валов и рвов на городище, позволившее разделить строительные этапы, а на основе ^{14}C (в том числе AMS²) датирования древесины и угля из сооружений, типологического датирования инвентаря высказать соображения об их хронологических интервалах, опубликована характеристика внешней линии фортификации (Матвеева и др., 2024).

Источники и методика

Городище с замкнутой фортификацией площадью 6500 м² с селищем находится на мысу высотой 42 м правого коренного берега р. Исети (рис. 1). Интересно отметить, что оба поперечных рва имеют существенный уклон наружу, в сторону логов, и расширяются на склонах. Такое устройство обеспечило их естественный дренаж в начале использования и

развитие овражного процесса в ходе их руинирования. Археологические исследования велись горизонтальными пластами с фиксацией разных морфологических элементов и их относительной датировкой по керамике: В.А. Ивановым и Г.Н. Гарустовичем (1991 г.) на жилой площадке, Т.Н. Рафиковой (2007, 2008, 2010 гг.) на жилой площадке и двух участках вала и рва цитадели (рис. 4). В 2023–2024 гг. авторами по такой же методике двумя раскопами городища были исследованы его фортификации на юго-западной фланговой и восточной фронтальной линиях внешней площадки (рис. 2; 3).

Насыпные серии грунтов с преобладанием материалов той или иной культуры позволили выделить этапы строительства и функционирования городища, а слои разного морфологического вида, в том числе элементы почвообразования, – определить характер стройматериалов и остано-

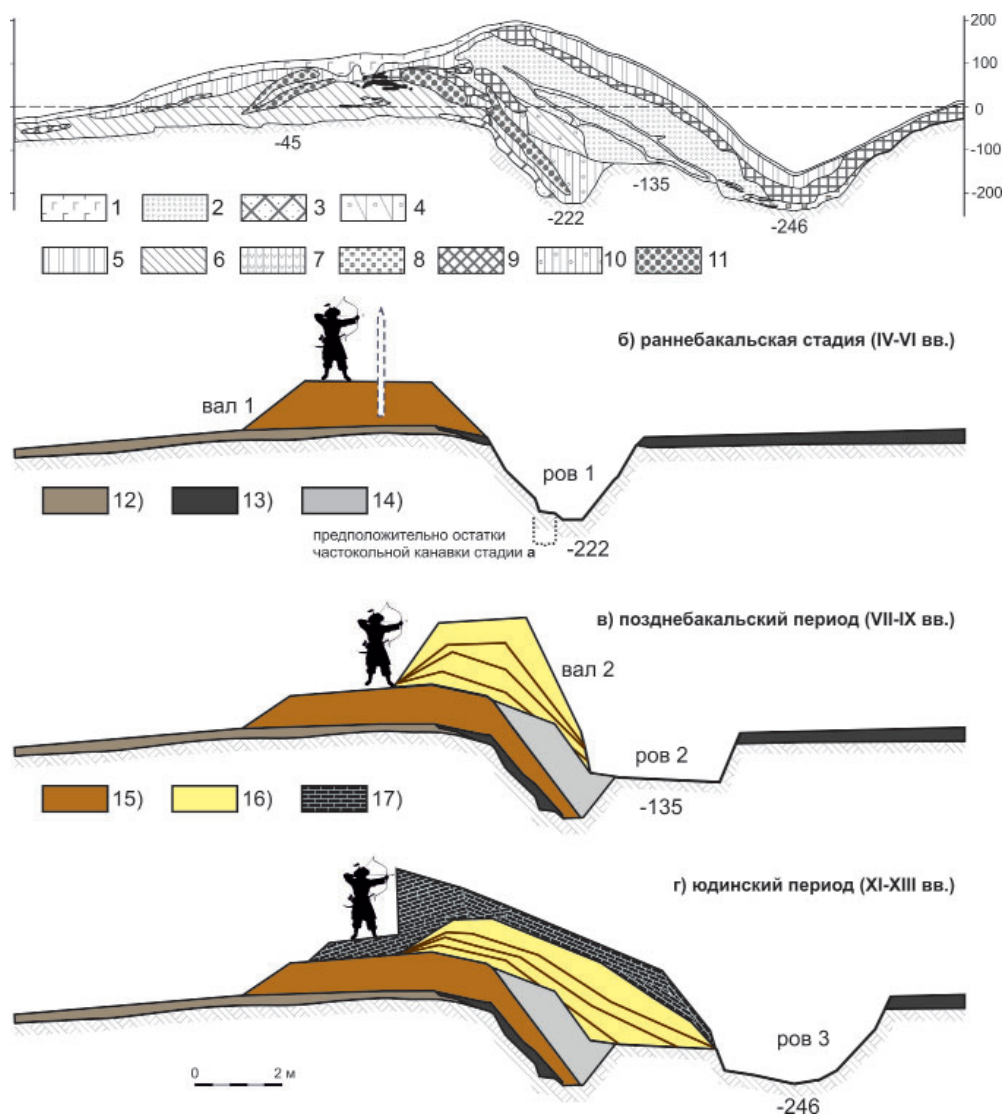

Рис. 2. Фортификации фронтальной линии Усть-Терсюкского городища, реконструкция строительных периодов. Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – желтая супесь; 3 – погребенная почва; 4 – серо-коричневый мешаный; 5 – серая супесь; 6 – темно-серая супесь; 7 – серая с золой супесь; 8 – яично-желтый суглинок; 9 – прокол; 10 – серый мешаный; 11 – мешаная желто-коричневая супесь с серыми включениями; 12 – культурный слой раннего железного века; 13 – дневная поверхность; 14 – заполнение частокольной канавки; 15 – вал 1; 16 – супесчаный вал 2; 17 – дернование.

Fig. 2. Fortifications of the frontal line of the Ust-Tersyuk hillfort, reconstruction of the construction periods. Symbols: 1 – turf; 2 – yellow sandy loam; 3 – buried soil; 4 – gray-brown mixed; 5 – gray sandy loam; 6 – dark gray sandy loam; 7 – gray sandy loam with ash; 8 – egg-yellow loam; 9 – puncture; 10 – gray mixed; 11 – mixed yellow-brown sandy loam with gray inclusions; 12 – early Iron Age cultural layer; 13 – day surface; 14 – filling of the stockade groove; 15 – rampart 1; 16 – rampart 2; 17 – turfing.

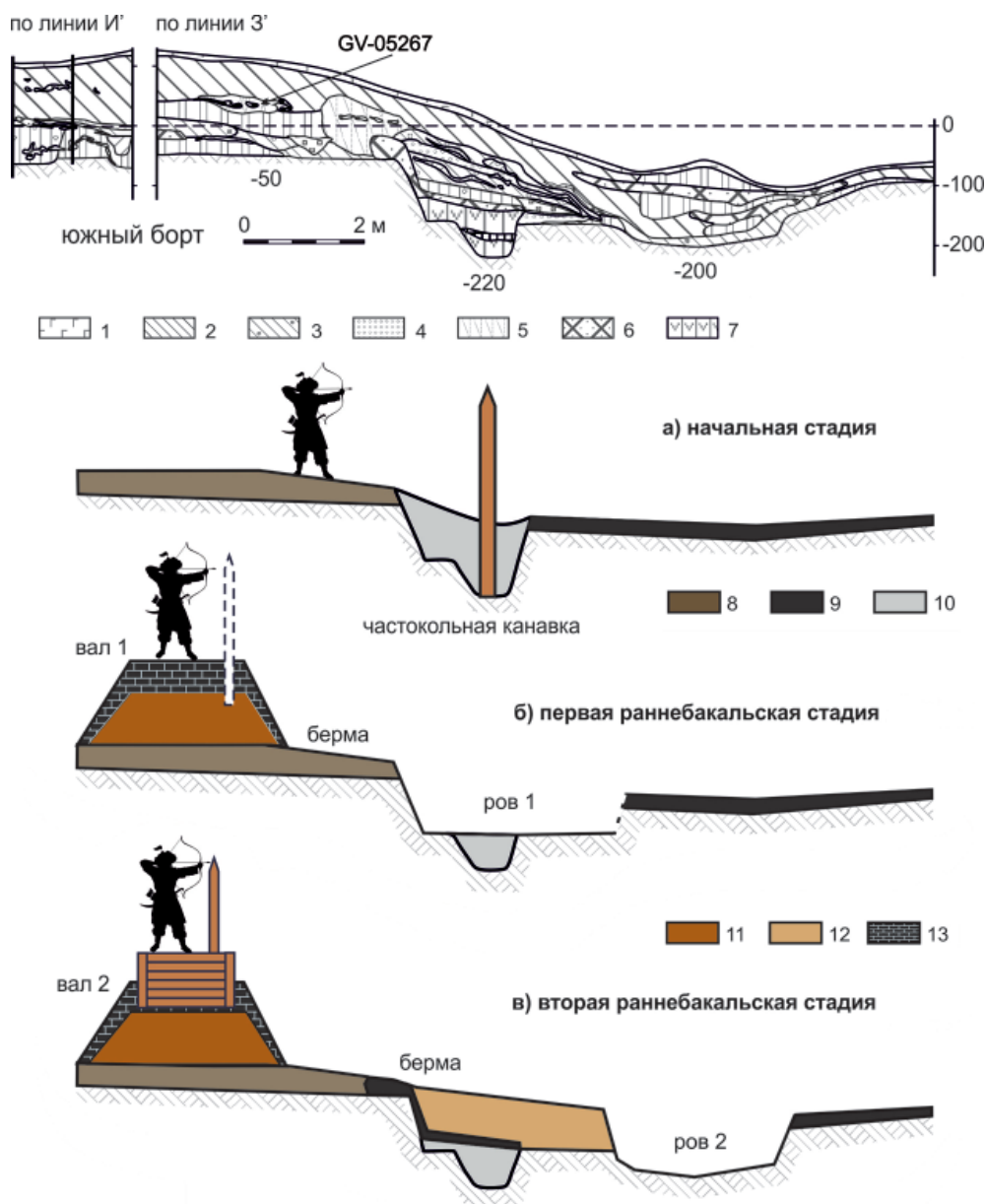

Рис. 3. Фортификации фланговой линии Усть-Терсюкского городища, реконструкция строительных этапов и стадий. Условные обозначения: 1 – дерн; 2 – темно-серая супесь; 3 – темно-серая мешаная супесь; 4 – желтая супесь; 5 – серо-коричневая супесь; 6 – погребенная почва; 7 – серая супесь с золой; 8 – культурный слой раннего железного века; 9 – дневная поверхность; 10 – заполнение частокольной канавки; 11 – вал 1; 12 – засыпка рва 1; 13 – дернование.

Fig. 3. Fortifications of the flank line of the Ust-Tersyuk hillfort, reconstruction of construction stages and stages. Symbols: 1 – turf; 2 – dark gray sandy loam; 3 – dark gray mixed sandy loam; 4 – yellow sandy loam; 5 – gray-brown sandy loam; 6 – buried soil; 7 – gray sandy loam with ash; 8 – early Iron Age cultural layer; 9 – day surface; 10 – filling of the stockade grooves; 11 – rampart 1; 12 – illing of moat 1; 13 – turfing.

Таблица 1

Радиоуглеродные даты оборонительных сооружений Усть-Терсюкского городища

№	Раскоп/ год	Код	Материал	¹⁴ C л.н.	Калиброванное значение	
					1σ (68.3%)	2σ (94.5%)
1	№ 2 (2007 г.)	Le-8216	уголь	1495±20	565–600	547–636
2	№ 2 (2007 г.)	Le-8217	уголь	1650±25	380–434	263–535
3	№ 2 (2007 г.)	Le-8218	уголь	820±25	1219–1261	1177–1272
4	№ 2 (2007 г.)	Le-8219	уголь	1490±20	569–601	549–638
5	№ 2 (2007 г.)	Le-8220	уголь	1400±20	610–658	605–662
6	№ 3 (2023 г.)	GV05267	древесина	1678±33	352–417	254–530

ки в их поступлении в сооружения. Основанием для интерпретации послужили анализ планиграфии и стратиграфии раскопов, аналогично работе наших коллег на многослойных объектах (Моргунов, 2009, с. 28–40; Хисяметдинова, Чижевский, 2018, с. 122). Во всех разрезах наблюдаются следы не менее чем трех-четырёх перестроек. Опираясь на типологические и ¹⁴C данные, мы свели их в периоды, этапы и стадии.

Совокупными усилиями было установлено, что в Средневековье городище на месте заброшенного баитовского поселка раннего железного века сразу возводилось с двумя площадками.

Раннебакальский этап. Начальная стадия. Для защиты на период обустройства бакальский поселок IV–V вв. обвели эскарпом в 1,5–1,7 м глубиной по склонам логов (рис. 2: б; 3: а), в том числе (Матвеева и др., 2024, рис. 2) по наружной границе цитадели, включая стрелку мыса, и, видимо, по напольной стороне внешней площадки (рис. 5: а). Строители поставили к эскарпу частокол, вкопав его в трапециевидную канавку шириной и глубиной 0,6 м с флангов и 1,2 м на поперечных через мыс линиях, создав временную замкнутую конфигурацию. Остатки ее зафиксированы в единообразных структурах в трех раскопах на городище. Ранний ров с напольной стороны, в отличие от раскопов на флангах 2010 и 2023 гг.,

не дал четких остатков предшествующей частокольной канавки, как мы думаем, остался лишь небольшой уступчик от нее (рис. 2: б). Начальная раннебакальская стадия была кратковременной, поскольку ремонту частокол не подвергался, дно канавки ровное (рис. 3: а), отпечатки подпорных столбов отсутствуют. Датируем ее гипотетически, исходя из AMS ¹⁴C датировки 1678 ± 33 (GV05267) (рис. 3; табл. 1).

Первая раннебакальская стадия. Затем поселенцы сняли частокол и соорудили ров в 3,5 м шириной и вал 1 цитадели с изгородью из бревен (рис. 4; 5: б), а также ранний вал 1 второй площадки с бермой в 2 м и рвом 1 (рис. 3: б). Ширина рва 1 с внешней стороны осталась неизвестной, так как его наружная стенка позднее была частично скрыта рвом 2. Подошва раннего вала шириной 3,5–3,8 м состояла из культурного слоя эпохи раннего железа, верхняя часть его была собрана из кирпичей дерна, нарезанного на жилой площадке, судя по залеганию баитовской керамики наряду с бакальской, а также выбросов из рва 1. Датируют строительство первой раннебакальской стадии IV–V вв. н. э. трехлопастной черешковый наконечник стрелы с упором (Матвеева и др., 2024, с. 716) и древесина из нижней части вала цитадели, отобранная для ¹⁴C, – 1650 ± 25 (Le-8217), 1 σ (68%) определён в интервале 380–434 кал. л. н. (OxCal v. 4.4.4. Bronk Ramsey

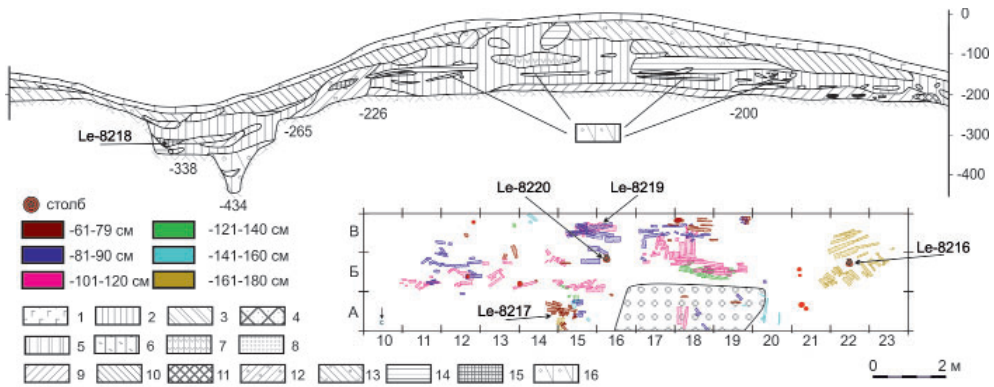

Рис. 4. Фортификации цитадели Усть-Терсюкского городища, план деревянных конструкций внутри вала, разрез рва и вала, условные обозначения: 1 – дерн; 2 – темно-коричневая с углем супесь; 3 – светло-серый песок; 4 – погребенная почва; 5 – серая супесь; 6 – серый мешаный с углями; 7 – серая с золой супесь; 8 – желтая супесь; 9 – коричневая супесь; 10 – темно-серая супесь; 11 – прокал; 12 – мешаная желто-коричневая супесь; 13 – темно-серая мешаная супесь; 14 – темно-коричневая супесь с глиной; 15 – черная гумусированная супесь; 16 – серо-коричневая супесь.

Fig. 4. Fortifications of the citadel of Ust-Tersyuk hillfort, plan of wooden structures inside the shaft, section of the moat and shaft, symbols: 1 – turf; 2 – dark brown sandy loam with coal; 3 – light gray sand; 4 – buried soil; 5 – gray sandy loam; 6 – gray mixed with coals; 7 – gray sandy loam with ash; 8 – yellow sandy loam; 9 – brown sandy loam; 10 – dark gray sandy loam; 11 – calcined; 12 – mixed yellow-brown sandy loam; 13 – dark gray mixed sandy loam; 14 – dark brown sandy loam with clay; 15 – black humus sandy loam; 16 – gray-brown sandy loam.

2021) (Рафикова, 2011, табл. 42: 2) (табл. 1).

С напольной стороны раскопками в траншее шириной 4 м близ въезда на городище также зафиксирован ранний вал 1 на основании шириной 3,8 м (тот же, что вскрыт с фронтальной стороны). В верхней части раннего вала содержатся угли и горелое дерево от пожарища (рис. 2: б) без геометрически правильных форм. Подошва вала 1 составлена однородной структурой. Находки керамики здесь также бакальские, в том числе крупноразмерный бой.

Ширина рва 1 с напольной стороны составляла 3,5 м, глубина его несколько больше, чем на периферийных участках, – около 1,8 м. Затем произошло длительное запустение поселка, о чем позволяет судить слой погребенной почвы, наклонно спускающийся в заполнение рва 1 (рис. 2: в; 3: в). Уточнить его датировку и вала 1 напольной стороны в рамках бакаль-

ской культуры из-за отсутствия там инвентаря не удалось.

Вторая раннебакальская стадия. С юго-западного фланга вал 1 был досыпан и надстроен по вершине бревенчатой стеной из двух заплотных заборов, соединенных перемышками, общей шириной 1,1–1,2 м (рис. 3: в). На основании AMS ^{14}C 1678 ± 33 (GV-05267) калиброванная дата деревянных конструкций этого времени образует диапазон 1 σ (68%) 352–417 кал. л. н. (OxCal v. 4.4.4. Bronk Ramsey 2021) (табл. 1), что противоречит несколько более поздним материалам с площадки. Объяснить это можно использованием старых тынин из разобранного ранее частокола или перестройкой вала 1 после пожара на нем спустя непродолжительное время. Эти тарасы были заполнены культурным слоем с жилой площадки. Предполагаем их возведение в V–VI вв.

Об обновлении деревянной изгороди на цитадели (рис. 5: б) в VI в.

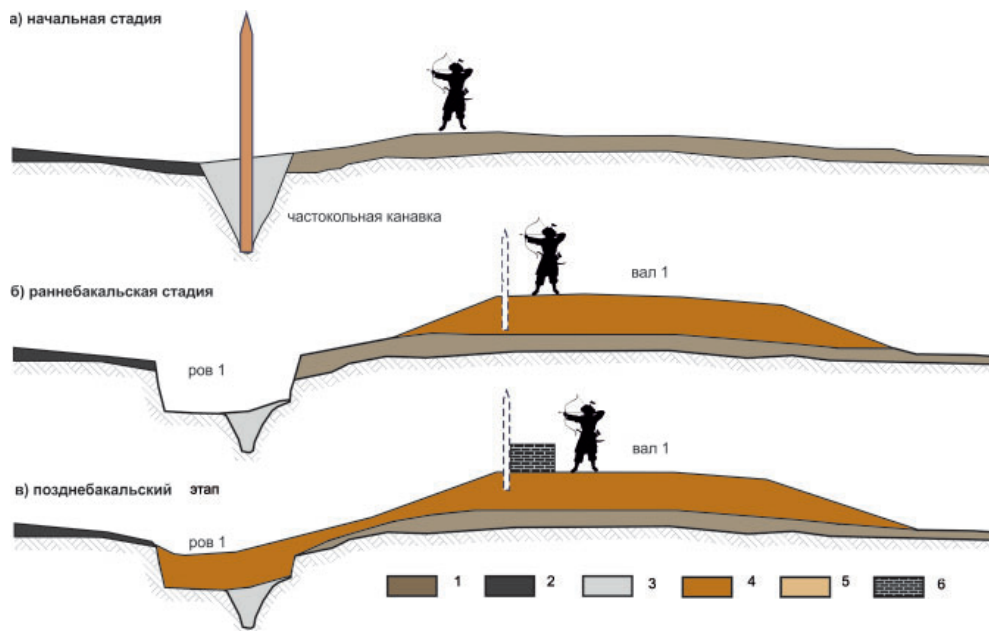

Рис. 5. Реконструкция строительных периодов и стадий на цитадели.
Условные обозначения: 1 – культурный слой раннего железного века; 2 – дневная поверхность; 3 – заполнение частокольной канавки; 4 – вал 1; 5 – дернование.

Fig. 5. Reconstruction of the construction periods and stages at the citadel.
Symbols: 1 – cultural layer of the Early Iron Age; 2 – day surface; 3 – filling of the stockade groove; 4 – rampart 1; 5 – turfing.

говорят даты ^{14}C по древесине от горизонтально лежащих бревен – 1495 ± 20 (Le-8216) и 1490 ± 25 (Le-8219), давшие значения 1σ (68%) 569–601 кал. л. н. (OxCal v. 4.4.4. Bronk Ramsey 2021) (Рафикова, 2011, табл. 24: 1, 4) (табл. 1).

Позднебакальский этап. При возобновлении жизни на поселении в VII–VIII вв. на юго-западном фланге полузасыпанный ров 1 заровняли, а новый отнесли вниз по юго-западному склону, сделав берму в 5,5 м, а также досыпали вал выбросами из рва 2, имевшего ширину 3 м. Судя по тому, что стена укрепления была с выраженными поворотами (рис. 1: б), имела необходимость охраны подступов с башни. Вероятные следы ее зафиксированы в плане раскопа в виде прямоугольной линзы остатков пожара размер 2,5×3,5 м по верху развала вала (Матвеева и др., 2024, с. 717, рис. 7). В находках в позднем

валу бакальский тип керамики преобладает, в том числе представлен обломками сосудов размером с половину, треть и четверть их емкости. Яркими находками этого периода являются фрагменты опубликованных геральдических поясов VII–VIII вв., обнаруженных в бакальских постройках жилой зоны, костяные наконечники стрел (Матвеева и др., 2024, с. 717).

На цитадели ров 1 был засыпан (рис. 4), была проведена перестройка стены поверх слоя пожара на валу доставкой грунта с первой площадки в виде мусорных и зольных линз. Следы деревянных конструкций в виде отрезков горелых бревен длиной около 1–1,2 м и остатков отдельных столбов обнаружены во множестве, причем на вершине вала они образуют прямоугольные структуры², одну из которых удалось датировать (рис. 4; 5), получив результат ^{14}C по углю из тела вала (Le-8220) в диапазоне 1400 ± 20 , 1 σ

(68%) определён в интервале 610–658 кал. л. н. (OxCal v. 4.4.4. Bronk Ramsey 2021) (Рафикова, 2011, табл. 42: 5) (табл. 1). Один из вариантов объяснения: это остатки каркаса облицовки проема въездных ворот на цитадель, сделанной в несколько рядов между вертикальными стояками. Поскольку они расположены перпендикулярно линии вала, как определила автор раскопок (Рафикова, 2011, с. 58).

На восточной стороне укреплений на линии потенциального фронтального наступления противника оборонительные сооружения позднебакальского этапа выглядят масштабнее. Ширина подошвы позднего вала около 6 м. Его ось смещена наружу, а тело составлено выбросами из рва 2 на ширину около 8 м, причем часть плотной желтой супеси сползла назад на 3 м. Поздний вал отличается большими размерами, находок в его теле мало, почти все черепки бакальские, единично – потчевашские и петрогромские. Последние рассматриваем как следы взаимодействия поселенцев с соседними общностями, поэтому датировем его досыпку VII–VIII вв., в рамках существования поздних памятников этих культур (Западная Сибирь..., 2022, с. 125; 161). Причем это строительство проходило в три этапа с сезонным образованием тонкой дернины для закрепления насыпи, о чем говорят темные прослойки в теле позднего вала (рис. 2: в). Однородный непрочный насыпной вал объясняем недостатком трудовых ресурсов или времени для подготовки к отражению угрозы у обитателей данного поселения. Снаружи от позднего напольного вала расчищен ров 2 шириной 3,8 м поверху и 3 м на дне. Его заполнением является супесчаный материал с вала, переместившийся по естественным причинам.

Юдинский этап. Представлял собой финальное обновление напольной линии. Он приходился, вероят-

но, на XI–XIII вв. С этим временем соотносятся два гумусированных слоя, образованных искусственно из дерна, уложенного поверх позднего вала (рис. 2). Верхний темно-серый с неразложившимся гумусом, нижний – серый в результате раскисления почвы в развитом Средневековье в период преобладания хвойных формаций в окружении поселения (Матвеева и др., 2025, с. 96–98). Обращает на себя внимание значительная длина этих слоев не только с напольной стороны, где дерн удерживал вершину от оползания, но и с тыльной, где он мог образовывать подпорную стенку или бруствер (рис. 2: г). Возникает предположение о специальном дерновании руинированного вала носителями юдинской культуры. Поздний строительный горизонт принадлежал им, судя по керамике на глубине 30–40 см от поверхности, фрагментам медных болгарских котлов XI–XIII вв. в виде полосок от клепаных лент, стенок с заклепками, ушек от цилиндрических емкостей с плоским дном (Руденко, 2000, с. 30–33). Это время обитания на городище хорошо представлено производственными сооружениями, комплексом находок и серий радиоуглеродных дат с жилой площадки городища (Матвеева и др., 2024, с. 1726), а также датой ^{14}C по образцу древесины из вторичного заполнения рва цитадели – 820 ± 25 (Le-8218), 1 σ (68%) определён в интервале 1219–1261 кал. л. н. (OxCal v. 4.4.4. Bronk Ramsey 2021) (Рафикова, 2011, табл. 42: 3) (табл. 1). Предполагаем, что на цитадели в этот период также могло быть проведено дернование поверх развала вала 2, судя по пространному гумусированному слою в 40 см толщиной (рис. 4).

Относительную датировку самого позднего времени использования городища дают стенки чугунного котла второй половины XIII–XIV вв. (Руденко, 2000, с. 40). На внутренней сторо-

не фронтальной линии найден железный черешковый плоский наконечник стрелы с пером трапециевидной формы, относящийся к долотовидным срезням, получившим распространение на территории Западной Сибири в начале II тыс. н. э. (Соловьев, 1987, с. 43). По материалам Восточной Европы данные наконечники датируются в рамках XIII–XIV вв. (Руденко, 2003, табл. XIV: 216). Керамический комплекс этого времени малочисленный, представлен макушинским типом посуды. Каким образом обновлялись фортификации, достоверных сведений получить не удалось.

Обсуждение

Таким образом, разновременные остатки оборонительных конструкций на Усть-Терсюкском городище, на особенно благоприятном для контроля за долиной р. Исети с ее притоками и старицами высоком мысу, говорят об использовании его почти в течение тысячелетия.

Начальным актом строительства явились устройство эскарпа как наименее трудоемкой преграды, а также установка вокруг поселка частокола. Эта практика хорошо известна в Восточной Европе и Западной Сибири с древности (Моруженко, 1975, с. 138–140; История Сибири..., 2022, с. 462). Полагаем, что защита со стороны поймы вызвана существенным понижением мыса в этом месте. Подобное практиковалось во многих средневековых поселках, но следы укрепления стрелки мыса в большинстве случаев стерты склоновыми процессами. Затем был сделан замкнутый ров и построен земляной вал с небольшой бермой между ними. После пожара и краткого запустения был надстроен вал и сделан новый ров с более значительной бермой, так что площадь укрепления несколько увеличилась и приобрела правильную геометрическую форму: пятиугольную на первой площадке, восьмиугольную – на второй. Наибо-

лее мощные укрепления сделаны с напольной стороны, что соответствует общей тенденции обороны мысовых городищ региона (Рафикова, Берлина, 2014, с. 73; Матвеева, Сотников, 2024, с. 93). Зафиксированные нами перестройки с отнесением линий валов и рвов в напольную сторону также являлись универсальной практикой при длительном использовании малых по площади мысов, например, как это показано по материалам Волго-Камья (Губайдуллин, 2019, с. 137–139; Хисяметдинова, Чижевский, 2018, с. 132).

Сочетание в рамках второй половины I тыс. н. э. остатков сооружений по типу тарасов и легких изгородей на валах позволяет говорить о неоднократных подновлениях в различных частях городища в обстановке спешки и недостатка качественных строительных материалов. Характер деревянных конструкций на вершине вала в ряде случаев остался неясным. Некоторые аспекты строительства и эксплуатации укреплений также требуют продолжения исследований: характер проездных конструкций, наличие и вид стрелковой галереи, наличие хозяйственных проходов к реке, снабжение питьевой водой и др.

Работы по заготовке и подгонке древесины велись с применением железных топоров и несомкнутых втульчатых тесел. В находках чаще встречаются последние, в том числе и на Усть-Терсюкском городище. Заготовка дерновых блоков, видимо, выполнялась с помощью тесел, длина которых варьирует от 10–12 до 16 см (Западная Сибирь..., 2022, рис. 22). Поэтому они позволяли отрезать блоки на глубину 10–15 см, а перемещали их, вероятно, вручную из-за сложного рельефа поверхности. Укрепление слоев вала дерновыми блоками было широко распространенным приемом строительства в древности и Средневековье, например, зафиксировано на ананьинских городищах Поволжья и

более поздних (Хисяметдинова, Чижевский, 2018, с. 129; Губайдуллин, 2019, с. 140).

Выкапывание рвов могло производиться как рыхлением земли кольями и собиранием ее в мешки или корзины для транспортировки, так и с применением деревянных лопат, костяных инструментов из лопаток крупных животных, однако орудия для земляных работ не были найдены ни на одном из памятников Средневековья рассматриваемой зоны.

В развитом Средневековье на городище жили не возводя новых конструкций, но нарастили руинированный вал дерновыми кирпичами. Каждый эпизод в строительстве фортификаций Усть-Терсюкского городища оказался больше предыдущего по трудозатратам в земляных работах и документирован следами штурма в виде наконечников стрел в теле вала и с его внутренней стороны (Рафикова и др., 2013, с. 48–50; Матвеева и др., 2024, с. 717–718).

Заключение

Изучение линий обороны Усть-Терсюкского городища показало, что укрепление организовывалось в раннем Средневековье опытными строителями. Отклонения в числе про-

слоек и их размерах в составе валов и выбросов из рвов обусловлены, вероятно, процедурой работы разных групп, действовавших на отдельных участках. На разных линиях бревенчатые конструкции делались одновременно, вероятно в порядке замены подгнивших, накренившихся участков стен или подожженных при штурме противником. В качестве оборонительных преград использованы эскарп, насыпные валы с дополнением брустверами из дерновых кирпичей с тыльной стороны, тарасы, изгородь, однородные песчаные насыпные валы с промежуточным дернованием прослоек. Видим несколько перестроек в средневековое время и чрезмерную их трудоемкость для коллектива строителей на каждом этапе, не позволившую создать единообразные сооружения со всех сторон.

Авторы сознают, что, несмотря на представленную аргументацию характера возведения фортификационных сооружений крепости, в исторической действительности оборонительные сооружения Усть-Терсюкского городища могли быть сложнее. Детализировать эту картину позволят дальнейшие исследования на цитадели и северной стороне фортификаций.

Примечание

² Анализ выполнен в центре коллективного пользования ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск).

³ План внутривальной древесины (рис. 4) в раскопе на цитадели составлен авторами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск: Тобольский гос. Историко-архитектурный музей-заповедник, 2008. 114 с.
2. Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские поселения таежного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2(21). С. 45–55.
3. Губайдуллин А.М. Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв. // Археология Евразийских степей. 2019. № 3. 323 с.
4. Западная Сибирь в эпоху раннего Средневековья: взаимодействие этнокультурных общностей / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2022. 260 с.
5. Зах В.А. Городище Ласточкино Гнездо 1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 11. С. 67–80.
6. Зах В.А., Еньшин Д.Н., Рафикова Т.Н. и др. Раннесредневековые комплексы городища Борки 1 в Нижнем Приишимье // Человек и Север: антропология, археология,

экология: Материалы всероссийской конференции, Тюмень, 06–10 апреля 2015 года. Тюмень: Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2015. С. 127–132.

7. История Сибири: в 4 т. Т. 1: Каменный и бронзовый век / Отв. ред. М.В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. 660 с.

8. *Кайдалов А.И., Сечко Е.А., Колмогоров П.А.* Средневековый комплекс городища Усть-Утяк I: Интерпретация и хронология // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2(13). С. 68–74.

9. *Конигов Б.А.* Омское Прииртышье в раннем и развитом Средневековье. Омск: ОмГПУ: Наука, 2007. 465 с.

10. *Матвеева Н.П.* Фортификации городища Старо-Лыбаевское-1 в лесостепном Зауралье // Вестник Пермского университета. История. 2017. № 1(36). С. 53–62. DOI 10.17072/2219-3111-2017-1-53-62.

11. *Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н.* Коловское городище. Новосибирск: Наука, 2008. 228 с.

12. *Матвеева Н.П., Зеленкова Р.Р., Третьяков Е.А.* Материалы к изучению природного окружения и сельскохозяйственных занятий средневекового населения с Усть-Терсюкского городища // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. № 2(69). С. 94–102. DOI 10.20874/2071-0437-2025-69-2-8.

13. *Матвеева Н.П., Рафикова Т.Н., Третьяков Е.А., Якимов А.С.* Фортификации Усть-Терсюкского городища эпохи раннего средневековья // Уфимский археологический вестник. 2024. Т. 24, № 4. С. 708–720. DOI 10.31833/uav/2024.24.4.047.

14. *Матвеева Н.П., Сотников В.А.* О характере зауральских городищ эпохи раннего средневековья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 2(65). С. 84–97. DOI 10.20874/2071-0437-2024-65-2-7.

15. *Матвеева Н.П., Третьяков Е.А., Овчинников И.Ю.* К оценке социально-экономической роли лесостепных западносибирских городищ эпохи средневековья по остаткам металлургического производства // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 17. № 9. С. 1723–1734.

16. *Михалев В.В., Полеводов А.В.* Потчеашские городища у дер. Окунево // Новое в археологии Среднего Прииртышья. Вып. 4 / Науч. ред. В.И. Магющенко, К.Н. Тихомиров. Омск: изд-во Омского госуниверситета. 2007. С. 93–103.

17. *Моргунов Ю.Ю.* Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М.: Наука, 2009. 303 с.

18. *Моруженко А.А.* Оборонительные сооружения городищ Поворскля в скифскую эпоху // Скифский мир / Под ред. А.И. Тереножкина. К.: Наукова думка. 1975. С. 133–146.

19. *Рафикова Т.Н.* Бакальская культура лесостепного и подтаежного Тоболо-Ишимья. Дисс. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2011. 180 с.

20. *Рафикова Т.Н., Берлина С.В.* Фортификации городища Ласточкино Гнездо I эпохи средневековья: к проблеме культурных контактов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 4(27). С. 69–76.

21. *Рафикова Т.Н., Берлина С.В., Кайдалов А.И., Сечко Е.А.* Фортификации раннего и развитого средневековья лесостепного и подтаежного Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4(23). С. 42–51.

22. *Руденко К.А.* Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Казань: Заман, 2003. 512 с.

23. *Руденко К.А.* Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань: Репер, 2000. 158 с.

24. *Соловьев А.И.* Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск: Наука, 1987. 193 с.

25. *Хисяметдинова А.А., Чижевский А.А.* Методические аспекты изучения оборонительных сооружений городищ Волго-Камья раннего железного века – раннего средневековья // Поволжская археология. 2018. № 1(23). С. 107–136. DOI 10.24852/ра2018.1.23.107.136.

Информация об авторах:

Матвеева Наталья Петровна, доктор исторических наук, профессор, Тюменский государственный университет (г. Тюмень, Россия); nataliamatveeva1703@yandex.ru

Третьяков Евгений Алексеевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Тюменский государственный университет (г. Тюмень, Россия); gor-tom@mail.ru

CHRONOLOGY OF THE REBUILDING OF THE FORTIFICATIONS OF THE UST-TERSYUK HILLFORT AND CONSTRUCTION TECHNIQUES

N.P. Matveeva, E.A. Tretyakov

The study of the fortification of the Ust-Tersyuk hillfort were conducted on the 4 sites: cape, citadel, western flank and the front line of the second square. We concluded that the fortification was transformed from an escarpment and the installation of a stockade in the early Bakalskaya culture period (IV–V centuries), to the construction of multi-time and heterogeneous structures on different defensive lines. It transformed from an embankment rampart with a fence on its top and a trapezoidal 3,5-meter ditch to a rampart with a frame construction and a ditch filled with earth on the citadel. On the flank side, a 3-meter ditch with a berm and an embankment with a fence covered with turf were first made. In the 5th–6th centuries AD, these constructions were changed by a ditch with an enlarged berm, an expanded rampart with «taras» and a watchtower on the top. Rampart 1 and ditch 1, similar to the flanking ones, were built on the frontal part. In the 7th–8th centuries, these objects were changed by a 6 m wide rampart 2 with thin layers of turf, which indicated three episodes of rampart enlargement, as well as a 3,8 m wide ditch 2 without a berm. At the final stage of the fortified settlement's existence, the rampart 2 was covered with turf blocks in order to strengthen it and create a breastwork. Ditch 3 was also built at this time. This episode dates back to the Yudino culture's time (11th–13th centuries AD.). The technology of building was determined by the moving loose soils, cutting turf blocks, and erecting frame and log structures.

Keywords: archaeology, Trans-Urals, fortification, The Middle Ages, Bakalskaya culture, Yudino culture.

REFERENCES

1. Adamov, A. A., Balyunov, I. V., Danilov, P. G. 2008. *Gorod Tobol'sk. Arheologicheskiy ocherk (City of Tobolsk. Archaeological essay)*. Tobolsk: Tobolsk State University Historical and Architectural Museum-Reserve (in Russian).
2. Borzunov, V. A., Chemyakin, Yu. P. 2013. In *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* 2(21), 45–55 (in Russian).
3. Gubaydullin, A. M. 2019. *Fortifi katsiya v Srednem Povolzh'e v X – pervoy polovine XVI vv. (Fortification in the Middle Volga Region in the 10th – first half of the 16th Centuries)*. Arkeologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes) 3. Kazan (in Russian).
4. Matveeva, N. P. (ed.). 2022. *Zapadnaya Sibir' v epokhu rannego Srednevekov'ya: vzaimodeystvie etnokul'turnykh obshchnostey (Western Siberia in the Early Middle Ages: Interaction of Ethnocultural Communities)*. Tyumen: Tyumen State University Publ. (in Russian).
5. Zakh, V. A. 2009. In *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* 2(21), 45–55 (in Russian).
6. Zakh, V. A., En'shin, D. N., Rafikova, T. N., et al. 2015. In *Chelovek i Sever: antropologiya, arkeologiya, ekologiya (Man and the North: Anthropology, Archeology, ecology)*. Tyumen: Institute for Problems Development of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 127–132 (in Russian).
7. Shun'kov, M. V. (ed.). 2022. *Istoriya Sibiri: v 4 t. T. 1: Kamenny i bronzovyy vek (History of Siberia in 4 Volumes. Vol. 1: Stone and Bronze Ages)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).
8. Kaydalov, A. I., Sechko, E. A., Kolmogorov, P. A. 2010. In *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* 2(13), 68–74 (in Russian).
9. Konikov, B. A. 2007. *Omskoe Priirtysh'e v rannem i razvitom Srednevekov'e (The Omsk Irtysh Region in the Early and Developed Middle Ages)*. Omsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
10. Matveeva, N. P. 2017. In *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya (Bulletin of the Perm University: History Series)* 1(36), 53–62. DOI: 10.17072/2219-3111-2017-1-53-62 (in Russian).
11. Matveeva, N. P., Berlina, S. V., Rafikova, T. N. 2008. *Kolovskoe gorodishche (The Kolovskoye Hillfort)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation №.24-28-00215, «The defensive architecture of the Early Middle Ages fortified settlements in Western Siberia». (<https://rscf.ru/project/24-28-00215>).

12. Matveeva, N. P., Zelenkova, R. R., Tretyakov, E. A. 2025. In *Vestnik arkeologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* 2(69), 94–102 (in Russian).
13. Matveeva, N. P., Rafikova, T. N., Tretyakov, E. A., Yakimov, A. S. 2024. In *Ufimskiy arkeologicheskij vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 24 (4), 708–720 (in Russian).
14. Matveeva, N. P., Sotnikov, V. A. 2024. In *Vestnik arkeologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* 2(65), 84–97 (in Russian).
15. Matveeva, N. P., Tretyakov, E. A., Ovchinnikov, I. Yu. 2024. In *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki (Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences)* 17(9), 1723–1734 (in Russian).
16. Mikhalev, V. V., Polevodov, A. V. 2007. In Matyushchenko, V. I., Tikhomirov, K. N. (eds.). *Novoye v arkeologii Srednego Priirtysh'ya (Recent in the Archaeology of the Middle Irtysh Region)* 4. Omsk: Omsk State University Publ, 93–103 (in Russian).
17. Morgunov, Yu. Yu. 2009. *Drevo-zemlyanye ukrepleniya Yuzhnoy Rusi X–XIII vekov (Wood-Earth Fortifications of Southern Rus' in the 10th–13th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
18. Moruzhenko, A. A. 1975. In Terenozhkin, A. I. (ed.). *Skifskii mir (Scythian World)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 133–146 (in Russian).
19. Rafikova, T. N. 2011. *Bakal'skaya kul'tura lesostepnogo i podtaezhnogo Tobolo-Ishim'ya (The Bakal Culture of the Forest-Steppe and Sub-Taiga Tobol-Ishim Region)*. PhD Diss. Tyumen (in Russian).
20. Rafikova, T. N., Berlina, S. V. 2014. In *Vestnik arkeologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* 4(27), 69–76 (in Russian).
21. Rafikova, T. N., Berlina, S. V., Kaydalov, A. I., Sechko, E. A. 2013. In *Vestnik arkeologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* 4(23), 42–51 (in Russian).
22. Rudenko, K. A. 2003. *Zheleznye nakonechniki strel VIII–XV vv. iz Volzhskoi Bulgarii. Issledovanie i katalog (Iron Arrowheads of the 8th–15th Centuries from the Volga Bulgaria. Studies and Catalogue)*. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
23. Rudenko, K. A. 2000. *Metallicheskaia posuda Povolzh'ia i Prikam'ia v VIII–XIV vv. (Metal Dishware of the Volga and Kama Regions in 8th–14th Centuries)*. Kazan: "Reper" Publ. (in Russian).
24. Solov'ev, A. I. 1987. *Voennoe delo korennoho naseleniya Zapadnoy Sibiri. Epokha srednevekov'ya (Military Arts of the Indigenous Population of Western Siberia. The Middle Ages)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).
25. Khisyametdinova, A. A., Chizhevskiy, A. A. 2018. In *Povolzhskaya arkeologiya (Volga River Region Archaeology)* 23 (1), 107–136 (in Russian).

About the Authors:

Matveeva Natalia P. Doctor of Historical Sciences, Professor. Tyumen State University. Volodarskogo St. 6, Tyumen, 625003, Russian Federation; nataliamatveeva1703@yandex.ru

Tretyakov Evgeny A. Candidate of Historical Sciences. Tyumen State University. Volodarskogo St. 6, Tyumen, 625003, Russian Federation; gor-tom@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2026 г.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ МАВЗОЛЕЯ КЕСЕНЕ (ПО ИТОГАМ РАСКОПОК 1889 Г.)¹

© 2026 г. А.В. Парунин, А.А. Полякова

В статье представлены ход и итоги первого археологического исследования мавзолея Кесене (Варненский район, Челябинская область), выполненного в конце XIX в. В ходе этих работ получен богатый погребальный инвентарь, информация о котором и его прорисовки часто фигурируют в литературе, посвященной археологии Южного Урала. Сам мавзолей, а также окружающее его пространство, представленное курганным могильником, неоднократно изучались. Последние на данный момент работы были проведены в 2024 г. Однако наиболее выразительные находки были получены в ходе первых археологических исследований. В 2025 г. благодаря сотрудничеству с Эрмитажем получены качественные фотографии золотых украшений. Их датировка периодом XIV в. также позволяет установить приблизительную дату строительства мавзолея.

Ключевые слова: археология, мавзолей, Петри, украшения, перстни, серьги, XIV в., Южный Урал.

Такие мемориальные сооружения, как мавзолеи на Южном Урале, в настоящее время фиксируются фактически в единственном экземпляре. Таковым является мавзолей Кесене, расположенный в Варненском районе Челябинской области, история изучения которого ведет свое начало с середины XVIII в. Отметим, что археологические исследования внутри самого мавзолея проводились лишь дважды, но тем не менее оставили весьма яркие свидетельства материальной культуры эпохи Золотой Орды. Публикации и интерпретации этих свидетельств и посвящена данная статья. В качестве основного материала выступают украшения, найденные в погребении в конце XIX в., фотографии которых стали доступны лишь в недавнее время.

В 1889 г. Э.Ю. Петри (географом по образованию) были проведены археологические работы внутри здания мавзолея Кесене. Территория мавзолея получала неоднократное описание в трудах путешественников XVIII–XIX вв., однако археологически памятник был изучен впервые в конце XIX в.

В архитектурном отношении мавзолей относится (согласно типологии Э.Д. Зиливинской) к группе однокамерных порталных мавзолеев с массивным порталом, вписанным в контур здания (пештаком) (Зиливинская, 2014, с. 153). Мавзолей выстроен из обожженных кирпичей квадратной формы, является прямоугольным в плане размерами 9×12 м. Оно вытянуто вдоль меридиональной оси, в северной части находилась гур-хана, в южной – пештак. Верхушка крыши была разрушена, а общая высота мавзолея составляла 16 м. С южной стороны здания находится широкий, тщательно проработанный портал. Вход был оформлен стрельчатой аркой с выделенным кирпичным бордюром архивольтом. Во внутренней стене портала имеются прямоугольные в сечении ниши. В восточной и западной стенах основного помещения мавзолея были сделаны небольшие квадратные окна. У кирпичных мавзолеев портал вписан в объем здания, он опирается на массивные пилоны, толщина которых превышает толщину стен. Такой портал (пештак) имеет большую высоту и часто закрывает с фасада не только

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-20055, <https://rscf.ru/project/24-18-20055/>.

основание мавзолея, но и барабан и часть покрытия. Внешний купол имеет шатровую форму (Зиливинская, 2014, с. 138–139; Зиливинская, 2024, с. 117–118). По мнению Э.Д. Зиливинской, мавзолей Кесене относится к типу, имеющему прямые аналогии с мемориальным зодчеством Средней Азии (Зиливинская, 2024, с. 119).

Исследования Э.Ю. Петри проводились за счет средств Археологической комиссии, а их результаты были кратко опубликованы в отчете Императорской Археологической комиссии за 1889 г. Начавшиеся работы показали, что практически все пространство внутри здания было подвержено грабительским работам: «По удалении всего мусора из внутреннего помещения обнаружилось, что кладоискатели работали не только в центре, но и у входных дверей и у обоих окон. При очистке мусора найдена теменная кость человеческого черепа и множество бараньих и лошадиных костей, помеченных красной краской» (Отчет ИАК, 1892, с. 56). Исследователь отмечал, что вышеупомянутые кости, скорее всего, «занесены сюда киргизами, для отвода от себя болезни; казаки-татары относятся к этой воровщине, кстати заметить, с большим пренебрежением».

В дальнейшем исследования сосредоточились на северной стороне, напротив дверей, где на глубине «1½ арш. (1,06 м – прим.) глубже встретились лубок и доски, до некоторой степени обрисовывавшие человеческую фигуру» (Отчет ИАК, 1892, с. 56). Интересно отметить, что при начале работ был разобран зацементированный пол. Скорее всего, ко времени начала работ пол внутри здания мавзолея был выровнен. Эта конструктивная особенность отличает его, скажем, от мавзолея Тура-хана, где пол представлял собой перемешанный грунт с землей и щебнем (Гарустович, Нечвалода, 2020, с. 168). По

мнению исследователей, этапы строительства мавзолея Тура-хана имели антисейсмическую направленность, что связано с происхождением строителей (Гарустович, Нечвалода, 2020, с. 165–166).

В результате работ был обнаружен женский скелет, вокруг шеи которого «обмотана была шелковая ткань, отдельные куски которой еще сохранились». По всей видимости, погребенная была помещена в деревянный гроб, который сохранился лишь частично. На одном уровне с досками был зафиксирован покрывавший череп лубок, в котором «сделано было два отверстия для глаз и одно для рта». Очевидно, эта деталь выступала своего рода погребальной маской, но по тексту отчета неясно, из какого материала он был. Схожий элемент присутствовал в описываемом А.А. Кротковым женском погребении, где лицо было прикрыто куском шелковой материи, хотя и без прорезей (Кротков, 1915, с. 118).

Помимо этого, у черепа найдены «две золотые серьги с двумя жемчужинами и одним яхонтом на каждой». На пальцах рук обнаружено «два золотых перстня, гнезда которых украшены золотым арабеском и небольшими зеленовато-голубыми камнями, похожими на бирюзу» (Отчет ИАК, 1892, с. 56–57). Также в ходе раскопок в западной и центральной части обнаружены остатки разграбленных погребений (один целый череп и фрагменты второго). Возле фрагментов второго черепа в центральной части отмечен «обломок небольшой деревянной палицы, окрашенной в малиновый цвет» (ИАК, 1892, с. 57). Судьбу этого предмета, в отличие от вышеупомянутых, проследить не удалось. На выполненных Э.Ю. Петри рисунках она также отсутствует.

Проведенные В.С. Стоколосом в 1960 г. работы внутри здания (шурф 1,5×2 м у юго-западной стенки) не вы-

явили следов погребений (Стоколос, 1962, с. 26).

Найденные при раскопках 1889 г. предметы были переданы в Эрмитаж. Прорисовки, выполненные автором раскопок, неоднократно фигурируют в статьях и монографиях, посвященных археологии Южного Урала (Тайров, Боталов, 2000, с. 414; Боталов, 2019, с. 317). Однако изображение серьги в них показано не совсем верно, поскольку на ее окончании присутствуют три бусины, а не две, как заявлено на рисунке. Также, на наш взгляд, неверно определена ориентировка погребения у северной стенки. На рисунке ее направление – север-юг, однако описание направления непосредственно в отчете вообще отсутствует. Вслед за Г.Н. Гарустовичем и А.И. Нечвалодой, изучавшими мавзолеи Тура-хана и Хусейн-бека в Чишминском районе Республики Башкортостан, можно предположить западную ориентировку (Гарустович, Нечвалода, 2020, с. 179, 208). На такую мысль наталкивает как вероятная одновременность сооружений мавзолеев, так и результаты проведенных в них археологических работ.

В 2025 г. благодаря сотрудничеству с Эрмитажем получены фотографии перстней и серег из погребения, изученного Э.Ю. Петри (рис. 1).

Перстни (рис. 1: 1–2). Диаметр 2,3 см; золото, паста.

Серьги (пара) (рис. 1: 3). Золото, жемчуг (4 шт.), камень (2 шт.). Диаметр: 2,5 см (а), длина 8,5 см; диаметр 2,5 см (а. мин.), длина 9,9 см (а. максимальный с разогнутой проволокой); Диаметр: 2,5 см, длина 8,5 см (б.).

Серьги уверенно сопоставляются с типом VIб (по Г.А. Федорову-Давыдову) (Федоров-Давыдов, 1966, с. 38, рис. 6). Выполнены в виде «знака вопроса» из проволоки. Верхняя часть представляет собой кольцо с отходящим вниз вертикальным проволочным стержнем. Кольцо несомкнутое.

Стержень серёг односоставный, перевитый тонкой проволокой, с тремя бусинами на конце на тонкой проволочной петле. Серьги подобного типа Г.А. Федоровым-Давыдовым были датированы XIV в. (Федоров-Давыдов, 1966, с. 40). Ближайшим мавзолеем, содержащим похожий погребальный инвентарь является V курганный могильник Мустаево, расположенный в Оренбургской области. Здесь также зафиксирована схожая серьга, датировка которой в пределах XIII–XIV вв. (Матюшко, с. 148, 154, рис. 9; Моргунова, 2005, с. 41).

Перстни цельнолитые с прямоугольным щитком, в центре которых закреплено украшение из пасты с рельефным декором по краям. Наиболее близкой аналогией выступает золотой перстень середины – второй половины XIV в. из коллекции Казанского федерального университета (Руденко, 2018, с. 120–121).

Вместе со всем вышесказанным можно согласиться с Г.Н. Гарустовичем в том, что захороненные в мавзолеех являлись представителями местной кочевой элиты (Гарустович, 2014, с. 98). Не стало исключением и погребение в мавзолее Кесене, о чем ярко свидетельствуют представленные находки. О статусности погребения также свидетельствует наличие шелковой ткани на погребенной, упомянутой Э.Ю. Петри. В исследовательской литературе также поднимался этот вопрос. В частности, М.А. Очир-Горяева и Е.Г. Буратаев, анализируя погребения с шелком золотоордынского времени на территории Калмыкии, также приходят к выводу, что эта ткань является ярким свидетельством социального статуса (Очир-Горяева, Буратаев, 2021, с. 1213). В частности, в кургане 4 могильника Промзона помимо шелкового халата было обнаружено зеркало со сложным растительным орнаментом, а на теле погребенной из курганной группы

Рис. 1. Предметы из раскопок Э.Ю. Петри мавзолея Кесене в 1889 г.
1, 2 – перстни, 3 – серьги.

Fig. 1. Items from the excavations by E.Yu. Petri at the Kesene mausoleum in 1889.
1, 2 – finger rings. 3 – earrings.

Ики-Зегиста была обнаружены остатки шелковой одежды типа рубашки, а также крупные фрагменты халата из парчи. Причем шелк был византийского происхождения. Халат же погребенной содержал в себе сложный композиционный узор с графическим узором четырех орлиных грифонов вокруг центральной розетки (Очир-Горяева, Буратаев, 2021, с. 1215). Одежда покойной определенно свидетельствует о ее высоком статусе. По мнению исследователей, халат часто становился деталью костюма; вместе с женским головным убором боктаг он символизировал значимость золотоордынской элиты в социальном

пространстве (Юрченко, 2012, с. 71, 86).

Встречались погребения с шелком также непосредственно и на территории мавзолеев. В 1913 г. А.А. Кротков провел раскопки в одном из мавзолеев Увека, где выявил ряд погребений с богатым инвентарем. В одном из погребений был выявлен женский скелет, покрытый парчовым халатом, а лицо покойной, как уже упоминалось выше, прикрыто куском шелка. Также на покойную была надета шапка, по краям которой зафиксированы две серьги в виде «знака вопроса» (Кротков, 1915, с. 118). Вполне вероятно, что шелковая ткань, которая была

обмотана вокруг шеи покойной из погребения мавзолея Кесене, также представляла собой деталь не сохранившейся до момента раскопок одежды, вероятно халата.

Немаловажным представляет также и наличие самого погребального инвентаря, неравномерно фиксируемого в мавзолеях Южного Урала и Западного Казахстана. Так, по мнению А.А. Бисембаева, А.И. Хаванского и Р.Ж. Жанузака, в 71% мавзолеев этого региона в погребениях присутствовал инвентарь, причем наиболее выразительный на сверенной периферии, к которому относится Кесене (Бисембаев, Хаванский, Жанузак, 2024, с. 336–337).

Все это наводит на мысль о периферийности территории Южного

Урала и в период активности распространения ислама в Золотой Орде благодаря реформам хана Узбека в 10–20-х гг. XIV в. Мавзолей, являющийся ярким примером раннемусульманской мемориальной архитектуры, содержал в себе погребения, которые не носили четко выраженных следов погребальной традиции, характерной для ислама. Вероятнее всего, на бытовом уровне кочевники Южного Урала могли продолжать исповедовать языческую форму религии, что и выразилось в богатом погребальном инвентаре. Само же погребение, как и в целом строительство мавзолея Кесене, уместно оконтурить первой половиной – серединой XIV в.

Примечание:

Изображения коллекции Э.Ю. Петри, проведенных в 1889 г., предоставлены Государственным Эрмитажем, в рамках реализации проекта «В долине Тамерлана» ФПГ №24-2-002168. Фотограф: Терехенин В.С.

© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2025 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бисембаев А.А., Хаванский А.И., Жанузак Р.Ж. Исследования средневековых мавзолеев в урочище Коптам в Западном Казахстане // Археология Евразийских степей. 2024. № 2. С. 328–339.
2. Боталов С.Г. У истоков южноуральских народов. Южный Урал в эпоху Золотой Орды (IX – начало XV века) // История Южного Урала: в 8 т. Т. 5. Челябинск: ЮУрГУ, 2019. 424 с.
3. Гарустович Г.Н. «Теория мавзолеев» или региональные особенности культового мемориального зодчества Урало-Поволжья эпохи Золотой Орды (исторические и этнографические аспекты проблемы) // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2 (4). С. 95–119.
4. Гарустович Г.Н., Нечвалода А.И. Средневековые каменные мавзолеи Башкортостана (история, археология, биоантропология). Уфа: Китап, 2020. 400 с.
5. Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. I. Культовое зодчество. Казань, 2014. М.; Казань: Отечество, 2014. 448 с.
6. Зиливинская Э.Д. Мавзолеи восточных районов Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. № 12 (1). 2024. С. 91–124.
7. Кротков А.А. Раскопки на Укеке в 1913 году // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Вып. 32. Саратов: Союз Печатного Дела, 1915. С. 111–133.
8. Матюшко И.В. Средневековые мавзолеи в Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 9 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2011. С. 146–156.
9. Моргунова Н.Л., Краева Л.А., Матюшко И.В. Курганный могильник Мустаево V // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 8 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ, 2005. С. 5–49.
10. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1889 год. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1892. 128 с.

11. *Очир-Горяева М.А., Буратаев Е.Г.* Погребения с изделиями из шелка эпохи Золотой Орды: проблемы интерпретации // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 6. С. 1210–1225.

12. *Руденко К.А.* Золотые украшения Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды: опыт сравнительного анализа // *Поволжская археология*. 2018. № 2 (24). С. 111–124.

13. *Таиров А.Д., Боталов С.Г.* Древняя история Южного Зауралья. Т. II. Ранний железный век и средневековье / Отв. ред. Н.О. Иванова. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. 498 с.

14. *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 276 с.

15. *Юрченко А.Г.* Элита Монгольской империи. Время праздников. Время казней. СПб: Евразия, 2013. 432 с.

Информация об авторе:

Парунин Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск, Россия); therion12399@gmail.com.

Полякова Александра Анатольевна, научный сотрудник, ФССКН «Общественный фонд «Южный Урал» (г. Челябинск, Россия); tibela@mail.ru

BURIAL SET FROM THE KESENE MAUSOLEUM (FOLLOWING THE RESULTS OF THE 1889 EXCAVATIONS)

A.V. Parunin, A.A. Polyakova

The article presents the course and results of the first archaeological study of the mausoleum of Kesene (Varna district of the Chelyabinsk region), conducted at the end of the XIX century. In the course of these works, a rich burial set was obtained, information and drawings about which are often found in the literature devoted to the archaeology of the Southern Urals. The mausoleum itself, as well as the surrounding area represented by the barrow field, have been repeatedly studied. The last works to date were carried out in 2024. However, the most significant finds were obtained during the first archaeological research. In 2025, thanks to cooperation with the Hermitage, high-quality photographs of gold jewelry were obtained. Dating these items to the XIV century also helps establish the approximate construction date of the mausoleum.

Keywords: archaeology, mausoleum, Petri, jewelry, finger rings, earrings, XIV century, Southern Urals.

REFERENCES

1. Bisembayev, A. A., Khavanskiy, A. I., Zhanuzak, R. Zh. 2024. In *Arkheologiya Evrazijskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 2, 328–339 (in Russian).

2. Botalov, S. G. 2019. *U istokov yuzhnoural'skikh narodov. Yuzhnyy Ural v epokhu Zolotoy Ordy (IX – nachalo XV veka) (At the Origins of the South Ural Peoples. Southern Urals in the Era of the Golden Horde (9th – Early 15th Century))*. Series: Istoriya Yuzhnogo Urala: v 8 t (History of the Southern Urals: in 8 volumes) 5. Chelyabinsk: South Ural State University (in Russian).

3. Garustovich, G. N. 2014. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 4(2), 95–119 (in Russian).

4. Garustovich, G. N., Nechaloda, A. I. 2020. *Srednevekovyye kamennyye mavzolei Bashkortostana (istoriya, arkheologiya, bioantropologiya) (Medieval Stone Mausoleums of Bashkortostan (History, Archaeology, Bioanthropology))*. Ufa: “Kitap” Publ. (in Russian).

5. Zilivinskaya, E. D. 2014. *Arkitektura Zolotoy Ordy (Architecture of the Golden Horde) 1. Kul'tovoe zodchestvo (Ritual Architecture)*. Moscow; Kazan: “Otechestvo” Publ. (in Russian).

6. Zilivinskaya, E. D. 2024. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 12(1), 91–124 (in Russian).

7. Krotkov, A. A. 1915. In *Trudy Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of Saratov Scientific Archive Commission)* 32. Saratov: “Soiuz Pечатnogo Dela” Publ., 111–133 (in Russian).

8. Matyushko, I. V. 2011. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 9. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 146–156 (in Russian).

The study was financially supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-18-20055, <https://rscf.ru/project/24-18-20055/>.

9. Morgunova, N. L., Kraeva, L. A., Matyushko, I. V. 2005. In Morgunova, N. L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 8. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 5–49 (in Russian).
10. 1892. *Otchety Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii za 1889 g. (Reports of the Imperial Archaeological Commission for 1889)*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).
11. Ochir-Goryaeva, M. A., Burataev, E. G. 2021. In *Oriental Studies* 14 (6), 1210–1225 (in Russian).
12. Rudenko, K. A. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 24 (2), 111–124 (in Russian).
13. Tairov, A. D., Botalov, S. G. 2000. In Ivanova, N. O. (ed.). *Drevniaia istoriia Iuzhnogo Zaural'ia. Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e (Ancient History of the South trans-Urals. Early Iron Age and Middle Ages)* 2. Chelyabinsk: South Ural State University (in Russian).
14. Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
15. Yurchenko, A. G. 2013. *Elita Mongol'skoi imperii. Vremia prazdnikov. Vremia kaznei (The Elite of the Mongol Empire. Time for Festivities. Time for Executions)*. Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).

About the Authors:

Parunin Alexey V. Candidate of Historical Sciences. South Ural Department; Professor, South Ural State University; Lenina pr., 76, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation; therion12399@gmail.com.

Polyakova Aleksandra A. Public Fund 'South Ural', Lenin St., 28, Kopeysk, Chelyabinsk region, 456618, Russian Federation; tibela@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2026 г.

УДК 903.2

<https://doi.org/10.24852/pa2026.2.56.86.99>

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ ЭПОХИ ПЕРВОГО ТЮРКСКОГО КАГАНАТА НА АЛТАЕ¹

© 2026 г. Н.Н. Серегин, Ю.Т. Мамадаков, С.М. Киреев

Статья посвящена введению в научный оборот и культурно-хронологической интерпретации материалов раскопок кургана № 2 некрополя Тюмечин-II. Данный комплекс, расположенный в Онгудайском районе Республики Алтай, исследовался экспедицией Алтайского государственного университета в 1991 г. Представлены подробная характеристика объекта, описание зафиксированного обряда и обнаруженных предметов, аналогии данным вещам, а также результаты радиоуглеродного датирования образцов из этого памятника и из захоронения Жана-Аул (Юго-Восточный Алтай). Установлено, что рассматриваемый курган комплекса Тюмечин-II относится к последней четверти VI – первой половине VII вв. н. э., что подтверждает характерный облик сопроводительного инвентаря. Этим же периодом датируется захоронение Жана-Аул. Отмеченное в данном случае «удревнение» результатов радиоуглеродного анализа, вероятно, обусловлено сухостью климата в местности, где расположен объект. Погребальный ритуал, зафиксированный в ходе исследований данных комплексов, аналогичен серии синхронных захоронений, но при этом отличается от «классических» традиций носителей культуры тюрков. Сформулировано предположение о том, что специфика объектов эпохи Первого каганата на Алтае объясняется влиянием на «ранних» тюрков норм обрядовой практики населения предтюркского периода.

Ключевые слова: археология, тюрки, эпоха Первого каганата, Алтай, погребальный обряд, некрополь, радиоуглеродный анализ, хронология, этнокультурная история.

Введение

Одним из кульминационных моментов в истории Центральной Азии стало создание в 552 г. Первого Тюркского каганата – кочевой империи, границы которой простирались далеко за пределы обозначенного обширного региона. Перипетии военно-политических процессов, происходивших в этот период, известны по письменным источникам. Принимая во внимание имеющиеся сведения, стоило бы ожидать и значительное количество археологических комплексов, изучение которых позволило бы детализировать эти процессы. Однако к настоящему времени эпоха Первого Тюркского каганата остается одним из периодов, крайне слабо обеспеченных материалами раскопок. Является ли данная ситуация объективной и каковы ее причины – вопросы, остающиеся дискуссионными. Так или иначе в настоящее время большое значение

имеет расширение источниковой базы как в ходе новых полевых исследований, так и в формате введения в научный оборот раскопанных ранее, но по разным причинам не опубликованных памятников, а также путем детального анализа уже имеющихся данных. В настоящей статье представлены материалы раскопок раннесредневекового погребения из комплекса Тюмечин-II в Центральном Алтае, а также приведены результаты радиоуглеродного датирования этого объекта и хорошо известного захоронения Жана-Аул из юго-восточной части региона.

Погребальные комплексы тюрков эпохи Первого каганата: краткий историографический обзор

Выделение погребальных памятников тюрков, синхронных периоду существования Первого каганата, впервые осуществлено в монографии А.А. Гавриловой (Гаврилова, 1965, с. 58–60), посвященной публикации

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №26-18-00357, <https://rscf.ru/project/26-18-00357/>.

материалов раскопок могильника Кудыргэ. Исследовательница охарактеризовала «кудыргинский тип» могил, сооруженных в VI–VII вв. н. э., и с разной степенью обоснованности отнесла к кругу таких объектов небольшую серию памятников, раскопанных на Алтае, а также в Туве, Минусинской котловине, Казахстане, Узбекистане.

В последующие годы именно результаты раскопок раннесредневековых объектов некрополя Кудыргэ выступали опорными при характеристике погребальных комплексов эпохи Первого каганата на сопредельных территориях. С.И. Вайнштейн (Вайнштейн, 1966, с. 76–77) на материалах одного захоронения, исследованного им на комплексе Кокэль, выделил ишкынский этап в истории тюрок Тувы и датировал его концом VI – началом VII вв. н. э. Л.Р. Кызласов (Кызласов, 1969, с. 18) отметил, что погребения VI в. н. э. в обозначенном регионе пока неизвестны, а основная часть объектов датируется VII–VIII вв. н. э.

В одной из первых обобщающих работ по археологии раннесредневековых тюрок Центральной Азии В.А. Могильников (Могильников, 1981, с. 32–33) отдельно охарактеризовал памятники эпохи Первого каганата. Круг комплексов, отнесенных им к этому периоду, оказался весьма близок к представлениям, изложенным ранее А.А. Гавриловой. При этом В.А. Могильников (Могильников, 1981, с. 33) отметил специфику синхронных комплексов Средней Азии и Казахстана, а также подчеркнул проникновение «алтайских тюрок» на средний Енисей во второй половине VI – VII вв. н. э.

Схожий подход получил отражение в одной из книг Д.Г. Савинова (Савинов, 1984, с. 49), где хронология погребальных комплексов Первого Тюркского каганата была ограничена рамками второй половины VI – пер-

вой половины VII вв. н. э. Археолог представил объекты, отнесенные к этому периоду, незначительно скорректировав и расширив круг памятников, упоминаемый ранее другими исследователями (Савинов, 1984, с. 53–55). Важными являются замечания специалиста о том, что охарактеризованные погребения с конем «разбросаны по разным районам Южной Сибири, Средней Азии и Казахстана, не образуя какой-либо компактной культурной общности», а сходство их по набору сопроводительного инвентаря может объясняться влиянием определенной группы населения, распространившейся с территории Алтая. Спустя несколько лет в докторской диссертации Д.Г. Савинов (Савинов, 1987, с. 22–23) выделил кудыргинский этап «культуры алтае-телеских тюрок», синхронный периоду существования Первого Тюркского каганата.

Обозначение «кудыргинский этап» активно используется при характеристике материалов раскопок археологических памятников начала раннего Средневековья на Алтае (Горбунов, Тишкин, 2003, с. 228; Тишкин, Горбунов, Горбунова, с. 10; и др.). Кроме того, имеется опыт выделения и различного наполнения особой «кудыргинской культуры» (Суразаков, 1992, с. 92–97; Зубова, Кубарев, 2015, с. 86), не нашедший развития в последующих публикациях обозначенных авторов. В последние десятилетия несколько погребений отнесено к эпохе Первого каганата при введении в научный оборот конкретных материалов раскопок (Мамадаков, Горбунов, 1997, с. 118; Худяков, Кочеев, 2000, с. 119–120; Кубарев, 2005, с. 140; и др.).

В целом ключевой проблемой в исследовании погребальных комплексов раннесредневековых тюрок эпохи Первого каганата остается их немногочисленность. Кроме того, сохра-

Рис. 1. Расположение памятников Тюмечин-II и Жана-Аул.

Fig. 1. Location of the Tyumechin-II and Zhana-Aul sites.

няется дискуссионность хронологии конкретных объектов, в значительной степени связанная с практически полным отсутствием опыта радиоуглеродного датирования материалов из захоронений данного периода.

Характеристика новых источников

Некрополь Тюмечин-II расположен в 2,5 км северо-востоку от с. Ело, на берегу р. Тюмечин (правый приток р. Урсул) – в местности, насыщенной археологическими комплексами различных хронологических периодов от энеолита до Средневековья (рис. 1). Раскопки на данном комплексе, проведенные экспедицией Алтайского государственного университета под руководством Ю.Т. Мамадакова в 1991 г., были связаны с организацией

мелиоративных систем и носили аварийный характер.

Курган № 2 могильника Тюмечин-II представлял собой небольшую полусферическую каменную насыпь диаметром до 6,5 м, не имевшую каких-либо дополнительных конструкций. Под наземным сооружением находилась могильная яма, размеры которой составили 2,25×1,15 м. На ее дне, на глубине до 0,72 м, выявлено захоронение человека в сопровождении лошади. Умершая женщина¹ была уложена на спине в вытянутом положении и ориентирована головой на запад. Покойная оказалась отделена от находившейся справа от нее лошади перегородкой из четырех крупных камней, установленных вертикально. Конское захоронение устроено в

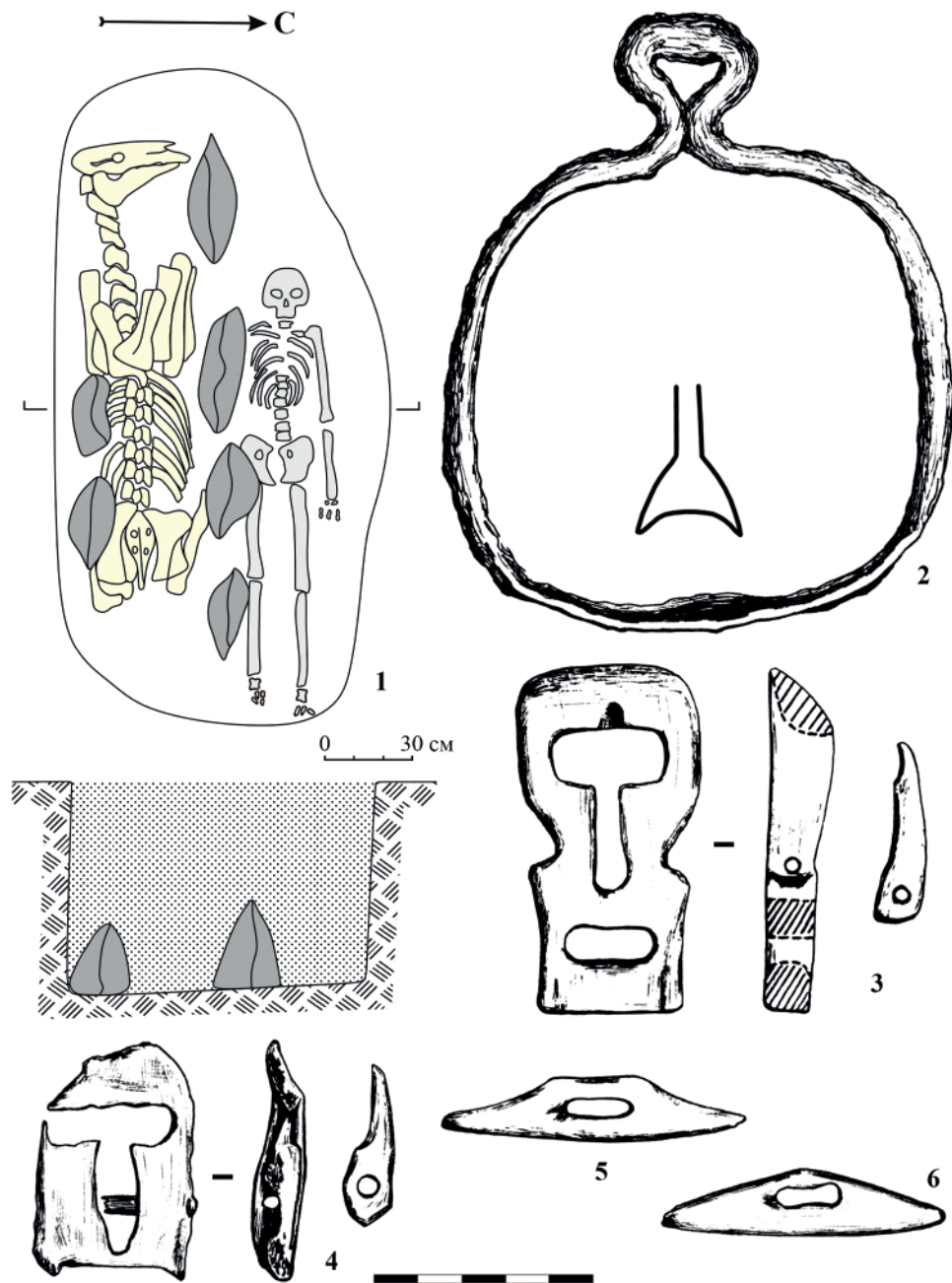

Рис. 2. Тюмечин-II, курган № 2: 1 – план и разрез могилы; 2–6 – сопроводительный инвентарь (2 – железо; 3–6 – кость, рог).

Fig. 2. Tyumechin-II, burial mound No. 2: 1 – plan and section of the grave; 2–6 – accompanying inventory (2 – iron; 3–6 – bone, horn).

южной части могилы. Лошадь была уложена на живот с подогнутыми конечностями и ориентирована головой

на запад, в одну сторону с человеком. Слева от животного, у южной стенки могильной ямы, находились два круп-

Рис. 3. Предметный комплекс из погребения кургана № 2 памятника Тюмечин-II:
1 – железо; 2–5 – кость, рог.

Fig. 3. Assemblage of items from the barrow No. 2 at the Tyumechin-II site: 1 – iron; 2–5 – bone, horn.

ных камня, которые, вероятно, выступали частью общей конструкции, связанной с оформлением конского захоронения (рис. 2: 1).

Весь немногочисленный сопроводительный инвентарь, обнаруженный в ходе раскопок кургана № 2 комплекса Тюмечин-II, находился на костях лошади. У левого бока животного выявлено железное петельчатое стремя (рис. 2: 2; 3: 1), а в районе ребер зафиксированы две роговые подпружные пряжки (рис. 2: 3, 4; 3: 2, 3). У задних конечностей лошади обнаружены две костяные застежки от пут (рис. 2: 5, 6; 3: 4, 5).

В том же 1991 г. исследован один из немногих объектов на Алтае, с высокой степенью уверенности относимых специалистами к эпохе Первого каганата – захоронение Жана-Аул. Материалы из этого комплекса, хра-

нящиеся в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина, неоднократно опубликованы (Худяков, Кочеев, 1997; 2000; Кочеев, Худяков, 2000). Вместе с тем полученные впервые результаты радиоуглеродного анализа, а также важность памятника для культурно-хронологической интерпретации объектов начала раннего Средневековья определяют целесообразность обращения к данному захоронению в настоящей статье.

Захоронение Жана-Аул, расположенное близ одноименного населенного пункта в Кош-Агачском районе Республики Алтай (рис. 1), было выявлено во время строительства гравийного карьера и частично разрушено. Судя по имеющимся данным, рассматриваемый комплекс представлял собой каменную насыпь, под которой находилось захоронение человека с

Рис. 4. Предметный комплекс из захоронения Жана-Аул:
1 – кожа, цветной металл; 2, 5, 6 – дерево; 3 – шелк; 4 – камень; 7, 8 – цветной металл.
Fig. 4. Assemblage of items from the Zhana-Aul burial: 1 – leather, non-ferrous metal; 2, 5, 6 – wood;
3 – silk; 4 – stone; 7, 8 – non-ferrous metal.

лошадью. Умершая женщина, останки которой характеризовались высокой степенью сохранности в связи с естественной мумификацией, была уложена в каменном ящике, головой на север. Животное, помещенное справа от человека, ориентировано в этом же направлении. Представительный инвентарь, сохранившийся в связи с разрушением только частично, включал отдельные элементы конского снаряжения, в том числе ремни с многочисленными бронзовыми бляхами, а также фрагменты шелковых тканей от одежды человека, украшения и деревянную посуду² (рис. 4).

Анализ и интерпретация материалов

Одной из ключевых задач в рамках интерпретации обозначенных погребений из памятников Тюмечин-II и Жана-Аул является установление их датировки. Наряду с изучением предметного комплекса большое значение имеет радиоуглеродный анализ образцов (табл. 1). Данная работа была проведена в лаборатории 14ХРОНО Центра по изучению климата, окружающей среды и хронологии Королевского университета Белфаста (Великобритания). Приводимые калибровочные показатели получены при использовании программы RADIOCARBON CALIBRATION PROGRAM CALIB REV8.20. Результаты радиоуглеродного анализа показывают, что погребение из кургана № 2 комплекса Тюмечин-II относится к последней четверти VI – первой половине VII вв. н. э. Образец из захоронения Жана-Аул показал повышенное значение изотопов азота, что может быть обусловлено сухостью климата в местности, где расположен объект. Вероятно, именно этим объясняется некоторое «удревнение» датировки данного погребения, полученной по результатам радиоуглеродного анализа.

Обозначенную хронологию погребения некрополя Тюмечин-II под-

тверждает облик немногочисленных предметов сопроводительного инвентаря. Наиболее показательным с этой точки зрения является железное стремя (рис. 2: 2; 3: 1). Ключевыми характеристиками изделия выступают узкая (до 2,4 см в ширину) подножка без нервюры, приплюснутое ушко-петля, слегка округлый проем, образуемый дужками. Близкие по морфологическим признакам находки происходят из объектов, датирующихся в рамках второй половины VI – VII вв. н. э. (Гаврилова, 1965, табл. XII: 10; Могильников, 1990, рис. 5: 2; Кирюшин и др., 1998, рис. 5: 7; и др.). Отметим наличие в рассматриваемом захоронении только одного стремени, а не пары изделий. Распространение данной традиции, зафиксированной в представительной серии раннетюркских поминальных и погребальных комплексов на Алтае (Могильников, 1994, рис. 2: 1; Соенов, Эбель, 1996, рис. 1: 3; Соенов и др., 2009, рис. 7; Серегин, Васютин, 2019, рис. 6: 2; и др.) и сопредельных территориях (Евтюхова, 1948, рис. 111а; Трифионов, 1971, рис. 5; Худяков, 1999, рис. 3; Серегин, Монгуш, 2023, рис. 5: 1; 6: 1; и др.) может быть связано с использованием таких предметов в начальный период их бытования в качестве подножки. В объектах второй половины VI – VII вв. н. э., исследованных в разных частях Алтае-Саянского региона, обнаружены роговые подпружные пряжки, схожие с находкой из публикуемого кургана (рис. 2: 1; 3: 2) (Кирюшин и др., 1998, рис. 6: 8; Поселянин, Киргинеков, Тараканов, 1999, рис. 16: 5; Кубарев, 2005, табл. 111: 2; и др.).

Среди хронологически выразительных элементов сопроводительного инвентаря, обнаруженных в захоронении Жана-Аул, следует выделить комплекс украшений конского снаряжения, представленных значительным количеством блях-накладок

Результаты радиоуглеродного анализа образцов из погребений комплексов Тюмечин-II и Жана-Аул

№	Шифр	Объект	Образец	AMS ¹⁴ C, ВР	Калиброванная дата (1 σ)	Калиброванная дата (2 σ)
1.	UBA-48202	Тюмечин-II, курган № 2	кость человека	1454±24	599–641 AD	576–647 AD
2.	UBA-48200	Жана Аул	зуб человека	1582±26	434–540 AD	422–549 AD

нескольких типов, оформленных в т. н. геральдическом стиле (рис. 4: 1). Ближайшие и наиболее многочисленные аналогии таким изделиям происходят из известного комплекса Кудыргэ в Восточном Алтае, а также из погребений в предгорной зоне, большая часть которых относится ко второй половине VI – первой половине VII вв. н. э. (Гаврилова, 1965, табл. X: 15, 16; Серегин, Степанова, 2023, рис. 4: 8–10; и др.). Такой же круг аналогий имеют и крайне редкие для памятников тюрок Алтая кольца и перстень из цветного металла (рис. 4: 7, 8) (Гаврилова, 1965, табл. IX: 10; XX: 3–6; Серегин, Абдулганеев, Степанова, 2019, рис. 8: 11; Серегин, Степанова, 2023, рис. 4: 14; и др.). Относительную хронологию рассматриваемого объекта демонстрируют деревянные застёжки от пут (цурки) с несомкнутой прорезью (рис. 4: 5, 6). Единичные подобные предметы, изготовленные из кости, встречены в ходе раскопок погребений предтюрокского времени (Матренин, 2018, рис. 2: 17–19, 22–25; Серегин и др., 2023, табл. 77: 1, 3) и эпохи Первого каганата (Гаврилова, 1965, табл. XIX: 19).

Большое значение для интерпретации публикуемого объекта некрополя Тюмечин-II и других немногочисленных погребальных комплексов эпохи Первого каганата на Алтае имеет анализ характеристик обрядовой практики, зафиксированных в ходе раскопок, а также соотношение этих данных с основным массивом памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии различных хронологических

периодов. Изучение всех имеющихся источников показывает, что своего рода «стандартом» ритуала кочевников обозначенной общности (за исключением большей части объектов, исследованных в Минусинской котловине) являлось сочетание следующих признаков: захоронение человека, ориентированного в восточном направлении, в сопровождении лошади, направленной в противоположную сторону и уложенной слева от покойного (Серегин, 2019, с. 26). Важно подчеркнуть, что практически все погребения эпохи Первого каганата на Алтае демонстрируют серьезные отклонения от данной традиции. Ключевой отличительной характеристикой является ориентировка умерших людей головой в меридиональном направлении, реже на запад. Такая ситуация зафиксирована в ходе раскопок на памятниках Айрыдаш (неопубликованные материалы А.С. Суразакова), Жана-Аул (Худяков, Кочеев, 1997, с. 12), Кудыргэ (Гаврилова, 1965, табл. XIV: А; XV: А; XVIII: А; и др.), Тюмечин, Уландрык (Кубарев, 2005, табл. 2) и др. Зачастую лошадь в рассматриваемых захоронениях направлена в одну сторону с человеком. Наиболее же полные аналогии погребальному ритуалу, отмеченному в ходе раскопок кургана № 2 некрополя Тюмечин-II (ориентировка человека и лошади на запад, расположение животного справа от умершего), известны в материалах Минусинской котловины (Поселянин, Киргинеков, Тараканов, 1999, рис. 4: 1, 3, 4; 10: 1; Худяков, 1999, рис. 1; 2004, рис. 33; и др.). Имеются

основания для предположения о том, что формирование в данном регионе локального варианта культуры раннесредневековых тюрок произошло при участии отдельных групп кочевников булан-кобинской культуры Алтая предтюркского времени (Серегин, 2014).

Следует признать, что различного рода отклонения от «стандартных» характеристик погребального обряда фиксируются на всех этапах истории раннесредневековых тюрок, что может объясняться многими факторами – влиянием других групп кочевников, спецификой прижизненного статуса умершего человека, особыми обстоятельствами его смерти и др. Однако именно в эпоху Первого каганата они выявлены практически у всех комплексов, раскопанных на территории Алтая – в регионе, где локализована большая часть известных на сегодняшний день объектов данного периода. В отдельных случаях схожие ситуации отмечены и при исследовании синхронных захоронений в Средней Азии (Винник, 1963, рис. 15). Таким образом, приходится констатировать, что погребения второй половины VI – первой половины VII вв. н. э. на Алтае и некоторых других территориях системно отличаются по совокупности характеристик ритуала от комплексов культуры раннесредневековых тюрок более позднего времени.

Немногочисленность имеющихся материалов эпохи Первого каганата пока не позволяет представить однозначного и простого объяснения данной ситуации. Не исключено, под влиянием различных факторов происходила трансформация погребального обряда носителей рассматриваемой общности при сохранении общей его концепции и ключевых характеристик (захоронение человека в сопровождении лошади, уложенной сбоку от него). При этом, возможно, отмеченные характеристики объектов ран-

нетюркского времени обусловлены влиянием традиций населения предтюркского периода. Схожая ситуация выявлена в ходе раскопок поминальных комплексов начальных этапов в развитии культуры тюрок. Их отличительной характеристикой является нехарактерная в целом для традиций раннесредневековых кочевников ориентировка стел и балбалов, отличная от «классического» восточного направления (Серегин, Васютин, 2021, с. 162–163). Так, при исследовании ряда подквадратных и округлых оградок на памятниках Булан-Кобы-IV, Кара-Коба-I, Кок-Паш и др. зафиксировано расположение стел и балбалов к северу или к западу и реже – к югу от основного комплекса (Мамадаков, 1994, с. 59, рис. 2: 7–12; Могильников, 1994, рис. 6–7, 16–19; Серегин, Васютин, 2021, рис. 46, 57, 66; и др.).

Заключение

Материалы, полученные в ходе раскопок кургана № 2 некрополя Тюмечин-II, расширяют весьма фрагментарную источниковую базу для реконструкции истории раннесредневековых тюрок в эпоху Первого каганата. Изучение обнаруженных предметов сопроводительного инвентаря, а также полученные результаты радиоуглеродного датирования позволяют определить хронологию данного объекта в рамках последней четверти VI – первой половины VII вв. н. э. Погребальный ритуал, зафиксированный в ходе исследований публикуемого комплекса, аналогичен серии синхронных захоронений, но при этом отличается от «классических» традиций носителей культуры тюрок. Анализ имеющихся материалов позволяет утверждать, что погребения эпохи Первого каганата на Алтае и некоторых других территориях устойчиво отличаются по совокупности характеристик (ориентировка человека и лошади, а также расположение животного относительно умершего)

от большинства комплексов рассматриваемой общности, относящихся к более позднему времени. Возможности интерпретации данной ситуации существенным образом ограничены немногочисленностью памятников, а также неравномерностью распространения известных объектов в разных частях центральноазиатского региона. Вместе с тем имеются основания для предположения о том, что одним из вероятных объяснений специфики комплексов эпохи Первого каганата

является влияние на «ранних» тюрок традиций населения предтюркского периода. Очевидны перспективы дальнейших целенаправленных полевых исследований и междисциплинарного изучения погребальных и поминальных памятников второй половины VI – первой половины VII вв. н. э., что позволит более подробно рассматривать сложные историко-культурные процессы, происходившие в период создания крупнейшей кочевой империи.

Примечания

¹ Пол умершего человека был установлен в ходе палеогенетических исследований, проведенных коллективом венгерских специалистов под руководством А. Szécsényi-Nagy. Выражаем благодарность коллегам за предоставленную информацию.

² Коллекция под названием «Материалы из погребения древнетюркского времени (VI–VII вв. н. э.)» в количестве 118 предметов поступила в Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина 15.10.2000. Номер по книге поступлений – 10807, инв. № 2238–2261..

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вайнштейн С.И.* Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // Советская этнография. 1966. № 3. С. 60–81.

2. *Винник Д.Ф.* Тюркские памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины / Отв. ред. П.Н. Кожемяко. Фрунзе: АН Киргизской ССР, 1963. С. 79–93.

3. *Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: Наука, 1965. 144 с.

4. *Горбунов В.В., Тишкин А.А.* Археологические культуры Горного Алтая эпохи раннего и развитого средневековья // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова / Отв. ред. Ю.Ю. Пиотровский. Санкт-Петербург: Изд-во Эрмитажа, 2003. С. 227–229.

5. *Евтюхова Л.А.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: ХНИИЯЛИ, 1948. 110 с.

6. *Зубова А.В., Кубарев Г.В.* Краниологическая характеристика раннесредневекового населения Горного Алтая по материалам могильника Кудыргэ // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 80–87.

7. *Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А.* Древнетюркские курганы могильника Тьтгескенъ-VI // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. № 3 / Отв. ред. В.И. Соёнов. Горно-Алтайск: изд-во ГАГУ, 1998. С. 165–175.

8. *Кочеев В.А., Худяков Ю.С.* Реконструкция узды из древнетюркского погребения у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 117–126.

9. *Кубарев Г.В.* Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

10. *Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 211 с.

11. *Мамадаков Ю.Т.* Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология Горного Алтая / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 58–63.

12. *Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В.* Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии / Отв. ред. В.И. Соёнов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. С. 115–129.

13. *Матренин С.С.* Хронологические индикаторы снаряжения верхового коня кочевников сянбийско-жужанского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры) // *Современные решения актуальных проблем евразийской археологии*. Вып. 2 / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. С. 188–195.
14. *Могильников В.А.* Тюрки // *Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР* / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 28–43.
15. *Могильников В.А.* Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // *Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая* / Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1990. С. 137–185.
16. *Могильников В.А.* Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // *Археологические и фольклорные источники по истории Алтая* / Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 94–116.
17. *Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В.* Исследование средневекового могильника Белый Яр-II // *Евразия: культурное наследие древних цивилизаций*. Вып. 2 / Отв. ред. О.А. Митько. Новосибирск: НГУ, 1999. С. 88–116.
18. *Савинов Д.Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 175 с.
19. *Савинов Д.Г.* Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур в Южной Сибири. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1987. 54 с.
20. *Серегин Н.Н.* Специфика формирования «минусинского» локального варианта культуры раннесредневековых тюрков: опыт реконструкции // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. № 5. С. 177–185.
21. *Серегин Н.Н.* Тюрки Центральной Азии: социогенез и этнокультурная история (по материалам погребальных и поминальных комплексов второй половины V–XI вв. н. э.). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Барнаул, 2019. 54 с.
22. *Серегин Н.Н., Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф.* Погребение с двумя лошадьми эпохи Тюркских каганатов из некрополя Горный-10 (Северный Алтай) // *Теория и практика археологических исследований*. 2019. № 2. С. 15–34.
23. *Серегин Н.Н., Васютин С.А.* Тюркские «поминальные» объекты комплекса Усть-Карасу (Центральный Алтай): по материалам раскопок А.С. Васютина // *Поволжская археология*. 2019. № 2 (28). С. 32–46.
24. *Серегин Н.Н., Васютин С.А.* Раннетюркские археологические комплексы Центрального и Восточного Алтая (по материалам исследований А.С. Васютина). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. 296 с.
25. *Серегин Н.Н., Матренин С.С., Тишкин А.А., Паршикова Т.С.* Алтай в предтюркское время (по материалам археологического комплекса Чобурак-I). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. 432 с.
26. *Серегин Н.Н., Монгуш К.М.* Раннетюркские оградки комплекса Ак-Даг // *Поволжская археология*. 2023. № 2. С. 87–100.
27. *Серегин Н.Н., Степанова Н.Ф.* Детское захоронение начала раннего средневековья из некрополя Горный-10 (юг Западной Сибири) // *Stratum Plus*. 2023. № 5. С. 151–161.
28. *Соёнов В.И., Трифанова С.В., Константинов Н.А., Штанакова Е.А.* Раскопки средневековых объектов на могильнике Бике III // *Древности Сибири и Центральной Азии*. 2009. № 1/2. С. 74–95.
29. *Соёнов В.И., Эбель А.В.* Новые материалы из алтайских оградок // *Гуманитарные науки в Сибири*. 1996. № 3. С. 115–118.
30. *Суразаков А.С.* Памятники Горного Алтая первой половины и середины первого тысячелетия (кудыргинская культура) // *Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии)* / Отв. ред. Н.А. Томилов. Омск: ОмГУ, 1992. С. 92–97.
31. *Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г.* Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Барнаул: АРТИКА. 2011. 136 с.
32. *Трифонов Ю.И.* Древнетюркская археология Тувы // *Ученые записки ТНИИЯЛИ*. Вып. 15 / Отв. ред. Ю.Л. Аранчын. Кызыл, 1971. С. 112–122.
33. *Худяков Ю.С.* Древнетюркское погребение на могильнике Терен-Кель // *Гуманитарные науки в Сибири*. 1999. № 3. С. 21–26.

34. Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 152 с.

35. Худяков Ю.С., Кочеев В.А. Древнетюркское мумифицированное захоронение в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. №3. С. 10–18.

36. Худяков Ю.С., Кочеев В.А. Чатырская мумия // Археология, антропология и этнография Евразии. 2000. № 3. С. 109–115.

Информация об авторах:

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук; заведующий лабораторией, профессор, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); nikolay-seregin@mail.ru

Мамадаков Юрий Тапасович, кандидат исторических наук, директор, Научный центр «Наследие Сибири» (г. Барнаул, Россия); utm54@yandex.ru

Киреев Сергей Михайлович, старший научный сотрудник, хранитель, Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина (г. Горно-Алтайск, Россия); kireevsm2013@yandex.ru

NEW DATA ON BURIAL ASSEMBLAGES FROM THE PERIOD OF THE FIRST TURKIC KHAGANATE IN THE ALTAI²

N.N. Seregin, Y.T. Mamadakov, S.M. Kireev

This article deals with devoted to the introduction into scientific discourse and the cultural-chronological interpretation of the excavation materials from barrow No. 2 of the Tyumechin-II necropolis. This complex, located in the Ongudai District of the Altai Republic, was studied by an expedition from Altai State University in 1991. The paper presents a detailed description of the site, the recorded burial rite and the discovered artifacts, along with typological parallels for these finds. It also provides the results of radiocarbon dating of samples from this site and from the Zhana-Aul burial (South-Eastern Altai). It is established that the studied barrow at the Tyumechin-II site dates to the last quarter of the VI to the first half of the VII century AD, a conclusion supported by the characteristic appearance of the accompaniments. The Zhana-Aul burial is dated to the same period. The "aging" of the radiocarbon dating results noted in this case is likely due to the dry climate in the area where the object is located. The burial rite recorded during the study of these complexes is similar to that of a series of contemporaneous burials, yet it differs from the "classical" traditions of the bearers of Turkic culture. The authors hypothesize that the specific features of the First Turkic Khaganate period sites in the Altai are explained by the influence of the pre-Turkic population ritual practices on the "early" Turks.

Keywords: archaeology, Turkic people, First Turkic Khaganate, Altai, burial rite, necropolis, radiocarbon dating, chronology, ethnocultural history.

REFERENCES

1. Vainshtein, S. I. 1966. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* 3, 60–81 (in Russian).
2. Vinnik, D. F. 1963. In Kozhemyako, P. N. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Talasskoi doliny (Archaeological Sites of the Talas Valley)*. Frunze: Academy of Sciences of the Kirgiz Soviet Socialist Republic, 79–93 (in Russian).
3. Gavrilova, A. A. 1965. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen (Kudyrge Burial Mound as Source on the History of Altai Tribes)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Gorbunov, V. V., Tishkin, A. A. 2003. In Piotrovskii, Yu. Yu. (ed.). *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e (Steppes of Eurasia in Ancient Times and the Middle Ages)* II. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 227–229 (in Russian).
5. Evtyukhova, L. A. 1948. *Arkheologicheskie pamyatniki eniseyskikh kyrgyzov (khakasov) (Archaeological Sites of the Yenisei Kyrgyz (The Khakas))*. Abakan: "Khakas Research Institute of Language, Literature, and History" (in Russian).
6. Zubova, A. V., Kubarev, G. V. 2015. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 31 (4), 80–87 (in Russian).

The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation №26-18-00357, <https://rscf.ru/project/26-18-00357/>.

7. Kiryushin, Yu. F., Gorbunov, V. V., Stepanova, N. F., Tishkin, A. A. 1998. In Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Altaya. Izvestiia laboratorii arkhologii (Antiquities of the Altai. Bulletin of the Laboratory of Archaeology)* 3, Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University Publ., 165–175 (in Russian).
8. Kocheev, V. A., Khudiakov, Yu. S. 2000. In Molodin V. I. (ed.). *Pamiatniki drevneturkской kul'tury v Saiano-Altai i Tsentral'noi Azii (Monuments of Ancient Turkic Culture in Sayano-Altai and Central Asia)*. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 117–126 (in Russian).
9. Kubarev, G. V. 2005. *Kul'tura drevnikh tiurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov) (Culture of the Ancient Turks of Altai (on the Basis of Materials from Burial Sites))*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).
10. Kyzlasov, L. R. 1969. *Istoriya Tuvy v srednie veka (The history of Tuva in the Middle Ages)*. Moscow: Moscow State University Publ. (in Russian).
11. Mamadakov, Yu. T. 1994. In Kiriushin Yu. F. (ed.). *Arkheologiya Gornogo Altaya (Archaeology of mountain Altai)*. Barnaul: Altai University Publ., 58–63 (in Russian).
12. Mamadakov, Yu. T., Gorbunov, V. V. 1997. In Soenov, V. I. (ed.). *Izvestiia laboratorii arkhologii (Bulletin of the Archaeology Laboratory)* 2. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University Publ., 115–129 (in Russian).
13. Matrenin, S. S. 2018. In Tishkin, A. A. (ed.). *Sovremennyye resheniia aktual'nykh problem evraziiskoi arkhologii (Contemporary Solutions to the Current Issues of Eurasian Archaeology)* 2. Barnaul: Altai State University, 188–195 (in Russian).
14. Mogil'nikov, V. A. 1981. In Pletneva, S. A. (ed.). *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Series: Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ., 27–28 (in Russian).
15. Mogil'nikov, V. A. 1990. In Surazakov, A. S. (ed.). *Problemy izucheniya drevney i srednevekovoy istorii Gornogo Altaya (Issues of studying the ancient and medieval history of the Gornyy Altai)*. Gorno-Altaysk: "GANIIIYaL", 137–185 (in Russian).
16. Mogil'nikov, V. A. 1994. In Surazakov, A. S. (ed.). *Arkheologicheskie i fol'klornye istochniki po istorii Altaya (Archaeological and Folklore sources on the History of the Altai)*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk History, Arts, Language and Literature Scientific and Research Institute, 94–116 (in Russian).
17. Poselyanin, A. I., Kirginekov, E. N., Tarakanov, V. V. 1999. In Mit'ko, O. A. (ed.). *Evraziia: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsii (Eurasia: Cultural Heritage of Ancient Civilizations)* 2. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 88–116 (in Russian).
18. Savinov, D. G. 1984. *Narody Yuzhnoi Sibiri v drevneturkskuyu epokhu (Peoples of Southern Siberia in the Ancient Turkic Period)*. Leningrad: LSU Publ. (in Russian).
19. Savinov, D. G. 1987. *Formirovanie i razvitie rannesrednevekovykh arkhologicheskikh kul'tur v Iuzhnoi Sibiri (Formation and development of early medieval archaeological cultures in Southern Siberia)*. Doct. Diss. Thesis. Novosibirsk (in Russian).
20. Seregin, N. N. 2014. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 5, 177–185 (in Russian).
21. Seregin, N. N. 2019. *Tiurki Tsentral'noi Azii: sotsiogenез i etnokul'turnaia istoriia (po materialam pogrebal'nykh i pominal'nykh kompleksov vtoroi poloviny V – XI vv. n.e.) (The Turks of Central Asia: Sociogenesis and Ethnocultural History (Based on Materials from Funeral and Memorial Complexes of the Second Half of the 5th – 11th Centuries AD))*. Doct. Diss. Thesis. Barnaul (in Russian).
22. Seregin, N. N., Abdulganeev, M. T., Stepanova, N. F. 2019. In *Teoriya i praktika arkhologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research)* 2, 15–34 (in Russian).
23. Seregin, N. N., Vasyutin, S. A. 2019. In *Povolzhskaya arkhologiya (Volga River Region Archaeology)* 28 (2), 32–46 (in Russian).
24. Seregin, N. N., Vasiutin, S. A. 2021. *Rannetiurkskie arkhologicheskie komplekсы Tsentral'nogo i Vostochnogo Altaia (po materialam issledovaniy A.S. Vasiutina) (Early Turkic archaeological complexes of the Central and Eastern Altai (based on research materials by A.S. Vasyutin))*. Barnaul: Altai University Publ. (in Russian).
25. Seregin, N. N., Matrenin, S. S., Tishkin, A. A., Parshikova, T. S. 2023. *Altay v predturkское vremya (po materialam arheologicheskogo kompleksa Choburak-I) (Altai in pre-Turkic period (based on materials from the archaeological complex Choburak-I))*. Barnaul: Altai State University Publ. (in Russian).
26. Seregin, N. N., Mongush, K. M. 2023. In *Povolzhskaya arkhologiya (Volga River Region Archaeology)* 2, 87–100 (in Russian).
27. Seregin, N. N., Stepanova, N. F. 2023. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* 5, 151–161 (in Russian).
28. Soenov, V. I., Trifanova, S. V., Konstantinov, N. A., Shtanakova, E. A. 2009. In *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia)* 1–2, 74–95 (in Russian).
29. Soenov, V. I., Ebel', A. V. 1996. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri (Humanities in Siberia)* 3, 115–118 (in Russian).

30. Surazakov, A. S. 1992. In Tomilov, N. A. (ed.). *Etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnykh narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy (po dannym arkhologii)* (*Ethnic history of the Turkic-speaking peoples of Siberia and related territories (according to archaeology data)*). Omsk: Omsk State University Publ., 92–97 (in Russian).

31. Tishkin, A. A., Gorbunov, V. V., Gorbunova, T. G. 2011. *Altai v epokhu srednevekov'ia: illiustrirovanniy istoricheskii atlas (Altai in the Middle Ages: Illustrated Historical Atlas)*. Barnaul: ARTIKA. (in Russian).

32. Trifonov, Yu. I. 1971. In Aranchyn, Yu. L. (ed.). *Uchenye zapiski TNIIYaLI (Scientific Bulletin of the Tuva Scientific Research Institute of Language, Literature and History)* 15. Kyzyl, 112–122 (in Russian).

33. Khudiakov, Yu. S. 1999. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri (Humanities in Siberia)* 3, 21–26 (in Russian).

34. Khudyakov, Yu. S. 2004. *Drevnie tyurki na Enisee (Ancient Turks on the Yenisei)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

35. Khudiakov, Yu. S., Kocheev, V. A. 1997. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri (Humanities in Siberia)* 3, 10–18 (in Russian).

36. Khudiakov, Yu. S., Kocheev, V. A. 2000. In *Arkheologiya, étnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 3, 109–115 (in Russian).

About the Authors:

Seregin Nikolai N. Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Laboratory. Altai State University. Lenin ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; nikolay-seregin@mail.ru

Mamadakov Yuri T. Candidate of Historical Sciences; Director of LLC Scientific Center «Heritage of Siberia». Pobedy square, 12, Barnaul, 656015, Russian Federation; utm54@yandex.ru

Kireev Sergey M. National Museum of Altai the Republic named after A.V. Anokhin. Grigory Choros-Gurkina st., 46, Gorno-Altaysk, 649000, Russian Federation; kireevsm2013@yandex.ru

Статья принята в номер 01.06.2026 г.

УДК 902/904 72.04(477.75)''13''

<https://doi.org/10.24852/pa2026.2.56.100.110>

ФРАГМЕНТ ПОРТАЛА ОТ НЕИЗВЕСТНОЙ КРЫМСКОЙ ПОСТРОЙКИ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ

© 2026 г. В.П. Кирилко

Предметно рассматривается неординарное произведение каменной пластики в виде прямоугольного известнякового блока с рельефной передней гранью, украшенной изящным резным орнаментом, которое хранится в Старокрымском литературно-художественном музее и является случайной находкой, соотносимой с посёлком Щебетовка (бывш. Отуз). Оно может считаться фрагментом декоративного обрамления дверного проёма, свидетельством чему служит наличие чётко выраженной четверти. Первоначальные формы наличника поддаются более или менее достоверной реконструкции, обоснование которой обеспечивают технологические особенности и орнаментика изделия. В качестве ближайших аналогий выступают порталы целого ряда монументальных построек Крыма XIV–XV вв. Точную дату архитектурной детали однозначно установить несколько проблематично. С достаточно большой долей вероятности находку можно отнести к тому времени, когда селение и его земли были золотоордынскими, определяя её появление, предположительно, серединой – третьей четвертью XIV в.

Ключевые слова: археология, Крым, Солхат, медресе Инджи-бей Хатун, золотоордынское искусство, сельджукский стиль, архитектурный декор, портал, наличник, лапидарная коллекция.

В своё время, в рамках разработки проекта реставрации солхатского медресе, при изучении архитектурных деталей, представленных в лапидарной коллекции Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа, моё внимание привлёк и был обмерен крупный известняковый блок, украшенный изысканной резьбой, который ошутимо выделялся среди остальных каменных изделий своей монументальностью и изящной пластикой, а также несколькими свежими пропилами на торцах, образовавшимися при неудавшейся, к счастью, попытке отделить кем-то лицевую сторону артефакта (рис. 1–3). По устному свидетельству М.Г. Крамаровского, он поступил из пгт Щебетовка (бывш. Отуз), причём иные подробности его происхождения неизвестны. Впоследствии находка была передана на постоянное хранение в Старокрымский литературно-художественный музей, а спустя многие годы введена в научный оборот Э.И. Сейдалиевым и Р.Р. Кадыровым. Её первая публикация, появившаяся ещё десять лет назад в каталоге выставки «Крымский юрт Золотой Орды: наследие

исчезнувшей империи», оставляет желать лучшего, поскольку содержит досадные неточности. Прежде всего в той части, что касается метрических данных экспоната и настоящего места его обнаружения, которое по непонятным причинам связано с г. Старый Крым. Назначение архитектурной детали авторами не определено, а иллюстрируемое цветным фотоснимком описание самого предмета, будучи слишком кратким, недостаточно информативно и не позволяет получить исчерпывающее представление о находке: «Строительный блок прямоугольной формы. На лицевой стороне высечен медальон, в центре поля – стилизованная восьмиконечная звезда с исходящими четырьмя узлами в сельджукском стиле, между которыми сложный растительный орнамент в виде переплетённых завитков». Изделие ими соотнесено с золотоордынской эпохой, считается крымским, датировано XIV в. (Сейдалиев, Кадыров, 2016, с. 18, 130, № 10).

Известны ещё две публикации, и обе весьма поверхностные. Одна из них принадлежит А.В. Зубареву, включившему находку в число шедев-

Рис. 1. Фрагмент наличника из Отуз (?). Вид спереди. Фото 1989 г. Снимок автора.
Fig. 1. Fragment of an architrave from Otuz (?). Front view. 1989 photo. Photo by the author.

Рис. 2. Фрагмент наличника из Отуз (?).
Вид снизу, спереди. Фото 1989 г. Снимок автора.
Fig. 2. Fragment of an architrave from Otuz (?).
Front bottom view. 1989 photo. Photo by the author.

Рис. 3. Фрагмент наличника из Отуз (?). Вид сбоку, со стороны четверти.
Фото 1989 г. Снимок автора.

Fig. 3. Fragment of an architrave from Otuz (?). Side view, from the rabbet side. 1989 photo.
Photo by the author.

ров музейных коллекций Крыма под названием «Фрагмент архитектурной детали из медресе. XIII–XIV вв.». Представляя изделие, он уверенно сообщает, что то выполнено из ракушечника, а также указывает размеры, не совпадающие ни с реальными величинами, ни с данными, упомянутыми в выставочном каталоге. Характеристика самого предмета в его изложении малосодержательная и с опечатками, равно как не избежала устоявшихся штампов, в частности связанных с источником финансирования и статусом инициатора проведения работ: «Архитектурная деталь медресе, построенного в 1932–1933 годах (сиречь 1332–1333 гг. – В. К.) в городе Солхате (настоящий город Старый Крым), на деньги жены правителя города Инджибек-хатун. На фасадной стороне архитектурной детали вырезана окружность, в центре которой восьмиугольная звезда с четырьмя узлами

счастья» (Зубарев, 2017, с. 163). Автор второй публикации – М.А. Усеинов, ставя перед собой иные цели, ограничился лишь введением в научный оборот ещё одного фотоснимка с фронтальным изображением артефакта, определенного им как «Архитектурный фрагмент с розеткой». Причём, учитывая неправильную ориентацию иллюстрации (необходимо развернуть на 90°), вопросами назначения изделия исследователь явно не задавался (Усеинов, 2020, с. 94).

Находка представляет собой высокохудожественное произведение каменной пластики, которое имеет вид прямоугольного блока с рельефной передней гранью, украшенной изящным резным орнаментом (рис. 4). Она может считаться архитектурной, конструктивной и декоративной деталью, принадлежавшей наличнику дверного проёма, свидетельством чему служит появление чётко выраженной четвер-

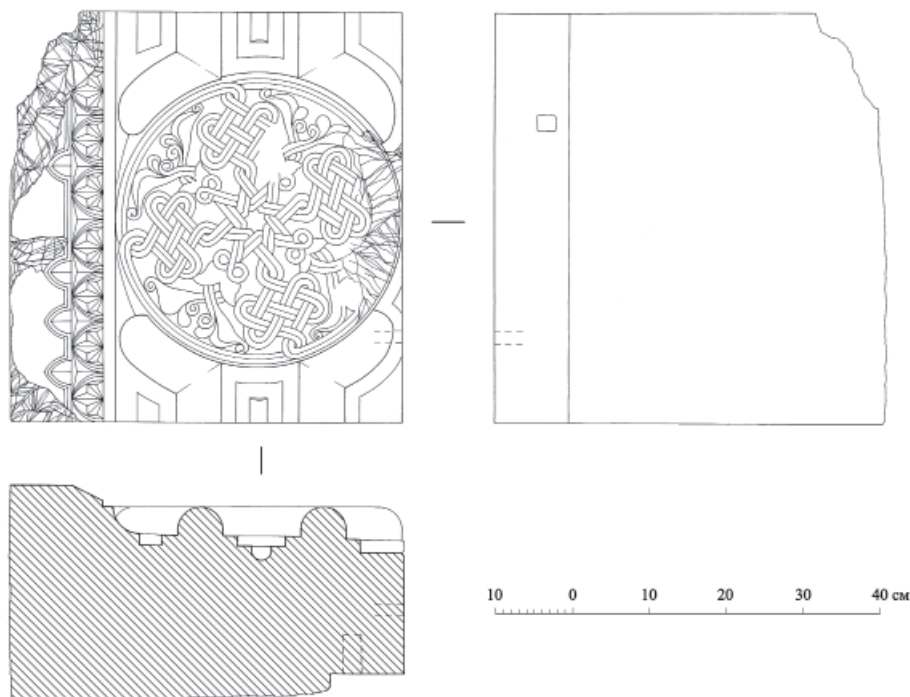

Рис. 4. Фрагмент наличника из Отуз (?).
Передний и задний виды, поперечный разрез. Чертёж автора.

Fig. 4. Fragment of an architrave from Otuz (?).
Front and rear views, cross-section. Drawing by the author.

ти и отсутствие в боковой части той специальных отверстий под металлическую решётку, обычных для обрамления окон. Общие размеры изделия: высота 53,3 см, ширина 50,8 см, толщина 27,5 см. По отношению к откосу четверть выступает на 9,6 см, соединяясь с ним под прямым углом, на что указывает уцелевший фрагмент поверхности, правда совершенно мизерный по величине. Её боковая сторона находится заподлицо с краем рельефа и образует грань шириной 15,4 см. На продольной оси этой плоскости, в 10,2 см от ближнего торца блока, частично сохранился прямоугольный железный стержень, закреплённый в камне посредством свинца. Его сечение 1,7×1,5 см. На противоположном конце четверти, но только сзади и со смещением к откосу (в 5,4 см от ребра), на расстоянии 13 см от второго основания призмы имеется также пу-

стое гнездо прямоугольной формы. Размеры выемки: высота 2,2 см, ширина 2,6 см, глубина 5,1 см.

Главным элементом декоративной композиции, украшавшей деталь спереди, является круглый медальон с восьмилучевой звёздчатой фигурой в центре, концы которой поочерёдно трансформируются в т. н. узел счастья, непрерывно соединявшийся с общим обрамлением, и парные растительные побеги, полностью заполнявшие остальное внутреннее пространство узора. Орнамент представляет собой симметричную плетёнку из узких желобчатых лент одинаковой величины. Причём его основные оси по отношению к вертикальной и горизонтальной осям самой лицевой грани блока расположены с небольшим разворотом. Диаметр диска 37,4 см. Высота рельефа – около 0,7 см. Продольно, с обеих сторон, к медальону примыкает пара

полувалов. На стыке с ним они приобретают форму в виде лапок, плотно охватывающих его в четырёх местах, и, по сути, имитируют крапановые закрепки драгоценных камней в ювелирных изделиях. Толщина профилей 6 см, высота – 4 см. Расстояние между ними – 9,9 см. Сами полувалы находятся на повторяющей их очертания плоской фигурной основе с тремя прямоугольными в сечении продольными выемками, средняя из которых по центру дополнена полукруглым желобком. Со стороны внешнего бока архитектурной детали вся композиция обрамлена двухуровневым сталактитовым поясом шириной 7,7 см, украшавшим скошенную часть и внутренний край кромки, выступавшей над поверхностью медальона на 3,3 см. Общая высота рельефа составляет 10,2 см.

Лицевая сторона изделия и обе грани четверти чисто отесаны, а их поверхности гладкие (рис. 1, 3). Торцы блока тщательно выровнены, местами отчётливо видны следы инструмента в виде уплощённых желобков (рис. 2). Его внешний бок относительно ровный, причём после мелкой черновой оковки, оставившей на нём характерные ямки, дополнительно не обрабатывался. Тыльная часть архитектурной детали бугристая, с выбоинами глубиной до 1 см (рис. 3). На одном из торцов детали, условно верхнем, сохранились пятна известкового раствора с мелким галечным песком фракции 0,2–1,0 мм.

Первоначальные формы наличника, которому принадлежала находка, поддаются более или менее достоверной реконструкции, чему во многом способствуют технологические особенности и декор изделия. Прежде всего, следует исключить монументальные порталы с выступавшими наружу пилонами, сродни тем, что украшали входы в солхатские постройки XIV в.: медресе Инджи-бей Хатун (Кирил-

ко, 2020, с. 351, 364, ил. 1, 3–4, 11), а также мечети Узбека (Кирилко, 2015), Бейбарса (Кирилко, 2013, с. 91, рис. 1: 4) и Куршум-Джами (Крамаровский, Сейдалиев, 2022, с. 244, рис. 1–3). Их лицевые поверхности выполнены из тщательно обработанных и хорошо пригнанных друг к другу блоков, тогда как несколько небрежный характер выравнивания боковой стороны настоящей архитектурной детали такое соединение не предполагает, ибо не позволяет обеспечить тонкий шов, но он приемлем для стыковки с бутовой кладкой. Примеры подобного сочетания разных каменных конструкций в крымском средневековом зодчестве хорошо известны и представлены целым рядом резных наличников. Причём фасадные части дверных проёмов, собранные из чисто тесаного известняка, могли немного выступать над остальной, сложенной из необработанного камня и выровненной раствором плоскостью стены, а чаще всего располагались с ней заподлицо, как в нашем случае. К числу первых принадлежат уцелевшие обрамления входов, украшавшие несколько местных христианских храмов (Казарян, 2018, с. 81, ил. 2–3; Кирилко, 2021, с. 172–173, ил. 5–6; 2024, с. 124, рис. 7–10) и мусульманское медресе (Кирилко, 2020, с. 352–354, ил. 2). Среди произведений второй группы особо выделяются по меньшей мере два портала, которые, в свою очередь, наиболее сопоставимы с публикуемой находкой, в частности по своей конструкции и декоративному убранству. Таковыми являются наличники гавита монастырской церкви в Двукорной бухте (Айбабина, 2001, рис. 38–39, 69, табл. XXXIX, XL) и донжона мангупской цитадели (Кирилко, 2024, с. 125–127, рис. 11–13). Определённым образом с ними соотносим также фрагмент монументального резного обрамления от неизвестного судакского здания, имевшего немного вы-

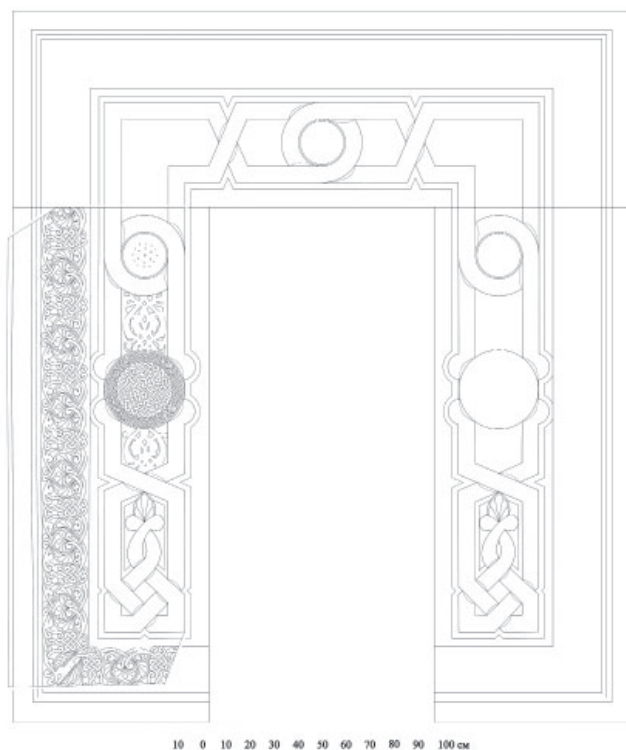

Рис. 5. Наличник неизвестной судакской постройки.
Реконструкция. Вариант А. Чертёж автора.

Fig. 5. Architrave of an unknown Sudak structure. Reconstruction. Version A. Drawing by the author.

ступавшую наружу кромку (Кирилко, 2023, с. 139–142, рис. 1, 7). Дополнительно следует отметить, что боковины подобных сооружений могли быть как цельными, на всю высоту проёма (Кирилко, 2023, рис. 8; 2024, рис. 8–10, 12), так и сборными, состоявшими из нескольких разновеликих блоков (Айбабина, 2001, рис. 38–39, 69, табл. XXXIX, XL).

В качестве ближайшей аналогии первостепенного внимания заслуживает крупный обломок резного портала третьей четверти XIV в. (рис. 5), использованный вторично для украшения фонтана 1847 г., расположенного неподалёку от Судакской крепости (Кирилко, 2023, с. 134–137, рис. 1–3, 7)¹. Он также декорирован узорчатым медальоном, к которому с двух сторон идентично примыкают парные полува- лы с характерными закрепками,

лишь немного отличающиеся своей формой. Дополнительное сходство им придает плоская фигурная подложка, представленная и в обоих случаях. Сами они принадлежали объёмной геометрической плетёнке из полукруглого в сечении гладкого жгута, обычно называемой сельджукской цепью и являвшейся одним из наиболее востребованных орнаментальных мотивов в каменной пластике средневекового Крыма (Айбабина, 2001, с. 157–164). Применялось и иное соединение её звеньев с декоративными дисками – без лапок на стыках, пример которого демонстрирует наличник мангупского донжона (рис. 6), датируемый рубежом 50–60 гг. XV в. (Кирилко, 2024, с. 135–136, рис. 12).

Таким образом, достаточно уверенно можно утверждать, что полу-

Рис. 6. Наличник парадного входа в донжон мангупской цитадели. Общий вид спереди. URL: Мангуп: столица княжества Феодоро» Перуница (дата обращения 04.07.2025).

Fig. 6. Architrave of the main entrance to the keep (donjon) of the citadel at Mangup. General front view. URL: Mangup: capital of the Principality of Theodoro » Perunitsa (accessed 04.07.2025).

валы публикуемой находки являются частью именно сельджукской цепи. Причём при сравнении с другими подобными плетёнками та ощути-мо отличалась меньшей шириной, а это, в свою очередь, никак не могло не отразиться на форме её крайних звеньев. Дело в том, что слишком узкое пространство между жгутами, другие примеры чему известны (Ай-бабина, 2001, рис. 67), не позволяет придать последним обычный для них вид пятигранного узла, завершавшегося пальметтой. В данной ситуации ключевое значение приобретает ещё одна аналогия – фрагментированный наличник из Чуфут-Кале, правда неясного происхождения и без чётко установленной даты (рис. 7–8). Украшавшая его сельджукская цепь

демонстрирует иной вариант композиционного решения нижней части орнамента – жгуты развёрнуты под прямым углом и срезаны заподлицо с боковой стороной четверти. К слову, идентичным образом оканчивалась плетёнка на портале притвора 1221 г. в храме армянского монастыря Тегер (Азатян, 1987, ил. 39). Нечто подобное вполне могло быть применено и в публикуемом изделии (рис. 9). Что касается сталактитового обрамления архитектурной детали, то оно также принадлежит к числу декоративных мотивов, характерных для каменной пластики средневекового Крыма, будучи представлено целым рядом высокохудожественных произведений XIV–XV вв., многие из которых связа-ны с творчеством армянских мастеров

Рис. 7. Фрагмент нижней части наличника из Чуфут-Кале.
Вид спереди. Фото 2009 г. Снимок автора.

Fig. 7. Fragment of the lower part of an architrave from Chufut-Kale.
Front view. Photo 2009. Photo by the author.

Рис. 8. Фрагмент верхней части наличника из Чуфут-Кале.
Вид спереди. Фото 2009 г. Снимок автора.

Fig. 8. Fragment of the upper part of an architrave from Chufut-Kale.
Front view. 2009 photo. Photo by the author.

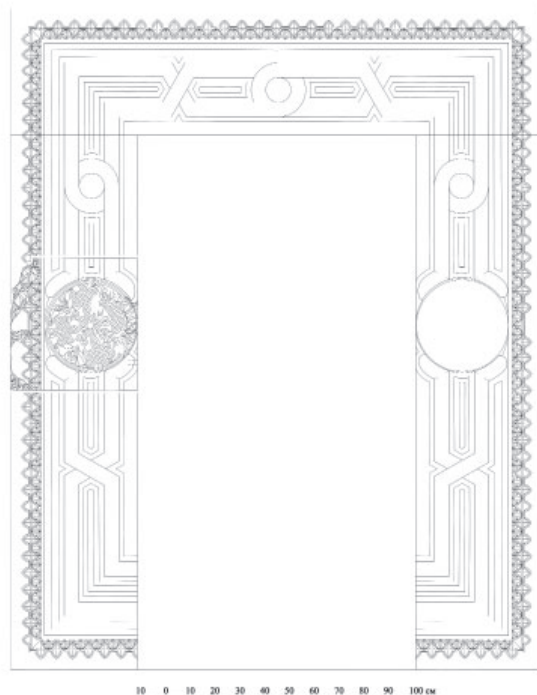

Рис. 9. Реконструкция наличника из Отуз (?). Вид спереди. Чертёж автора.

Fig. 9. Reconstruction of an architrave from Otuz (?). Front view. Drawing by the author.

(Айбабина, 2001, рис. 35–36, 38–39, 69, табл. XXXV, XXXVII–XL). Наиболее близкой аналогией ему является оформление двух наличников – дверного проёма монастырского храма в Двужорной бухте близ Каффы и парадного входа в донжон мангупской цитадели (рис. 6). Обращает на себя внимание необычный декоративный приём, не отмеченный на других орнаментах такого рода: на нём отсутствует, нарушая тем самым ритм композиции, одна из внешних сталактитовых ячеек, место которой, расположенное точно напротив середины медальона, осталось пустым и плоским.

Подводя итоги предметного рассмотрения этой яркой находки, следу-

ет признать, что, несмотря на наличие других, сопоставимых с ней изделий и частичную обоснованность реконструкции, точную дату архитектурной детали однозначно установить несколько проблематично. Если она действительно происходит из Отуз, а у меня нет причин не доверять свидетельству М.Г. Крамаровского, то с достаточно большой долей вероятности её можно отнести к тому времени, когда селение и его земли ещё были золотоордынскими (Бочаров, 2012, с. 62–63), что позволяет определить появление наличника, предположительно, серединой – третьей четвертью XIV в.

Примечание

¹ Пользуясь случаем, считаю необходимым исправить досадную оплошность, в своё время допущенную мной при определении величины одной из споллий фонтана – фрагмента генуэзской закладной плиты 1461 г. (Кирилко, 2023, с. 134, рис. 4). Выяснилось, что последней принадлежал всего лишь только рельеф с изображением св. Георгия (URL: Фонтан в Немецкой колонии. Для проекта Юрия Езерского "Родники Крыма" – дата обращения 21.06.2025), а находившийся рядом с ним текст, на самом деле, являлся первоначальной

строительной надписью «1799 года июля 25 дня мастер Костюрский» (Тункина, 2011, ил. 188), которая оказалась здесь при возобновлении сооружения в 1847 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азатян Ш.Р.* Порталы в монументальной архитектуре Армении IV–XIV вв. Ереван: Советакан грох, 1987. 248 с.
2. *Айбабина Е.А.* Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. Симферополь: «СОНАТ», 2001. 280 с.
3. *Бочаров С.Г.* Генуэзская крепость Калиера и золотоордынское селение Отузы в Восточном Крыму // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск VIII(III). Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы IX Международной научной конференции «Лазаревские чтения» / Под общ. ред. В.И. Кузицина. Севастополь: Филиал МГУ в Севастополе, 2012. С. 62–66.
4. *Шедевры музейных коллекций Крыма. Из собрания государственных музеев Республики Крым* / Сост. А.В. Зубарев. Симферополь: Министерство культуры Республики Крым, 2017. 280 с.
5. *Казарян А.Ю.* Стилистическое развитие армянской архитектуры в Крыму на примере порталов XIII–XV веков // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2018. Вып. 11. С. 79–97.
6. *Кирилко В.П.* Золотоордынская архитектура Крыма (общее и особенное) // Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи. Материалы II Международного Болгарского форума / Археология Евразийских степей. Вып. 17 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Отечество, 2013. С. 84–99.
7. *Кирилко В.П.* Портал крымской мечети Узбека // Stratum plus. 2015. № 6. С. 253–274.
8. *Кирилко В.П.* Некоторые архитектурные детали крымского медресе Инджи-бей Хатун // Античная древность и средние века. 2020. Вып. 48. С. 349–367. DOI: <https://doi.org/10.15826/adsv.2020.48.022>
9. *Кирилко В.П.* Архитравная плита входа в надвратную церковь Фуны // Античная древность и средние века. 2021. Вып. 49. С. 164–175. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.012>
10. *Кирилко В.П.* «Фотограф щёлкает, и ...» (странички истории Судакского фонтана) // Stratum plus. 2023. № 6. С. 133–144. DOI: <https://doi.org/10.55086/sp236133143>
11. *Кирилко В.П.* Обратная сторона детали: каменная пластика феодалитов XV века // Stratum plus. 2024. № 6. С. 119–140. DOI: <https://doi.org/10.55086/sp246119140>
12. *Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И.* Мечеть Куршун-Джами (Крым, XIV в.) и сельджукская традиция Анатолии // Археология Евразийских степей. 2022. № 4. С. 242–249.
13. *Сейдалиев Э.И., Кадыров Р.Р.* Архитектурная деталь // Крым в золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки / Науч. ред. Э.И. Сейдалиев. Симферополь: Тарпан, 2016. С. 18, 130. № 10.
14. *Тункина И.В.* Открытие Феодосии: Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871 гг. Киев: Болеро, 2011. 240 с.
15. *Усеинов М. А.* Мусульманские надмогильные памятники Старого Крыма периода Золотой Орды и раннего Крымского ханства (XIII–XV вв.) // Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Том IV. г. Старый Крым / Ред.-сост. М.Г. Крамаровский, Э.И. Сейдалиев. Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. С. 73–95.

Информация об авторе:

Кирилко Владимир Петрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт археологии Крыма РАН» (г. Симферополь, Россия); kir.vlad33@gmail.com

FRAGMENT OF A PORTAL FROM AN UNIDENTIFIED CRIMEAN STRUCTURE OF THE GOLDEN HORDE PERIOD

V.P. Kirilko

This article examines in detail an extraordinary work of stone sculpture in the form of a rectangular limestone block with a relief-carved front face adorned with an elegant carved

ornament, which is kept in the Stary Krym Historical and Literary Museum and is a chance find associated with the settlement of Schebetovka (formerly Otuz). It may be regarded as a fragment of a decorative door frame surround, as evidenced by the presence of a clearly defined rabbet. The original forms of the architrave lend themselves to a more or less reliable reconstruction, the justification for which is provided by the technological features and ornamentation of the piece. The portals of a number of monumental buildings in Crimea dating to the XIV–XV centuries serve as the closest analogies. It is somewhat problematic to establish a precise date for this architectural detail with certainty. With a fairly high degree of probability, the find can be attributed to the period when the settlement and its lands belonged to the Golden Horde, placing its creation tentatively in the mid- to third quarter of the XIV century.

Keywords: archaeology, Crimea, Solkhat, Indzhi-Bey Khatun Madrasah, Golden Horde art, Seljuk style, architectural decoration, portal, architrave, lapidary collection.

REFERENCES

1. Azatian, Sh. R. 1987. *Portaly v monumental'noi arkhitekture Armenii IV–XIV vv. (Portals in the monumental architecture of Armenia of the 4th–14th centuries)*. Yerevan: “Sovetakan grokh” Publ. (in Russian).
2. Aibabina, E. A. 2001. *Dekorativnaia kamennaia rez'ba Kaffy (XIV–XVIII vv.) (Ornamental Stone Carving of Kaffa in the 14th–18th Centuries)*. Simferopol: “Sonat” Publ. (in Russian).
3. Bocharov, S. G. 2012. In Kuzishchin, V. I. (ed.). *Prichernomor'e. Istoriia, politika, kul'tura (The Black Sea region. History, politics, culture) VIII(III)*, series A, 62–66 (in Russian).
4. Zubarev, A. V. (comp.). 2017. *Shedevry muzeinykh kolleksii Kryma. Iz sobraniia gosudarstvennykh muzeev Respubliki Krym (Masterpieces in Collections of the Crimean Museums)*. Simferopol: Ministry of Culture of the Republic of the Crimea (in Russian).
5. Kazarian, A. Yu. 2018. *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury (Issues of the General History of Architecture) 11*, 79–97 (in Russian).
6. Kirilko, V. P. 2013. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Srednevekovaia Evraziia: simbioz gorodov i stepi (Medieval Eurasia: Symbiosis of Cities and Steppes)*. Series: Archaeology of the Eurasian Steppes 17. Kazan: “Otechestvo” Publ., 84–99 (in Russian).
7. Kirilko, V. P. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 253–274 (in Russian).
8. Kirilko, V. P. 2020. In *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquity and Middle Ages)* 48, 349–367 (in Russian).
9. Kirilko, V. P. 2021. In *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquity and Middle Ages)* 49, 164–175 (in Russian).
10. Kirilko, V. P. 2023. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 133–144 (in Russian).
11. Kirilko, V. P. 2024. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 119–140 (in Russian).
12. Kramarovskii, M. G., Seidaliev, E. I. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 4, 242–249 (in Russian).
13. Seidaliev, E. I., Kadyrov, R. R. 2016. In Seidaliev, E. I. (ed.). *Krym v zolotoordynskii period. Krymskii Iurt Zolotoi Ord'y: nasledie ischeznuvshei imperii: katalog vystavki (The Crimea in the Golden Horde Period. The Crimean Yurt of the Golden Horde: Legacy of the Vanished Empire. Catalogue of Exhibition)* 10. Simferopol: “Tarpan” Publ., 18, 130 (in Russian).
14. Tunkina, I. V. 2011. *Otkrytie Feodosii: Stranitsy arkheologicheskogo izucheniia Iugo-Vostochnogo Kryma i nachal'nye etapy istorii Feodosiiskogo muzeia drevnostei. 1771–1871 gg. (Discovery of Feodosia. Pages of archaeological studies of the South-Eastern Crimea and the initial stages of the history of the Theodosia Museum of Antiquities. 1771–1971-th years)*. Kiev: “Bolero” Publ. (in Russian).
15. Useinov, M. A. 2020. In Kramarovskii, M. G., Seidaliev, E. I. (eds.). *Svod pamyatnikov istorii, arkhitektury i kul'tury krymskikh tatar (Collection of Monuments of History, Architecture and Culture of the Crimean Tatars)* 4. Kazan; Simferopol: Institute of History named after Sh. Mardzani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 73–95 (in Russian).

About the Author:

Kirilko Vladimir P. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of Crimea of Russian Academy of Sciences. Academician Vernadsky Ave., 2, Simferopol, 295007, Crimea, Russian Federation; kir.vlad33@gmail.com

Статья принята в номер 01.06.2026 г.

ПЕРСТНИ АТКАРСКОГО ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА

© 2026 г. **А.И. Ракушин**

Аткарский грунтовый могильник расположен на территории Саратовской области и является крупным некрополем мордвы-мокши золотоордынского времени. В работе публикуются сведения о 29 перстнях из девяти женских, одного мужского и шести парных погребальных комплексов, исследованных Н.К. Арзютовым, С.Ю. Монаховым, Ю.А. Африкановым, С.В. Ляховым, Н.М. Маловым в 1927–2003 гг. Коллекция перстней могильника наглядно иллюстрирует вариативность ювелирных изделий, бытовавших среди мордовского населения Золотой Орды. В статье представлены результаты типологического анализа перстней, которые были отнесены к категориям пластинчатых широкосерединых (24 экз.) и щитковосерединных (3 экз.). Форма щитка и характер изображения на нём определили семь типов, разделенных на 15 вариантов. Период бытования пластинчатых широкосерединых перстней с овальным щитком, декорированных косыми крестовидными розетками и углубленными зооморфными изображениями, отнесен к XIV–XV вв. Наибольшая встречаемость у перстней прослеживается с сюльгами, кольцевидными застежками и браслетами. В парных погребениях у женщин перстнями чаще украшались обе руки, в индивидуальных – правая рука. Преобладание доли серебряных изделий (19 экз.) над поделками из медных сплавов (8 экз.) показывает сравнительно высокий уровень жизни сельской общины Аткарского могильника.

Ключевые слова: археология, Средневековье, Золотая Орда, перстни, типология, Аткарский могильник.

Среди погребального инвентаря мордовских могильников второй половины XIII – начала XV вв. заметное место занимают украшения рук. Аткарский грунтовый могильник не исключение, находки восьми бронзовых и 19 серебряных перстней фиксировались в 16 комплексах, исследованных в 1927–1997 гг. (Арзютов, 1929, с. 20–28; Монахов, 1979; Монахов, 1980; Монахов, 1991, с. 167–189; Африканов, 1990; Ляхов, 1996; Ляхов, 1997, с. 79–98; Ляхов, 1998; Ляхов, 1999, с. 94–100), еще два серебряных перстня были найдены в результате раскопок могильника в 2003 г. (Бахыт, 2013, дата обращения: 07.10. 2024). Не все из них попали в фонды СОМК, о 15 сохранившихся экземплярах есть возможность судить по факту, в остальных случаях в работе использовались прорисовки, фото и текстовые описания из отчетов и публикаций авторов раскопок, а также сведения из иных открытых источников информации, опубликованных в сети Интернет. Один перстень из погребения № 6

(2)1 имел овальную вставку из стекла, однако он распался при снятии (Арзютов, 1929, с. 21) другой перстень из погребения № 58 (3) также имел каст и вставку, но тоже не сохранился (Ляхов, 1998, с. 7) (табл. 1).

Коллекция перстней могильника состоит из сохранившихся пластинчатых широкосерединых и щитковосерединных украшений. В выборке количественно преобладают пластинчатые перстни, у которых прослеживается расширяющаяся средняя часть в виде щитков различных форм. В отличие от щитковых перстней средняя «щитковая» часть подобных изделий почти не выступала и находилась в одной плоскости с дужкой. Для производства таких изделий использовались кованные или литые заготовки в виде вытянутых пластинок, которым впоследствии придавалась форма кольца дополнительной проковкой и спайкой концов.

Щитковые перстни в Аткарском могильнике были представлены типами с круглым, шестиугольным и

прямоугольным щитком. Технология изготовления этих перстней подразумевала спайку щитка и шинки. В двух погребениях (№ 32 (1) (1928, Арзютов) и № 6 (3) (1979, Монахов)) щитки перстней были спаяны из нескольких частей и выполнены в форме пустотелых коробочек, скрепленных с шинкой дополнительными откосами. Поскольку не всегда имелась возможность определить технику изготовления (литье, ковка, тиснение, гравировка, плакировка), в основу типологии была положена форма щитка предмета и характер изображения на нём. Подобный подход использовался ранее Т.И. Макаровой и К.А. Руденко, а разработанная ими классификация была первоисточником типологии перстней Аткарского могильника (Макарова, 1986, с. 39; Руденко, 2015, с. 48).

Щитковосерединные перстни

Тип 1, с округлым объёмным щитком, погребение № 32 (1), раскопки Н.К. Арзютова (1 экз.; рис. 1: 1; 2: 1–4). Перстень имеет полый щиток, орнаментированный крестом в виде левосторонней свастики в круге. Рисунок нанесен гравировкой, пространство между кольцевыми линиями и крестом покрыто остатками чернения. Шинка дугообразная, в сечении прямоугольная, украшенная тиснёными треугольными откосами, припаянными к щитку. Откосы орнаментированы округлыми вдавлениями и выпуклыми трилистниками – кринами. Внутри щитка имеется скрытое вложение, шуршащее при потряхивании.

Ближайшая известная аналогия изделия – это серебряный черненый перстень, обнаруженный в Темниковском районе Мордовии (Rings.guru/collection/30052) Другой перстень с аналогично выполненными тисненными откосами и объёмным щитком, орнаментированным надписью «Арсен», происходит из киевского кла-

да, зарытого между 70-ми гг. XII в. и 1240 г. (Корзухина, 1954, с. 32, табл. XXIX, 14). Изображение свастики на щитке перстня может иметь двойное толкование: и как языческий оберег в виде солярного символа и как вариант изображения христианского гамматического креста. Среди материалов Муранского могильника золотоордынской мордвы есть морфологически близкие аткарскому перстню экземпляры с изображениями, трактуемыми как «процветший» христианский крест (Алихова, 1954, с. 279, рис. 8: 3; Руденко, 2015, с. 125, рис. 125: 3), а также есть изделия с изображением размещенной на круглом эмалевом щитке свастики (Руденко, 2015, с. 125, рис. 12: 5). Аналогичные украшения, со свастикой и следами светлой эмали на щитках, известны на Никольском селище, датированном концом XIII – 60 годами XIV вв., и среди новгородских древностей, в слоях 1319–1323 и 1380–1390-х годов (Седова, 1981, с. 135, рис. 49: 18), также перстни с подобной свастикой встречались в золотоордынских слоях Булгара (Полякова, 1996, с. 171, рис. 61: 30), Наровчата (Винничек, Киреева, 2012, с. 103), Казанского кремля (Мухамадиев, 2005, с. 164–165), Увекского городища, Шумейского (Недашковский, 2000, с. 43) и Бикбулатовского селищ (Казаков, 1978, с. 37).

Тип 2, с шестиугольным объёмным щитком, погребение №6 (3) (1 экз.; рис. 1: 2). На полем щитке нанесен растительный орнамент, представленный розеткой из двух кринов, повернутых основаниями друг к другу. Данный сюжет имеет различные вариации, наиболее ранние из которых известны по древнерусским серебряным шестиугольным перстням с чернением 1 подтипа 3 типа по Т.И. Макаровой (Макарова, 1986, с. 43, № 69–71), происходящим из Киева и датированным 70 гг. XII в. – 1240 г. (Михайлик, 2006, с. 60). Весь-

Перстни из раскопок Аткарского грунтового могильника 1927-2003 гг.¹

№	Автор, погребение, номер перстня	Инвентарный номер	Техника исполнения	Металл	Тип
1	Арзютов, п. 6 (1)	СМК 78182	ковка, гравировка,	серебро	пластинчатый, с прямоугольным щитком
2	Арзютов, п. 6 (2)	разрушился при снятии	не установлена	бронза	тип не определен, с кастом и стеклянной вставкой
3	Арзютов, п. 11	СМК 44076	ковка, гравировка, пайка	бронза	пластинчатый, с прямоугольным щитком
4	Арзютов, п. 32 (1)	СМК 48385	ковка, тиснение, пайка, гравировка, чернение	серебро	щитковый, с круглым щитком
5	Арзютов, п. 32 (2)	СМК 48391	литье, ковка, пайка, чернение	серебро	пластинчатый, с прямоугольным щитком
6	Монахов, п. 5 (1)	–	плакировка серебряной фольгой	бронза, серебро	пластинчатый, с прямоугольным щитком
7	Монахов, п. 5 (2)	–	не установлена	бронза	пластинчатый, с овальным щитком
8	Монахов, п. 6 (1)	–	золочение	серебро, золото	пластинчатый, с шестиугольным щитком
9	Монахов, п. 6 (2)	–	не установлена	бронза	пластинчатый, с овальным щитком
10	Монахов, п. 6 (3)	–	золочение	серебро, золото	щитковый, с шестиугольным щитком
11	Монахов, п. 18	–	не установлена	серебро	пластинчатый, с овальным щитком
12	Африканов, п. 22	СМК 74972	ковка, гравировка	серебро	пластинчатый, с прямоугольным щитком
13	Африканов, п. 24	СМК 59236	ковка	серебро	пластинчатый, с прямоугольным щитком
14	Африканов, п. 26 (1)	СМК 59252	ковка, гравировка, пайка	серебро	пластинчатый, с овальным щитком
15	Африканов, п. 26 (2)	СМК 59253	ковка, гравировка, пайка	бронза	пластинчатый, с овальным щитком
16	Африканов, п. 26 (3)	СМК 59254	ковка, гравировка, пайка	бронза	пластинчатый, с овальным щитком
17	Ляхов, п. 32 (1)	СМК 64136	ковка, гравировка, пайка	серебро	пластинчатый, с прямоугольным щитком
18	Ляхов, п. 32 (2)	СМК 64137	литье, ковка, пайка	серебро	пластинчатый, с овальным щитком
19	Ляхов, п. 36 (1)	СМК 64159/1	литье, ковка, пайка	серебро	пластинчатый, с овальным щитком

20	Ляхов, п. 36 (2)	СМК 64159/2	литье, ковка, пайка	серебро	пластинчатый, с овальным щитком
21	Ляхов, п. 43	СМК 65526	ковка, плакировка фольгой, пайка	бронза, серебро	пластинчатый, с прямоугольным щитком
22	Ляхов, п. 48	СМК 65543	ковка, гравировка, пайка	серебро	пластинчатый, с овальным щитком
23	Ляхов, п. 54	–	не установлена	серебро	пластинчатый, с прямоугольным щитком
24	Ляхов, п. 58 (1)	–	чернение	серебро	пластинчатый, с прямоугольным щитком
25	Ляхов, п. 58 (2)	–	не установлена	серебро	щитковый, с прямоугольным щитком
26	Ляхов, п. 58 (3)	–	золочение	серебро, золото	тип не определен, с кастом для вставки
27	Ляхов, п. 59	–	не установлена	серебро	пластинчатый, с овальным щитком
28	Малов, 2003 (1)	–	не установлена	серебро	пластинчатый, с круглым щитком
29	Малов, 2003 (2)	–	не установлена	серебро	пластинчатый, с овальным щитком

¹Нумерация погребений в Аткарском могильнике с 1979 года начата С.Ю. Монаховым заново с 1 погребения.

ма близкий декор имел бронзовый перстень с четырьмя растительными завитками из Новгорода, датированный 40–60 гг. XIV в. (Седова, 1981, с. 136, рис. 51: 11). Возможно, продолжением развития сюжета сдвоенных кринов были изображения в виде «бабочки» (Руденко, 2015, с. 64), которые воспроизводились на болгарских перстнях и могли быть прототипом аткарского перстня.

Тип 3, с прямоугольным щитком, погребение № 58 (2) (1 экз.; рис. 1: 3). Щиток без орнамента и четко отделен от шинки. Перстни подобной конструкции найдены на Золотаревском поселении (Белорыбкин, 2001, с. 30, рис. 30: 7, 12, 16). Среди перстней с поселенческих памятников Северо-Восточной Руси второй половины XIII – XVI вв. перстни с квадратным щитком датируются слоями золотоордынского времени (Сарачева, 2007, с. 82). Г.Ф. Полякова отнесла подобные перстни с Болгарского городища к

типу В-Па-1 и датировала второй половиной XIII – началом XV вв. (Полякова, 1996, с. 174–175). Согласно сводной хронологической таблице типов средневековых перстней из цветных металлов, изделия подобной конструкции бытовали на территории Волго-Камья преимущественно в золотоордынский и постзолотоордынский период (Руденко, 2015, с. 124, рис. 11).

Пластинчатые широкосерединные перстни

Тип 1, с круглым щитком, раскопки Н.М. Малова (1) (Бахыт, 2013, дата обращения: 07.10. 2024) (1 экз., рис. 1: 4; 3: 15–16). Щиток имеет четыре плоских выступа, имитирующих крапаны (лапки крепления) обманной вставки перстня. Щиток декорирован рапортом бордюра лозы в круге, на шинке прослеживаются косые гравированные канавки. Орнаментальный мотив повторяющихся растительных побегов был широко распространен

в средневековой Руси, где он нашел отражение во фресках, мозаике и архитектурном декоре (Макарова, 1997, с. 206, 363–364). Не менее популярен он был и у ювелиров Древней Руси и Волжской Булгарии, органично вписавших в пространство щитка перстня орнамент из разнонаправленных растительных побегов. Среди древнерусских перстней с раппортом лозы известны изделия с круглыми, прямоугольными и квадрилольными щитками (Макарова, 1986, с. 40). Серебряные чернёные перстни с прямоугольным щитком, имеющие аналогичный орнамент, были отнесены К.А. Руденко к типу 2.3, датированному XII – началом XIII вв. (Руденко, 2007, с. 138). Среди вещей Карашаимского клада, найденного на территории Республики Татарстан, есть перстень второй половины XIV – XV вв. с выделенным щитком, орнаментированным раппортом лозы в виде симметричных разнонаправленных полупальметт, который на других золотоордынских перстнях того же типа (Б-2.1 по Руденко) уже выглядит как стилизованный S-видный завиток (Руденко, 2006, с. 125, с. 192, рис. 18: 1, 2, 4, 6, 7).

Тип 2, с квадратным и прямоугольным щитком (10 экз.).

Вариант 2.1. С орнаментом в виде четырехлучевой звезды (2 экз.), погребения № 32 (1) (рис. 1: 5; 3: 1–2) и № 54 (рис. 1: 6). На перстнях звезда занимает центр и разделяет щиток на четыре части. На первом перстне в углах щитка размещены спиралевидные завитки, на втором по углам и в центре звезду дополняют окружности с точкой. Орнаментальный мотив четырехлучевой звезды в виде ромба с вогнутыми сторонами прослеживается на серебряных древнерусских перстнях домонгольского времени, изготовленных по восточным образцам (Макарова, 1986, с. 128, № 51; Михайлик, 2006, с. 55, рис. 2: 12).

Подобным орнаментом украшены серебряные перстни с Билярского городища (Руденко, 2015, с. 372, рис. 47), Усть-Узинского селища, датированного монетой 1272/1273 гг., Никольского селища конца XIII – первой половины XIV вв. и Акимовщинского могильника XIV в. (Винничек В.А., Винничек К.М., 2024, с. 104–105, рис. 44). Ромбовидные звезды украшают щитки позолоченного перстня из погребения 8 Бокинского могильника (Андреев, 2020, с. 161, рис. 7: 1) и золотого перстня XIV – начала XV вв. с Болгарского городища (Руденко, 2015, с. 458, рис. 284). Находки перстней с четырехлучевыми звездами известны в Мордовии, Пензенской области, Казахстане и Киргизии (Rings.guru/collection/4726, 4727, 15699, 16905, 17864, 19367, 20820, 24238).

Вариант 2.2. С геометрическим орнаментом в виде косоугольного креста в ромбе (3 экз.), погребение № 6 (1), раскопки Н.К. Арзютова (рис. 1: 8; 2: 5), № 22 (рис. 1: 7; 2: 9–10), № 5 (1) (рис. 1: 9). На перстне из погребения № 22 рисунок дополнен двумя схематичными побегами растений. Близкий по компоновке серебряный перстень с косым крестом в квадрате найден в Бокинском могильнике, оставленном мордвой-мокшей на территории Тамбовской области в золотоордынское время (Андреев, 2020, с. 161, рис. 7: 5). Различные варианты украшений рук с элементами косоугольного креста и ромба часто встречались в марийских и удмуртских могильниках XVI–XVII вв. (Шапран, 2002, с. 273, рис. 19, 13–20; 22, 5–11), например, декор перстня из погребения 11 могильника Нязь-Ворцы, датированного монетой Михайла Федоровича, был весьма близок композиции на перстне из погребения 5 Аткарского могильника (Шутова, 1992, с. 33, рис. 38: 24). Находки еще нескольких подобных перстней происходят из Новгородской, Владимирской, Московской, Смолен-

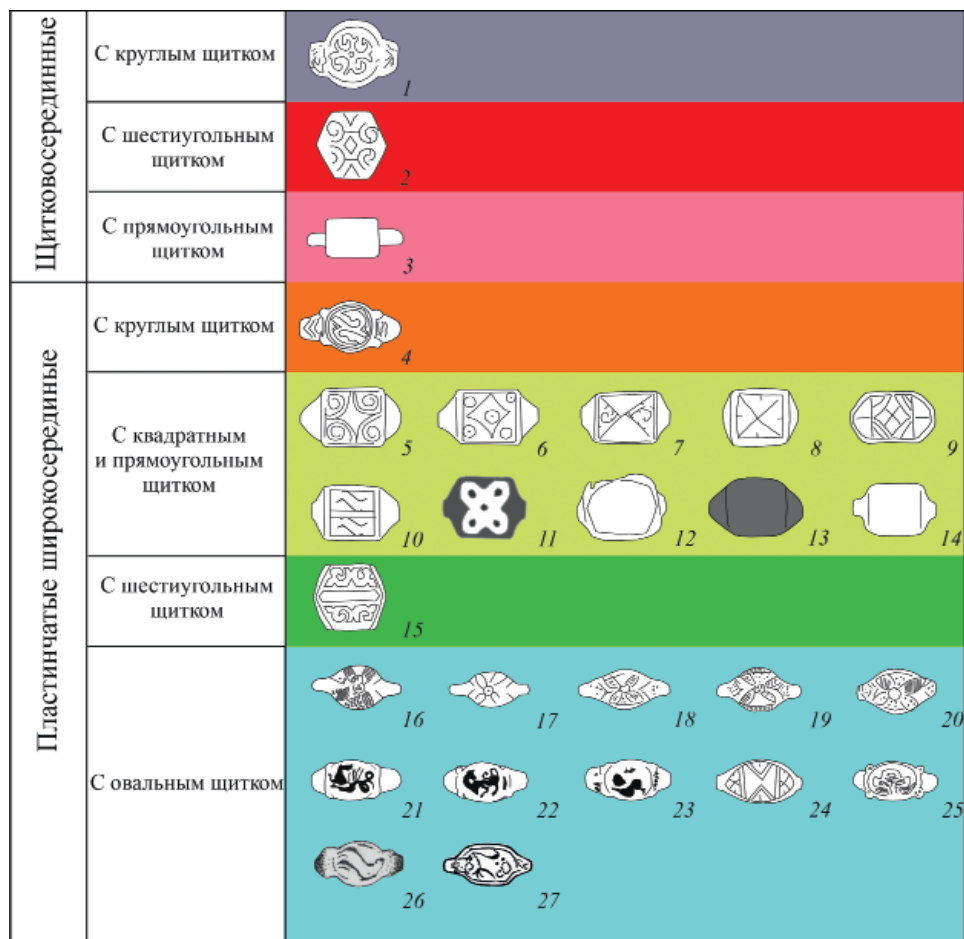

Рис. 1. Таблица перстней Аткарского грунтового могильника, с номерами погребений: 1 – № 32/1, раскопки Н.К. Арзютова; 2 – №6/3; 3 – №58/2; 4 – раскопки Н.М. Малова, перстень 1; 5 – №32/1; 6 – №54; 7 – №22; 8 – №6, раскопки Н.К. Арзютова; 9 – №5/1; 10 – №11, раскопки Н.К. Арзютова; 11 – №58/1; 12 – №24; 13 – №32/2, раскопки Н.К. Арзютова; 14 – №43; 15 – №6/1; 16 – №5/2; 17 – №6/2; 18 – №26/1, 19 – №26/2; 20 – №26/3; 21 – №32/2; 22 – №36/1; 23 – №36/2; 24 – №48; 25 – раскопки Н.М. Малова, перстень 2; 26 – №59; 27 – №18.

Fig. 1. Table of rings from the Atkarsk burial ground with burial numbers: 1 – No. 32/1, excavations by N.K. Arzyutov; 2 – No. 6/3; 3 – No. 58/2; 4 – excavations by N.M. Malov, ring 1; 5 – No. 32/1; 6 – No. 54; 7 – No. 22; 8 – No. 6, excavations by N.K. Arzyutov; 9 – No. 5/1; 10 – No. 11, excavations by N.K. Arzyutov; 11 – No. 58/1; 12 – No. 24; 13 – No. 32/2, excavations by N.K. Arzyutov; 14 – No. 43; 15 – No. 6/1; 16 – No. 5/2; 17 – No. 6/2; 18 – No. 26/1, 19 – No. 26/2; 20 – No. 26/3; 21 – No. 32/2; 22 – No. 36/1; 23 – No. 36/2; 24 – No. 48; 25 – excavations by N.M. Malov, ring 2; 26 – No. 59; 27 – No. 18.

ской, Нижегородской областей, Мордовии и Пермского края (Rings.guru/collection/4729, 19343, 21976, 23293, 24156, 24825, 26835, 26845, 29359, 30209, 31773).

Поделённый на четыре части ромб, в каждой из которых находится определённая отметка (штрих или точка),

у древних славян был знаком распханного и засеянного поля, встречался на женских украшениях XII–XIII вв. (Рыбаков, 1987, с. 575). Этот символ был почитаем у многих народов и считался оберегом у славян и финноугров. Позднее различные сочетания косой сетки и ромба стали основными

Рис. 2. Фото перстней Аткарского грунтового могильника с номерами погребений: 1, 2, 3, 4 – № 32/1, раскопки Н.К. Арзютова; 5 – № 6, раскопки Н.К. Арзютова; 6, 7, 8 – № 32/2, раскопки Н.К. Арзютова; 9 – № 22; 10, 11, 12 – № 11, раскопки Н.К. Арзютова; 13, 14 – № 24; 15, 16 – № 26/1; 17, 18 – № 26/2; 19, 20 – № 26/3.

Fig. 2. Photo of rings from the Atkarsk burial ground with burial numbers: 1, 2, 3, 4 – No. 32/1, excavations by N.K. Arzyutov; 5 – No. 6, excavations by N.K. Arzyutov; 6, 7, 8 – No. 32/2, excavations by N.K. Arzyutov; 9 – No. 22; 10, 11, 12 – No. 11, excavations by N.K. Arzyutov; 13, 14 – No. 24; 15, 16 – No. 26/1; 17, 18 – No. 26/2; 19, 20 – No. 26/3.

орнаментальными мотивами традиционной мордовской вышивки, имевшей сакральное значение (Мартъянов, 1991, с. 55, 120). Таким образом, наиболее вероятным истоком этой сюжетной линии перстней были знаки аграрно-заклинательной символики, связанной с культом плодородия.

Вариант 2.3. С S-видными побегамы в верхней и нижней частях щитка, погребение № 11 (1 экз.; рис. 1: 2; 10–12). Перстни с шестиугольным щитком, орнаментированным пар-

ными S-видными побегамы, разделенным декоративным поясом, были найдены на Билярском городище, украшения относились к XII – началу XIII вв. (Руденко, 2007, с. 136, рис. 1: 27–28). Аналогичные побеги изображены на щитковых литых перстнях Северо-Восточной Руси (Сарачева, 2007, с. 83, рис. 3: 16; Goskatalog.ru/portal. № 5142503), Украины (Rings.guru/collection/2672) и Среднего Поволжья (Руденко, 2006, с. 192, рис. 18: 2–7), датируемых XIV–XV вв. Позд-

Рис. 3. Фото перстней Аткарского грунтового могильника с номерами погребений: 1, 2 – № 32/1; 3, 4 – № 32/2; 5, 6 – № 36/1; 7, 8 – № 36/2; 9, 10 – № 43; 11, 12 – № 48; 13, 14 – раскопки Н.М. Малова, перстень 1; 15, 16 – раскопки Н.М. Малова, перстень 2.

Fig. 3. Photo of rings from the Atkarsk burial ground with burial numbers: 1, 2 – No. 32/1; 3, 4 – No. 32/2; 5, 6 – No. 36/1; 7, 8 – No. 36/2; 9, 10 – No. 43; 11, 12 – No. 48; 13, 14 – excavations by N.M. Malov, ring 1; 15, 16 – excavations by N.M. Malov, ring 2.

ний широкосерединный перстень, украшенный с S-видными побегам, известен в материалах Ореховского могильника XV–XVI вв. (Шутова, 1992, с. 32, рис. 38: 5). Значительное количество пластинчатых широкосерединных перстней с щитками миндалевидной формы, украшенных S-образным орнаментом, находятся в частных коллекциях и найдены на территории Московской, Нижегородской, Тамбовской областей, Республики Мордовия и Чувашия (Rings.guru/collection/7619, 17294, 17633, 29492, 32016, 32134).

Вариант 2.4. С орнаментом в виде «узла счастья», погребение № 58 (1) (1 экз., рис. 1: 11). На черном фоне перстня нанесен рисунок из двух пересекающихся сердечек в виде «узла счастья». Изделие относится к типу

2.1 по Руденко и датируется XIII–XIV вв. (Руденко, 2007, с. 133). Аналогичный серебряный перстень с «узлом счастья» в квадрате найден в погребении № 38 Комаровского могильника, который хранится в Саратовском областном краеведческом музее, инв. № СМК 74073 (Можерин, 2013, с. 175, рис. 16: 2). Еще несколько подобных перстней известны в материалах Муранского могильника (Алихова, 1954, с. 279, рис. 8: 11), Мурзихинского селища, Романовского клада (Руденко, 2007, с. 133), Рождественского городища, Вымского и Плотниковского могильников (Адамов, 2014, с. 46), а также среди находок любителей приборного поиска из Республики Татарстан (Rings.guru/collection/23074, 23767, 23768). «Узел счастья» в виде декоративной виньетки или плетёнки

был известен еще в домонгольской Руси (Макарова, 1986, рис. 28: 2), хотя гораздо большую популярность этот сюжет получил позднее, часто используя в мелкой пластике, торевтике и архитектуре Золотой Орды. Следует отметить, что различные виньетки-плетенки присутствуют на многих монетах золотоордынских ханов, от Узбека до Шадибека включительно, при этом наиболее близкие к перстневым изображениям «узлов счастья» плетенки встречаются на надчеканках монет Азиз-Шейха и монетах середины 1380-х гг., относящихся к правлению Токтамыша (Пырсов, 2022, с. 29, № 280, с. 32–33, № 317, 318, 322).

Вариант 2.5. Без орнамента (3 экз.), погребения № 32 (2), раскопки Н.К. Арзютова (рис. 1: 13; 2: 6–8), № 24 (рис. 1: 12; 2: 13–14), № 43 (рис. 1: 14; 3: 9–10). Бронзовые пластинчатые перстни с неорнаментированными прямоугольными или овальными щитками были найдены на Золотаревском городище (Белорыбкин, 2001, с. 29, рис. 30), в погребении 38 Бокинского могильника (Андреев, 2020, с. 161, рис. 7: 2) и погребении 80 Новохарьковского могильника, датированного 30–90 гг. XIV в. (Новохарьковский, с. 87, рис. 27: 7). Упрощенные варианты серебряных перстней без рисунка, по мнению К.А. Руденко, появляются в Среднем Поволжье не ранее XIII в. и являются следствием упадка традиций мастеров болгарской школы чернения по серебру (Руденко, 2013, с. 43). Это наблюдение подтверждается особенностями незатейливо сработанных перстней из погребений № 32 и 43. Первый перстень, не имея никакого орнамента, был полностью зачернен. Второй перстень, представляющий собой бронзовую поделку, покрытую серебряной фольгой, был обжат хаотичными вдавлениями, закрепляющими неудачную плакировку. При осмотре перстня из погребения № 24 создавалось впечатление,

что он был просто вырезан из плохо прокованной серебряной пластины, концы которой даже не были спаяны в окружность.

Тип 3, с шестиугольным щитком, погребение № 6 (1) (1 экз., рис. 1: 15). С орнаментом из стилизованных растительных побегов в верхней и нижней части щитка. Ближайшей аналогией перстню является экземпляр с Билярского городища, датированный XII–XIII вв. (Руденко, 2015, с. 505, рис. 413). Композиция перстня характерна для стилистики болгарских перстней с чернением домонгольского времени, когда узкий поясик разделяет поле щитка на две части, в которых размещены симметричные изображения растительных побегов. Аткарский перстень не имел следов чернения и, вероятно, был поздней репликой с болгарского оригинала или же длительное время был в употреблении и передавался из поколения в поколение как семейная реликвия.

Тип 4, с овальным щитком (12 экз.).

Вариант 4.1. С орнаментом в виде косой крестовидной цветочной розетки (5 экз.): погребения № 5 (2) (рис. 1: 16), № 6 (2) (рис. 1: 17), № 26 (1, 2, 3) (рис. 1: 18–20; 2: 15–20). Аналогичная косая розетка с четырьмя узкими листьями изображена на перстне с прямоугольным щитком из Муранского могильника (Алихова, 1954, с. 266, рис. 8: 18). Мотив косой крестовидной розетки для декора перстней, очевидно, был заимствован с браслетов «болгарского типа». Аналогичные розетки размещались в центральной части обруча пластинчатых браслетов из цветных металлов и идентифицировались как плод пиона или цветок мальвы. К.А. Руденко отнес серебряные браслеты с изображениями многолучевых крестовидных розеток на спинке к типам Б-5 и Б-4, период бытования которых был определен по материалам Болгарского городища

соответственно как первая половина XIV и XIV вв. (Руденко 2019, с. 245, 258, рис. 4: 5–8). Помимо Булгарского улуса Золотой Орды браслеты с подобной орнаментацией встречаются в мордовских погребениях Муранского (Алихова, 1954, с. 277, рис. 18: 3, 7) и Барбашинского могильников (Глазистова, 2024, с. 72, рис. 5: 4), кочевнических курганах первой половины XIV в. из могильников Олень-Колодезь (Ефимов, 1999, с. 106, рис. 8: 7), Вербовый Лог VIII (Власкин и др., 2006, с. 132) и Мамай-Сурка (Ельников, 2002, с. 254, рис. 2: 2), а также на селищах Верхнего Посурья (Винничек В.А., Винничек К.М., 2024, с. 64, рис. 17: 1–7), Северо-Восточной Руси (Сарачева, 2007, с. 76, рис. 2: 10) и в слоях средневекового Новгорода второй половины XIV в. (Седова, 1981, с. 119, рис. 41: 10–11).

Вариант 4.2. С зооморфным орнаментом (3 экз.), погребения № 32 (2) (рис. 1: 21; рис. 3: 3–4) и № 36 (1, 2) (рис. 1: 22–23; рис. 3: 5–8). Литые перстни с углубленным изображением на щитке, приспособленные для нанесения оттиска на воске или мастике. Аналогичный овальный щиток с углубленным изображением «лютого зверя» имел перстень из золотоордынского погребения № 74 эрзянского могильника Заречное II (Анастасин, 2014, с. табл. 1: 8). Щитки аткарских перстней этого варианта отделены от шинки двумя узкими поперечными валиками, свойственными новгородским печатным перстням типа 20, датированным слоями 1299–1310 гг. (Лесман, 1990, с. 54, рис. 4: 16.4). Все три перстня функционально выделяются из выборки Аткарского могильника, поскольку относятся к категории перстней-печатей, характерных для изделий ювелиров Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XV вв. (Седова, Курганова, 1998, с. 231; Goskatalog.ru/portal. № 51286469, 51286529, 51287777, 51287860,

5040686). Позднее углубленные фигуры различных зверей и птиц становятся популярным сюжетом московских владельческих печатей и перстней-печаток (Векслер, Беркович, 2008, с. 119, рис. 1, 2), а также встречаются в материалах могильников удмуртов, марийцев и чувашей XVI–XVII вв. (Шутова, 1992; с. 222, рис. 37–38; Шапран, 2002, с. 274, рис. 14–19; Мадуров, 2004, с. 255–256, табл. 41–42).

На щитке первого аткарского перстня (№ 32 (2)) отлит контур извивающегося смертоносного василиска, в котором читаются голова с клювом и гребнем, туловище с двумя когтистыми лапами, перепончатые крылья и длинный тонкий хвост. В облике василиска, одного из персонажей византийского бестиария, сочетаются черты различных животных (петух, жаба, змея, летучая мышь). В средневековой Руси представление о нем постепенно трансформировалось до уровня таинственного домового духа и хранителя кладов (Белова, 2000, с. 284). Спирально закрученный хвост и пара ног сближает василиска с иконографией водяного коня Идропа (Белова, 2000, с. 130) или покровителя растений Симаргла, изображавшегося на древнерусских украшениях в виде собаки на двух ногах с причудливо переплетенным змеиным хвостом (Макарова, 1986, с. 22). География находок перстней с подобными чудовищами включает в себя Вологодскую, Псковскую, Брянскую, Владимирскую, Московскую, Тверскую, Костромскую, Ярославскую, Тамбовскую области и Республику Мордовия (Rings.guru/collection/3437, 10602, 20551, 23070, 23175, 28887, 29334, 29339, 29798, 30710).

Второй перстень украшен изображением зверя (№ 36 (1)), имеющего кошачью пластику лап, повернутую назад голову с острыми ушами и длинный, поднятый вверх и свернутый дугой хвост. Эти черты дают

основание опознать в нем другого персонажа славянского бестиария – мантикору, мифического зверя с телом льва, лицом человека и хвостом скорпиона (Белова, 2000, с. 172). «Лютые звери», изображенные с похожим положением лап, длинного изогнутого хвоста-жала и развернутой назад головы, встречаются на московских печатях и монетах конца XIV – начала XV вв. (Станюкович, Авдеев, 2007, с. 106, табл. IV, 19).

Щиток третьего перстня (№36 (2)) имеет крайне схематичное изображение птицы, в которой по поднятым вверх крыльям и крючковатому клюву с зажатой в нем полоской вырванной плоти угадывается еще один представитель славянского бестиария – неясить. Прообразом неясити был пеликан, который, согласно преданию, оживил своей кровью птенцов (Белова, 2000, с. 185). Сюжет с неяситью символизировал любовь родителей к детям и был отражен на перстне из Владимирской области, датированном XIV–XV вв. (Нелюбов, 2002, с. 5, рис. 10). Со временем образ неясити мог утратить свои характерные черты и трансформироваться в более простое и понятное изображение летящей пчелы. Насекомое с пчелиными крыльями, большой головой и полосатым брюшком было вырезано на бронзовом печатном перстне из мордовского могильника у с. Старая Яксарка Пензенской области, хранящемся в СОМК, инв. № СМК 43475 (Арзютов, 1932, с. 45).

Вариант 4.3. С геометрическим орнаментом из парных разнонаправленных треугольников, вписанных в прямоугольник, и косых крестов по бокам, погребение № 48 (рис. 1: 24; рис. 3: 11–12). Похожие треугольники различимы на перстнях из Комаровского (Моржерин, 2013, с. 175, рис. 16, 3) и Бокинского могильников (Андреев, 2020, с. 161, рис. 7: 5). Этот вариант композиционно близок пря-

моугольнощитковым перстням варианта 2.2, с которыми его объединяет орнаментальный мотив, связанный со знаками аграрно-заклинательной символики древнего культа плодородия.

Вариант 4.4. С орнаментом в виде трехлепесткового крина в овале, окруженном четырьмя выступами с точкой; раскопки Н.М. Малова 2003 года (2) (Бахыт, 2013, дата обращения: 07.10. 2024) (1 экз., рис. 1: 25; 3: 13–14). Стилистика изображения близка дизайну перстня с цветком на черном фоне из Алексеевского района Республики Татарстан, датированного XIII–XIV вв. (Руденко, 2015, с. 372, рис. 52). Мотив крина был широко распространен в металлопластике Древней Руси (Макарова, 1986, с. 58), а окружение щитка псевдокрапанами, вероятно, было продиктовано логическим развитием рисунка крина, вписанного в венец (круг с выступами), распространенный на черных перстнях Волжский Булгарии (Руденко, 2007, с. 135, рис. 1: 5–13).

Вариант 4.5. С нечитаемыми арабскими надписями (2 экз.), погребения № 18 (рис. 1: 26) и № 59 (рис. 1: 27). К сожалению, эти перстни не сохранились, поэтому суждения о том, что на них были нанесены подражательные эпиграфические изображения, довольно гипотетичны, поскольку опираются только на прорисовки и нечеткие фото из отчетов (Монахов, 1980, с. 39, рис. 18: 4; Ляхов, 1998, с. 37, рис. 23: 9). На перстне из погребения № 59 предположительно была механически скопирована нередко использовавшаяся на кольцах мусульманская формула-благопожелание, переводимая как «Смерть во славе» (Rings. guru/collection/18138, 27084, 27085, 37086), а реплика из погребения № 18 напоминает дизайн электрового перстня из Болгара с надписью «Беркай», датированного монетой хана Узбека 1333/1334 г. (Смирнов, Янина, 1967, с. 303, рис. 1: 1). Автор раскопок иначе

толковал изображение на щитке перстня из погребения № 18, усматривая в нём схематичное изображение головы коня (Монахов, 1991, с. 179).

Среди всех перстней Аткарского могильника данное украшение было единственным, принадлежавшим мужчине, поскольку еще один перстень, найденный в парном погребении № 6 у левого бедра мужского скелета, очевидно, был посмертным даром. Все остальные перстни, за исключением одного, найденного за черепом женщины из парного погребения № 58, и еще двух из раскопок 2003 года, локация которых неясна, были расчищены на кистях рук женских скелетов. Вместе с перстнями в составе погребального инвентаря наиболее часто встречались сюльгамы и кольцевидные застёжки (100%), браслеты (93%), менее часто биконические пряслица (40%), нередко ножи и бусы (по 27%).

Возраст погребенных с перстнями женщин авторами раскопок в одном случае оценивался как старческий (Арзютов, 1928, погр. 6), в другом – как подростковый (Ляхов, 1997, погр. 54), остальные костяки, видимо, принадлежали половозрелым женщинам. В женской части шести парных погребений были найдены 13 перстней, зачастую украшавших и правую, и левую руки, несколько меньше – 12 – находились в девяти индивидуальных женских погребениях, где это украшение чаще фиксировалось на правой руке. Вероятно, отмеченная тенденция могла отражать обычай подчеркивать

социальный и имущественный статус замужней женщины перстнями, которые по сравнению с браслетами встречаются в составе погребального инвентаря женских погребений более избирательно. Следует отметить, что в Аткарском могильнике браслеты были большей частью изготовлены из меди или железа, а перстни – из серебра.

Отслеживание возможных аналогий перстней Аткарского могильника показало достаточно длительный период бытования ряда широко распространенных типов и вариантов, что отражает консервативный характер отдельных сюжетов декора украшений, существовавших и развивавшихся веками. Среди представленной выборки перстней Аткарского могильника немалая часть была выполнена в домонгольских традициях черного дела древнерусской и болгарской школ, но при этом зачастую не имеет следов чернения. Перстни с чернением представлены единичными экземплярами, которые аналогичны изделиям, бытовавшим в золотоордынский период. Другая часть украшений, орнаментированная гравированными косыми крестовидными розетками и углубленными зооморфными изображениями, была характерна для декоративно-прикладного искусства Орды и Руси XIV–XV вв., что при отсутствии монетных находок в погребениях позволяет в определенной степени использовать их в качестве датирующего материала в рамках эпохи Золотой Орды.

Примечание

¹ Цифра в скобках, стоящая после номера погребения, означает номер перстня, если в погребальном комплексе насчитывается несколько перстней. Номера погребений двух перстней из раскопок Н.М. Малова 2003 года автору неизвестны (см. табл. 1).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адамов А.А.* Серебряные перстни с чернением болгарского типа из Предуралья // Тр. КАЭЭ ПГГПУ. Вып. 9 / Отв. ред. А.М. Белавин. Пермь: ПГГПУ. 2014. С. 44–49.
2. *Алихова А.Е.* Муранский могильник и селище // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 259–301.

3. Анастасин П.С. Перстни их эрзянских погребений VIII–XIV вв. могильников Притёшья // Краеведческие записки. Материалы XX Всероссийских краеведческих чтений, Саранск: Морд. кн. изд-во, 2014. С. 6–12.

4. Андреев С.И. Бокинский могильник средневековой мордвы // РА. 2020. № 2. С. 151–166.

5. Арзютов Н.К. Финский могильник XIII–XV вв. близ гор. Аткарска // Труды Нижневолжского краевого музея. 1929. Вып. 1. С. 4–30.

6. Арзютов Н.К. Мордва XVII–XVIII вв.: (по археол. коллекциям Нижне-Волжского краевого музея) // Сборник Нижневолжского краевого музея. Саратов: Нижневолжское краевое изд-во, 1932. С. 31–55.

7. Африканов Ю.А. Отчёт об охранных раскопках Аткарского грунтового могильника в 1989 году. Саратов, 1990 / Архив ИА РАН. Р-1. № 14612.

8. Бахыт С. Средневековое Мордовское культурное наследие. 2013. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/bahit/post290309940> (дата обращения: 07.10. 2024).

9. Белова О.В. Славянский bestiary: Словарь названий и символики. М.: Индрик, 2000. 318 с.

10. Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. Пенза: Изд-во ПГПУ, 2001. 200 с.

11. Векслер А.Г., Беркович В.А. Московские печатки XVI–XVII вв. По материалам раскопок Центра археологических исследований г. Москвы 1994–2004 гг. // РА. 2008. № 2. С. 118–127.

12. Власкин М.В., Гармашов А.И., Доде З.В., Науменко С.А. Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала: материалы по изучению историкокультурного наследия Северного Кавказа. Вып. IV. М.: Памятники исторической мысли, 2006. 232 с.

13. Винничек В.А., Киреева К.М. Торговля в Верхнем Посурье и Примокшанье в XI–XIV вв. Пенза: Изд-во ПИРО, 2012. 149 с.

14. Винничек В.А., Винничек К.М. Золотая Орда в Верхнем Посурье. Пенза: Изд-во ГАОУ ДПО ИРР ПО, 2024. 144 с.

15. Глазистова Н.И. Бронзовые и железные браслеты Барбашинского могильника из раскопок А.С. Башкирова в 1921 году // Археология Евразийских степей. 2024. № 3. С. 66–80.

16. Ельников М.В. Браслеты «булгарского типу» з поховань могильника Мамай-Сурка // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. 2002. Т. X. С. 252–258.

17. Ефимов К.Ю. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // Донская археология. 1999. № 3–4. С. 93–108.

18. Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарстана. М.: Наука, 1978. 131 с.

19. Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 226 с.

20. Лесман Ю.М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. / Отв. ред. В.Л. Янин, П.Г. Гайдуков. М.: Новгородская археологическая экспедиция, 1990. С. 29–98.

21. Ляхов С.В. Отчет об охранных раскопках грунтового мордовского могильника XIII–XV вв. на окраине г. Аткарска Саратовской области в 1996 г. Саратов, 1996 // Архив ИА РАН. Р-1. № 20535.

22. Ляхов С.В. Исследования Аткарского грунтового мордовского могильника XIII–XIV вв. в 1996 году // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 2 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Изд-во Саратовского госпединститута, 1997. С. 79–98.

23. Ляхов С.В. Отчет об охранных раскопках в Саратовском Правобережье 1997 г. Саратов, 1998 // Архив ИА РАН. Р-1. № 21296.

24. Ляхов С.В. Охранные раскопки в Саратовском Правобережье // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 3 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Изд-во Саратовского госпединститута, 1999. С. 94–100.

25. Мадуров Д.Ф. Традиционное декоративное искусство и праздники чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 287 с.

26. Макарова Т.И. Черневое дело Древней Руси. М.: Наука, 1986. 155 с.

27. Макарова Т.И. Орнамент Древней Руси. Методика изучения орнамента // Древняя Русь. Быт и культура / Археология СССР. Т. 16 / Отв. ред. Б.А. Колчин, Т.А. Макарова. М.: Наука, 1997. С. 203–207.

28. Мартыанов В.Н. Мордовская народная вышивка. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1991. 189 с.

29. *Моржерин К.Ю.* Комаровский могильник // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 11. / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2013. С. 170–191.
30. *Михайлик Л.П.* Металлические перстни X первой половины XIII в. из Киева (хронология, типология) // РА. 2006. № 3. С. 52–62.
31. *Монахов С.Ю.* Отчёт о раскопках Аткарского грунтового могильника в Аткарском районе в 1979 г. Саратов, 1979 // Архив ИА РАН. Р-1. № 7530.
32. *Монахов С.Ю.* Отчёт о раскопках Аткарского грунтового, Аткарского курганного могильников и кургана из группы на «Жареном бугре» у пос. Ленинский путь Саратовской области в 1980 г. Саратов, 1980 // Архив ИА РАН. Р-1. № 7954.
33. *Монахов С.Ю.* Новые исследования грунтового Аткарского могильника // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 2 / Отв. ред. В.Г. Миронов. Саратов: Изд-во СГУ, 1991. С. 167–189.
34. *Мухамадиев А.Г.* Древние монеты Казани. Казань: Татарское книжное изд-во, 2005. 198 с.
35. *Недашковский Л.Ф.* Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Восточная литература, 2000. 224 с.
36. *Нелюбов С.* Символика средневековых русских перстней: Зверь – образ, зверь – символ, зверь – оберег // Цейхгауз: Российский военно-исторический журнал, 2002, №17. С. 4–9.
37. Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 2002. 193 с.
38. *Полякова Г.Ф.* Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. С. 154–268.
39. *Пырсов Ю.Е.* Каталог джучидских монет Саратовского областного музея краеведения. Казань: Изд-во КГУ, 2002. 43 с.
40. *Руденко К.А.* Золотоордынская эпоха в Среднем Поволжье (по археологическим данным) // ТА. 2006. № 1–2 (16–17). С. 89–196.
41. *Руденко К.А.* Перстни с чернью из Волжской Булгарии // РА. 2007. № 2. С. 130–140.
42. *Руденко К.А.* Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань: Заман, 2015. 528 с.
43. *Руденко К.А.* Золотые и серебряные браслеты XIII–XIV вв. из Булгарской области Золотой Орды: систематизация, атрибуция и датировка // В поисках сущности. Сборник статей в честь 60-летия Н.Д. Руссева / Под ред. М.Е. Ткачука и Г.Г. Атанасова. Кишинев: Stratum Plus, 2019. С. 239–262.
44. *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 784 с.
45. *Сарачева Т.Г.* Ювелирные изделия второй половины XIII–XVI вв. с территории Северо-Восточной Руси // КСИА. 2007. № 221. С. 73–88.
46. *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
47. *Седова М.В., Курганова Н.М.* Перстни-печати XV–XVII вв. из Суздаля // Историческая археология: Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина / Под ред. Т.А. Пушкиной. М.: Памятники исторической мысли. 1998. С. 213–236.
48. *Станюкович А.К., Авдеев А.Г.* Неизвестные памятники русской сфрагистики: прикладные печати-матрицы XIII–XVIII веков из частных собраний. М.: Группа Искатели, 2007. 189 с.
49. *Шапран И.Г.* Традиционный женский костюм марийцев бассейна Вятки XVI – начала XIX в. (по данным археологии) // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья / Отв. ред. В.И. Бацакало. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2002. С. 242–287.
50. *Шутова Н.И.* Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по данным могильников. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. 264 с.
51. Goskatalog.ru/portal. №№ 51286469, 51286529, 51287777, 51287860, 5040686, 5142503. URL: <https://goskatalog.ru/portal/?ysclid=mlhw9rxzy5903813808#/collections?q=51286469, 51286529, 51287777, 51287860, 5040686, 5142503.html>. Дата обращения 07.10.2024.

52. Rings.guru/collection/2672, 3437, 4726, 4727, 4729, 7619, 10602, 15699, 16905, 17294, 17633, 17864, 18138, 19343, 19367, 20551, 20820, 21976, 23070, 23074, 23175, 23293, 23767, 23768, 24156, 24238, 24825, 26845, 26835, 27084, 27085, 28887, 29334, 29339, 29359, 29492, 29798, 30052, 30209, 30710, 31773, 32016, 32134, 37086. URL: <https://rings.guru/collection/2672, 3437, 4726, 4727, 4729, 7619, 10602, 15699, 16905, 17294, 17633, 17864, 18138, 19343, 19367, 20551, 20820, 21976, 23070, 23074, 23175, 23293, 23767, 23768, 24156, 24238, 24825, 26845, 26835, 27084, 27085, 28887, 29334, 29339, 29359, 29492, 29798, 30052, 30209, 30710, 31773, 32016, 32134, 37086.html>. Дата обращения 07.10.2024.

Информация об авторе:

Ракушин Алексей Иванович, кандидат исторических наук (г. Саратов, Россия)

RINGS FROM THE ATKARSK BURIAL GROUND (WITHOUT MOUNDS)

A.I. Rakushin

The Atkarsk burial ground, located in the Saratov region, is a large Mordvin-Moksha necropolis dating to the Golden Horde period. This paper presents data on 29 rings from 9 female, 1 male, and 6 paired burial assemblages excavated by N.K. Arzyutov, S.Yu. Monakhov, Yu.A. Afrikanov, S.V. Lyakhov and N.M. Malov between 1927 and 2003. The ring collection from the burial ground vividly illustrates the diversity of jewelry in everyday use among the Mordvin population of the Golden Horde. The article presents the results of a typological analysis of the rings, which were classified into wide-centered lamellar rings (24 pieces) and shield center rings (3 pieces). The shape of the shield and the nature of its imagery defined 7 types, which are further subdivided into 15 variants. The period of circulation for wide-centered lamellar rings with an oval shield, decorated with diagonal cross-shaped rosettes and recessed zoomorphic images, is dated to the 14th–15th centuries. The highest co-occurrence rate for the rings is observed with syulgams, annular clasps and bracelets. In paired burials, rings more frequently adorned both hands, whereas in individual burials, they were found on the right hand. The predominance of silver items (19 pieces) over copper alloy artifacts (8 pieces) indicates a relatively high standard of living within the rural community of the Atkarsk burial ground.

Keywords: archaeology, Middle Ages, Golden Horde, rings, typology, Atkarsk burial ground.

ЛИТЕРАТУРА

1. Adamov, A. A. 2014. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Humanitarian Pedagogical University)* 9. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 44–49 (in Russian).
2. Alikhova, A. E. 1954. In Smirnov, A.P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Kuybyshev Archaeological Expedition)* I Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Proceedings and Research in the USSR Archaeology of the USSR) 42. Moscow: "Nauka" Publ., 259–301 (in Russian).
3. Anastasin, P. S. 2014. In Kaligin, P. N. (ed.). *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)*. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 6–12 (in Russian).
4. Andreev, S. I. 2020. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 1, 151–166 (in Russian).
5. Arzyutov, N. K. 1929. In *Trudy Nizhnevolzhskogo krayevogo muzeya (Proceedings of the Lower Volga Regional Museum)* 1, 4–30 (in Russian).
6. Arzyutov, N. K. 1932. In *Sbornik Nizhnevolzhskogo krayevogo muzeya (Collection of the Lower Volga Regional Museum)*. Saratov: Nizhnevolzhskoye krayevoye izd-vo, 31–55 (in Russian).
7. Afrikanov, Yu. A. 1990. *Otchet ob okhrannykh raskopkakh Atkarskogo gruntovogo mogil'nika v 1989 godu (Report on the salvage (rescue) excavations of the Atkar ground cemetery 1989)*. Saratov. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 14612 (in Russian).
8. Bakhyt, S. 2013. *Srednevekovoye Mordovskoye kul'turnoye nasledie (Medieval Mordovian cultural heritage)*. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/bahit/post290309940> (accessed 07.10.2024).
9. Belova, O. V. 2000. *Slavyanskiy bestiariy: Slovar' nazvaniy i simvoliki (Slavic Bestiary: A Dictionary of Names and Symbolism)*. M.: Indrik, 2000. 318 s.
10. Belorybkin, G. N. 2001. *Zolotarevskoe poselenie (Zolotarevka Settlement)*. Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).

11. Veksler, A. G., Berkovich, V. A. 2008. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 118–127 (in Russian).
12. Vlaskin, M. V., Garmashov, A. I., Dode, Z. V., Naumenko, S. A. 2006. *Pogrebeniya znati zolotoordynskogo vremeni v mezhdurech'e Dona i Sala: materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza (Burials of the nobility of the Golden Horde time in the interfluvium of Don and Sala rivers: materials on the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus)* IV. Moscow: "Pamyatniki istoricheskoi mysli" Publ. (in Russian).
13. Vinnichek, V. A., Kireeva, K. M. 2012. *Torgovlya v Verkhnem Posur'e i Primokshan'e v XI–XIV vv. (Trade on the Upper Sura and Moksha Rivers in the XI–XIV centuries)*. Penza: "PIRO" Publ. (in Russian).
14. Vinnichek, V. A., Vinnichek, K. M. 2024. *Zolotaya Orda v Verkhnem Posur'ye (The Golden Horde in the Upper reaches of Sura)*. Penza: Izd-vo GAOU DPO IRR PO (in Russian).
15. Glazistova, N. I. 2024. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 3, 66–80 (in Russian).
16. El'nikov, M. V. 2002. *Starozhitnosti stepovogo Prichornomor'ya i Krimu (Antiquities of the steppe Black Sea region and Crimea)* 10, 252–258 (in Ukrainian).
17. Efimov, K. Yu. 1999. In *Donskaia Arkheologiya (Archaeology of Don)* (3–4), 93–108 (in Russian).
18. Kazakov, E. P. 1978. *Pamyatniki bolgarskogo vremeni v vostochnykh raionakh Tatarii (Sites of Bulgarian Time in the Eastern Parts of Tataria)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
19. Korzukhina, G. F. 1954. *Russkieклады IX–XIII vv. (Russian Hoards of 9th–13th Centuries)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
20. Lesman, Yu. M. 1990. In Yanin, V. L., Gaidukov, P. G. (eds.). *Materialy po arkheologii Novgoroda. 1988 (Materials on the Archaeology of Novgorod: 1988)*. Moscow: Novgorod Archaeological Expedition, 29–98 (in Russian).
21. Lyakhov, S. V. 1996. *Otchet ob okhrannykh raskopkakh gruntovogo mordovskogo mogil'nika XIII–XV vv. na okraine g. Atkarska Saratovskoy oblasti v 1996 g. (Report on the salvage excavations of a Mordovian ground cemetery of the 13th–15th centuries on the outskirts of Atkarsk, Saratov Oblast in 1996)*. Saratov. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 20535 (in Russian).
22. Lyakhov, S. V. 1997. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 2. Saratov: Saratov State Pedagogical Institute, 79–98 (in Russian).
23. Lyakhov, S. V. 1998. *Otchet ob okhrannykh raskopkakh v Saratovskom Pravoberezh'ye 1997 g. (Report on the salvage excavations in the Saratov Right-Bank region in 1997)*. Saratov. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 21296 (in Russian).
24. Lyakhov, S. V. 1999. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 3. Saratov: Saratov State Pedagogical Institute, 94–100 (in Russian).
25. Madurov, D. F. 2004. *Traditsionnoye dekorativnoye iskusstvo i prazdniki chuvashy (Traditional decorative art and holidays of the Chuvash people)*. Cheboksary: Chuvash. Publishing house (in Russian).
26. Makarova, T. I. 1986. *Chernevoe delo Drevney Rusi (Niello of Old Rus)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
27. Makarova, T. I. 1997. In Kolchin B. A., Makarova T. A. (eds.). *Drevniaia Rus'. Byt i kul'tura (Ancient Russia. Everyday Life and Culture)*. Series: Archaeology of the USSR 16. Moscow: "Nauka" Publ., 203–207 (in Russian).
28. Mart'yanov, V. N. 1991. *Mordovskaya narodnaya vyshivka (Mordovian folk embroidery)*. Saransk: Mordovian Book Publ. (in Russian).
29. Morzherin, K. Yu. 2013. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia (The Archaeological Heritage of the Saratov Region)* 11. Saratov: "Nauchnaia kniga" Publ., 170–191 (in Russian).
30. Mikhaylik, L. P. 2006. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 52–62 (in Russian).
31. Monakhov, S. Yu. 1979. *Otchet o raskopkakh Atkarskogo gruntovogo mogil'nika v Atkarskom rayone v 1979 g. (Report on the excavations of the Atkar ground burial ground in Atkarsky District in 1979)* Saratov, Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 7530 (in Russian).
32. Monakhov, S. Yu. 1980. *Otchet o raskopkakh Atkarskogo gruntovogo, Atkarskogo kurgannogo mogil'nikov i kurgana iz gruppy na «Zharenom bugre» u pos. Leninskiy put' Saratovskoy oblasti v 1980 g. (Report on the excavations of the Atkar ground burial ground, the Atkar kurgan cemetery, and a kurgan from the group at "Zhareny Bugor" near the settlement of Leninsky Put, Saratov Oblast, in 1980)* Saratov, Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R-1, dossier 7954 (in Russian).
33. Monakhov, S. Yu. 1991. In Mironov, V. G. (ed.). *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 2. Saratov: Saratov University Publ., 167–189 (in Russian).

34. Mukhamadiev, A. G. 2005. *Drevniye monety Kazani (Ancient coins of Kazan)*. Kazan: Tatar Book Publishing House (in Russian).
35. Nedashkovsky, L. F. 2000. *Zolotoordynskiy gorod Ukek i ego okruga (The Golden Horde City Ukek and its Suburbs)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
36. Nelyubov, S. 2002. In *Tseykhgauz: Rossiyskiy voyenno-istoricheskiy zhurnal («ZEUGHAUS» Magazine Russian and Soviet militia.)* 17, 4–9 (in Russian).
37. Pryakhin, A. D. (ed.). 2002. *Novokhar'kovskiy mogil'nik epokhi Zolotoy Ordyy (Novokhar'kovsky burial ground of the Golden Horde era)*. Voronezh: Voronezh University Publ. (in Russian).
38. Poliakova, G. F. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of Tatarstan, 154–268 (in Russian).
39. Pырsov, Yu. E. 2002. *Katalog dzhuchidskikh monet Saratovskogo oblastnogo muzeya krayevedeniya (Catalog of the Jochid coins of the Saratov Regional Museum of Local Lore.)*. Kazan: Kazan State University Publ. (in Russian).
40. Rudenko, K. A. 2006. In *Tatarskaya arkheologiya (Tatar Archaeology)* 1–2 (16–17). 89–196 (in Russian).
41. Rudenko, K. A. 2007. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 130–140 (in Russian).
42. Rudenko, K. A. 2015. *Bulgarskoe serebro (Bulgarian Silver)*. Series: Drevnosti Biliara (Antiquities of Biljar). Vol. II. Kazan: "Zaman" Publ. (in Russian).
43. Rudenko, K. A. 2019. In Tkachuk, M. E., Atanasov, G. G. (eds.). *V poiskakh sushchnosti. Sbornik statey v chest' 60-letiya N.D. Russeva (In search of the essence: Essays in honour of Nicolai Russev on the occasion of his 60th birthday)*. Chisinau: Stratum Plus, 239–262 (in Russian).
44. Rybakov, B. A. 1987. *Yazychestvo Drevney Rusi (Paganism of Ancient Rus)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
45. Saracheva, T. G. 2007. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 221, 73–88 (in Russian).
46. Sedova, M. V. 1981. *Yuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X–XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th–15th Centuries))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
47. Sedova, M. V., Kurganova, N. M. 1998. In Pushkina, T. A. (ed.). *Istoricheskaya Arkheologiya: Traditsii i perspektivy. K 80-letiyu so dnia rozhdeniya D.A. Avdusina (Historical Archaeology. Traditions and Perspectives. To the 80th Anniversary of D. A. Avdusin)*. Moscow: "Pamiatniki istoricheskoi mysli" Publ., 92–105 (in Russian).
48. Stanyukovich, A. K., Avdeyev, A. G. 2007. *Neizvestnyye pamyatniki russkoy sfragistiki: prikladnyye pechati-matritsy XIII–XVIII vekov iz chastnykh sobraniy (Unknown monuments of Russian sphragistics: applied matrix seals of the XIII–XVIII centuries from private collections)*. Moscow: "Iskatel Group" Publ. (in Russian).
49. Shapran, I. G. 2002. In Batsekalo, V. I. (ed.). *Sotsial'no-istoricheskie i metodologicheskie problemy drevnei istorii Prikam'ia (Socio-Historical and Methodological Issues of the Ancient History of the Kama Region)*. Izhevsk: Udmurt State University, 242–287 (in Russian).
50. Shutova, N. I. 1992. *Udmurty XVI – pervoi poloviny XIX v.: po dannym mogil'nikov (Udmurt People in 16th – First Half of 19th Centuries: by the Data of Burial Grounds)*. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
51. Goskatalog.ru/portal. №№ 51286469, 51286529, 51287777, 51287860, 5040686, 5142503. URL: <https://goskatalog.ru/portal/?ysclid=mlhw9rxzy5903813808#/collections?q=51286469,51286529,51287777,51287860,5040686,5142503.html>. accessed 07.10.2024 (in Russian).
52. Rings.guru/collection/2672, 3437, 4726, 4727, 4729, 7619, 10602, 15699, 16905, 17294, 17633, 17864, 18138, 19343, 19367, 20551, 20820, 21976, 23070, 23074, 23175, 23293, 23767, 23768, 24156, 24238, 24825, 26845, 26835, 27084, 27085, 28887, 29334, 29339, 29359, 29492, 29798, 30052, 30209, 30710, 31773, 32016, 32134, 37086. URL: [https://rings.guru/collection/2672, 3437, 4726, 4727, 4729, 7619, 10602, 15699, 16905, 17294, 17633, 17864, 18138, 19343, 19367, 20551, 20820, 21976, 23070, 23074, 23175, 23293, 23767, 23768, 24156, 24238, 24825, 26845, 26835, 27084, 27085, 28887, 29334, 29339, 29359, 29492, 29798, 30052, 30209, 30710, 31773, 32016, 32134, 37086.html](https://rings.guru/collection/2672,3437,4726,4727,4729,7619,10602,15699,16905,17294,17633,17864,18138,19343,19367,20551,20820,21976,23070,23074,23175,23293,23767,23768,24156,24238,24825,26845,26835,27084,27085,28887,29334,29339,29359,29492,29798,30052,30209,30710,31773,32016,32134,37086.html). accessed 07.10.2024 (in Russian).

About the Author:

Rakushin Alexey I. Candidate of Historical Sciences. Saratov, Russian Federation.

Статья принята в номер 01.06.2026 г.

Археология нового времени

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/pa2026.2.56.128.142>**«НИЗКИЕ» ТАРАСЫ С ТЫНОМ В РУССКОМ (РОССИЙСКОМ)
ГОСУДАРСТВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XVI – НАЧАЛЕ XVII ВЕКА¹**

© 2026 г. С.В. Горохов

Статья посвящена исследованию устройства стен, сочетающих в своей конструкции «низкие» тарасы и тын – распространенного типа оборонительных сооружений в Русском (Российском) государстве XVI–XVIII веков. Автором опровергается общепринятая в историографии интерпретация «низких» тарас как двух параллельных венчатых стен с перерубами, основанная на неверном понимании их конструктивных особенностей и фортификационного значения. В статье анализируется обширный корпус письменных источников, содержащий описание оборонительных сооружений, включающих «низкие» тарасы. Выявлено, что «низкие» тарасы представляли собой невысокие (3–5 венцов) продолговатые узкие срубы, между длинными сторонами которых зажимались основания тынин. Данная конструкция позволяла создавать более долговечные стены (по сравнению с традиционным тыном), которые можно было возводить на различных типах грунта, включая мерзлый, плотный или каменистый. Статья вносит вклад в изучение русской фортификации XVI–XVIII веков, предлагая новые интерпретации устройства тарасных стен и их роли в обороне. Результаты исследования могут быть полезны для историков, археологов и архитекторов, занимающихся изучением истории русского военного дела и фортификации.

Ключевые слова: археология, Русское государство, Российское государство, фортификация, город, острог, «низкие» тарасы, тын.

В статье (Горохов, 2025) показано, что наиболее распространенное в настоящее время представление о тарасах как о двух параллельных венчатых стенах с перерубами не имеет под собой достаточной источниковой базы и не соответствует исторической действительности. В статье (Горохов, 2025г) приведены доказательства того, что тарасы и стена – это разные конструкции или разные элементы одной конструкции, сопряженные друг с другом. В этой же публикации были выявлены три принципиальные схемы устройства тарас: «высокие» тарасы и тын, «низкие» тарасы и тын, высокие тарасы и рубленая стена. Конструкции рубленой стены с тарасами и стены, сочетающей в своей конструкции «высокие» тарасы и тын, посвящены

специальные статьи (Горохов, 2024; Горохов, 2025в). Целью исследования, результаты которого представлены в настоящей публикации, была реконструкция устройства стен, сочетающих в своей конструкции «низкие» тарасы и тын. Источниковая база представлена опубликованными письменными источниками (Упоминания..., 2024) и изобразительными материалами.

Некоторые исследователи русской фортификации обращались к теме устройства стен, сочетающих в своей конструкции тарасы и тын. К.С. Носов полагает, что «комбинация тына с рубленой стеной обычно в источниках называлась «острог в тарасы». В такой конструкции возводилась не-большой высоты рубленая стена, за-

¹ Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности по проекту № FSUS-2025-0009 «Особенности формирования межкультурных коммуникаций в Сибири – от эпохи камня до раннего Нового времени (по данным археологических и письменных источников)».

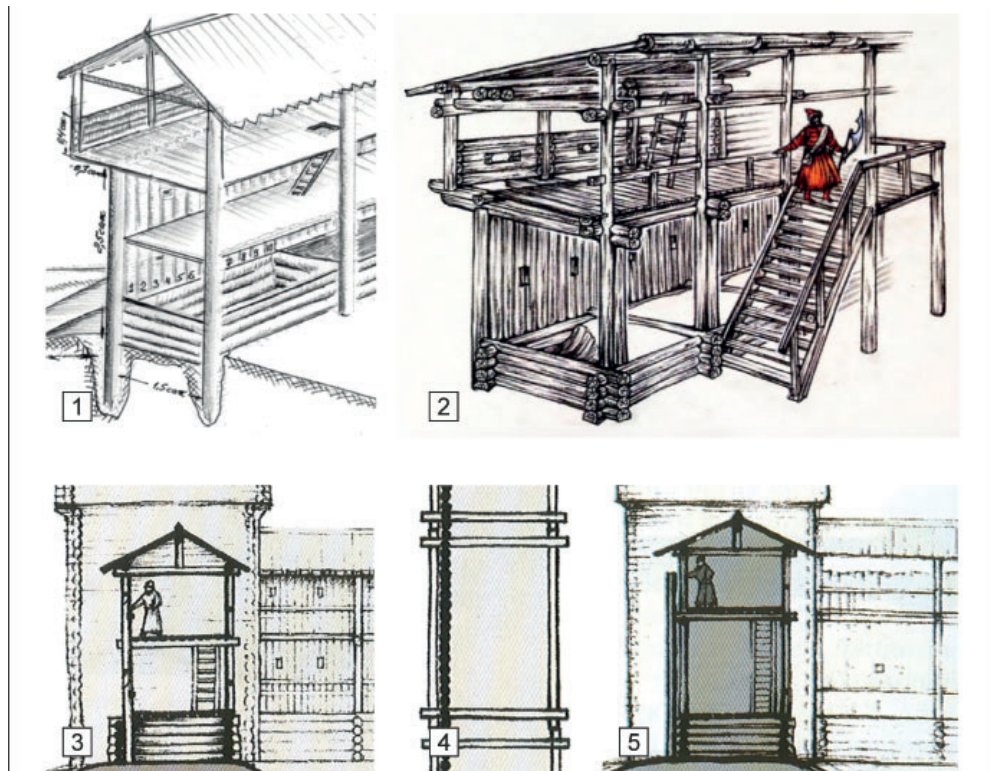

Рис. 1. Варианты графической реконструкции стен, сочетающих в своей конструкции тарасы и тын. 1 – в Обояни (Озеров, Бабин, 2013, с. 51, рис. 5); 2 – типичная конструкция тыновой стены с тарасами в южнорусских городах (Воротникова, Неделин, 2016); 3, 4 – в Каргополье в 1630 г. (Мильчик, 2008, рис. 14); 5 – в Каргополье в 1665 г. (Мильчик, 2008, рис. 21).

Fig. 1. Variants of graphic reconstructions of walls combining tarasas and tyns in their structure. 1 – in Oboyan (Ozerov, Babin, 2013, p. 51, fig. 5); 2 – typical construction of a tyn wall with tarasas in South Russian towns (Vоротникова, Nedelin, 2016); 3, 4 – in the Kargopol region in 1630 (Milchik, 2008, fig. 14); 5 – in the Kargopol region in 1665 (Milchik, 2008, fig. 21).

сыпанная землей и камнями, а рядом – значительной высоты тын» (Носов, 2017, с. 129). С.И. Бучастая, Г.Е. Сви-стун и О.А. Шевченко реконструируют стену Острогжска таким образом: «Бревна вкапывались в землю на одну сажень. <...> Для устойчивости вертикальной стены с внутренней стороны ее прирубались тарасы в три венца на расстоянии 1,5 сажени от тына². Продольные и поперечные стенki тарас связывались между собой через 3 сажени. <...> Клетки тарасов засыпались землей, создавая дополнительную опору, основу жесткого каркаса» (Бучастая и др., 2009, с. 618). М.М. Озеров и И.П. Бабин аналогич-

но реконструируют стену Обояни по росписи 1651 г. (рис. 1: 1): «Стены крепости имели конструкцию стоячего острога с тарасами и обламами. Основой таких острожных стен были толстые, вертикально поставленные дубовые бревна, которые вкапывались в землю на одну сажень. <...> Для устойчивости стены с ее внутренней стороны прирубались тарасы, <...> продольные и поперечные стенki тарас связывались между собой через каждые 6,4 м. <...> Клетки тарас засыпались землей, создавая дополнительную опору, основу жесткого каркаса, поверх настилался бревенчатый пол. <...> Из текста росписи следует, что

тарасы в остроге были невысокими: в три наземных венца» (Озеров, Бабин, 2013, с. 51, 52). В.М. Неделин в монографии в разделе, посвященном Острогожску, поместил иллюстрацию реконструкции стены с тарасами (рис. 1: 2). В подписи к ней указано, что такой «тип оборонительного сооружения был широко распространен в южнорусских городах» (Воротникова, Неделин, 2016). Вероятно, эта иллюстрация отражает видение В.М. Неделиным конструкции стены Острогожска, известной по описанию. Однако в тексте авторы не упоминают о том, что в нем фигурируют тарасы. Данная реконструкция почти идентична той, что создана М.М. Озеровым и И.П. Бабиным по описанию Обояни.

В 1630 г. при составлении сметы на строительство новых оборонительных сооружений в Каргополье сообщается, что «лесу большего стоячего в новом остроге во все четыре стороны на острожной стоячей тын, опричь башен, и с катками и столбами, и с лестницами три тысячи шестьсот бревен <...> лесу на острожные полати круг города и на тарасы две тисечи». Дополнительно сказано, что «от того острожного тыну плотником от дела от борозд от копанья, и от тарасов от рубли и от засыпки земляные с четырехсот со штидесят с пяти сажен со всякие сажени по дватцети алтын». На основе этих данных М.И. Мильчик и А.Б. Бодэ создали графическую реконструкцию стены (рис. 1: 3, 4). Согласно ей, в основании стены находились прямоугольные срубы в пять венцов высотой. Они стыковались вплотную друг к другу узкой стороной. Так авторы реконструкции изобразили тарасы. Внутри срубов вдоль их внешней стороны был установлен тын. На реконструкции не показано, что тын заглублен в грунт. Внутри срубов вдоль внутренней стены с некоторой периодичностью установленные вертикальные бревна, на которые

опирается мост верхнего боя и кровля³. Эти исследователи выполнили также графическую реконструкцию стены Каргополья в 1665 г. (рис. 1: 5). Она отличается от реконструкции 1630 г. лишь тем, что тын установлен не в срубе, а снаружи вдоль его внешней стены (Мильчик, 2008). Ранее при воссоздании внешнего вида стены Холмогор М.И. Мильчик и Л.Д. Попова иначе реконструировали сочетание тарас с тыном: «К стенам из вкопанных вертикально бревен изнутри примыкали тарасы, которые были поставлены с разрывами таким образом, чтобы между ними был подход к стене, в которой находились боевые щели нижнего боя («нижние бои меж тарасов»). По тарасам были настланы мосты для верхнего боя» (Мильчик, Попова, 2002, с. 134).

Исследователи не различают тыновые стены с «высокими» и «низкими» тарасами. Во всех приведенных случаях, кроме последнего, авторы реконструкций под тарасами при их сочетании с тыном подразумевают две параллельные венчатые стены с перерубами. То есть придерживаются доминирующей версии о конструкции тарас, сложившейся в историографии (Горохов, 2025) с той лишь разницей, что уменьшили высоту стены до 3–5 венцов. Как показано в статье (Горохов, 2025; Горохов, 2025г), тарасы не являлись двумя параллельными венчатыми стенами с перерубами. Кроме этого, представленные варианты устройства стен, сочетающих тарасы и тын, лишены конструктивного и фортификационного смысла. Сруб высотой в 3–5 венцов, заполненный или незаполненный грунтом, не способен служить какой-либо опорой для тына, так как разрушение тыновой стены происходит не от того, что тыновая стена наклоняется под собственным весом, а от того, что в месте контакта с дерном тынины прогнивают на всю толщину. Уберечь от

падения тыновую стену из прогнивших у основания тынин такая срубная конструкция не способна. Подобные «тарасы» также не увеличивают способность стены противостоять артиллерийскому обстрелу в силу их малой высоты. Дополнительную защиту для гарнизона они тоже не создают, так как защитники крепости во время штурма будут находиться на «тарасах» или на мостах, не прикрытые срубной конструкцией.

Приведенные аргументы показывают, что сложившиеся представления об устройстве стен, сочетающих в своей конструкции тарасы и тын, не соответствуют исторической действительности, так как основаны на неверном представлении о конструкции тарас и лишены конструктивного и фортификационного смысла. Альтернативная версия, предложенная М.И. Мильчиком и Л.Д. Поповой, весьма неконкретна и фактически состоит из единственного утверждения, согласно которому тарасы (без уточнения их конструкции) находились на некотором расстоянии друг от друга, так как между ними были бойницы нижнего боя.

Нам удалось выявить 49 описаний стен, конструкция которых образована сочетанием тарас и тына, в 39 различных оборонительных сооружениях. Из них 24 описания «низких» тарас, сочетающихся с тыновыми стенами в 18 различных фортификационных сооружениях. В шести описаниях прямо сказано о наличии в конструкции стены тарас и тына (либо прямо сказано о наличии тына, либо упоминается стоячий острог). Например, в начале XVII в. в Старой Руссе был «острог стоячей в тарасах» (Мильчик, 2008). В 1668 г. «ставлен Харьков город стоячим дубовым тыном» (Багалей, 1905, с. 56). В остальных случаях наличие тына устанавливается аналитическим путем. Разберем такие прецеденты.

В письменных источниках выявлено 13 случаев упоминания «низких» тарас в 11 различных фортификационных сооружениях⁴ (Вережунский острожек (1629 г.), Землянск (1667 г.), Новгород (1626 г.), Обоянь (1651 г.), Острог на Дубенской засеке (1662 г.), Острогожск (1668 г.), Севская крепость (1629 г.), Старая Русса (начало XVII в.), Сумин (1658 г.), Тамбов (1662 г.), Узгорский замок (1656 г.)) (Упоминания..., 2024). Например, в 1626 г. в Новгороде «позад земляные стены острогу шестьдесят сажень. Около обрублены тарасы четыре венца» (Новгород Великий..., 1986, с. 10). В Обояни в 1651 г. «тарасы <...> зарублены в три бревна вверх» (Озеров, Бабин, 2013, с. 52). В Землянске в 1667 г. «в городе сделаны тарасы и насыпаны землею по нижней бой, обламы на столбах» (Мокшин, 2018, с. 216). В последнем примере тарасы были «низкие» («по нижний бой»), так как обламы держались на столбах, а не на тарасах. Высокая венчатая стена не может держаться на столь низких тарасах. Ей необходимы тарасные срубы высотой, равной высоте самой стены (подробнее см.: Горохов, 2025в). Следовательно, когда в описаниях фортификационных сооружений речь идет о «низких» тарасах, то подразумевается наличие тыновой стены.

В Одоеве на посадском остроге в 1647 г. «острог подгнил и во многих местех выволился и полых мест многа, торасы обволялись» (Сборник князя Хилкова, 1879, с. 233, 234). В этом фрагменте, вероятно, речь идет о тыновой стене, так как венчатая тарасная стена является сплошной конструкцией, в которой невозможно образование отдельных «полых мест» (Горохов, 2025в).

В 1631 г. в Новгороде «острог по осыпи ставлен был ретко и некрепко и тарасы землею не насыпаны» (Новгород Великий..., 1986, с. 28).

Аналогичным образом в 1668 г. были описаны укрепления Харькова: «А городской стены острог ставлен редко и во многих местах развалился и тарасы по опали и землю не насыпаны» (Багале́й, 1905, с. 58). О венчатой стене нельзя сказать, что она могла быть ставлена «ретко». Напротив, в отношении тыновых стен такая характеристика иногда применялась. Существовали стены, состоявшие из тынин, поставленных на некотором расстоянии друг от друга (Горохов, 2025б; Горохов, 2024а).

В 1645 г. в Суздале «город поставлен острогом с обламами, и подле того острогу в городе тарасы было насыпали землю» (Акты..., 1836, с. 475). В 1718 г. в Яблонице «город построен острогом деревянным. Подле острогу рублен тарас и насыпано землю около его» (Крепости и гарнизоны..., 1897, с. 13). Грунтом заполнялись только тарасы, представлявшие собой двойную внешнюю стену и не способные служить опорой для венчатой стены (Горохов, 2025в). Следовательно, в приведенных фрагментах описаны тыновые стены.

В 1653 г. на Симбирской засечной черте были возведены многокилометровые стены, сочетавшие тарасы и острог (Козьмодемьянск..., 2008, с. 45). Под острогом должен пониматься тын, так как на засечных чертах не существовало практики возведения протяженных венчатых стен. Другое синхронное описание той же черты сообщает, что «сделано тарасов, и острогу к тем тарасам поставлено» (Книга строельная..., 1897, с. 96). Здесь тоже речь идет о тыне, так как венчатая тарасная стена возводится одновременно (Горохов, 2025в), а не последовательно, как сказано в приведенной цитате (сначала тарасы, а потом острог).

В значительном количестве случаев (13 описаний 11 различных оборонительных сооружений) в тексте

источника прямо сообщается о высоте «низких» тарас, которая колеблется в интервале от «в колено» до 5–6 венцов. В большинстве случаев высота составляла от 0,75 до 1,25 м⁵. Из этого диапазона выбиваются тарасы в Севской крепости (1629 г.), высота которых была «в колено», то есть около 0,5 м (Сташевский, 1919, с. 267). В остальных описаниях факт наличия «низких» тарас устанавливается аналитическим путем.

«Высокие» тарасы, поставленные на некотором расстоянии друг от друга, служили в качестве опоры для моста или моста и облама (Горохов, 2024; Горохов, 2025в). Следовательно, если в описании стены нет признаков наличия моста или облама, то необходимо предполагать наличие «низких» тарас. Таковы описания Каргополя в 1630 г. (Мильчик, 2008), Новгорода в 1631 г. (Новгород Великий..., 1986, с. 28), Одоева в 1647 г. (Сборник князя Хилкова, 1879, с. 233, 234), Харькова в 1668 г. (Багале́й, 1905, с. 58) и Яблонице в конце 1640-х гг. (Жигалов, Бобов, 2017, с. 37).

Некоторые описания требуют специального индивидуального анализа, чтобы установить наличие низких тарас. В 1667 г. Харьков «ставлен стоячим дубовым тыном с обламы и с катки и с тарасы из насыпными, в верх по мере до обломов сажень <...> катки и тарасы огнили и опали»⁶ (Материалы для истории..., 1886, с. 68). В приведенной цитате сообщается о наличии тарас и облама. Можно было бы предположить, что последний опирался на тарасы. В таком случае должен был быть и мост, который тоже опирался на тарасы. Однако далее сообщается о том, что тарасы «опали». Следовательно, должны были разрушиться мост и обламы, но об этом в источнике не сказано. Значит, они опирались не на тарасные срубы, а на столбы. Поэтому тарасы были достаточно низкими и не служили опорой для моста и обломов.

В 1653 г. на Симбирской засечной черте «острогу и тарасов <...> поставили на 2 версты на 957 саженьях с четью <...> И на государево острожное дело и на тарасы <...> острожного леса, по розвытке два деловца, вывезли 125 бревен; бревно в отрубе 6 вершков в длину трех сажень; острогу и тарасов всякий деловец поставил по 6 с четью <...> тарасы острогом поставили на 20 верстах на 913 саженьях без чети» (Козьмодемьянск..., 2008, с. 45). Во-первых, ставить «высокие» тарасные срубы на протяжении почти трех и 22 километров засечной черты слишком затратно с точки зрения материальных и человеческих ресурсов. Даже в гораздо менее протяженных стенах посадов крупных городов это делалось довольно редко. Во-вторых, ничего не сообщается о мостах и/или обламах, которые обязательно должны быть при «высоких» тарасах. В-третьих, два работника заготавливали 125 бревен, и каждый из них ставил по 6,25 саженьей острога и тарас. Это означает, что на каждые 13,5 м приходилось 62,5 шести с половиной метровых бревен толщиной 27 см. Чтобы закрыть такое пространство тыновой стеной из бревен с указанными характеристиками потребуется 50 тынин. Соответственно на устройство тарас на этом участке остается 12,5 трехсаженных бревен. Из такого количества материала можно соорудить только «низкие» тарасы, что бы они из себя ни представляли.

В другом описании Симбирской засечной черты (1653/54 г.) говорится, что «поделано <...> на проломных местах тарасов и острогу <...>, в которых местах вешнюю водою вала и острога вынесло, и в тех местах тарасы заделаны: 1) по обе стороны Свяги реки, на проломном месте, сделано тарасов, и острогу к тем тарасам поставлено на 78 саженьях; <...> 2) от реки Сельди и от реки Юшанки, по овражкам и в низких разных местах

сделано тарасов, и острога к тем тарасам поставлено на 25 саженьях с полсаженью; <...> 3) от города Юшанска до Уржумской башни, в разных в низких местах, сделано тарасов, и острогу к тем тарасам поставлено на 115 саженьях с полсаженью; <...> 4) от реки Тагайки по овражкам же, сделано тарасов, и острогу к тем тарасам поставлено на 78 саженьях с полсаженью» (Книга строельная..., 1897, с. 96). Вероятно, в этом фрагменте речь также идет о «низких» тарасах, так как ничего не сообщается ни о мосте, ни об обламе, которые могли бы поддерживать «высокие» тарасы. Кроме этого, как было сказано выше, «высокие» тарасы на засечных чертах не применялись.

При описании 11 оборонительных сооружений сообщается о наличии заполненных грунтом тарас: Землянск (1667 г.), Обоянь (1651 г.), острог на Дубенской засеке (1662 г.), Острогожск (1668 г.), Старая Русса (начало XVII в.), Суздаль (1645 г.), Сумин (1658 г.), Тамбов (1662 г.), Узгорский замок (1656 г.), Харьков (1667, 1668 г.), Чигирин (1678 г.), Яблонов (1718 г.) (Упоминания..., 2024). «Высокие» тарасные срубы никогда не заполнялись грунтом вне зависимости от того, врубались они в венчатые стены (Горохов, 2025в) или сочетались с тыном (Горохов, 2024). В первом случае наполнялось землей пространство между двумя внешними стенами, внутренняя из которых возвышалась до уровня плеч взрослого человека. Такой элемент конструкции, связанный с заполнением грунтом, также назывался тарасами. Во втором случае вовсе отсутствуют упоминания и какие-либо косвенные признаки грунтовой засыпки. Напротив, в тех описаниях «низких» тарас, в которых прямо сказано о их высоте, часто упоминается земляная засыпка тарас (в восьми случаях из 13): Землянск (1667 г.), Обоянь (1651 г.), острог на Дубенской

засеке (1662 г.), Острогожск (1668 г.), Старая Русса (нач. XVII в.), Сумин (1658 г.), Тамбов (1662 г.), Узгорский замок (1656 г.) (Упомянуты..., 2024). Перечисленные факты и аргументы позволяют сделать вывод о том, что в тех случаях, когда при описании стен, сочетающих в своей конструкции тарасы и тын, упоминается заполнение тарас землей, речь идет о «низких» тарасах.

Ранее нами были выявлены три разновидности тарас, которые выполняли различные конструктивные и фортификационные функции. Первый вид – это стоящие на некотором расстоянии друг от друга «высокие» тарасные срубы, в которые врубается венчатая или тыновая стена и которые одновременно служат опорой для моста и облама (Горохов, 2024; Горохов, 2025в). Эту функцию «низкие» тарасы выполнять не могут в силу своей небольшой высоты. Второй вид – стоящие на некотором расстоянии друг от друга «высокие» тарасные срубы, которые служили опорой для моста при тыновых стенах (Горохов, 2024). Эту функцию «низкие» тарасы также не могли выполнять, так как устройство моста на высоте 3–5 венцов лишено смысла. Третий вид – это «низкие» тарасы, которые являются предметом настоящей статьи. Однако тарасами называлась и часть конструкции венчатой стены, заполнявшаяся грунтом для противодействия пушечной и пищальной стрельбе (Горохов, 2025в). Характеристики «низких» тарас не исключают наличия у них функции защиты от огня противника, так как, согласно описаниям, они часто заполнялись грунтом. Однако 3–5 венцов недостаточно, чтобы прикрыть человека. Необходимо, чтобы защитная стенка доходила до плеч, то есть возвышалась на 1,5 м от земли (см., например, параметры защитной стены в Олонце (Горохов, 2025в)). Это возможно только в том случае, если за-

щитная стена будет состоять из пяти венцов довольно толстых бревен⁷. Однако «низкие» тарасы в основном были в три венца. Такие высотные параметры исключают выполнение тарасами функции защиты обороняющихся от пушечной и пищальной стрельбы. Вероятно, назначение «низких» тарас было иное. Поэтому реконструировать устройство «низких» тарас необходимо с учетом исключения тех конструкций и функций, которые перечислены выше.

Возможно два принципиальных способа сочетания тына и «низких» тарас: эти элементы конструктивно связаны между собой и эти элементы конструктивно не связаны, существуя как два отдельных сооружения, совмещенных в пространстве. Второе представляется маловероятным, так как не ясно, какую функцию могли бы выполнять «низкие» тарасы в этом случае. Следовательно, ответ на вопрос об устройстве стены, сочетающей в своей конструкции «низкие» тарасы и тын, следует искать в направлении конструктивного сопряжения этих элементов. Так как защитной функции у «низких» тарас не было, как это было показано выше, то остается только опорная функция, в рамках которой «низкие» тарасы должны были каким-то образом поддерживать тыновую стену в вертикальном положении. Но если тын заглублен в грунт, то «низкие» тарасы никак дополнительно не способствуют его нахождению в вертикальном положении. Эту роль они могут играть, только если тын не заглублен в грунт. Такие прецеденты известны. Например, в 1653 г. на Симбирской засечной черте «на каменистых местах (то есть в таком месте, где нельзя соорудить тыновую канавку – С.Г.), для крепости, тарасы острогом поставили на 20 верстах на 913 саженьях без чети» (Козьмодемьянск..., 2008, с. 245). В 1633 г. поляки «для приходу

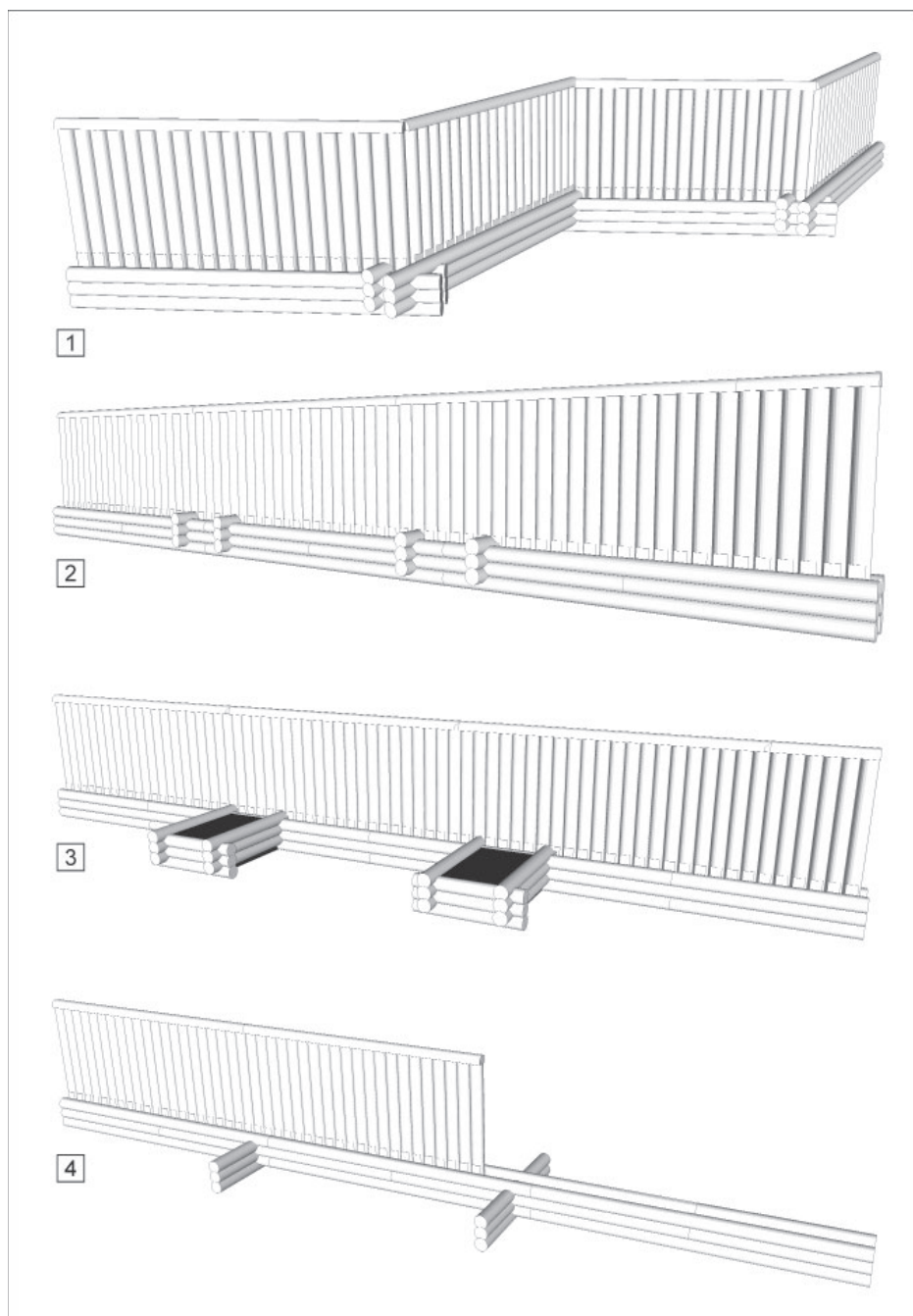

Рис. 2. Устройство стены, сочетающей в своей конструкции «низкие» тарасы и тын. 1 – стена с зигзагообразной трассировкой (виды из крепости и со стороны поля идентичны); 2 – стена со срубами-контрфорсами, заполненными землей (вид со стороны поля); 3 – стена со срубами-контрфорсами заполненными землей (вид из крепости); 4 – стена со стенками-контрфорсами (виды из крепости и со стороны поля идентичны).

Fig. 2. Wall structure combining "low" tarasas and a tyn in its design. 1 – wall with a zigzag tracing (views from inside the fortress and from the field are identical); 2 – wall with earth-filled log-buttresses (view from the field side); 3 – wall with earth-filled log-buttresses (view from the fortress side); 4 – wall with buttress walls (views from inside the fortress and from the field are identical).

государевых людей поставили острог стоячий, козлы, а в землю не копан, только осыпан снегом да навозом, а рву де около острогу нет» (Акты..., 1890, с. 468). Приведенные примеры показывают, что тыновая стена могла не заглубляться в грунт. Следовательно, она должна была иметь какую-то дополнительную конструкцию, которая обеспечивала бы ее нахождение в вертикальном положении. Возможно, такой конструкцией были «низкие» тарасы.

Для выполнения функции поддержания тыновой стены в вертикальном положении тарасы должны были представлять собой продолговатые узкие срубы, между длинных сторон которых были установлены тынины (рис. 2). Расстояние между длинными стенами должно быть не более диаметра самых тонких тынин, чтобы они были крепко зажаты между стенками «низких» тарас. Длина таких срубов определялась длиной бревен, использованных для их сооружения. Высота срубов в 3–5 венцов соответствовала глубине тыновой канавки, для установки тына обычной конструкции (один аршин, 0,72 м⁸, см. подробнее: Горохов, 2024б). Высота «низких» тарас иногда доходила до уровня бойниц нижнего боя, как это было описано в 1667 г. в Землянске: «сделаны тарасы и насыпаны землею по нижней бой» (Мокшин, 2018, с. 216). Возможно, зазоры между тынинами и «низкими» тарасами забивались глиной – гидрофобным заполнением, препятствовавшим доступу влаги, способствовавшей гниению деревянных конструкций. Но возможно и обратное. Зазоры оставались незаполненными, чтобы обеспечить циркуляцию воздуха для предотвращения гниения.

Описанная стена, будучи прямой, стремилась бы повалиться даже от относительно небольшой ветровой нагрузки. Устойчивость такой стены могла обеспечиваться ее зигза-

гообразной трассировкой: стыковка соседних срубов тарас под некоторым углом друг к другу. Получившаяся конструкция была бы весьма надежна (рис. 2: 1). В конце XVI – начале XVIII в. непрямолинейные тыновые стены назывались косыми («косой острог») (Горохов, 2024). При описании «низких» тарас встречаются упоминания косых тарас. Например, Вережунский острожек в 1629 г. планировалось соорудить так: «а тарасы делати косые ж с нижним боем, с окны» (Сташевский, 1919, с. 246). Зигзагообразные тыновые стены показаны С.У. Ремезовым на изображениях Тобольска, Березова и Кузнецка (рис. 3).

Зигзагообразные тыновые стены не были широко распространены в силу того, что вдоль них невозможно вести стрельбу, а также потому, что они требовали большего количества строительного материала и, как следствие, больших трудозатрат при возведении. Однако тыновые стены с «низкими» тарасами упоминаются довольно часто. Кроме этого, с описанной конструкцией нельзя соотнести многократно упоминаемое в письменных источниках заполнение «низких» тарас землей. В таких стенах заполнение тарас грунтом является второстепенной, незначительной, мало на что влияющей характеристикой, которая не стоит упоминания в весьма кратких описаниях стен. Следовательно, должны были существовать тыновые стены с «низкими» тарасами, которые шли прямолинейно и для которых фактор заполнения грунтом имеет важное значение.

Возможно, что конструкция таких «низких» тарас была аналогична конструкции двойной тарасной венчатой стены (Горохов, 2025в), уменьшенной до высоты в 3–5 венца: в «низкие» тарасные срубы, располагавшиеся на некотором расстоянии друг от друга, была врублена двойная венчатая

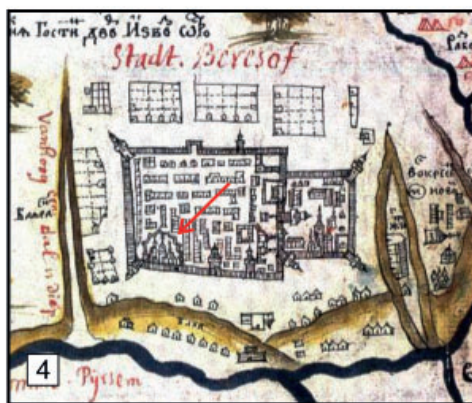

Рис. 3. Косые острожные стены на изображениях сибирских городов из атласов С.У. Ремезова. 1–3 – Кузнецк (Ремезов, 1882; Хорографическая...); 4 – Березов (Ремезов, 1882); 5, 6 – Тобольск (Хорографическая...).

Fig. 3. Slanted ostrog walls in the depictions of Siberian towns from the atlases by S.U. Remezov. 1–3 – Kuznetsk (Remezov, 1882; Chorographic...); 4 – Beryozov (Remezov, 1882); 5, 6 – Tobolsk (Chorographic...).

внешняя стена, между бревнами которой устанавливались тынины. Такая стена была несколько неустойчива, поэтому «низкие» тарасные срубы

должны были заполняться землей, чтобы избежать ее опрокидывания (рис. 2: 2, 3). В тарасных срубах между первым и вторым венцом должен

был располагаться настил или решетка, на которые насыпался грунт. В противном случае заполнение «низких» тарас землей было бы малоэффективным для реализации функции недопущения падения стены.

Возможен и иной способ решения проблемы поддержания тыновой стены с низкими тарасами в вертикальном положении: тарасы перерубались в направлении, перпендикулярном их длинной оси, бревнами, концы которых далеко выступали за пределы сруба в обоих направлениях (рис. 2: 4). Эта конструкция не требует заполнения грунтом. Описанный прием поддержания стены в вертикальном положении применялся в практике возведения венчатых монастырских оград (Секретарь, 1986, с. 64, табл. 3, 5б).

У рассмотренных конструкций стен было три существенных преимущества перед обычными тыновыми стенами. Во-первых, более высокая ремонтпригодность, так как такую конструкцию можно было разобрать, заменить пришедшие в негодность элементы и снова собрать. Для обеспечения высокой ремонтпригодности целесообразно было скреплять отдельные тынины между собой не иголой, а с помощью соединения шип-паз (Горохов, 2025б). Во-вторых, такая конструкция, вероятно, была более долговечной, так как тынины не заглублялись в грунт и не подвергались гниению в месте их касания грунта, что было основным фактором разрушения тыновых стен. В-третьих, такие стены можно было возвести на мерзлом, очень плотном или каменистом грунте, в котором невозможно сделать тыновую канавку.

Важным следствием устройства стены, сочетающей в своей конструкции «низкие» тарасы и тын, является сложность их распознавания при проведении археологических раскопок. Вероятно, что именно с этим связано

то, что до сих пор стены такой конструкции не выявлены археологически. Это не означает, что они не были найдены. Возможно, исследователям не удалось верно интерпретировать сделанные находки и наблюдения, так как у них отсутствовало знание о том, что стены такой конструкции существовали. Тын не заглублялся в грунт, следовательно, будет отсутствовать легко выявляемая и интерпретируемая тыновая канавка. Остатки стены могут быть представлены только нижними венцами тарасных срубов характерной конфигурации: в виде зигзага или отдельных срубов, поставленных на некотором расстоянии друг от друга, в которые врубались две внешние венчатые стены. В последнем случае будет невозможно отличить «низкие» тарасы с тыном от «высоких» тарас с венчатой стеной (Горохов, 2025в).

Составители описаний городов и острогов во второй половине XVI – начале XVIII в. не стремились дать исчерпывающую характеристику их фортификационных сооружений. Адресаты описаний были их современниками и хорошо знали устройство тех или иных сооружений. Для того, чтобы составить представление о них им было достаточно самых кратких характеристик. В данном случае вполне достаточным было знать, что высота тарас в стене была три венца, чтобы понять, о какой конструкции стены идет речь. Нам же этого недостаточно, поэтому для реконструкции устройства стен необходимо обобщать данные из различных описаний, выявлять в них общее и особенное. Но и этого оказывается недостаточно, поэтому приходится идти аналитическим путем, сопоставляя имеющиеся сведения с устройством других ранее реконструированных типов тарасных стен, чтобы их разграничить. То есть в письменных источниках отсутствуют признаки, которые прямо указывают на конструкцию стены с низкими

тарасами. Поэтому представленные реконструкции являются гипотетическими, полученными непрямым, аналитическим путем. Их верификация, фальсификация, уточнение и коррек-

ция возможны только путем учета новых, еще не введенных в научный оборот письменных и изобразительных источников, а также материалов археологических исследований.

Примечания

² Понимать следует так: тарасы примыкали к тыновой стене и имели ширину от стены в 1,5 сажени.

³ В 1630 г. в Каргополье, по всей видимости, была описана стена, сочетающая в своей конструкции не «низкие» тарасы и тын, а «высокие» тарасы и тын (Горохов, 2024).

⁴ В действительности выявлено 25 описаний «низких» тарас в 19 различных фортификационных сооружениях. Но только в 13 случаях прямо сказано о их высоте. В остальных случаях наличие «низких» тарас устанавливается аналитическим путем. Об этом речь пойдет далее.

⁵ При пересчете количества венцов в метры высота одного венца была принята равной 25 см с учетом паза (диаметр бревна 29 см, глубина паза 4 см).

⁶ Знаки препинания в цитате поставлены автором статьи.

⁷ Толщина бревен должна быть около 34 см с учетом паза глубиной 4 см.

⁸ Вероятно, тын предписывалось заглублять на один аршин в материковый грунт, поэтому глубина тыновой канавки от дневной поверхности была больше. Следовательно, высота «низких» тарас также могла быть более одного аршина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты Московскаго государства. Т. I. Разрядный приказъ. Московскій столъ. 1571–1634 / Под. ред. Н.А. Попова. Санктпетербургъ: Типографія Императорской Академіи наукъ, 1890. 802 с.

2. Акты, собранные въ бібліотекахъ и архивахъ Россійской имперіи Археографическою экспедиціею Императорской академіи наукъ. Т. III. 1613–1645. Санктпетербургъ: въ Типографіи II Отделенія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1836. 527 с.

3. Багалей Д.И. Матеріалы для исторіи г. Харькова въ XVII веке. Харьковъ: Типографія «Печатное Дело» кн. К. Н. Гагарина, 1905. 126 с.

4. Багалей Д.И. Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) въ XVI–XVIII столетіи. Харьковъ: Типографія К. П. Счасни, 1886. 396 с.

5. Бучастая С.И., Свистун Г.Е., Шевченко О.А. Планировка и конструкция фортификаций Чугуевской крепости: сравнительный анализ археологических и письменных источников // *Stratum plus*. 2009. № 5. С. 616–626.

6. Воротникова И.А., Неделин В.М. Кремли, крепости и укрепленные монастыри Русского государства XV–XVII веков. Крепости юга России. Т. 2. Кн. 1. М.: Индрик, 2016. 556 с.

7. Горохов С.В. «Высокие» тарасы с тыном в Русском (Российском) государстве во второй половине XVI – начале XVIII века // *КСИА*. 2024. № 277. С. 387–398.

8. Горохов С.В. Конструкция надземной части тыновых стен оборонительных сооружений Русского государства в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XVI – начале XVIII века // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология*. 2024а. Т. 23. № 3. С. 111–121.

9. Горохов С.В. Конструкция подземной части тыновых стен в деревянных оборонительных сооружениях Российского государства в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XVI – начале XVIII века // *РА*. 2024б. № 2. С. 161–174.

10. Горохов С.В. Тарасы и стены «в две стены» в русской фортификации в XVI – начале XVIII веков // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология*. 2025. Т. 24. № 5. С. 137–147.

11. Горохов С.В. Косые и козельчатые остроги в Русском государстве в XVII – начале XVIII вв. // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2025а. Т. 53. № 1. С. 109–117.

12. Горохов С.В. Способы скрепления тынин в острожных стенах в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XVI – начале XVIII веков // *Вестник археологии, этнографии и антропологии*. 2025б. № 1 (68). С. 105–115.

13. Горохов С.В. Конструкция венчатых тарасных стен в Русском (Российском) государстве во второй половине XVI – начале XVIII веков // *Нижневожский археологический вестник*. 2025в. Т. 24. № 2. С. 103–124.

14. *Горохов С.В.* Конструкция тарасных стен в Русском (Российском) государстве в конце XVI – начале XVIII веков. 2025г. [Препринт] [Электронный ресурс]. Доступно по URL: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.18005.49126> (дата обращения: 27.11.2025).

15. *Жигалов В.М., Бобов А.Г.* Город-крепость Яблонов // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 2. Белгород: Константа, 2017. С. 29–42.

16. Книга строельная города Синбирска / Под ред. П. Мартынов. Симбирск: Губернская Типография, 1897. 140 с.

17. Козьмодемьянск в конце XVI – начале XX веков: документы и материалы по истории города / Ред.-сост. А.Г. Иванов. Йошкар-Ола, 2008. 616 с.

18. Крепости и гарнизоны Южной России в 1718 году. Извлечение из современного отчета Киевской губернии / Под ред. А.З. Мышлаевский. С.-Петербург: Военная Типография, 1897. 81 с.

19. *Мильчик М.И.* Каргополь. Деревянная крепость и остроги по реке Онеге. СПб.: Лики России, 2008. 168 с.

20. *Мильчик М.И., Попова Л.Д.* Первые ворота Российского государства: Очерки градостроительной и архитектурной истории Архангельска и Холмогор. СПб.: Лики России, 2002. 224 с.

21. *Мокишин Г.Н.* Из истории города Землянска (вторая половина XVII – начало XX века). Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. 256 с.

22. Новгород Великий в XVII в. Документы по истории градостроительства / под ред. В.Л. Янина. М., 1986. 316 с.

23. *Носов К.С.* Нетривиальные древо-земляные оборонительные конструкции Московского государства // Вопросы истории фортификации. 2017. № 6. С. 127–134.

24. *Озеров М.М., Бабин И.П.* Обоянский острог // Обоянь и обоянцы в отечественной и зарубежной истории и культуре. Обоянь, 2013. С. 46–69.

25. *Ремезов С.У.* Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1710 г. СПб., 1882.

26. Сборник князя Хилкова. Петербург: Тип. брат. Пантелеевых, 1879. 615 с.

27. *Секретарь Л.А.* О типологии деревянных рубленых оград монастырей и погостов XVIII века // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей / Ред. В.П. Орфинский. Петрозаводск: ПГУ, 1986. С. 59–73.

28. *Сташевский Е.* Смоленская война 1632–1634 гг. Организация и состояние Московской армии. Киев: Университетская Типография Акц. Об-ва печат. и изд. дела Н.Т. Корчакъ-Новицкаго, 1919. 342 с.

29. Упоминания тарасных стен в письменных источниках в XVI – начале XVIII века / Сост. С. В. Горохов [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/public218510145?w=wall-218510145_126 (дата обращения: 18.07.2024).

30. Хорографическая книга Сибири / Сост. Ремезов С. У. [Электронный ресурс]. URL: <http://pds.lib.harvard.edu/pds/view/18273155> (дата обращения: 18.07.2024).

Информация об авторах:

Горохов Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (г. Новосибирск, Россия), gorokhov.sv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8100-5924>

"LOW" LOG FORTIFICATION WALLS (TARASAS) WITH PALISADES (TYNS) IN THE RUSSIAN STATE IN THE SECOND HALF OF THE XVI - EARLY XVIII CENTURY

S.V. Gorokhov

The article deals with the study of the construction of walls combining "low" tarasa walls and a palisade (tyн) – a widespread type of fortification in the Russian state of the XVI–XVIII centuries. The author refutes the traditionally accepted historiographical interpretation of "low" tarasas as two parallel log walls with cross-ties, an interpretation based on a misunderstanding of their structural features and defensive value. The article analyzes an extensive corpus of written sources containing descriptions of defensive

The study was conducted as part of the State Assignment of the Ministry of Education and Science in the field of scientific activity under project No. FSUS-2025–0009 “Features of the formation of intercultural communications in Siberia – from the Stone Age to the early modern period (based on archaeological and written sources)”.

structures that incorporate "low" tarasas. The study reveals that "low" tarasas were low (3–5 log rows) oblong, narrow log cribs, between the long sides of which the bases of the palisade poles were clamped. This design allowed for the construction of more durable walls (compared to a traditional palisade) that could be erected on various types of soil, including frozen, compact, or rocky ground. The article contributes to the study of XVI–XVIII century Russian fortifications by offering new interpretations of the design of tarasa walls and their role in defense. The findings of this research may be useful to historians, archaeologists and architects engaged in the study of Russian military history and fortifications.

Keywords: archaeology, Russian state, fortification, town, ostrog, "low" tarasas, palisade.

REFERENCES

1. Popov, N. A. (ed.). 1890. *Akty Moskovskago gosudarstva. T. I. Razryadnyy prikaz". Moskovskiy stol". 1571–1634 (Acts of the Moscow State. Vol. I. The Razriad ordinance board. The Moscow Department. 1571–1634)*. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).
2. 1836. *Akty, sobranyye v" bibliotekakh" i arkhivakh" Rossiyskoy imperii Arkheograficheskoyu ekspeditsiyu Imperatorskoy akademii nauk". T. III. 1613–1645 (Acts Collected in the Libraries and Archives of the Russian Empire by the Archeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences. Vol. III. 1613–1645)*. Saint Petersburg: v Tipografii II Otdeleniia Sobstvennoj E. I. V. Kantseliarii (in Russian).
3. Bagaley, D. I. 1905. *Materialy dlya istorii g. Khar'kova v" XVII veke. (Materials for the history of the city of Kharkiv during the 17th century)*. Kharkiv: Tipografiya "Pechatnoye Delo kn. K.N. Gagarina" (in Russian).
4. Bagalei, D. I. 1886. *Materialy dlia istorii kolonizatsii i byta stepnoi okrainy Moskovskogo gosudarstva (Khar'kovskaia i otchasti Kurskaia i Voronezhskaia gub.) (Materials on the History of Colonization and Household of the Steppe Outskirts of the Moscow State (Kharkov and Partially Kursk and Voronezh Governorates)* 1. Kharkiv: Tipografiya. K.L. Schasni, 1886 (in Russian).
5. Buchastaya, S. I., Svistun, G. E., Shevchenko, O. A. 2009. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 616–626 (in Russian).
6. Vorotnikova, I. A., Nedelin, V. M. 2016. *Kreml, kreposti i ukreplennyye monastyri Russkogo gosudarstva XV–XVII vekov. Kreposti yuga Rossii (The Citadels, Fortresses, and Fortified Monasteries of the Russian State of the XV–XVII Centuries. The Fortresses of Southern Russia)*. Vol. 2, Bk. 1. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).
7. Gorokhov, S.V. 2024. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 277, 387–398 (in Russian).
8. Gorokhov, S. V. 2024. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 23 (3), 111–121 (in Russian).
9. Gorokhov, S. V. 2024. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 2, 161–174 (in Russian).
10. Gorokhov, S. V. 2025. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 24 (5), 137–147 (in Russian).
11. Gorokhov, S. V. 2025. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 53 (1), 109–117 (in Russian).
12. Gorokhov, S. V. 2025. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* 68 (1), 105–115 (in Russian).
13. Gorokhov, S. V. 2025. In *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik (The Lower Volga Archaeological Bulletin)* 24 (2), 103–124 (in Russian).
14. Gorokhov, S. V. 2025. *Konstruktziya tarasnykh sten v Russkom (Rossiyskom) gosudarstve v kontse XVI – nachale XVIII veka (The construction of taras walls in the Russian state in the late 16th – early 18th century)* [Preprint]. URL: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.18005.49126> (accessed: 27.11.2025).
15. Zhigalov, V. M., Bobov, A. G. 2017. In *Belgorodskaya cherta: sbornik statey i materialov po istorii Belgorodskoy oboronitel'noy cherty (Belgorod Line: A Collection of Papers and Materials on the History of the Belgorod Defensive Line)* 2, 29–42 (in Russian).
16. Martynov, P. (ed.). 1897. *Kniga stroitel'naya goroda Simbirsk (The Construction Book of the City of Simbirsk)*. Simbirsk: Gubernskaya Tipografiya (in Russian).
17. Ivanov, A.G. (ed.). 2008. *Koz'modemyansk v kontse XVI – nachale XX vekov: dokumenty i materialy po istorii goroda (Kozmodemyansk at the End of the 16th - Beginning of the 20th Centuries: Documents and Materials on the History of the Town)*. Yoshkar-Ola (in Russian).
18. Myshlaevskiy, A. Z. (ed.). 1897. *Kreposti i garnizony Yuzhnoy Rossii v" 1718 godu. Izvlechenie iz" sovremennago otcheta Kievskoy gubernii (Fortresses and Garrisons of Southern Russia in 1718. Extract from the Contemporary Report of the Kiev Province)*. Saint Petersburg: Voennaya Tipografiya (in Russian).

19. Milchik, M. I. 2008. *Kargopol. Dereviannaya krepost i ostrogi po reke Onege (Kargopol. The Wooden Fortress and Outposts along the Onega River)*. Saint Petersburg: "Liki Rossii" Publ. (in Russian).
20. Milchik, M. I., Popova, L. D. 2002. *Pervyye vorota Rossiyskogo gosudarstva: Ocherki gradostroitel'noy i arkhitekturnoy istorii Arkhangel'ska i Kholmogor (The First Gates of the Russian State: Essays on the History of Urban Planning and Architecture of Arkhangelsk and Kholmogory)*. Saint Petersburg: "Liki Rossii" Publ. (in Russian).
21. Mokshin, G. N. 2018. *Iz istorii goroda Zemlyanska (vtoraya polovina XVII – nachalo XX veka) (From the History of the City of Zemlyansk (the Second Half of the XVII – Early XX Centuries))*. Voronezh: Izdatel'skiy dom VGU (in Russian).
22. Yanin, V. L. (ed.). 1986. *Novgorod Velikiy v XVII v. Dokumenty po istorii gradostroitel'stva (Novgorod the Great in the XVII Century. Documents on the History of Urban Planning)*. Moscow (in Russian).
23. Nosov, K. S. 2017. In *Voprosy istorii fortifikatsii (Questions of the History of Fortification)* 6, 127–134 (in Russian).
24. Ozerov, M. M., Babin, I. P. 2013. In *Oboyan i oboyantsy v otechestvennoi i zarubezhnoi istorii i kulture (Oboyan and Oboyan Citizens in the Native and Foreign History and Culture)*. Oboyan, 46–69 (in Russian).
25. Remezov, S. U. 1882. *Chertezhnaya kniga Sibiri, sostavlenaya tobol'skim synom boyarskim Semenom Remezovym v 1710 g. (The drawing book of Siberia, compiled by the Tobolsk of the boyar's son Semyon Remezov in 1710)*. Saint Petersburg (in Russian).
26. Khilkov, G. (ed.). 1879. *Sbornik knyazya Khilkova (The Collection of Prince Khilkov)*. Peterburg: Tipography of brothers Panteleev (in Russian).
27. Sekretar, L. A. 1986. In Orfinskii, V. P. (ed.). *Problemy issledovaniya, restavratsii i ispol'zovaniya arkhitekturnogo naslediya Karelii i sopredel'nykh oblastey (Issues of research, restoration and application of architectural heritage of Karelia and adjacent regions)*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ., 59–73 (in Russian).
28. Stashevskiy, E. 1919. *Smolenskaya voyna 1632–1634 g.g. Organizatsiya i sostoyanie Moskovskoy armii (The Smolensk War of 1632–1634. Organization and Condition of the Moscow Army)*. Kiev: "Universitetskaya Tipografiya Akts. Ob-va pechat. i izd. dela N. T. Korchak-Novitskago" (in Russian).
29. Gorokhov, S. V. (comp.) *Upominaniya tarasnykh sten v pis'mennykh istochnikakh v XVI – nachale XVIII veka (Mentions of taras walls in written sources in the XVI – early XVIII century)* [Electronic resource]. URL: https://vk.com/public218510145?w=wall-218510145_126 (accessed 18.07.2024).
30. Remezov, S. U. (ed.). *Khorograficheskaya kniga Sibiri (The Chorographic Book of Siberia)*. [Electronic resource]. URL: <http://pds.lib.harvard.edu/pds/view/18273155> (accessed 18.07.2024) (in Russian).

About the Author:

Gorokhov Sergej G. Candidate of Historical Sciences. Novosibirsk State University. Pirogova str., 1, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; gorokhov.sv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8100-5924>

Статья принята в номер 01.06.2026 г.

THE SETTLEMENT POYLU III: RESIDENTAL BUILDINGS OF THE LOCAL POPULATION IN THE BASIN OF THE MIDDLE COURSE OF THE KURA RIVER IN THE 17TH – EARLY 19TH CENTURIES

© 2026 Sh.N. Najafov

Archaeological studies have proved the great proximity of the location of the settlements of the medieval period of the basin in the middle reaches of the Kura and that this region in the late XVII - early XIX centuries was one of the most densely populated regions of the South Caucasus. An example of such settlements is the group of monuments of Ganja, Gazakh, Gadabay and Mingachevir. The extension of the area of settlements to mountainous and foothill zones was associated with demographic growth. So, population density and lack of food forced people to search for new pastures and, in part, plots suitable for agriculture. Reconstruction of the historical topography of the late medieval village was carried out for the first time on the basis of three types of sources-written, cartographic, and archaeological. All the basic elements of the village's historical topography as well as the plan of quarterly residential development and a network of streets are reconstructed. The Poylu III settlement is located on the south side of the Kura River, close to the village of Poylu, Agstafa District, Republic of Azerbaijan. Excavations of this type of settlements, which are rarely studied in Azerbaijan, on the example of the village of Late Middle Age, play a major role of source in creating a socio-economic landscape of the period in question, studying the economic activities of the population, areas of handicrafts and trade.

Keywords: archaeological excavations, Azerbaijan, Agstafa district, Kura River, Poylu, Medieval period, settlement, ceramics.

Introduction. The Poylu III settlement is located on the south side of the Kura River, close to the village of Poylu, Agstafa district, republic of Azerbaijan, 500-600m north-east of the Baku-Tiflis railway line (Fig. 1, 1). The Poylu III settlement was discovered in November 2004 year. Archaeological excavations in the III Poylu settlement had been conducted in 2 stages in 2004 & 2017 years.

The site was named Poylu III because two more settlements in the village of Poylu - Poylu I settlement and Poylu II settlement. Poylu III is located at a height of 215m above sea level.

The site is located on level low-lying mostly arable land stretching along the Kura River. The river terrace occasionally undulates forming small hillocks. The land to the south of the site is cultivated while the area to the north is used as pasture by local farmers. The debris and foundations of domestic structures revealed in the immediate vicinity of the site indicate that this area contained several periods of occupation.

The overall area of Poylu III settlement is about 1 ha and is characterized by chestnut, sierozem and brown soils typical of flat country and arid steppe climate. From physical and geographic standpoint, the area is located at the juncture of the Kura-Araz and Minor Caucasus natural provinces and is predominantly flat (Fig. 1, 2). The area is covered with anthropogenic sediments mainly by Kura borne deposits. These rivers borne deposits consisting of sand, clay and shale form layers measuring between 25 and 35cm in thickness. The amount of clay deposits increases with the depth and accordingly date back to thousands of years ago (Museyibli, Najafov, 2021, p. 46).

In terms of geological structure, the area does not appear to be very complex. The river borne deposits (sand and clay) are relatively modern (Fig. 1, 2). In general, the areas along the Kura riverside and adjacent territories are for the most part covered with Cainozoic age clays, sandstones, conglomerates and lime-

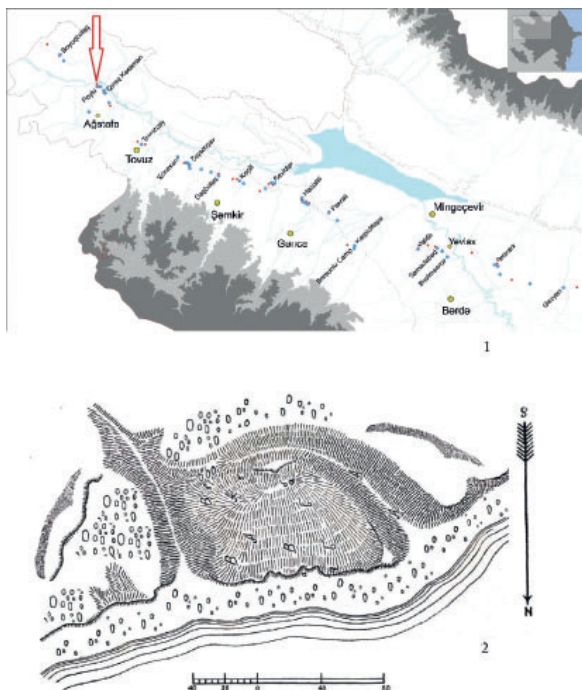

Fig. 1. 1 – location of Poylu III;
2 – topographic map of Poylu III settlement
(Illustration by Sh.N. Najafov).

Рис. 1. 1 – местоположение Пойлу III;
2 – топографическая карта поселения Пойлу III
(иллюстрация Ш.Н. Наджафова).

stones. These deposits cover even a larger geological area in the deeper layers of earth. In places where clay and sandy-argillaceous water permeable beds are overlying each other the soils remain moist for a long time after heavy rains (Valiyev et al., 1988, p. 70-71). Sometimes ground waters add to this moisture. In the course of excavation of Poylu I settlement this problem arose more than once. Emergence of ground waters at a certain depth in some of the quadrats made it impossible to continue digging and further work was stopped.

Overview of archaeological excavations. In this research the finds from excavation site 1 on 2014 (ES-1) are presented and then the finds from excavation sites 2 on 2017 (ES-2) (Fig. 2).

The ES-1 was conducted along the 32m long and 4m wide strip which was

divided into 8 quadrats of four by four meters (Fig. 2, 1). Because of the previous damage it was impossible to identify any stratigraphy in the cultural horizon (Museyibli, 2006, p. 4). In the central part of quadrat 1 against its south side wall a hearth place measuring 60cm in diameter was revealed at a depth of 20 cm (below the 30cm thick topsoil layer already removed). A spread of heat-affected river stones with soot traces on their surface was seen in the centre of the hearth. A second, 60-65cm diameter hearth was located at the same depth in the same quadrat 40cm from its western wall. The entire surface of the burnt area was covered with small river stones and pottery pieces (Museyibli, 2006, p. 4-5).

A hearth place encircled with small stones was also found at a depth of 35cm in quadrat 2 against the western wall, 45cm from the northern wall.

Excavations in quadrat 2 exposed a set of stones at a 35cm depth close to the northern wall of the quadrat. However, there was no artefactual material either on or under the stones and it was impossible to deduce the purpose of this stone setting (Fig. 2, 1).

At a depth of 35cm in quadrat 3 there was a large visible spread of ceramic sherds 90cm from the northern and 1m from the eastern wall of the quadrat. The pottery spread measured 1.25x1m in diameter. The sherds included a mouth fragment of a grey, thick-walled storage pit, pieces of a ceramic handle, fractions of burnt bricks and many small ceramic pieces. To the west of this pottery spread a segment survived of a hearth wall built of fired clay with clay bedding for firing pottery. It could be assumed that the whole area was a hearth or a kiln for fir-

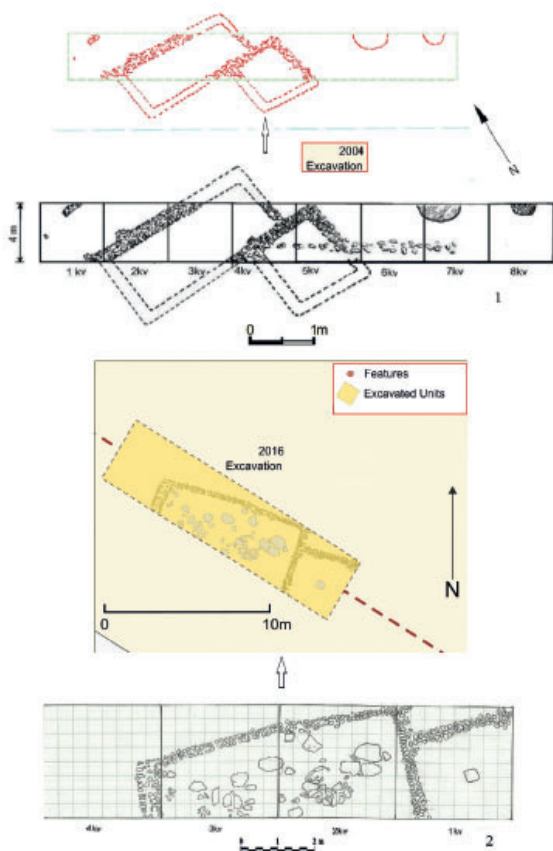

Fig. 2. General plan of the ES-1 & ES-2 stages (Illustrations by E.Y. Gafarov & S.F. Farmanli).

Рис. 2. Общий план этапов ES-1 и ES-2 (иллюстрации Э.Ю. Гафарова и С.Ф. Фарманлы).

ing pottery or that it was used for storage (Museyibli, 2006, 4-5).

Remains of another hearth were recorded at a 35cm depth in quadrat 3 located 30cm from the western wall and 70cm from the southern wall of the quadrat. The diameter of this hearth built of fired clay bricks was 1.4m by 80cm. Many ceramic sherds were recovered from within the hearth.

A noteworthy hearth structure pertaining to this cultural horizon was revealed at a depth of 40cm in quadrat 4. This hearth in the centre of the quadrat was constructed of cobblestones and measured 1m in diameter. The three large river-washed stones used in the

construction of this structure were of the same size (30x25cm) and thickness (10x15cm) and were fire-blackened.

Two spreads of fire-blackened soil measuring 50 and 60cm in diameter were exposed at a 10cm depth in quadrat 5. They were located 70cm from the northern wall adjacent to quadrat 4. The hearth remains found in quadrat 6 measured 35-50cm in diameter. This 14cm deep hearth was exposed at a 20cm depth 55cm from the north side wall and 45cm from the west side wall of the quadrat.

In quadrat 7, the spot at a 20cm depth at the bottom of the north-eastern wall indicated a hearth (Fig. 2, 1). The length of this 1.1m wide burnt spot along the wall was 2.5m. The rest of the fire affected area was beyond the excavation site. Pottery shreds were found in the ash layer of the hearth was 8-10cm thick (Fig. 3).

Two groups of stones were recorded at a 25cm depth in quadrat 7. The space between the two sets was 1.4m. These were small, white, river stones measuring 5x7cm and 6x12cm in size. The first roughly circular spread of stones was adjacent to the southern wall, 1.9m from the eastern wall, while the second one had an oval shape and sat against the western wall, 2m from the southern wall and 1.2m from the northern wall.

A similar stone spread was noted at the balk of quadrats 8. It was 1x0.8m in diameter and 20cm high (Fig. 2, 1). One more patch of stones but of a smaller size was uncovered in quadrat 8. The area around it contained small charcoal pieces and fractions of bricks fired to a red surface.

It is very hard to be definite about the stone spreads found in this medieval cultural horizon. They might have been brought and piled here either to build a house or some kind of oven.

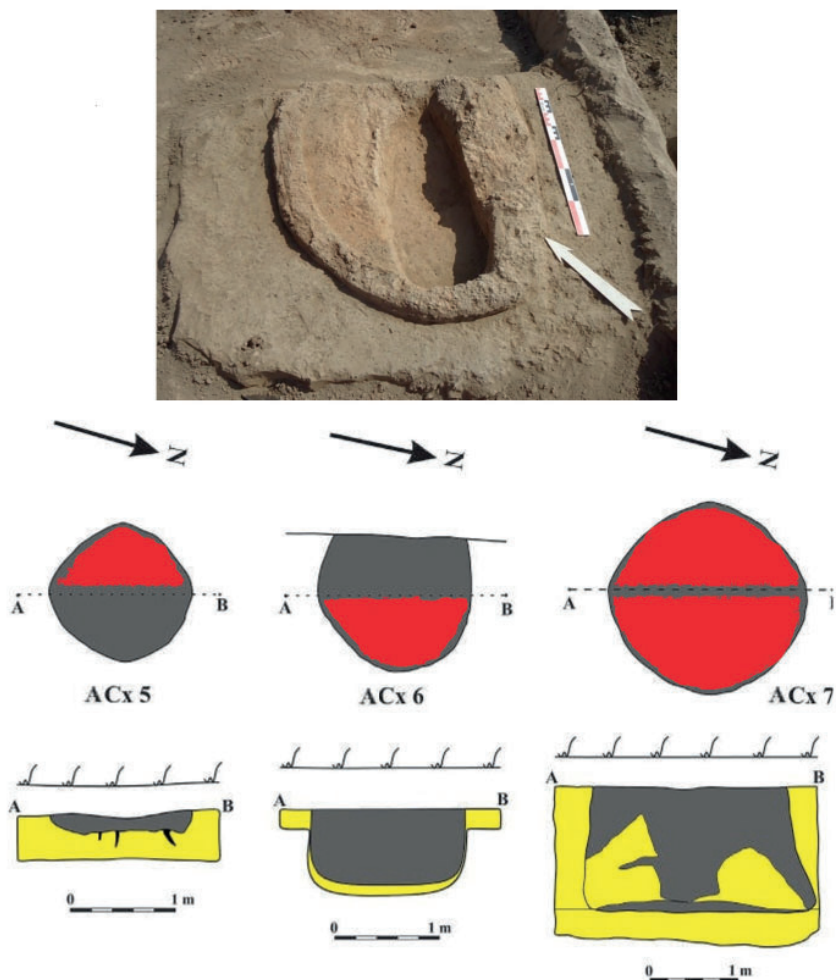

Fig. 3. Hearth places (photogrammetriya).
Рис. 3. Расположение костров (фотограмметрия).

One more spot consisting of ash was found at a depth of 15cm in quadrat 8. It was 1.1m long and 80cm wide with the ash thickness being 8-10cm.

As the area where the site was located had long been used as arable land the cultural horizon was plough damaged, almost destroyed. In general, judging by all the evidence present it could be presumed that the cultural horizon was not thick, even originally. This late medieval settlement contained foundation debris of houses built of cobblestones approximately at the end of the 17th and beginning of the 19th century. This struc-

tural remnant basically 80cm wide was at some points 1m wide. The survived height of the foundation consisting of two rows of cobblestones was 20-30cm. To knit the stones together, clay mortar was used. All the structural remains exposed were interconnected and appeared to represent those of one house (Museyibli, 2006, p. 4).

The ES-2 area was 24 metres long and 4 metres wide. A total of 6 units were established (4x4 metres in size). The units were numbered from northwest to southeast, i.e. in the direction of the pipeline. Initially, the top fertile layer of the soil

with a thickness of 20cm was removed and was placed at the edge of the excavation area (Kirichenko, 2018, p. 4).

A rectangular shaped, 14m long and 4m wide stone collection pattern lying northwest to southeast was revealed at a depth of 10-20cm in the quadrat 1-4. A circular stone collection pattern with dimension of 60 x 90cm was revealed at a depth of 20cm in the 4th quadrat; there were traces of coal with dimension of 20 x 40cm in it (Fig. 2, 2).

A circular hearth was revealed at a depth of 20cm at a distance of 1.9m from the east wall and 50cm from the south wall of the quadrat 6. The hearth, which had the diameter of 70cm, consisted of coal fragments and ash.

The third stone layer was revealed following removal of the second stone layer in the 1-4th quadrat (Fig. 2, 2). The fourth stone layer composed of large pebble stones and large flagstone plate was revealed after removal of the third layer. This stone pattern was probably floor of a large room. There was only one flagstone plate in the middle of the small room in quadrat 1. The second layer of pebble stones was revealed at a depth of 25cm following removal of the first stone layer in 1-4th quadrat. Features of two rooms became clear. One of them was 3.1m long, 2.8m wide small square room and the second was 9.2m long, 3.3m wide rectangular shaped large room. In some places thickness of the stone walls was 40-60cm (Kirichenko, 2018, p. 4-5). Cultural layer ended at a depth of 1.1m in quadrats 4, 5 and 6 and was followed by virgin soil. There was a 80cm long strip with traces of coal and ash inside at a depth of 30-40cm at the north wall of quadrat 5 (Kirichenko, 2018, p. 5).

Fragments of a vessel dating to the Late Bronze-Early Iron Age and animal bones nearby were discovered at a depth of 25cm in quadrat 6 (Fig. 6, 1). A 25cm deep household pit was revealed east from quadrat 6. In different parts its width was 45-100cm, total depth was

65cm, thickness was 15cm. Small fragments of medieval ceramics and also, small animal bones were inside the household pit and bottom was filled with 5-7cm thick coal layer. Following removal of the fourth stone layer (floor), the excavations were continued to a depth of 1m until cultural layer ended. In the end the walls were disassembled and the soil on which the walls had laid were studied for presence of archaeological materials.

The excavations revealed that Poylu III settlement area is uni-layered and the thickness of the cultural layer varies between 1-1.1m (Kirichenko, 2018, p. 5).

Fragments of ceramics attributed to Late Medieval Ages, also, remains of constructions, such as the stone wall foundations were revealed in the cultural layer (Fig. 4).

In ES-2 total, 24 archaeological artefacts were discovered at the settlement site. 22 samples among these artefacts consist of the ceramics attributed to late medieval ages; one sample is the ceramics dating back to Late Bronze-Early Iron Age. One of the samples is a cast metal Monet belonging to the period of Czarist Russia (Kirichenko, 2018, p. 6). A circular Monet (of the postal service probably) left from the period of Czarist Russia were discovered at Poylu III settlement area.

Residential buildings. The 1st building structure has a rectangular plan 10.5/11m in diameter. A row of stones of the building has survived (Fig. 2, 1). The stones are made of yellow clay. In the local dialect of Poylu people this kind of stones is known as Ganja. The stones are cut in rectangular shape. They are of various dimensions: 40×35×10, 55×25×8, 60×35×15, 25×15×9×45×20cm. In the building interior unworked river stones are used. The stones are black, gray, brown in color and different in size, for example 35×23×10, 33×30×12, 30×28×10, 31×20×18, 27×25×20, 25×20×10, 18×10×5cm. The mortar used in the architectural structure of this

building is gypsum-lime type. The building is solid, like Shamkir castle (Dostiyev, 2012, p. 37-38). Also, has no stairs.

The 2nd building structure is located at the quadrat 4-1 (Fig. 2, 2). This building, like structure 1, has a cairn structure with river-type stones of different size, their average dimensions are 40×35×17, 35×32×25, 36×24×15, 30×30×21, 30×27×25cm. This building, unlike building 1, was not solid and was created as a hollow cylinder. The building is very similar to Kerpjiltepe buildings in terms of its structure (Asadov, Najafov, 2024, p. 174-175). The building 2 is located below ground level, for steps were built to enter it. The floor of the discovered building is also situated below ground level. The building is 7 m in diameter with the preserved height of the walls reaching 85 cm. Lime mortar was also used in the structure. Structure 1 & 2 in the settlement of Poylu III & in the western part of this building, evidence of other architectural structures was identified, based on which it can be supposed that these buildings were located next to other architectural structures.

The artefacts: collection and analysis. Samples of ceramics discovered in Poylu III settlement site should be attributed to the type of late medieval age housekeeping (household) ceramics (Fig. 5; 6, 1-7). Both simple ceramics and also, glazed ceramics (in various samples glaze has been applied both on the surface and interior of the ceramic ware) are distinct among them. Clay is composed of both fine sand and ceramic ware contains pure clay. Ceramics were made both by hand and potter's wheel. Colour of the ceramics is mainly pink. Surface of one vessel is painted in red. Body of another vessel is englobed in salad colour. Enamel is light blue shaded dark milk, green beige and brown coloured. There are geometrical ornaments (horizontal and wave like lines) incised and ribbed and also, glaze painted on ceramics (Fig. 5, 9, 12). Analogues of the

ceramics discovered at Poylu III settlement area are extensively found in the same age monuments in Azerbaijan as a whole and in Ganja-Gazakh region, including, the territory of Ganja and Shamkir cities, lower Kechili, I Poylu, Khojakhan and other settlements (Bəşirov, 2008, p. 61-66; Dostiyev, 2007; Najafov, 2018).

A round, cylindrical pottery of unclear origin attracts attention. It has a hole in the middle. There are traces inside indicating that the pottery was made by a potter's wheel. Colour is pink. It may have been used as a fishing tool or was probably a component of a machine tool or a unit (Fig. 6, 8). Also, a circular base of a clay salt cellar was discovered at the settlement area. The base is flat. There is a round cavity in the middle inside the vessel. There are traces inside indicating that the pottery was made by a potter's wheel. Colour is pink. Wall is thick. An artefact consisting of the body of a pottery vessel dating to the Late Bronze-Early Iron Age and attributed to the Khojali-Gadabay culture (2nd half of the 2nd millennium - the beginning of the 1st millennium BC) was discovered at Poylu III settlement area (Kirichenko, 2018, p. 6). It has probably fallen to the area accidentally from more ancient layers of the monument located in the territory of Poylu village (Fig. 6, 1).

Ceramics. The bulk of the finds are fragments of ceramic vessels. All of them are wheel-thrown and mainly well fired. Although most of the pieces are of plain design fragments of glazed pottery could also be encountered. Many of the pots were engobe coated.

Jug-type pots constitute the majority of the pottery finds. They are usually thick-walled and flat-based pots of a black, brown and red colour. Among them a piece of a decorated vessel is worthy of attention. This is a shoulder fragment of a thick-walled, well-fired, brown colour jug-type vessel tempered with sand (Fig. 5). The point where the

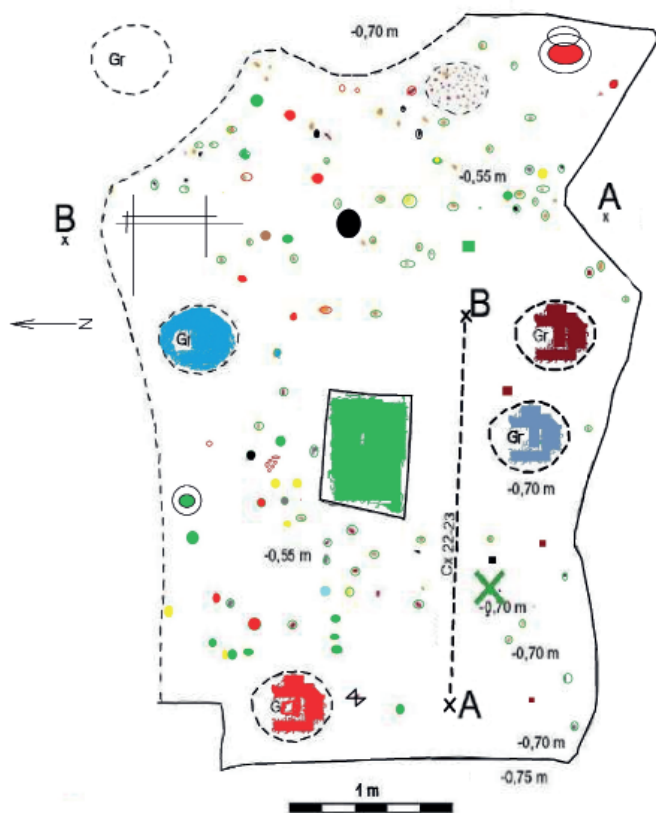

Fig. 4. Concentration areas of ceramics.

Рис. 4. Участки скопления керамики.

vessel neck connects to its shoulder bears a decoration consisting of horizontal wavy lines. Another fragment is part of the body of a jug-type pot. It is decorated with parallel horizontally thumbed canal-shaped lines (Fig. 5, 9, 12). The next piece is a vessel base. The bottom of the base is decorated with circular patterns. One pottery fragment is worthy of attention for its patterns and manufacture style (Museyibli, 2006, p. 5). This is a thick-walled, sand tempered, poorly fired, light pink shoulder fragment of a jug-type vessel. The surface of this pot is coated with a thin angobe layer. It also has a horizontal wavy line scratched on it. Presumably, this wavy line covered the entire perimeter of the vessel shoulder. In general, wavelike scratchy decorations on the vessels necks and shoulders

are characteristic of the pottery assemblage from this site. One group of jug-type pots are of a black colour. These are thick-walled jug fragments with burnished surfaces.

The excavation yielded fragments of large volume storage jars (Fig. 6, 6). Almost all of them were chunks of jar bases. Judging by these pieces the jars were poorly fired. As a rule, large volume storage jars were buried in the soil vertically and used for a long time to store food products, especially wheat. The fact that only base fragments of vessels of this type were recovered at the Poylu settlement could be accounted for by the long use of the site area as an arable land (Museyibli, 2006, p. 5). Due to continuous

ploughing during the soviet times the upper layer of the cultural horizon was damaged and mixed up and the major top parts of storage jars were cut off. The width of the recovered base fragments was 1.5-2 cm.

A portion of pottery ware is bardag-shaped vessels (Fig. 5, 3). They have flat-bases, oblong bodies and narrow necks. The round section and ribbon handles are attached to the rims and shoulders. The clay is well mixed and fired. One of the fragments represents a remnant of a rim and shoulder and a ribbon handle connecting them. The pot is coated with a thin angobe layer. Canal-shaped horizontal lines are drawn on its shoulder (Museyibli, 2006, p. 5). The pottery of bowls is primarily of a light

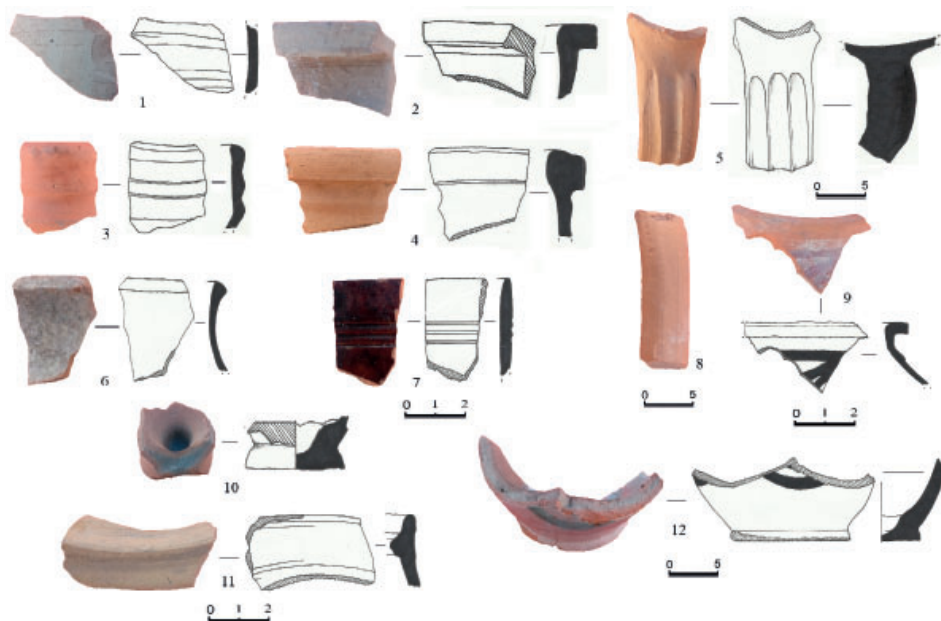

Fig. 5. Pottery fragments (Illustrations by S.F. Farmanli).

Рис. 5. Фрагменты керамики (Иллюстрации выполнены С.Ф. Фарманлы).

red colour (Fig. 5, 4). The recovered pieces are very small. For this reason, they cannot be identified to forms. The clay of the bowls is tempered with fine sand and well fired (Museyibli, 2006, p. 5). The number of fragments pots is not great. Only one of them is worthy of attention. It is a fragment of thick-walled, sand tempered, well fired pot of a brown colour. The surface is covered with soot. Presumably the pot from which this comes was long used on a hearth. Pieces from platters pottery do not include rims or other form making fragments. The material recovered consists of only body fragments of platters. Some of these pieces are glazed. Judging by the available fragments the platters were of relatively high quality, the clay is tempered with fine sand well fired. The pottery ware from the Poylu III settlement is characterized by a decoration style of incising straight and wavelike lines on the necks and shoulders of pots before firing (Museyibli, 2006, p. 5-6).

Although the significant portion of the pottery from the site is plain in style,

a few glazed ceramic fragments were also found (Fig. 5, 7; 6, 3). However, the fact that these several pieces were among the finds is very important. Firstly, the discovery of glazed pottery suggests that pottery production was highly developed in the Poylu III settlement and secondly, these samples help more accurately date the settlement.

The glazed fragments are mostly those of jugs and bowls. The prevailing glaze colour is blue. There are also pieces coated with transparent, green or violet glaze. Some fragments are glazed in dark green on the inside and in blue on the outside.

The pottery ware from the Poylu III Settlement includes also a fragment of a tobacco pipe (Fig. 6, 9). It was found at a depth of 25cm in quadrat 2 (ES-1). The fragment well polished because of long use is a piece of a red colour well fired ceramics (Museyibli, 2006, p. 6).

Metal Objects. Excavations in quadrats 1 and 2 yielded remains of metal objects. Two of them were iron pieces. As they were heavily corroded it was im-

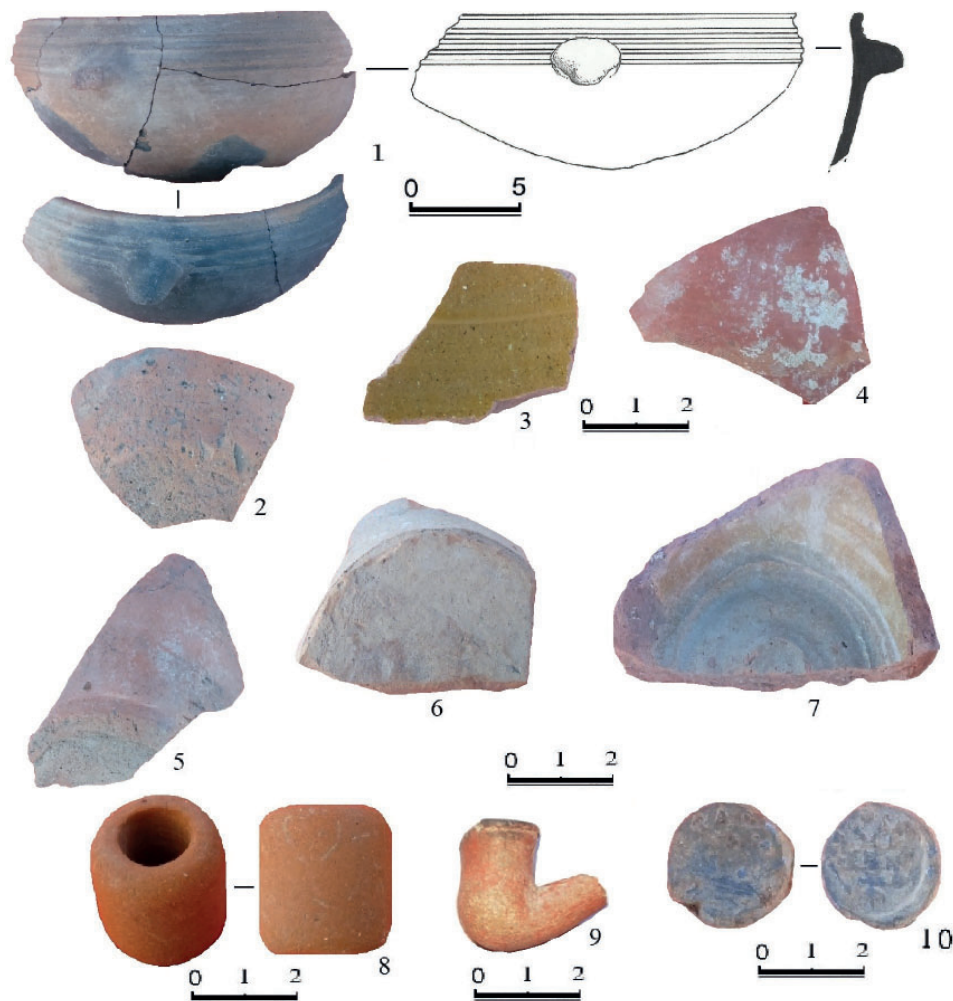

Fig. 6. 1-7 – vessel fragments; 8 – fishing tool;
 9 – circular metal Monet (period of Czarist Russia).
 Рис. 6. 1-7 – фрагменты сосудов; 8 – рыболовное приспособление;
 9 – круглая металлическая монета (период царской России).

possible to determine what the original objects were. Another metal find which is part of a copper pendant was found in quadrat 1 (ES-1). This suspension decoration of oval shape is made of a thin, round section wire; its survived part is 2.3 x1.5cm (Museyibli, 2006, p. 6).

Of metal products, a cast metal Monet with a description of two-headed eagle attributed to the period of Russian empire was discovered at the settlement site (ES-2). The product is round, there are oval hole and cavities on the sides (Fig.

6, 10). There is a Russian empire emblem in the form of a two headed eagle on the avers and two Cyrillic Letters «T» and «A» on the reverse side of the Monet.

Stone artefacts. Two stone artefacts were found in quadrat 8 of the excavation site at a depth of 15-20cm. One of them is a cobble grindstone. Marks of long use could be seen on both sides in its central part. It is 14cm long and 4.5cm wide. The second stone artefact is an obsidian splinter. Its edges bear marks of notching. Most likely, this implement

was moved to this site accidentally from the nearby Poylu I chalcolithic settlement site.

Beads. Two beads were found at a 20cm depth in the northern corner of quadrat 1 (ES-1) of the excavation site. These are dark pink agate beads of an oblong shape.

Dating and chronology of Poylu III settlement. Based on the ceramics and Russian empire period cast metal monet, Poylu III settlement site date to the Late Medieval Ages or 17th-19th centuries, if viewed extensively. The pottery types can be found extensively in synchronous monuments of Azerbaijan (Başirov, 2008; Cəbiyev, 2003; Najafov et al., 2024; Nuriyev, 1986; Rəcəbova, 2009). One artefact discovered at the settlement belongs to Late Bronze-Early Iron age and is attributed to the Khojali-Gadabay archaeological culture, dated to the end of the II millennium B.C. to the beginning of the I millennium (Fig. 6, 1). Most probably, it fell to the cultural layer of Poylu III settlement area accidentally from another area of Poylu village, where Late Bronze-Early Iron Age cultural layers are encountered upon and found extensively (Kirichenko, 2018, p. 5-6). In this case, we may have possibly encountered upon repeated user of the vessel in later historical period. Obsidian splinter most likely was moved to this site accidentally from the nearby Poylu I Chalcolithic settlement site.

Analytical results. The study of the history of medieval settlements of the rural type is one of the important problems facing Azerbaijanian archeology. Moreover, if the history of the northern and southern settlements of Azerbaijan has been widely studied on the basis of archaeological materials, then the medieval craft of the western settlements, pottery in particular, has so far remained out of the attention of researchers. Issues such as the development of urban and village settlements, crafts, economy and culture, life and other aspects of the

history of Azerbaijan have not yet been adequately reflected in the scientific literature. These problems are touched upon to varying degrees in individual medieval written sources and various general studies and, of course, cannot create a holistic view of the economy, cultural life, the level of development of crafts, and feudal relations in the medieval settlements of Azerbaijan (Dostiyev, 2007, p. 155-158). The coverage of these issues is possible only with a broad and comprehensive analysis of archaeological materials. From this point of view, ceramic products as a mass material are of great scientific importance in the study of the life and spiritual culture of the Azerbaijanian people. In particular, ceramics is one of the reliable indicators of the development of rural culture.

The Poylu III settlement does not cover a very large area. The major upper part of the cultural horizon was totally destroyed as a result of damage caused by cultivation of the land at different times. In this connection the excavations did not last long. All this factors made it impossible to gather more extended information about this site. However, the archaeological materials not numerous and very informative allows one to suggest that the Poylu III site was a late medieval rural type settlement. The archaeological material recovered-pottery, stone artefacts, metal objects are evidence of development of various crafts, especially pottery manufacture. Based on the available archaeological material, notably, pottery ware the Poylu Settlement could be dated to the Late Middle Ages, namely to the 17th-19th centuries (Kirichenko, 2018, p. 6). The prevailing use of sky blue and dark blue colours for glazing ceramics is characteristic of late medieval pottery making.

The western of Azerbaijan have been excavated over many archaeological sites dating from various periods of the middle ages. These sites date to the early (4th-7th centuries), developed (9th-13th

centuries) and partly late (14th-18th centuries) stages of the Medieval Ages. The analysis of the results of excavations allow to conclude that settlements dating to all stages of the middle ages. These were Fakhrali, Lak I and Lak II, Hajjalili I, Hajjalili II and Hajjalili III, Seyidlar II and Girag Kasaman I, Galabozu, Girkh-chirag, Dashbulag, Kerpilitepe and other settlement sites (Dostiyev et al., 2007; Kirichenko, 2018; Museyibli, 2002; Najafov, 2018; Najafov et al., 2024). The major characteristic that distinguishes the Poylu settlement from all the other sites is that it dates only to the Late Middle Ages.

The medieval sites in Azerbaijan had been intensively excavated (Cəbiyev, 2003, p. 5-30; Dostiyev, 2007, p. 155-158; Dostiyev et al., 2013; Əhmədov, 1979; Jiddy, 1981; Najafov et al., 2024;

Leviatov, 1946). Long term archaeological excavations were carried out at such medieval urban sites as Baku, Shamakhi, Ganja, Barda, Beylagan, Shabran, Gabala and others the results of which were then reflected in various scientific and popular scientific literature (Cəbiyev, 2003; Dostiyev, 2001; Goyushov, 1985; Jiddy, 1981; Nuriyev, 1986). However, medieval rural settlement sites were relatively less explored in Azerbaijan and the least studied were particularly late medieval rural-type settlements. From this perspective excavation conducted at Poylu III settlement acquires specific importance. Due to this work it became possible to shed light on some issues related to the material culture of the western regions of Azerbaijan in the 17th and 19th centuries.

REFERENCES

1. Asadov, V. A., Najafov, Sh. N. 2024. Medieval life in Kerpilitepe-Seljuk and after the Mongol conquest periods. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei* 2, 172–185 (in Russian). <https://www.evrazstep.ru/index.php/aes/issue/view/47/74>
2. Bəşirov, R. Y. 2008. Şəmkir şəhər yerində XVIII–XIX əsrlər mədəni təbəqəsi. In *Şəmkir: arxeoloji irsi, tarixi və memarlığı. Birinci respublika elmi-praktik konfransın materialları* (28–29 November, 2007). Şəmkir, 61–69 (in Azerbaijanian).
3. Cəbiyev, Q. C. 2003. *Azərbaycan keramikası (XIV–XVII əsrlər)*. Bakı: Nafta-Press Publ. (in Azerbaijanian).
4. Dostiyev, T. M., Bəşirov, R. Y., Mirzəyev, R. H., Hüseynli, N. N. 2013. *Orta əsr Şəmkir şəhəri: arxeoloji qazıntılar və artefaktlar*. Bakı: Chashioglu Publ. (in Azerbaijanian).
5. Dostiyev, T. M., Kvachidze, V. A., Hüseynov M. M. 2007. *Long report excavations of Girag Kasaman settlement KP 405-BTC Row* AAI. H-BTC. Bakı.
6. Dostiyev, T. M. 2012. Medieval Shamkir in light of archaeological excavations. In *Irs-Heritage* 11, 36–43.
7. Dostiyev, T. M. 2007. Orta əsr yaşayış evləri. In *Azerbaijan archaeology & ethnography* 2, 155–160 (in Azerbaijanian).
8. Dostiyev, T. M. 2001. *Şimal-şərqi Azərbaycan IX–XV əsrlərdə*. Bakı: Bakı Universiteti Press. (in Azerbaijanian).
9. Əhmədov, Q. M. 1979. *Orta əsr Beyləqan şəhəri*. Bakı: Elm Publ. (in Azerbaijanian).
10. Goyushov, R. B. 1985. *Medieval city of Shabran*. Series: Monuments of the material culture of Azerbaijan. Bakı: Elm Publ. (in Russian).
11. Jiddy, G. A. 1981. *The medieval city of Shamakhy of the 9th–17th centuries*. Bakı: Elm Publ. (in Russian).
12. Kirichenko, D. A. 2018. *Detailed scientific report excavations in Poylu III settlement at KP 390.1 SCPX pipeline*. Bakı-Azerbaijan.
13. Leviatov, V. N. 1946. On the types of glazed ceramics of Azerbaijan in the 7th–15th centuries. In *News of the Azerbaijan SSR Academy of Sciences (series: history, philosophy and law)* 7, 37–39 (in Russian).
14. Museyibli, N. A., Najafov Sh. N. 2021. Monuments of Antiquity in Aghstafa. In *Ethnocultural heritage of Caucasian Albania* 2, 46–56.
15. Müseyibli, N. Ə. 2002. Qırxçıraqda arxeoloji tədqiqatlar. In *2001–2002-ci illərdə aparılmış arxeoloji və etnoqrafik tədqiqatların yekunlarına həsr olunmuş elmi sessiya*. Tezislər. Bakı, 46–48 (in Azerbaijanian).
16. Museyibli, N. A. 2006. *Short report excavations of Poylu settlement KP 409.2 BTC Row*. 14/12/2006. Bakı-Azerbaijan. <http://intarch.ac.uk/journal/issue29/1/biblio.html>

17. Najafov, Sh. N. 2018. *Extended scientific report on Hajjalili III settlement excavations at KP 280.3 SCPX pipeline*. ANAS. AAI. Baku-Azerbaijan.

18. Najafov, Sh. N., Huseynov, M. M., Jalilov, B. M. 2024. The medieval Dashbulag settlement. In *Povolzhskaya arkhеologiya* 2 (48), 111–125 (in Russian). http://archtat.ru/content/uploads/2024/06/PA_2-2024-sajt-1.pdf

19. Nuriyev, A. B. 1986. *The medieval city of Barda*. Series: Monuments of the material culture of Azerbaijan. Baku: Elm Publ. (in Russian).

20. Rəcəbova, B. Ə. 2009. *Azərbaycanın ənənəvi sənətkarlıq məmulatı və istehsalı tarixindən (IV–XVII əsrlər)*. Baku: Elm Publ.

21. Valiyev, S. S., Mammadov A. V., Rabotina E. N. 1988. Primary Natural-Climatic Holocene Events in Azerbaijan. In *International Conference "Problems of Holocene"*. Tbilisi, 70–71.

About the Author:

Najafov Shamil N. PhD of History. Associate Professor. Institute of Archaeology & Anthropology, Azerbaijan National Academy of Sciences (ANAS). H. Cavid ave. 115, Baku, AZ1143, Azerbaijan Republic; shamil_necefov@mail.ru

ПОСЕЛЕНИЕ ПОЙЛУ III: ЖИЛЫЕ ПОСТРОЙКИ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ В БАССЕЙНЕ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ РЕКИ КУРЫ В XVII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.

Ш.Н. Наджафов

Археологические исследования доказали большую близость расположения поселений средневековый периода бассейна в средней течение реки Куры и то, что этот регион в конце XVII – начале XIX вв. являлся одним из самых плотно заселенных районов Южного Кавказа. Примером таких поселений является группа памятников Гянджа, Газах, Гедабек и Мингечевира. Протяжение ареала поселений до горных и предгорных зон было связано с демографическим ростом. Так что, плотность населения и нехватка продуктов вынуждали людей к поискам новых пастбищ и отчасти участков, пригодных для земледелия. Реконструкция исторической топографии позднесредневекового поселения выполнена впервые на основании трех массивов источников – письменных, картографических и археологических. Воссоздаются все основные базовые элементы исторической топографии позднесредневекового села.

Позднесредневековое поселение Пойлу III находится на территории села Пойлу Акстафинского района в западной части Азербайджанской Республики, на юго-западной окраине реки Куры. На основе анализа и сравнительной аналогии артефактов можно сказать, что поселение Пойлу III является поселением сельского типа, относящемся к поздней средним векам. На примере позднесредневекового поселения Пойлу III, раскопки очень мало изученных поселений этого типа в Азербайджане, играют роль главного источника для воссоздания социально-экономической панорамы, хозяйственной занятости населения, ремесленных отраслей и торговых связей в описанное время.

Ключевые слова: археологические раскопки, Азербайджан, Агстафинский район, река Кура, Пойлу, средние века, поселение, керамика.

Информация об авторе:

Наджафов Шамиль Надирович, доктор философии по истории (к.и.н.), доцент, ведущий научный сотрудник, Институт археологии и антропологии Национальной Академии наук Азербайджана (НАНА) (г. Баку, Азербайджан); shamil_necefov@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2026 г.

РЕЛИГИОЗНЫЕ И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА XIX В. ВОСТОЧНЕЕ УЗУНЛАРСКОГО ВАЛА НА КАРТАХ И КОСМИЧЕСКИХ СНИМКАХ¹

© 2026 г. С.Л. Смекалов, С.Б. Ланцов, Л.Ю. Пономарев, К.О. Маркова

В статье представлены результаты изучения расположения кладбищ, мечетей и церквей на Керченском полуострове восточнее Узунларского вала, обозначенных на картах Крыма XIX в., в сопоставлении со сведениями об известных к конца XVIII в. поселениях и космическими снимками. Выделены сакральные погребальные объекты, координаты которых можно точно определить по картам масштаба 1:42000 рубежа XIX–XX вв. По космическим снимкам проведен анализ попадания этих объектов на земли разного использования – сельхозугодья, современная застройка, современные кладбища. Положение около 30% объектов на картах соответствует современным сакрально-погребальным объектам, однако около 60% объектов попадают на сельхозугодья, где следы памятников в каких-то случаях прослеживаются на космических снимках, в каких-то нет. Проведено также сопоставление современных кладбищ с кладбищами конца XIX в. Для многих участков необходимо проведение обследований с целью постановки находящихся там памятников на учет как объектов археологического наследия.

Ключевые слова: археология, Крым, XIX век, топографические карты, мечеть, церковь, кладбище, космические снимки.

Данная статья является продолжением и развитием темы одной из предыдущих публикаций авторов (Смекалов и др., 2024), где проводился обзор сакрально-погребальных памятников, обозначенных на картах XIX в., для всего Керченского полуострова. В этой статье мы рассматриваем не всю территорию Керченского полуострова, а лишь его часть восточнее Узунларского вала, который был, возможно, в какое-то время границей античного Боспорского царства, и здесь же, вероятно, проходила граница одного из кадылыков в XVIII в.

Выделение территории восточнее Узунларского вала, с одной стороны, позволяет провести сопоставления расположения памятников Боспорского царства с более поздними поселениями, вплоть до XIX в., с другой стороны – изучение космических снимков для территории всего Керченского полуострова технически требует гораздо большего объема исследований. Авторы надеются продолжить

аналогичные работы для оставшейся части полуострова в дальнейшем.

Данная публикация опирается на «Сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 году», опубликованные Ф.Ф. Лашковым в Записках Одесского общества истории и древностей (Лашков, 1886, с. 91–156), а также на анализе карт С.А. Мухина (Мухин, 1817), Д.Д. Оберга и А.А. Бетева (Бетев, Оберг, 1842); А.А. Бетева (Бетев 1857, 1855–1857); карты масштаба 1:126000 («трехверстовка») второй половины XIX в. (Карта 1876, 1862–1876); карты масштаба 1:42000 («верстовка») рубежа XIX–XX вв. (Карта 1900, конец XIX – начало XX вв.).

По Ф.Ф. Лашкову, территория восточнее Узунларского вала относилась к Подкерченскому кадылыку, входившему в состав Кефинского каймаканства. На территории кадылыка находились 38 поселений, где были расположены 41 целая и одна разрушенная мечеть (рис. 1). Мы провели сопоставление данных Ф.Ф. Лашко-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00135, <https://rscf.ru/project/25-28-00135>.

— 127 —
ВЪДОМОСТЬ
 съ переводу татарскаго учинена о числѣ деревень каждаго кадылыка кофинскаго каймаканства съ показаніемъ христіанскихъ церквей и мечетей татарскихъ.

Названіе деревень	Число деревень	Мечетей татарскихъ		Церквей христіанскихъ	
		Кладбища	Синагоги	Церкви	Религ. общ.

— 134 —

Подкерченскаго:					
Башауль	1	1			
Чулуровишь	2	1	1		
Карюишь	3	1	1		
Касъ Якъ	4	1	1		
Кудчишь	5	1	1		
Узунларъ	6	1	1		
Чигасакъ	7	1	1		
Сушь сие	8	1	1		
Еваджила	9	1	1		
Улугъ	10	1	1		
Ортаилъ	11	1	1		
Тюпечюшь	12	1	1		
Шахаръ	13	1	1		

Казуауль	14	1	1		
Чанкаль	15	1	1		
Мурта Каяишь	16	1		1	
Котъ Кучегеишь	17	1	3		
Котъ Такуауль	18	1	1		
Ялангъ Тапкъ	19	1	1		
Икитае Кучегеишь	20	1	1		
Котъ Сараксаишь	21	1	1		
Чурьилкъ	22	1	2		
Чуробанъ	23	1	1		
Сейтеде	24	1	1		
Темешъ	25	1	1		
Акъ Козъ	26	1	1		
Джанчуръ	27	1	1		
Агашеишь	28	1	1		
Мугъ Салышь	29	1	1		
Чегене	30	1	2		
Дера Салыишь	31	1	1		
Окъ Тай	32	1	1		
Кузь Тебе	33	1	1		
Аджила	34	1	1		
Бабинкъ	35	1	1		
Мисаръ	36	1	1		
Башкяуль	37	1	1		
Карларъ	38	1	1		
Итого Подкерченскаго кадылыка	35	41	1		

Рис. 1. Поселения с мечетями в Подкерченском кадылыке по Ф.Ф. Лашкову. Нумерация поселений проведена авторами.

Fig. 1. Settlements with mosques in the Podkerchensky Kadylyk according to F.F. Lashkov. Settlement numbering provided by the authors.

ва с картой С.А. Мухина. Мечети на карте С.А. Мухина не обозначены. Примерное расположение, возможно, существовавших в конце XVIII мечетей можно выявить только по названиям деревень. На карте С.А. Мухина нам удалось найти 35 поселений из 38 упомянутых Ф.Ф. Лашковым. Большинство поселений определяются непосредственно по названиям. Часть поселений, названия которых у С.А. Мухина и Ф.Ф. Лашкова существенно отличаются, удалось выявить по работе К.К. Ковыркина и В.Ф. Санжаровца (Ковыркин, Санжаровец, 2014), посвященной географическим названиям Керченского полуострова.

Следующим этапом было изучение карт Бетева-Оберга и «трехверстовки». На этих картах уже обозначены мечети и кладбища. На карте Д.Д. Оберга и А.А. Бетева 1842 г. восточнее Узунларского вала отмечено 30 мечетей, на карте А.А. Бетева

1857 г. – 40, на «трехверстовке» – 27. С учетом того, что часть мечетей, отмеченных на картах, находится в восточной части Керченского полуострова, где Ф.Ф. Лашковым поселения с мечетями не отмечены, можно говорить о значительном сокращении числа мусульманских культовых объектов или вообще поселений во второй половине XIX в. Карты Мухина, Оберга-Бетева и «трехверстовка» не позволяют определить координаты мечетей с точностью, достаточной для их поиска на космических снимках и местности. Ошибка определения положения по этим картам может достигать нескольких километров.

Далее было проведено изучение «верстовки». На этой карте в пределах Керченского полуострова восточнее Узунларского вала отмечено 65 сакрально-погребальных объекта – 13 мечетей, 24 магометанских кладбища, 24 православных кладбища, один

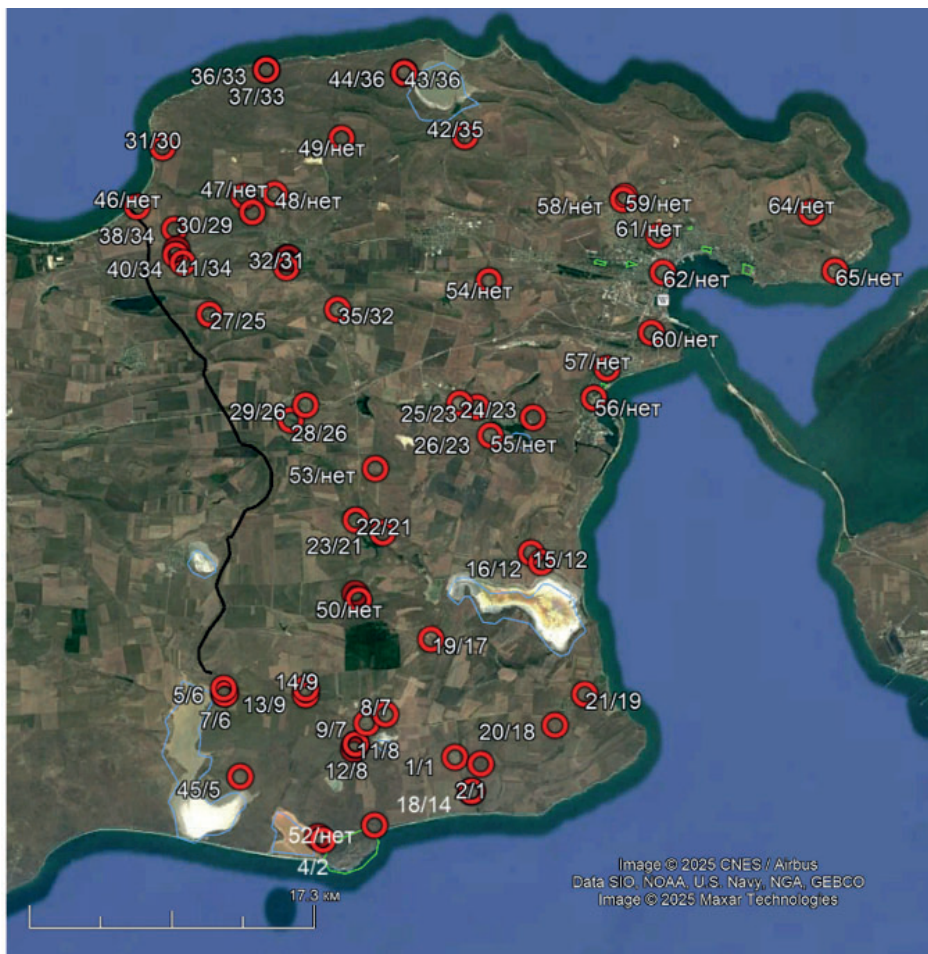

Рис. 2. Положение сакрально-погребальных объектов, обозначенных на «верстовке» на космическом снимке (нумерация объектов: номер общий в таблице 2/номер у Ф.Ф. Лашкова).

Fig. 2. Location of sacred and burial sites marked on the “verstovaya” map in the satellite image (object numbering: general number in Table 2/number available from F.F. Lashkov).

монастырь, две церкви, одно лютеранское кладбище. Мечетей всего 13, однако 29 пунктов расположения магометанских кладбищ и мечетей совпадают с пунктами, указанными Ф.Ф. Лашковым. Возможно, к концу XIX века сами мечети и не сохранились, однако, вероятнее всего, они располагались на территории кладбищ, обозначенных на «верстовке». По «верстовке» при сопоставлении сохранившихся объектов, видимых на космических снимках, точность расположения сооружений состав-

ляет около 30 м. Таким образом, для поиска этих 29 пунктов Ф.Ф. Лашкова имеются практически точные географические координаты. Что можно отметить про остальные сакрально-погребальные объекты, обозначенные на «верстовке»? Те из них, которые не совпадают с информацией Ф.Ф. Лашкова, скорее всего, возникли в XIX в., а следовательно, являются либо «заброшенными» памятниками истории и археологии, либо современными кладбищами или религиозными объектами. В таблице 1 проведено со-

Рис. 3. Примеры расположения сакрально-погребальных памятников по «верстовке» на земли различного использования. 1 – сельхозугодья без видимых следов кладбищ; 2 – сельхозугодья со следами кладбищ; 3 – современные кладбища; 4 – современные мечети и церкви; 5 – современная застройка.

Fig. 3. Examples of the location of sacred-burial sites according to the “verstovka” map on lands of various designations. 1 – agricultural lands without visible traces of cemeteries; 2 – agricultural lands with traces of cemeteries; 3 – modern cemeteries; 4 – modern mosques and churches; 5 – modern built-up areas.

поставление наличия поселений «по Ф.Ф. Лашкову» на карте С.А. Мухина и «верстовке».

Для сакрально-погребальных объектов на «верстовке» при помощи геоинформационной системы было про-

ведено определение координат, и эти точки нанесены на космические снимки Google Earth. В таблице 2 представлено текстовое описание результатов анализа локализации этих точек

Рис. 4. Число сакрально-погребальных объектов по «верстовке», находящихся на землях различного использования

Fig. 4. Number of sacred-burial sites according to the “verstovka” map located on lands of various designation.

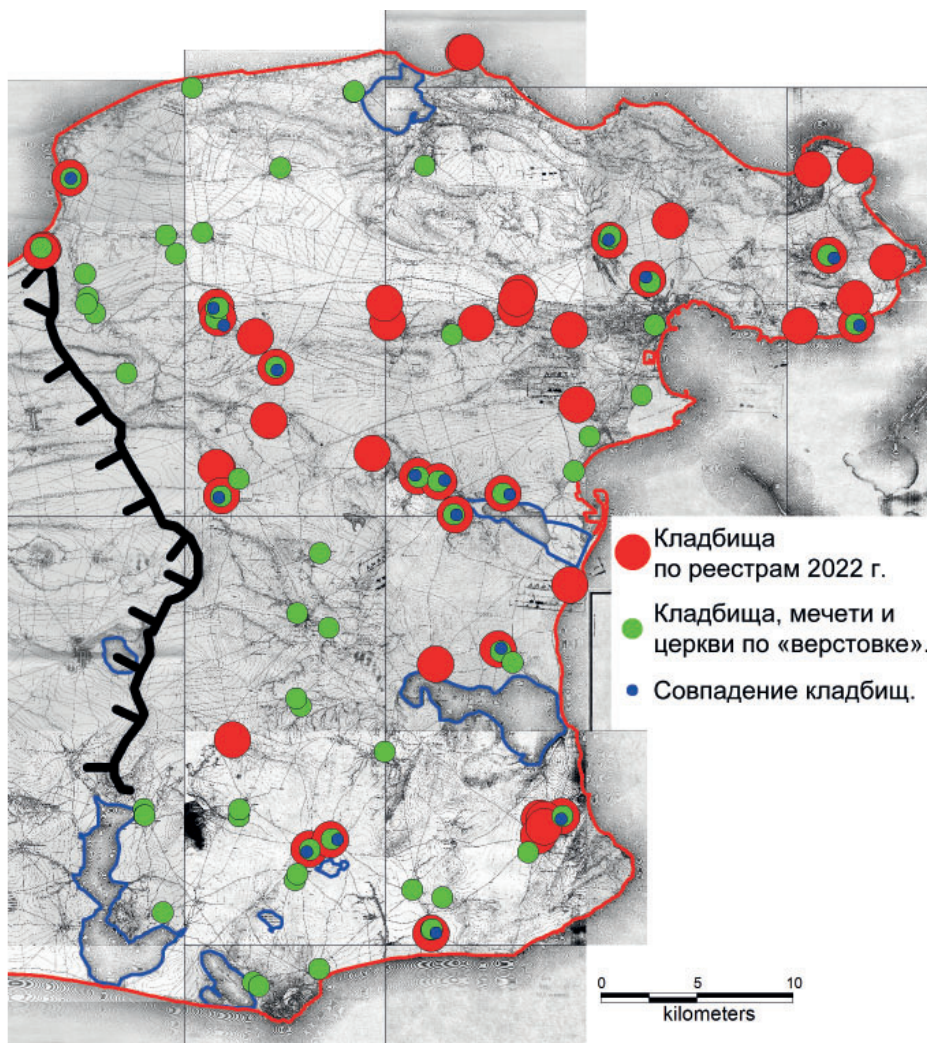

Рис. 5. Совпадение положения современных кладбищ с кладбищами, обозначенными на «верстовке».

Fig. 5. The coincidence of the position of modern cemeteries with cemeteries marked on the “verstovka”

на космических снимках, а на рис. 2 отображено наложение на снимки.

Снимки в крупном масштабе показали несколько вариантов попадания сакрально-погребальных объектов по «верстовке» на земли различного использования (рис. 3). Главным образом точки по «верстовке», попадают на участки сельхозугодий, где в некоторых случаях могут прослеживаться следы старых кладбищ. Во многих случаях точки по «верстовке» попада-

ют на современные кладбища. Также они могут попадать в зону современной застройки либо на современные или сохранившиеся с XIX в. церкви или мечети. Подсчет числа объектов, обозначенных на «верстовке», по их попаданию в различные категории земель на местности (рис. 4) показал, что 60 процентов (39 из 65) попадают на участки сельхозугодий.

Мы провели также сопоставление реестров (Реестр 1, 2022; Реестр 2,

Таблица 1

Сопоставление наличия поселений «по Ф.Ф. Лашкову»,
на карте С.А. Мухина и «верстовке».

№ Лашкова	Название у Лашкова	Наличие на карте Мухина	Наличие и название на "верстовке"
1	Башауль	Да	Башауль
2	Чукуркояшъ	Да	Чекуръ-Кояшъ
3	Карпояшъ	Да	Х. Кыркъ Кояшъ
4	Касъ Якъ	Да	Х. Касьянъ
5	Кунчикъ	Да	Кончекъ
6	Узунларъ	Да	Узунларъ
7	Чигасакъ	Да	На "верстовке" нет. Ближайшие поселения на "верстовке" - Марьевка и Г. дв. Шаашанъ
8	Сюинъ еле	Да	Сюинэли
9	Елкаджиле	Да	Джилкеджели
10	Унгутъ	Не обнаружено ни на одной из рассмотренных карт	
11	Ортаиле	Да	Орьяэли
12	Тюпечикъ	Да	Тобечикъ
13	Шархларъ	Нет	На "верстовке" нет. Раз. Шейхъ-Ларъ на "трехверстовке"
14	Казауль	Да	Казауль
15	Чанкаль	Да	Чабакъ
16	Мурза Каяшъ	Да. Кояшъ пуст. у Мухина. Нет на более поздних картах.	
17	Копъ Кучугень	Да	Копъ-Кочегень
18	Копъ Такуль	Да	Копъ-Такылъ
19	Янышъ Такиль	Да	Янышъ-Такылъ
20	Икитае Кучугень	Да	Экитавъ
21	Копъ Сарамзень	Да	Сарайминъ
22	Чурылыкъ	Да	Чорлекъ
23	Чурубашъ	Да	Чурубашъ
24	Сейтеле	Да	Хут. Сизтъ-эли
25	Темешъ	Да	Экон. Темешъ
26	Акъ Козъ	Да	Султановка
27	Джанчура	Да	На "верстовке" нет. Янчора у Мухина
28	Аганшепъ	Не обнаружено ни на одной из рассмотренных карт	
29	Мукъ Салынъ	Да	Маякъ Салынъ
30	Чегене	Да	Чегене
31	Деры Салынъ	Да	Эконом. Дейре
32	Окъ Тай	Да.	Китай.
33	Куль Тебе	Да	Культепе
34	Аджиле	Да	Аджиэли
35	Бабчикъ	Да	Бол. Бабчикъ
36	Мисыръ	Да	Мисыръ
37	Башкилю	Да	Разв.
38	Караларъ	Да	Караларъ

Локализация сакрально-погребальных памятников
на космических снимках Google Earth.

№ пп.	№ Лашкова	Название у Лашкова	Обозначение на "верстовке"	Локализация на Google Eath
1	1	Башауль	Мечеть	Сельхозугодья
2	1	Башауль	Прав. кладб.	Совр. кладб.
3	2	Чукуркояшъ	Мечеть	Сельхозугодья
4	2	Чукуркояшъ	Прав. кладб.	Сельхозугодья
5	6	Узунларъ	Магом. кладб.	Сельхозугодья
6	6	Узунларъ	Мечеть	Сельхозугодья
7	6	Узунларъ	Магом. кладб.	Сельхозугодья
8	7	Чигасакъ. Нет на «верстовке», ближ. На «верстовке» Марьевка и Г. дв. Шаашанъ	Прав. кладб.	Совр. кладб.
9	7	Чигасакъ. Нет на «верстовке», ближ. На «верстовке» Марьевка и Г. дв. Шаашанъ	Прав. кладб.	Совр. кладб.
10	8	Сюинъ еле	Магом. кладб.	Сельхозугодья
11	8	Сюинъ еле	Магом. кладб.	Сельхозугодья, следы кладбища
12	8	Сюинъ еле	Мечеть	Сельхозугодья, следы кладбища
13	9	Елкаджиле	Магом. кладб.	Сельхозугодья
14	9	Елкаджиле	Мечеть	Сельхозугодья
15	12	Тюпечикъ	Магом. кладб.	Совр. кладб.
16	12	Тюпечикъ	Прав. кладб.	Сельхозугодья
17	14	Казауль	Магом. кладб.	Сельхозугодья, вокруг современная застройка
18	14	Казауль	Мечеть	Сельхозугодья, вокруг современная застройка
19	17	Копъ Кучугенъ	Магом. кладб.	Сельхозугодья
20	18	Копъ Такуль	Магом. кладб.	Сельхозугодья
21	19	Янышь Такиль	Прав. кладб.	Совр. кладб.
22	21	Копъ Сарамзенъ	Магом. кладб.	Сельхозугодья
23	21	Копъ Сарамзенъ	Магом. кладб.	Сельхозугодья
24	23	Чурубашъ	Магом. кладб.	Совр. кладб.
25	23	Чурубашъ	Магом. кладб.	Сельхозугодья, вокруг современная застройка
26	23	Чурубашъ	Прав. кладб.	Совр. кладб.
27	25	Темешъ	Магом. кладб.	Сельхозугодья, следы кладбища
28	26	Акъ Козъ	Прав. кладб.	Современная застройка, парк
29	26	Акъ Козъ	Прав. кладб.	Сельхозугодья, вокруг современная застройка

30	29	Мукь Салынъ	Мечеть	Сельхозугодья
31	30	Чегене	Прав. кладб.	Совр. кладб.
32	31	Деры Салынъ	Магом. кладб.	Сельхозугодья
33	31	Деры Салынъ	Прав. кладб.	Совр. кладб.
34	31	Деры Салынъ	Церковь	Современная церковь
35	32	Окъ Тай	Лютер. Кладб.	Совр. кладб.
36	33	Куль Тебе	Мечеть	Сельхозугодья
37	33	Куль Тебе	Магом. кладб.	Сельхозугодья
38	34	Аджиле	Прав. кладб.	Совр. кладб.
39	34	Аджиле	Мечеть	Сельхозугодья
40	34	Аджиле	Магом. кладб.	Сельхозугодья
41	34	Аджиле	Мечеть	Сельхозугодья
42	35	Бабчикъ	Прав. кладб.	Сельхозугодья
43	36	Мисыръ	Магом. кладб.	Сельхозугодья
44	36	Мисыръ	Мечеть	Сельхозугодья
45	5	Кунчикъ	Магом. кладб.	Сельхозугодья
46	нет	1	Мечеть	Современная застройка
47	нет		Магом. кладб.	Сельхозугодья
48	нет		Магом. кладб.	Совр. кладб.
49	нет		Магом. кладб.	Сельхозугодья, следы кладбища
50	нет		Магом. кладб.	Сельхозугодья, следы кладбища
51	нет		Мечеть	Сельхозугодья
52	нет		Магом. кладб.	Сельхозугодья
53	нет		Прав. кладб.	Сельхозугодья
54	нет		Прав. кладб.	Сельхозугодья
55	нет		Прав. кладб.	Совр. кладб.
56	нет	2	Прав. кладб.	Современная застройка, парк.
57	нет	3	Прав. кладб.	Современная застройка, парк.
58	нет		Прав. кладб.	Совр. кладб.
59	нет		Монастырь Св. Георгия	Современная церковь
60	нет	4	Прав. кладб.	Современная застройка, парк.
61	нет		Прав. кладб.	Совр. кладб.
62	нет	5	Прав. кладб.	Современная застройка, парк.
63	нет		Церковь Св. Иоанна Предтечи	Церковь Св. Иоанна Предтечи
64	нет		Прав. кладб.	Совр. кладб.
65	нет		Прав. кладб.	Совр. кладб.

2022) современных кладбищ Керчи и Ленинского района восточнее Узунларского вала с «верстовкой». В Реестрах 2022 г. отмечено 46 пунктов. За исключением отдельных случаев, в реестрах не указано время основания кладбищ. Более того, инвентаризация большинства кладбищ по состоянию на конец 2022 г. не проведена, и они в основном не состоят на кадастровом учете. 18 кладбищ совпадают по по-

ложению с кладбищами, обозначенными на «верстовке», т. е. по времени основания уже относятся к памятникам археологии (рис. 5).

Для этих 18 кладбищ, как и для кладбищ «заброшенных», необходимо, с нашей точки зрения, проведение обследований на местности и, возможно, постановка данных объектов на гос. учет как объектов археологического наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бетев А.А. 1857. Топографическая карта полуострова Крыма. 1:42000. СПб.: Военно-топографическое депо, 1855–1857.

2. Бетев А.А., Оберг Д.Д. Топографическая карта полуострова Крыма, составлена в 1/210000 долю настоящей величины и гравирована при военно-топографическом депо со съемок тригонометрической ген. штаба подполк. Оберга, топографической ген. штаба полковника Бетева. МДСССХЛII. СПб.: Военно-топографическое депо, 1842.

3. Карта 1876. Военно-топографическая карта Таврической губернии. Масштаб 1:126000. М.: Картографический отдел Корпуса военных топографов, 1862–1876 гг.

4. Карта 1900. Карта Таврической губернии. Масштаб 1:42000. Военно-Топографический отдел. По съемкам конца XIX – начала XX вв. Переиздание отдельных листов до 1923 г. Петроград.

5. Ковыркин К.К., Санжаровец В.Ф. Керченский полуостров. Географический словарь // Научный сборник Керченского заповедника. Вып. 4 / Отв. ред. Н.Ф. Федосеев. Симферополь, 2014. С. 443–585.

6. Лаишков Ф.Ф. Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783 году // ЗООИД. Одесса, 1886. Т. XIV. Отд. 1. С. 91–156.

7. Мухин С.А. Военная топографическая карта полуострова Крыма. Составленная по новейшим астрономическим наблюдениям, исправленная и дополненная из лучших военных съемок свиты его Императорского Величества по квартирмейстерской части генерал-майором Мухиным 1816 года, по приказанию г-на генерал адъютанта Князя Волконского 2-го во время управления его оной частью. Гравировано и напечатано в Военно-топографическом депо при главном штабе Его Императорского Величества 1817–го года. СПб.: Военно-Топографическое депо, 1817.

8. Реестр 1. Республика Крым. Портал Правительства // Об утверждении Реестра кладбищ муниципального образования городской округ Керчь Республики Крым. Номер документа: 2454/1-п/ Дата принятия документа: 24 ноября 2022 г. Дата публикации: 24 ноября 2022 г. <https://kerch.rk.gov.ru/documents/669f2642-13c1-45ae-96bb-2926bb740bbb>

9. Реестр 2. Республика Крым. Портал Правительства // Реестр кладбищ и мест захоронений на них. Дата публикации: 18 ноября 2022 г. <https://lenino.rk.gov.ru/documents/a3e727bb-33d6-4f2a-832d-94b6a60f1683>

10. Смекалов С.Л., Пономарев Л.Ю., Бутовский А.Ю., Ярцев С.В. Религиозные и погребальные объекты Керчи и окрестностей XIX в., отмеченные на топографических картах // Археология и история Боспора. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. Керчь, 09–12 августа 2023 года. Симферополь. 2024. С. 108–113.

Информация об авторах:

Смекалов Сергей Львович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого» (г. Тула, Россия); slsmek@mail.ru

Ланцов Сергей Борисович, кандидат исторических наук, заведующий отделом, Институт археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия); sergey_lantsov@mail.ru

Пonomarev Леонид Юрьевич, внештатный научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Россия); l_ponomarev@mail.ru

Маркова Кристина Олеговна, аспирант, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого» (г. Тула, Россия); markova.kristina.25@yandex.ru

RELIGIOUS AND BURIAL SITES OF THE KERCH PENINSULA OF THE 19TH CENTURY TO THE EAST OF THE UZUNLAR RAMPART ON MAPS AND SATELLITE IMAGES²

S.L. Smekalov, S.B. Lantsov, L.Yu. Ponomarev, K.O. Markova

This paper deals with the results of a study cemeteries, mosques, and churches location on the Kerch Peninsula east of the Uzunlar rampart, indicated on XIX-century maps of Crimea, in comparison with data on settlements known since the late XVIII century and satellite images. Sacred and burial sites whose coordinates can be precisely determined using 1:42,000 scale maps from the turn of the XX century have been identified. Satellite imagery was analyzed to assess the overlap of these historical sites with various modern land-use categories, including agricultural land, modern built-up areas and contemporary cemeteries. Approximately 30% of the mapped sites correspond to modern sacred and burial objects, while about 60% are situated on agricultural land, where traces of the monuments are sometimes visible on satellite imagery and sometimes not. A comparison was also made between modern cemeteries and those of the late XIX century. For many areas, field surveys are necessary to officially register the existing monuments as sites of archaeological heritage.

Keywords: archaeology, Crimea, XIX century, topographic maps, mosque, church, cemetery, satellite imagery.

REFERENCES

1. Betev, A. A. 1857. *Topograficheskaja karta poluostrova Kryma. 1:42000 (Topographic map of the Crimean peninsula. 1:42000)*. Saint Petersburg: "Military topographic depot" Publ., 1855–1857 (in Russian).
2. Betev, A. A., Oberg, D. D. 1842. *Topograficheskaja karta poluostrova Kryma, sostavlena v 1/210000 doliu nastoiashchei velichiny i gravirovana pri voenno-topograficheskom depo so s'emok trigonometricheskoi gen. shtaba podpolk. Oberga, topograficheskoi gen. shtaba polkovnika Beteva (Topographic map of the Crimean peninsula, compiled in 1/210000 of the true size and engraved at the military topographic depot from the surveys of the trigonometric general staff of Lieutenant Colonel Oberg, the topographic general staff of Colonel Betev)*. MDCCCXLII. Saint Petersburg: "Military topographic depot" Publ., 1842 (in Russian).
3. Karta 1876. *Voенно-topograficheskaja karta Tavricheskoi gubernii. Masshtab 1:126000 (Military topographic map of the Tauride province. Scale 1:126000)*. Moscow: Cartographic Department of the Corps of Military Topographers, 1862–1876 (in Russian).
4. Karta 1900. *Karta Tavricheskoi gubernii. Masshtab 1:42000. (Map of the Tauride province. Scale 1:42000)*. Military Topographical Department. Based on surveys from the late 19th and early 20th centuries. Reprint of individual sheets up to 1923. Petrograd (in Russian).
5. Kovyркин, K. K., Sanzharovets, V. F. 2014. In Fedoseev, N. F. *Kerchenskii poluostrov. Geograficheskii slovar' (Kerch Peninsula. Geographical Dictionary)* 4. Simferopol, 443–585 (in Russian).
6. Lashkov, F. F. 1886. In: *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii drevnostei (Notes of the Odessa Society of History of Antiquities)* 4. Odessa, 91–156 (in Russian).
7. Mukhin, S. A. 1817. *Voennaia topograficheskaja karta poluostrova Kryma. Sostavlennaia po noveishim astronomicheskim nabludeniiam, ispravlennaia i dopolnennaia iz luchshikh voennykh s'emok svity ego Imperatorskogo Velichestva po kvartirmeisterskoi chasti general-maiorom Mukhinym 1816 goda, po prikazaniiu g-na general ad'iutanta Kniazia Volkonskogo 2-go vo vremia upravleniia ego onoi chast'iu. Gravirovano i napechatano v Voенно-topograficheskom depo pri glavnom shtabe Ego Imperatorskogo Velichestva 1817-go goda (Military topographic map of the Crimean peninsula. Compiled from the latest astronomical observations, corrected and supplemented from the best military surveys of the retinue of His Imperial Majesty in the quartermaster unit by Major General Mukhin in 1816, by order of Mr. General Adjutant Prince Volkonsky 2nd during his management of this unit. Engraved and printed in the Military Topographic Depot at the General Staff of His Imperial Majesty in 1817)*. Saint Petersburg: "Military Topographic Depot" Publ. (in Russian).
8. Reestr 1. 2022. *Respublika Krym. Portal Pravitel'stva. Ob utverzhdenii Reestra kladbishch munitsipalnogo obrazovaniia gorodskoi okrug Kerch' Respubliki Krym (Republic of Crimea)*.

This study was prepared as a part of the grant of the Russian Science Foundation No. 25-28-00135, <https://rscf.ru/project/25-28-00135>

Government Portal. On approval of the Register of cemeteries of the municipal formation of the urban district of Kerch of the Republic of Crimea). Document number: 2454/1-п/ Date of document adoption: November 24, 2022 Date of publication: November 24, 2022. <https://kerch.rk.gov.ru/documents/669f2642-13c1-45ae-96bb-2926bb740bbb> (in Russian).

9. Reestr 2. 2022. *Respublika Krym. Portal Pravitel'stva // Reestr kladbishch i mest zakhoroneni na nikh (Republic of Crimea. Government Portal. Register of cemeteries and burial sites therein)*. Publication date: November 18, 2022. <https://lenino.rk.gov.ru/documents/a3e727bb-33d6-4f2a-832d-94b6a60f1683> (in Russian).

10. Smekalov, S. L., Ponomarev, L. Yu., Butovskii, A. Yu., Iartsev, S. V. 2024. In *Arkheologiya i istoriya Bospora. Sbornik materialov vsrossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Archaeology and history of the Bosporus. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference)*. Kerch, August 9–12, 2023. Simferopol. 108–113 (in Russian).

About the Authors:

Smekalov Sergey L. Candidate of Historical Sciences. Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy. Lenin Avenue, 125, Tula, 300026, Tula Region, Russian Federation; slsmek@mail.ru

Lantsov Sergey B. Candidate of Historical Sciences, Head of the department. Institute of Archaeology of Crimea, Russian Academy of Sciences. Academician Vernadsky Avenue, 4, Simferopol, 295007, Republic of Crimea, Russian Federation; sergey_lantsov@mail.ru

Ponomarev Leonid Y. Institute of Archaeology of Crimea, Russian Academy of Sciences. Academician Vernadsky Avenue, 4, Simferopol, 295007, Republic of Crimea, Russian Federation; l_ponomarev@mail.ru

Markova Kristina O. Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy. Lenin Avenue, 125, Tula, 300026, Tula Region, Russian Federation; markova.kristina.25@yandex.ru

Статья принята в номер 01.06.2026 г.

Естественно-научные методы в археологии

УДК: 904; 903.26; 59.001; 54.06

<https://doi.org/10.24852/pa2026.2.56.166.184>**КЛЫК КАБАНА В МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ ОПРАВЕ
С ТРОИЦКОГО XVI РАСКОПА В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ:
КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ¹****© 2026 г. Е.А. Тянина, О.С. Лебедева, В.К. Сингх, Н.В. Енисова,
И.В. Абдрашитова, М.А. Статкус**

Статья посвящена находке амулета из клыка кабана в орнаментированной оправе из цветного металла с Троицкого XVI раскопа в Великом Новгороде, в слое второй половины XII – начала XIII вв. находка относится к категории амулетов из зубов и костей животных, но такой амулет в оправе фиксируется впервые. Комплексное исследование включало в себя остеологический анализ клыка, анализ химического состава металла оправы и техники ее изготовления, исследование топографии, хронологии и семантики амулета. В результате было установлено, что клык был взят от вепря старше 8 лет и весом более 100 кг, являвшегося охотничьим трофеем. Оправа из оловянно-свинцового сплава, имитирующего серебро, изготовлена литьем по оттиску с острой части клыка в глину, гравировка нанесена на готовое изделие. В отличие от более раннего периода, во II пол. XI – п.п. XIII в. кабаньи амулеты-клыки встречаются редко, а изначальная семантика кабаньего клыка, связанная, возможно, со скандинавской мифологией, была утрачена, хотя сохранялись общие представления о магической силе поражающей части тела зверя. В средневековый период на Руси охота на кабана являлась прерогативой знати и дружинников, что зафиксировано в письменных источниках. Вероятнее всего, клык кабана в оправе служил воинским или охотничьим оберегом, символизирующим переход силы зверя на его победителя, и одновременно талисманом на удачу.

Ключевые слова: археология, Великий Новгород, Троицкий раскоп, амулеты, клыки животных, комплексный анализ, метод РФА, археозоология, семантика.

Среди множества находок в культурном слое средневекового Новгорода предметы, связанные с культурной традицией, имеют особое значение. В 2020 г. на Троицком XVI раскопе был обнаружен клык кабана в металлической оправе², относящийся к одной из самых распространённых в Новгороде групп амулетов из зубов и костей животных (рис. 1). Для средневекового Новгорода находка является уникальной из-за размера клыка и металлического наконечника – до сих пор амулеты из клыков и костей животных в оправе не встречались.

Комплексный анализ находки включал в себя топографию и хронологию, остеологический анализ клыка, металловедческое исследование

оправы, а также характеристику находки в контексте этой категории амулетов.

Топография и хронология. Топографическое исследование и датировка находки осложнилась обстоятельством её обнаружения. В 2021 г. работы на Троицком XVI раскопе были временно приостановлены на уровне пласта 9 (гл. -160/-180 см), а уникальный амулет был найден в ходе углубления северной дренажной траншеи на уровне пласта 10, что несколько ниже уровня основной площади раскопа.

Предварительная датировка средневековых напластований, на уровне которых был законсервирован раскоп, – рубеж XII–XIII вв. Следовательно,

¹ Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш02-20 «Христианские и языческие древности средневекового Новгорода в свете междисциплинарных исследований».

Рис. 1. Кабаний клык-амулет в металлической оправе.

Fig. 1. A boar tusk amulet with a metal mount.

улицу. Это разделение фиксируется на протяжении всего XIII в. и интересующего нас времени рубежа XII–XIII вв. Амулет из клыка кабана был найден на территории северной усадьбы.

Застройка северной усадьбы на уровне шестого яруса (пласт 8) сосредоточена вдоль её северной границы и представлена тремя

слоем, в котором был найден клык кабана, можно датировать в пределах последней четверти XII – рубежа XII–XIII вв.

XVI участок Троицкого раскопа площадью 540 кв. м располагается к югу от основного массива Троицких раскопов и отделен от них Редятиной улицей (рис. 2). Он был заложен напротив церкви во имя Святой Троицы, известной по летописным данным с конца XII в. (каменный храм заложен в 1365 г.). В древности здесь размещался квартал городских усадеб, заключенный между средневековыми улицами: Пробойной на востоке, Редятиной на севере и Воздвиженской на юге.

До конца XIII в. топография исследуемого участка представляла следующую картину. В площадь раскопа попали две усадьбы, условно обозначенные как северная и южная. Межусадебная граница проходила через центральную часть раскопа и разделяла его на два равных участка. Обе усадьбы в рассматриваемый период были ориентированы на Пробойную

улицей. Это разделение фиксируется на протяжении всего XIII в. и интересующего нас времени рубежа XII–XIII вв. Амулет из клыка кабана был найден на территории северной усадьбы. Застройка северной усадьбы на уровне шестого яруса (пласт 8) сосредоточена вдоль её северной границы и представлена тремя небольшими и средних размеров четырехстенными срубами, которые могли носить жилой или хозяйственный характер. В некоторых из них сохранились остатки отопительных сооружений. В восточной части усадьбы на данном этапе исследований застройка не прослежена. Вероятно, она будет открыта при исследовании нижележащих пластов, учитывая довольно значительное понижение средневековой дневной поверхности с запада на восток. Частично вскрытые и законсервированные постройки северной усадьбы более раннего яруса позволяют говорить о том, что внутриусадебная планировка в период выпадения в слой находки оставалась такой же.

Стоит отметить, что набор обнаруженных на усадьбе находок обладает достаточно престижным характером и вкпе с данными берестяных грамот и сфрагистическим материалом, а также с анализом топографического контекста двора позволяет говорить о высоком социальном и имуществен-

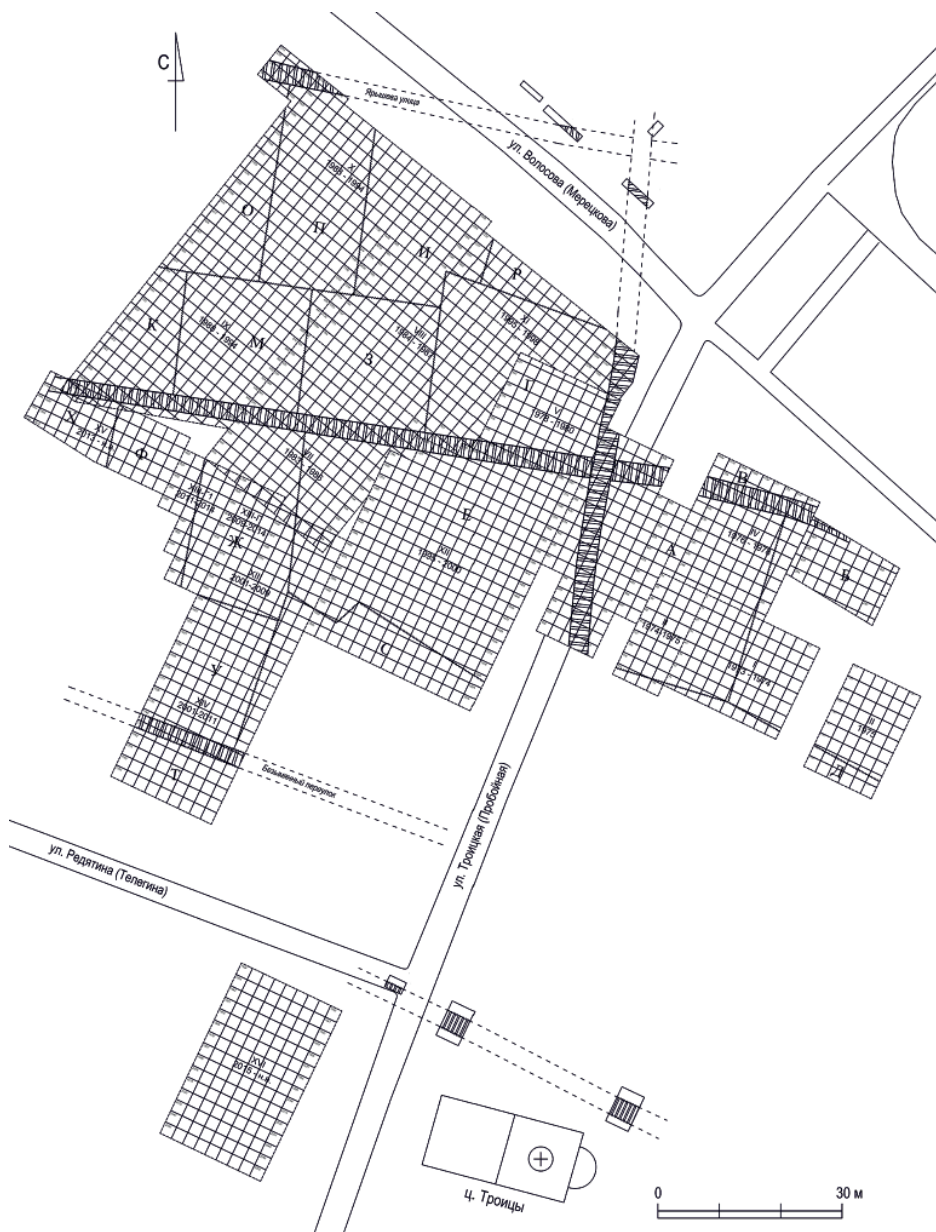

Рис. 2. Топографический план Троицкого раскопа.

Fig. 2. Site plan of the Troitsky excavation area.

ном статусе владельцев усадьбы рубежа XII–XIII вв. Насколько этот статус был унаследован ими от несколько более раннего времени, можно лишь предполагать. На том же уровне, в водоотводной траншее, был найден комплекс предметов вооружения, включавший два наконечника стрел,

перекрестье сабли и фрагмент кольчужного полотна. К западу от находки клыка обнаружена ещё одна уникальная находка – обломок оловянной булавки с изображением павлина (Енисова и др., 2024, с. 136–145). В тех же слоях найдены полый шумящий конёк-амулет, фрагмент от другой

шумящей привески, две бронзовые поясные накладки, ключ и скопление фрагментов амфор (15 экз.).

Археозоологический анализ.

Амулет изготовлен из нижнего правого клыка кабана (*Sus scrofa*). Внешний вид предмета вызывает неподдельный интерес не только из-за оформления, свидетельствующего о его ритуальном назначении, но и в силу крупных размеров клыка. Вершина его закрыта металлической оправой, а прикорневая часть была обломана еще до попадания в культурный слой. Несмотря на это, в рамках данной работы удалось выяснить предполагаемую возрастную группу и основные размерные характеристики животного, которому принадлежал клык.

Для оценки возраста дикого кабана наиболее распространены и применяются по различным признакам нижних клыков несколько методик (Клевезаль, 2007, с. 234–238). В первую очередь изучаются возрастные изменения формы клыка и степень его стачивания. Клыки у самцов, после смены молочных на постоянные, продолжают расти в течение всей жизни и с возрастом увеличиваются как в длину, так и в ширину, к концу жизни достигая максимальных размеров. Длина клыка (в мм) измеряется по наибольшему изгибу от самой выступающей точки на основании зуба до его вершины, а диаметр – в наиболее широком месте (Козло, 1975, с. 73–77). К сожалению, имеющиеся повреждения изучаемого клыка не позволяют сколь-нибудь достоверно измерить (или реконструировать) диаметр зуба, так как с внутренней стороны нижней части имеется значительный слом. Поэтому использовать этот метод определения возраста животного в нашем случае не представляется возможным.

Наиболее часто используемым методом определения возраста кабана является вычисление отношения ши-

рины корня к ширине коронки зуба (Brandt, 1961). Для самцов младше четырех лет ширина коронки должна быть значительно меньше ширины корня. Однако к восьми годам и старше эти размеры становятся приблизительно равны. В случае целого зуба ширину корня следует измерять, отступая от апикального отверстия на 10 мм. Однако очень часто при неосторожном изъятии клыков из челюсти основание зуба повреждается. В этом случае допускается измерение в наиболее широком месте нижней части зуба. Нам удалось измерить эту величину, она равна ~27,4 мм. Ширину коронки следует измерять у нижнего края поверхности стачивания. В нашем случае эта часть зуба покрыта металлом, поэтому промер брался непосредственно по краю наконечника, он составил ~27,3 мм. Отношение взятых величин равняется ~1,01 мм. По этому показателю животное, которому принадлежал изучаемый клык, можно отнести к возрастной группе от восьми лет и старше.

Еще одним методом приблизительной оценки возраста самцов кабана является измерение длины поверхности стачивания нижних клыков, которая увеличивается с возрастом и для особей старше восьми лет достигает максимальной длины – 70 мм (Nabermehl, 1985). К сожалению, этот метод пока невозможно применить к изучаемому зубу, так как эта область закрыта металлическим наконечником.

Несмотря на то, что изученный предмет имеет неполную сохранность и декоративный металлический элемент, одним из перечисленных методов удалось соотнести размеры клыка с возможной возрастной группой, к которой принадлежал кабан – от восьми лет и старше. К этому возрасту кабаны достигают своего максимального физического развития. Экстерьерные характеристики взрослых животных в различных современных популяциях

Рис. 3. Продукты коррозии в углублениях гравированного орнамента.

Fig. 3. Corrosion in the recesses of the engraved ornament.

(кафедра аналитической химии). Отчетливо проявились следы, оставленные штихелем и финальной полировкой, полностью удалившей следы литейных швов (рис. 4). Вероятнее всего, оправка

дикого кабана на территории России и сопредельных регионах могут существенно различаться. Однако для популяций, обитающих в географически близких регионах, средние значения основных характеристик для взрослых самцов таковы: животные старше шести лет имеют мощное крепкое тело длиной ~166 см, высотой в холке ~100 см, со средним весом ~150 кг (Данилкин, 2002, с. 22–24).

Технологическое изучение металлической оправы клыка проведено на кафедрах археологии исторического факультета и аналитической химии химического факультета МГУ. Хорошая сохранность металла и темное заполнение в углублениях врезанного орнамента первоначально производили впечатление серебряного изделия с черневым декором. После промывки мягкой щеткой, смоченной в 10% растворе Трилона Б, поверхность была расчищена, но продукты коррозии в углублениях орнамента полностью удалить не удалось, что повлияло на результаты анализа химического состава металла (рис. 3).

Поверхность наконечника была обследована на микроскопе Zeiss Steini (кафедра археологии) с различным увеличением, а также подвергнута картированию с заданными параметрами на приборе Tornado M4+ Bruker

была отлита в двухстороннюю литейную форму. Легкоплавкие металлы и сплавы можно заливать в изложницы из любого материала – металлические, каменные, глиняные или деревянные, но следов дерева на поверхности металла нет, а невысокое качество отливки и использование гравированного декора свидетельствует против использования металлической или каменной литейной формы. Можно предположить, что загнутое острое окончание клыка было оттиснуто в глиняной формовочной массе с обеих сторон; для создания внутренней полости использовали деревянный или глиняный сердечник.

Верхняя широкая часть оправы обрамлена рубчатой проволокой, припаянной на гладкую основу после помещения клыка в оправу для более плотного примыкания металла. Гравировка была нанесена уже после соединения клыка и оправы. Работа штихелем возможна с любыми материалами, но гравировка по серебру или латуни – более легкая задача, чем резьба по мягкому олову (микротвердость по Виккерсу – 5Н). Деформация олова вызывает образование кристаллических двойников, что повышает его ковкость и прочность, как и способность к пластической обработ-

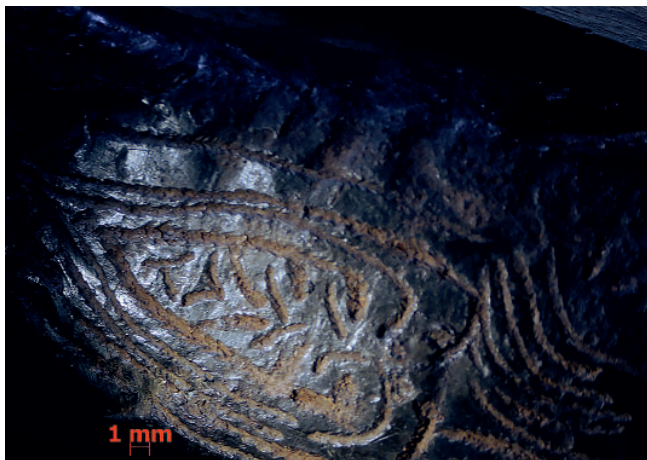

Рис. 4. Гравированный орнамент на поверхности оправы, выполненный с помощью штихеля.

Fig. 4. Engraved ornament on the mount surface, created with a burin.

представлены в таблице 2.

Содержание олова на гладких участках поверхности составляет около 96–97%, в углублениях гравированного орнамента повышены концентрации железа,

свинца и марганца: распределение элементов в целом повторяет линии орнамента (рис. 6).

Серебристый металл основы наконечника, принятый визуально за серебро, – это практически чистое олово с небольшими добавками свинца и меди – «хороший» пьютер, согласно номенклатуре лондонской гильдии ювелиров середины XIV в. (Berger, 2015, s. 76).

Проволока сделана из другой порции металла с более высоким содержанием свинца и меди, делавшим сплав более твердым. Вероятно, различия были обусловлены технологическими причинами и свидетельствуют о сознательном выборе материалов для изготовления отдельных частей оправы. «Чистое» олово, использованное для изготовления основы, имеет более высокую температуру плавления (232 °С), чем накладная проволока из тройного сплава (около 180 °С). Можно предположить, что мастер варьировал материалы с разными температурами плавления для соединения деталей оправы с помощью нагрева в тлеющих углях – простого способа пайки.

Судя по материалам Неревского и Троицкого раскопов, новгородские ювелиры в XII–XIV вв. часто использовали олово с концентрацией от 96 до

ке. Это свойство делает возможным гравировку на поверхности изделий из олова без разрывов кристаллов по плоскостям спайности и появления трещин (Tylecote, 1986, p. 47). Гравированный орнамент, сочетающий растительные мотивы со спиральными завитками, нанесен рукой умелого мастера. Работа штихелем по мягкой оловянной основе в новгородской коллекции украшений до этой находки не фиксировалась.

Анализ химического состава металла наконечника проведен на стационарном оборудовании с молибденовой трубкой и полупроводниковым детектором с помощью неразрушающего рентгенофлуоресцентного энергодисперсного метода (РФА)³. Измерения в трех точках показали следующие результаты (табл. 1).

Для независимой проверки полученных результатов и картирования участка поверхности оправы на кафедре аналитической химии химического факультета проведен микрорентгенофлуоресцентный анализ с использованием спектрометра Tornado M4+ (Bruker, Германия). Спектрометр оснащен рентгеновской трубкой MCB-50-0.7G W (rtw Dr.Warrikhoff Röntgentechnik, Германия) с вольфрамовым анодом и бериллиевым выходным окном⁴. Результаты измерений в четырех точках (рис. 4)

Таблица 1

Состав металла наконечника (ArtTAX-BRUKER, кафедра археологии)

Точка поверхности	Cu	Sn	Pb	Fe
Гладкий участок	0.66	96.88	2.42	0.04
Углубление (гравировка)	0.48	90.65	8.82	0.04
Накладная проволока	0.2	70.81	28.92	0.02

Таблица 2

Состав металла наконечника (Tornado M4+ Bruker, кафедра аналитической химии)

Точка поверхности	Содержание элемента, масс. %				
	Mn	Fe	Cu	Sn	Pb
1	0.15	0.81	0.68	96.89	1.47
2	0.21	2.38	0.13	91.20	6.07
3	0.18	0.76	0.68	97.79	0.59
4	0.17	0.55	0.38	97.20	1.70

100% для изготовления проволочных и пластинчатых браслетов, перстней, крестиков, оправ зеркал, змеевиков, булавок и других изделий. На Неревском раскопе доля оловянных изделий составляет чуть более 7%, максимум приходится на XIII–XIV столетия (Коновалов, 2008, с. 22). Гладкая блестящая серебристая поверхность олова удачно имитировала драгоценный металл, что вводит в заблуждение современных исследователей, определяющих материал визуально.

Источников олова в Европе было существенно меньше, чем рудных месторождений меди или свинца. С XII в. олово в огромных масштабах (более 200 тонн в год) добывали и экспортировали в европейские страны из Девона и Корнуолла. Основной рудный минерал месторождений Британских островов – касситерит (Sn_2O), при выплавке металла из оловянного камня получают очень чистое олово, о чем свидетельствует анализ римских и средневековых слитков и изделий ($\text{Sn} > 99,5\%$), происходящих с юго-запада Англии (Tylscote, 1986, p. 44–47, tabl. 28, 30). Среди коллекции новгородских слитков есть экземпляры из оловянно-свинцового сплава,

единственный слиток из «чистого» олова обнаружен на усадьбе «А» Троицкого раскопа в слоях второй половины XII в. (Енисосова и др., 2018, с. 68, рис. 7).

Данных о химическом составе средневековых оловянных и оловянно-свинцовых изделий, сопоставимых с новгородскими, немного. Шведская исследовательница И. Закриссон опубликовала результаты исследования металлических украшений, обнаруженных на территории шведской Лапландии в местах, где саамы совершали жертвоприношения с начала XI по середину XIV столетий. В жертвенниках обнаружены находки североевропейского, прибалтийского, западно-финского и древнерусского происхождения, а также изделия, произведенные местными саамскими мастерами. Анализ металла 52 изделий показал, что среди местных украшений и находок древнерусского происхождения значительную долю составляют образцы из чистого олова или олова, легированного небольшим количеством свинца – до 10%. Украшения из северных регионов Западной Европы чаще произведены из легкоплавкого сплава, содержание

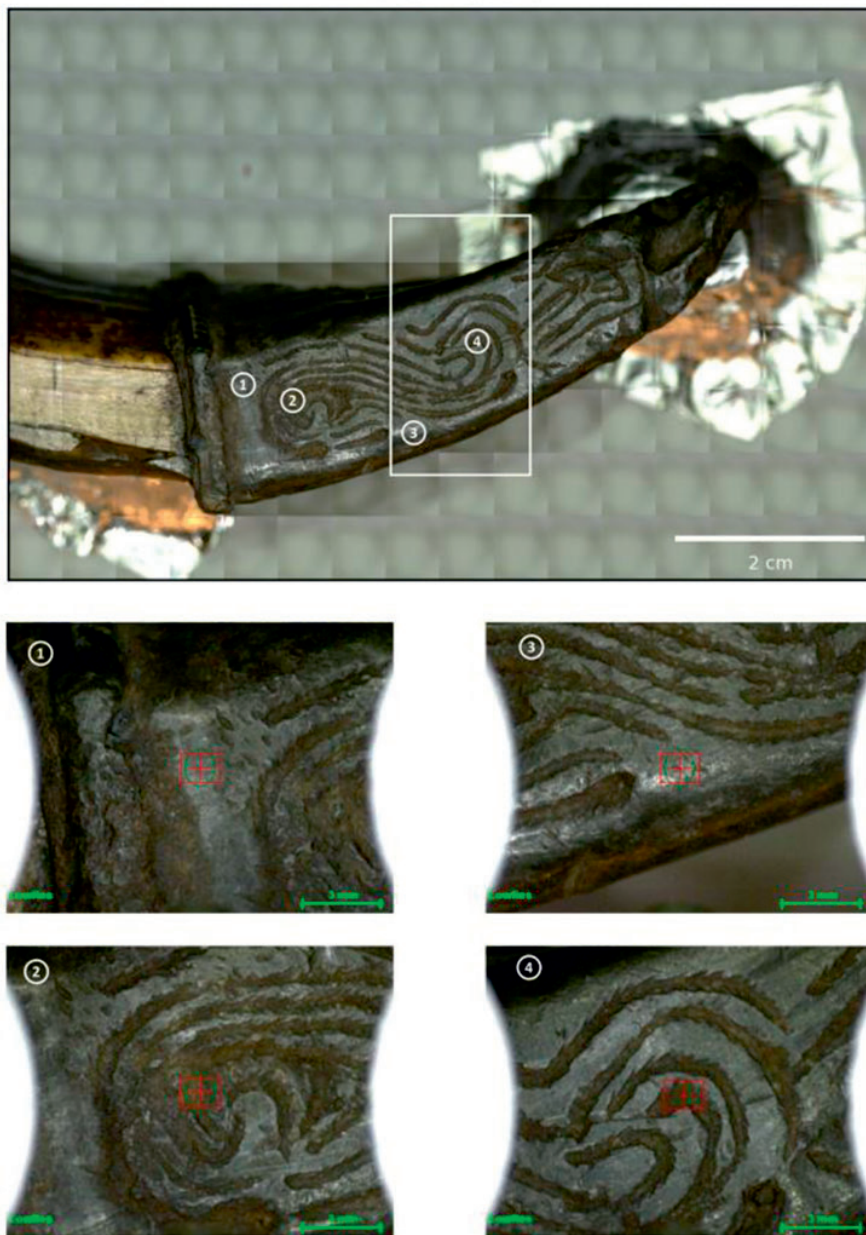

Рис. 5. Участки поверхности образца, изученные с помощью микроРФА. Цифрами 1–4 обозначены точки, для которых были получены спектры, белым прямоугольником обозначена область картирования.

Fig. 5. Surface areas of the sample studied using micro-XRF. Points 1–4 indicate the spots where spectra were obtained; the white rectangle indicates the mapping area.

свинца в котором составляет 20–49% (Zackrisson, 1984, s. 52–56, tab. 3–7). Среди сырьевых источников олова и свинца средневековой Скандинавии называют оловянные и свинцовые

месторождения Британских островов и Германии, основываясь на данных письменных источников. Основным поставщиком легкоплавких металлов и сплавов в Северную Европу был

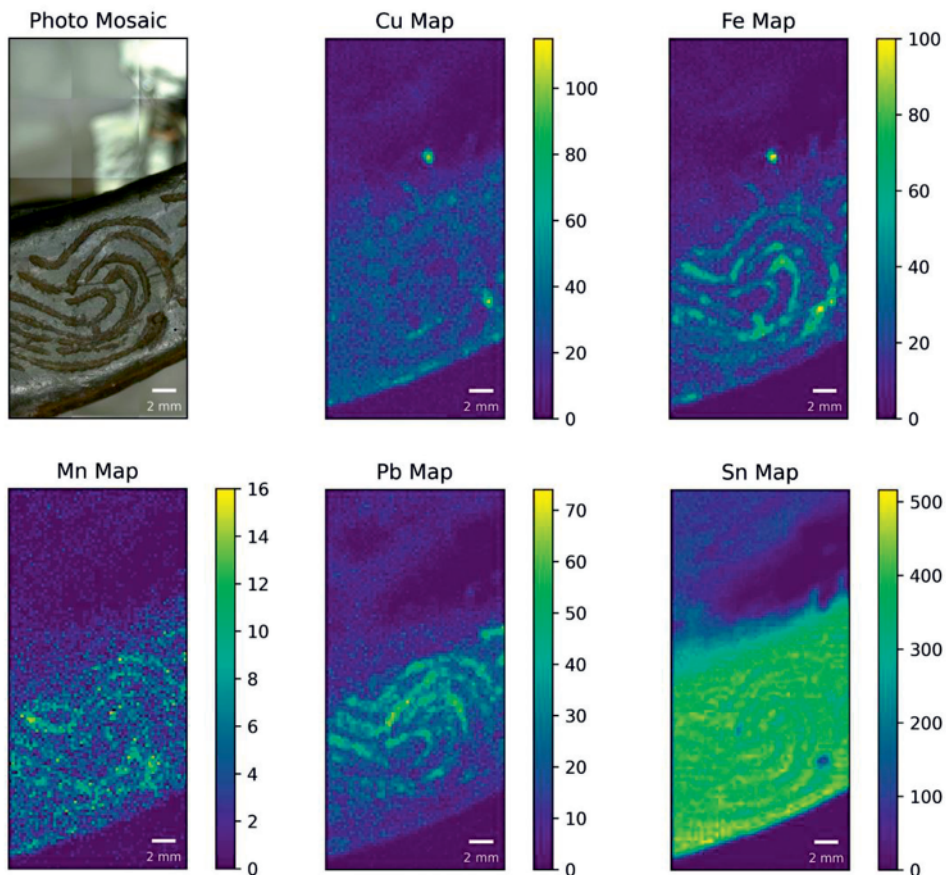

Рис. 6. Карты распределения элементов по поверхности образца. Шкалы в импульсах /сек. для наиболее интенсивной линии соответствующего элемента.

Fig. 6. Elemental distribution maps across the sample surface. Scales are in counts per second (cps) for the most intense line of the corresponding element.

Ганзейский союз, однако И. Закриссон полагает, что в более ранний период олово в Лапландию привозили торговцы, участвующие в экспансии викингов на Британские острова. В исландской саге (*Vatnsdalssagan*) начала XIII века рассказывается о событиях IX–X вв.: магнат Ингемунд Торстейнсон заплатил за помощь саамам маслом и оловом, привезенным из Англии. Исследовательница считает также, что в XII–XIII вв. саамы могли получать металл и другими путями, например благодаря торговым контактам с Новгородом – крупнейшим рынком цветных металлов на Северо-Западе Европы (Zackrisson, 1984,

s. 82–83). Из текста берестяной грамоты № 439 (1190–1200 гг.) известно об участии новгородских складников в торговле оловом, медью и свинцом, привозивших ценное сырье из Новгорода в Суздаль (Рыбина, 2001, с. 231).

Семантика. Находку, несмотря на её уникальность, нельзя рассматривать в отрыве от прослеженной по археологическим данным традиции использования клыков и резцов кабана в качестве амулетов. Эти предметы входят в более широкую категорию, включающую в себя клыки, зубы и кости животных, в основном с просверленным отверстием для ношения (Тянина, 2011, с. 162). В новго-

родском археологическом материале «кабаньи» амулеты занимают второе место по количеству (уступая только амулетам из зубов и когтей медведя) и составляют примерно четверть всей собранной к настоящему времени коллекции амулетов из зубов и костей животных (61 экз.) (рис. 7). При этом наибольшей популярностью у новгородцев пользовались как раз клыки кабанов-самцов (45 экз.). В основном они имеют меньшие размеры, чем находка с Троицкого XVI раскопа. Реже использовались амулеты из клыков самок (8 экз.) и из резцов (8 экз.) кабана.

Хронология и топография амулетов из клыков и резцов кабана имеет свои особенности, выделяющие их внутри общей категории амулетов из зубов и костей животных. Бытование этого вида амулетов чётко разделяется на два хронологических периода. Наибольшее их количество относится ко времени второй трети X – первой половине XI в. (Тянина, 2011, с. 165). На этот период приходится около половины всех находок «кабаньих» амулетов. При этом они составляют локальную группу по общегородской топографии: 90% из находок раннего периода происходит с Троицкого раскопа. Начиная с середины XI в. наблюдается резкое уменьшение количества находок, однако в дальнейшем, на протяжении двух столетий (вторая половина XI – первая половина XIII вв.) они встречаются в городском культурном слое редко, но достаточно стабильно. После середины XIII в. находки «кабаньих» амулетов единичны и в основном связаны с переотложенными слоями.

Датировка клыка в оправе с Троицкого XVI раскопа соотносится со вторым периодом использования. На Троицком раскопе в слое второй половины XII в., кроме рассматриваемого экземпляра, найден один амулет из клыка кабана-самца (усадьба «Е»)

и один – из резца (усадьба «Г»). Ещё две находки относятся к первой половине XIII в.: амулет из резца происходит из обработки археозоологического материала Троицкого XI раскопа, а клык самца – с усадьбы «Г». Три из перечисленных экземпляров происходят из построек, четвёртый не имеет топографической привязки. Кроме того, единичные находки «кабаньих» амулетов этого времени есть на Неревском и Фёдоровском раскопах Новгорода.

Выделение двух хронологических периодов заставляет предположить трансформацию семантического значения и восприятия этого типа амулетов на протяжении средневекового времени.

В первый период бытования, к которому относится основная масса амулетов, эта локальная группа, возможно, связана со скандинавским культурным влиянием. Локализация «кабаньих» амулетов в Людином конце, на Троицком раскопе хорошо соотносится с выявленным здесь же комплексом находок скандинавского круга, в том числе и амулетов (Рыбина и др., 2020, с. 14–15, рис. 14). Хронология этой группы совпадает со временем наиболее тесных контактов Новгорода со Скандинавией, в частности присутствия варягов в составе дружин новгородских князей, последнее упоминание о котором содержится в летописных источниках под 1043 г. (ПСРЛ, 2000, с. 115). Среди скандинавских амулетов эпохи викингов не встречаются кабаньи клыки или изображения этого животного (Jensen, 2010, p. 37–42). О культе золотого вепря – одного из символов Фрейра – мы знаем только благодаря письменным источникам (Fuglesang, 1989, p. 16–17). Культ дикого кабана нашел отражение в германском прикладном искусстве более раннего времени – в эпоху Венделя (VI–VIII вв.). Этот зверь изображен на бректеатах

Рис. 7. Амулеты из клыков и резцов кабана из раскопок в Новгороде.

Fig. 7. Amulets made from boar tusks and incisors from the excavations in Novgorod.

Сехримнира, чьё не и с ся к а е м о е мясо вкушают эйнхери в Валгалле (Младшая Эдда, 1970, с. 58). Сложно сказать, какая из описанных выше традиций почитания вепря оказала влияние на жителей Людина конца, изготавливавших амулеты из кабаньих клыков.

и поясных пряжках, а также вырезан из золотой фольги (*guldgubbar*) – находки происходят преимущественно с территории Дании и Швеции. Фигурки вепрей венчали шлемы воинов, обнаруженных в курганах Венделя и Вальсгерде, кабаньи головы с клыками присутствуют в декоре шлема из погребения англо-саксонского короля в Саттон Ху (VII в.). В эпоху викингов вепрь утратил роль иконографического символа, но сохранился в качестве атрибута Фрейры в мифах и скальдической поэзии (Watt, 2002, p. 63–67, fig. 5–8). Ещё одно семантическое значение образа дикого кабана не только в скандинавском, но и общегерманском языке связано с вепрем, приносимым в жертву на празднике зимнего солнцестояния – Йоле. Голова этого вепря была одним из атрибутов праздника, она символизировала смерть и возрождение, на ней приносились клятвы (Топоров, 2014, с. 322–323; Гримм, 2019, с. 453). Схожий мотив вечного возрождения имеет и мифологический образ кабана

В зоолатрических представлениях восточных славян какие-либо значимые следы культа дикого кабана не выявляются. В этнографических материалах присутствует исключительно домашняя свинья, и её семантика имеет благопожелательную направленность. Свинья как символ богатства и плодородия была традиционным блюдом на рождественском столе (Славянские древности, 2009, с. 575–576). Последнее, правда, сочетается с традицией йольского жертвенного вепря и, возможно, восходит к общим с ней корням, но семантически эти ритуалы всё же довольно далеки. В любом случае первый период бытования амулетов из клыков кабана завершился за 150 лет до попадания в слой «кабаньего» амулета в оправе и не имеет к нему отношения. Уникальная находка с Троицкого XVI раскопа относится ко времени, когда первоначальная связь семантики «кабаньих» амулетов со скандинавской мифологией была утрачена

Рис. 8. Сцена охоты на вепря на фреске в южной башне Софийского собора в Киеве.
Fig. 8. Fresco depicting a wild boar hunt, located in the southern tower of St. Sophia Cathedral, Kyiv.

и на первый план выступают другие представления.

Прежде всего, такой амулет мог использоваться как воинский или охотничий оберег. В этом качестве он символизировал переход силы, ярости и храбрости вепря на того, кто его сразил. Такая древнейшая семантика амулета из звериного клыка могла сохраняться именно среди воинов и охотников. Нет никаких сомнений, что выдающихся размеров секач, из клыка которого был изготовлен амулет, был охотничьим трофеем. На Руси кабан не относился к промысловым животным, охота на него была исключительно видом развлечения для знати и дружинников, которые охотились не столько ради мяса или мехов, сколько ради забавы, «утеху себе творяще» (Кутепов, 1896, с. 35, 63). При этом охота на вепря с древнейших времён считалась одной из самых опасных, нередко приносящих самому охотнику увечья и даже смерть. «Идучи на кабана – посылай за попом», – такая белорусская поговорка XIX в. хорошо иллюстрирует этот вид охоты (Швед, 2018, с. 50). Только самые храбрые и опытные воины могли позволить себе вступить в единоборство с этим сви-

репым зверем, олицетворявшем неистовую ярость, силу и выносливость, который, даже получив смертельные раны, сражался до конца. В Западной Европе в раннем Средневековье вепрь являлся королевской дичью, а охота на него была своеобразным мистическим ритуалом. Это было связано не только с мощью и свирепостью этого зверя, но и с его сакральностью в германской и кельтской мифологии. У германцев, как говорилось выше, вепрь был основным жертвенным животным на празднике Йоль. Охота на такого зверя, конечно же, была сакральной, иногда единоборство происходило непосредственно на празднике (Гримм, 2019, с. 453). Ряд западноевропейских литературных источников XII–XIII вв. сохранил древнюю языческую легенду об охоте короля или героя на мифологического белого кабана, во время которой он попадает в различные мистические приключения и даже в загробный мир (Пастуро, 2010). Только к XIV в. основным объектом для благородной охоты становится олень, а добыча кабана остаётся уделом опытных ловчих. Происходит это во многом под влиянием католической церкви, кото-

рая постепенно превратила кабана из сакрального зверя в нечистое животное, связанное с дьяволом (Пастуро, 2010).

Примеры охоты на кабана как занятия высшей знати имеются и для Руси. Владимир Мономах, описывая в «Поучении» свои охотничьи подвиги, упоминает о вепре, который сорвал ему меч с бедра (ПСРЛ, 2001, стб. 251). Ипатьевская летопись рассказывает об удачной охоте князя Даниила Галицкого, который, провожая дружину в поход, со своими отроками убил шесть вепрей, причём троих из них «сам же уби рогатиною». Здесь же повествуется и о том, как князь рационально распорядился добычей: «и вдасть мяса воем на путь» (ПСРЛ, 1998, стб. 830). Его племянник, волынский князь Владимир Василькович, также славился храбростью «на одиных ловах» (то есть в единоборстве) с вепрями и медведями (ПСРЛ, 1998, стб. 905–906). Охота на вепря изображена в одной из охотничьих сцен на древних фресках в южной башне Софийского собора в Киеве, относящихся к периоду его строительства (рис. 8). На ней пеший охотник с собакой поражает зверя копьем. О важности этого вида охоты в Новгороде говорит особый пункт в договорах с князьями XIII–XIV вв.: «а свиньи биты за 60 верст от города». Эта норма впервые присутствует в договоре с князем Ярославом Ярославичем от 1264 г., но в самой грамоте есть ссылка на его отца Ярослава Всеволодовича, то есть она существовала и прежде (ГВНП, 1949, № 1, с. 8–9). Тот же пункт повторяется и в более поздних грамотах (ГВНП, № 6, 9–10, с. 15, 19–22), а в договоре с Александром Михайловичем расписан подробнее: «а свиньи ти, княже, гонити за шестьдесят версть около города; а в тои шьстидесять новгородьцю гонити» (ГВНП, 1949, № 14, с. 28). Интересно, что первые свидетельства существо-

вания такой нормы близки по времени к находке нашего амулета. То есть охота на кабана в это время была популярна и у князей, и у новгородской знати. Эти сведения подтверждают и то, что резкое сокращение амулетов из кабаньих клыков и резцов в середине XI в. не связано с истреблением этих животных в новгородской округе. Значительное сокращение популяции и ареала дикого кабана, которое констатирует Н. Кутепов для XIX в. (Кутепов, 1896, с. 35), произошло, по видимому, гораздо позже.

Кроме символики силы и храбрости вепря, которая переходила на его победителя, такая крупная охотничья добыча была магическим символом удачи, которая должна была сопровождать добытчика и впоследствии. Привлечение удачи было древнейшим предназначением любой охотничьей магии, которая включала в себя и ритуалы над добычей или какими-то её частями. В восточноевропейском Средневековье семантику охотничьей магии имели амулеты из частей тела пушных зверей. Эти группы амулетов связаны с зоолатрическими верованиями финно-угорского населения и народов Крайнего Севера, которые традиционно занимались пушным промыслом (Лобанова и др., 2019, с. 420). На территории Руси такие амулеты представлены просверленными клыками и костями лисицы, куницы, астрагалами и резцами бобра (Голубева, 1997, с. 157). Связь последних с охотничьими промыслами в Новгороде подтверждается сопоставлением хронологии амулетов и остеологического материала на усадьбах Людина конца (Тянина, 2011, с. 167). Охотничья магия также широко представлена в этнографии восточных славян различными заговорами и ритуалами, нередко носящими архаичный характер и содержащими обращения к лесным духам, хтоническим персонажам или колдунам (Забылин, 1996, с. 334–341;

Рис. 9. Амулет из кабаньего клыка из Вщижа с надписью «Господи помози рабу твоему Томе».

Fig. 9. Boar tusk amulet from Vshchizh with the inscription "Lord, help Thy servant Thomas".

777 заговоров, 1999, с. 305–338). В поверьях белорусов удачливый охотник обязательно связан мистическим союзом с колдуном или сверхъестественным существом (Швед, 1918, с. 53–56), который предполагал и ношение особых талисманов. На благопожелательное назначение амулета может указывать и заключение в оправу именно поражающего элемента клыка. Как семантически близкую аналогию можно привести обломок амулета из кабаньего клыка, найденного в древнерусском городе Вщиже, также в слоях XII–XIII вв. (рис. 9). На частично срезанной поверхности клыка была выцарапана христианская надпись «господи помози рабу твоему Томе» (Рыбаков, 1953, с. 118–120). Сам амулет носит на себе признаки синкретизма, но надпись имеет выражено благопожелательный характер.

Менее вероятна связь семантики амулета с общими представлениями об отгонно-поражающем магическом свойстве клыка, зуба или когтя дикого животного. Такие амулеты стояли в одном ряду с другими колющими и режущими предметами, колющими и жгучими растениями и пр. В этом качестве «кабаньи» амулеты использовались в отгонной скотоводческой магии. Так, у южных славян известен обряд, когда два связанных в форме

полумесяца клыка дикого кабана вешали на шею коням от порчи и сглаза (Левкиевская, 2002, с. 79).

Уникальный по размерам кабаньих клык, таким образом, мог свидетельствовать не только о редкости столь крупного зверя для новгородских лесов, но и о воинских качествах охотника, возможно победившего его в единоборстве. Такой крупный матерый вепрь должен был стать воистину «княжеским» трофеем. Вероятно, именно это обстоятельство и побудило удачливого охотника не просто взять со своей добычи клык в качестве амулета, как символа «перехода силы» или «на удачу», но и заказать у ювелира оправу с гравировкой, имитирующей драгоценный металл. Это мог быть как владелец усадьбы, так и кто-то из его отроков или ловчих. Наличие на том же стратиграфическом уровне на очень небольшой раскопанной площади комплекса предметов вооружения говорит о том, что обитатели имели отношение к воинской среде.

О том, как именно использовался амулет, точно сказать нельзя. С одной стороны, оправка сделана не для удобства ношения, а именно в качестве украшения, так как в ней отсутствует ушко для привешивания. Но это не исключает полностью возможность использования клыка как личного амулета, так как второй обломанный конец мог иметь отверстие или другое приспособление для ношения. В то же

время находки трёх из четырёх амулетов этого круга в сооружениях может указывать и на иные формы их использования в данный период. Такой амулет мог не только носиться лично

добытчиком кабана, но и длительное время храниться в семье и передаваться на удачу и как оберег следующим поколениям.

Примечания

² Паспортные данные находки: Великий Новгород – 2020, раскоп Троицкий XVI, пласт 10, квадрат 1931, полевой № 1 (северная траншея).

³ Измерения проводились в течение 180 секунд для каждого образца при электрическом напряжении в 40 кВ и силе тока в 700 мА. Исследованию подвергалась поверхность площадью 0,2 мм (диаметр коллиматора). Положение образца по отношению к рентгеновскому излучению фиксировалось с помощью лазерного луча. Результаты представлены в виде рентгеновских спектров. Специальная программа позволяет идентифицировать пики, соответствующие химическим элементам сплава. Их аналитическая интенсивность определяется на основе сравнения состава эталонов с содержанием элементов в исследуемом образце.

⁴ Измерения проводили в течение 60 секунд при электрическом напряжении 50 кВ и силе тока 700 мкА, максимальная мощность трубки 35 Вт. Исследованию подвергалась поверхность диаметром 0,5–1 мм (диаметр коллиматоров). Для регистрации рентгенофлуоресцентного излучения использовали SDD-детектор с рабочей площадью 60 мм² каждый, максимальная скорость счета составляет 275 тысяч имп/с, разрешение на линии Mn Ka составляет 145 эВ. Для управления спектрометром и первичной обработки данных использовали программное обеспечение (ПО) Esprit M4 (Bruker, Германия), поставляемое в комплекте со спектрометром. Дальнейшую обработку осуществляли с помощью программного пакета Hyperspy 1.6.1 (<http://doi.org/10.5281/zenodo.5082777>).

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубева Л.А. Амулеты // Древняя Русь. Быт и культура / Археология / Отв. ред. Б.А. Колчин, Т.А. Макарова. М.: Наука, 1997. С. 153–165.
2. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Ред. С.Н. Валк. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 407 с.
3. Гримм Я. Германская мифология. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019, Т. 1. 928 с.
4. Данилкин А.А. Свиновые (Suidae) Млекопитающие России и сопредельных регионов. М.: ГЕОС, 2002. 309 с.
5. Ениосова Н.В., Лубкова Т.Н., Николаева И.Ю., Покровская Л.В., Сингх В.К. Булавка с головкой в виде павлина из раскопок Великого Новгорода // Археологические вести. Вып. 42 / Гл. ред. Н.В. Хвоцинская. СПб.: ИИМК РАН, 2024. С. 136–146.
6. Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сингх В.К. Новые данные о химическом составе сырья новгородских ювелиров X–XV вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 32 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.–Псков: ИА РАН, 2017. С. 187–203.
7. Ениосова Н.В., Сингх В.К., Степанов А.М. Сырьевые слитки новгородских ювелиров // Нескончаемое лето. Сборник статей в честь Е.А. Рыбиной. / Отв. ред. В.К. Сингх. М. – Великий Новгород: МГУ, 2018. С. 62–73.
8. Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. Репринтное издание 1880 г. М.: Книга принтшоп, 1990. 616 с.
9. Клевезаль Г.А. Принципы и методики определения возраста млекопитающих. М.: Т-во научных изданий КМК, 2007. 283 с.
10. Козло П.Г. Дикий кабан. Минск: Ураджай, 1975. 224 с.
11. Коновалов А.А. Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X–XV вв. // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / Отв. ред. Н.В. Рындина. М.: Восточная литература, 2008. 7–106 с.
12. Кутепов Н. Великокняжеская и царская охота на Руси с X по XVI век. Т. 1. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1896. 211 с.
13. Левкиевская Е.Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М.: Индрик, 2002. 334 с.
14. Младшая Эдда / Пер., комм. О.А. Смирницкая. Ред. М.И. Стеблин-Каменский Л.: Наука, 1970. 224 с.

15. Лобанова Т.В., Кардаш О.В., Косинцев П.А. Надымский городок: амулеты и талисманы из костей животных XIII–XVIII веков // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований. Ч. 2. Сб. матер. Всерос. науч. конф. (г. Сургут, 1–5 октября 2018 г.): в 2 ч. / Отв. ред. В.А. Лапшин. Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург, 2019. С. 407–435.
16. Пастуро М. Охота на кабана. Как королевская дичь стала нечистым животным: история переоценки // Неприкосновенный запас. 2010. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/4/ohota-na-kabana-kak-korolevskaya-dich-stala-nechistym-zhivotnym-istoriya-pereoczenki.html> (дата обращения: 24.10.2024).
17. Полное собрание русских летописей Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998, 604 с.
18. Полное собрание русских летописей Т. IV. ч. I. Новгородская IV летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 686 с.
19. Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. 733 с.
20. Рыбаков Б.А. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж // По следам древних культур. Древняя Русь / Науч. ред. Г.Б. Федоров. М.: Изд-во культурно-просветительской литературы, 1953. С. 108–120.
21. Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода. В. Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2001. 389 с.
22. Рыбина Е.А., Сингх В.К., Покровская Л.В. Краткая история археологического изучения усадьбы Троицкого раскопа в Новгороде // Усадьба X–XI вв. в Людином конце средневекового Новгорода / Отв. ред. В.К. Сингх, В.В. Новиков. М.: Наука, 2020. С. 8–29.
23. Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Т. 4 / Отв. ред. С.М. Толстая. М.: Международные отношения, 2009. 649 с.
24. Топоров В.Н. Мифология. Статьи для мифологических энциклопедий. Т. 2. П–Я. М.: Языки славянских культур, 2014. 536 с.
25. Тянина Е.А. Амулеты средневекового Новгорода из зубов и костей животных // Археологические вести. Вып. 17. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 158–168.
26. Швед И. Охота и охотники в народной культуре белорусов // *Zoophilologica*. Polish Journal of Animal Studies. 2018. № 4. P. 49–69.
27. 777 заговоров и заклинаний русского народа / Сост. А. Александров. М.: Локкид, 1999. 542 с.
28. Berger D. Composition and decoration of the so-called zinnfigurenstreifen found in Magdeburg, Saxony-Anhalt, Germany // *Restaurierung und Archäologie*. 7. 2014. Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseum. S. 65–81.
29. Brandt E. Der Wert der Keilerwaffen als Altersweiser // *Tragungsberichte* № 37 Beiträge zur Jagd- und Wildforschung. Bd. 1, 1961. S. 53–77.
30. Fuglesang S H. Viking and medieval amulets in Scandinavia // *Fornvännen*. Vol. 84. 1989. P. 15–27.
31. Habermehl K.H. Alterbestimmung bei Wild- und Pelztieren. Verlag Paul Parey-Hamburg, Berlin, 1985. 223 s.
32. Homer R.F. Tin, lead, and pewter // *English medieval industries. Craftsmen, techniques, products*. London–New York: Hambledon Press, 2001. P. 57–80.
33. Jensen B. Viking Age Amulets in Scandinavia and Western Europe // *BAR International Series* 2169. Oxford: Archaeopress, 2010. 211 p.
34. Tylecote R. The Prehistory of Metallurgy in the British Isles. The Institute of Metals. London, 1986. 257 p.
35. Watt M. En glad gris – magtens dyr? // *Drik – og du vil leva skønt*. Festskrift til Ulla Lund Hansen på 60-årsdagen 18. Augusti 2002. National Museum of Denmark, Copenhagen. 2002. P. 50–69.
36. Zachrisson I. De samiska metalldepåerna år 1000–1350 // *Archaeology and environment* 3. University of Umeå, 1984. 133 p..

Информация об авторах

Тянина Елена Анатольевна, специалист по учебно-методической работе, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия); vyla@yandex.ru

Лебедева Ольга Сергеевна, специалист по учебно-методической работе, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия); lebols@mail.ru

Сингх Виктор Кашмирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия); arxeolog@gmail.com

Ениосова Наталья Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия); eniosova@gmail.com

Абдрашитова Ирина Владимировна, студент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия); 1543irina@rambler.ru

Статкус Михаил Александрович, доктор химических наук, ведущий научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия); statkusma@my.msu.ru

A WILD BOAR TUSK IN A METAL MOUNT FROM THE TROITSKY XVI EXCAVATION AREA IN VELIKY NOVGOROD: A COMPREHENSIVE STUDY

E.A. Tyanina, O.S. Lebedeva, V.K. Singh, N.V. Eniosova,
I.V. Abdrashitova, M.A. Statkus

This article deals with the discovery of a wild boar tusk amulet in an ornamented non-ferrous mount, unearthed at the Troitsky XVI excavation area in Veliky Novgorod in a layer dating to the second half of the XII – early XIII centuries. The find belongs to the category of animal tooth and bone amulets; however, such an amulet in a mount is recorded for the first time. The comprehensive study included the osteological analysis of the tusk, analysis of the chemical composition of the mount metal and its manufacturing techniques, as well as an examination of the topography, chronology and semantics of the amulet. As a result, it was established that the tusk was taken from a wild boar over eight years old and weighed more than 100 kg, which had been a hunting trophy. The mount, made of a tin-lead alloy imitating silver, was cast from an impression of the sharp part of the tusk, with the engraving applied to the finished piece. Unlike in earlier periods, during the second half of the XI to the first half of the XIII centuries, boar tusk amulets are rarely encountered and the original semantics of the boar tusk—possibly associated with Scandinavian mythology—were lost, although general concepts regarding the magical power of the animal's striking body part persisted. In the medieval period in Rus, wild boar hunting was the prerogative of the nobility and the *druzhina* (military retinue), as documented in written sources. It is highly probable that this mounted tusk functioned as a martial or hunting talisman. It symbolized the transfer of the beast's physical prowess to the hunter and served concurrently as a charm for good fortune.

Keywords: archaeology, Veliky Novgorod, Troitsky excavation area, amulets, animal tusks, comprehensive analysis, X-ray method, archaeozoology, semantics.

REFERENCES

1. Golubeva, L. A. 1997. In Kolchin, B. A., Makarova, T. A. (eds.). *Drevniaia Rus'. Byt i kul'tura (Ancient Russia. Everyday Life and Culture)*. Series: Archaeology of the USSR 16. Moscow: "Nauka" Publ., 153–165 (in Russian).
2. Valk, S. N. (ed.). 1949. *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova (Charters of Veliky Novgorod and Pskov)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
3. Grimm, Ya. 2019. *Germanskaya mifologiya (Germanic Mythology)*. Vol. 1. Moscow: "YaSK Publishing House" (in Russian).
4. Danilkin, A. A. 2002. *Svinovyye (Suidae) Mlekopitayushchiye Rossii i soprodel'nykh regionov (Suidae (Pigs) of Russia and Adjacent Regions)*. Moscow: "GEOS" Publ. (in Russian).
5. Eniosova, N. V., Lubkova, T. N., Nikolayeva, I. Yu., Pokrovskaya, L. V., Singkh, V. K. 2024. In Khvoshchinskaya, N. V. (ed.). *Arkhеologicheskie vesti (Archaeological News)* 42. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS Publ., 136–146 (in Russian).

The study was supported by the MSU Development Program, Project No. 23-III02-20 "Christian and pagan antiquities of medieval Novgorod in the light of interdisciplinary research".

6. Eniosova, N. V., Mitoyan, R. A., Singkh, V. K. 2017. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and Pskov Land)* 32. Moscow; Pskov: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 187–203 (in Russian).
7. Eniosova, N. V., Singkh, V. K., Stepanov, A. M. 2018. In Singkh, V. K. (ed.). *Neskonchaeomoe leto. Sbornik statei v chest E.A. Rybinoi (Endless Summer. Collection of Articles in Honour of E.A. Rybina)*. Moscow – Velikiy Novgorod: Moscow State University, 62–73 (in Russian).
8. Zabylin, M. 1990. *Russkiy narod. Yego obychai, obryady, predaniya, suyeveriya i poeziya. Sobr. M. Zabylinym. Reprintnoye izdaniye 1880 g. (The Russian People: Their Customs, Rites, Legends, Superstitions, and Poetry). Collected by M. Zabylin. Reprint of the 1880 edition*. Moscow: “Kniga Printshop” Publ. (in Russian).
9. Klevezal, G. A. 2007. *Printsipy i metodiki opredeleniya vozrasta mlekopitayushchikh (Principles and Methods of Determining Mammal Age)*. Moscow: “KMK Scientific Press” Publ. (in Russian).
10. Kozlo, P. G. 1975. *Dikiy kaban (Wild Boar)*. Minsk: “Uradzhay” Publ. (in Russian).
11. Konovalov, A. A. In Ryndina, N. V. (ed.). *Tsvetnye i dragotsennye metally i ikh splavy na territorii Vostochnoi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Non-Ferrous and Precious Metals and their Alloys in Medieval Eastern Europe)*. Moscow: “Vostochnaia Literatura” Publ., 7–106 (in Russian).
12. Kutepov, N. 1896. *Velikoknyazheskaya i tsarskaya okhota na Rusi s X po XVI vek (Grand Ducal and Tsarist Hunting in Rus' from the 10th to the 16th Century)* 1. St. Petersburg: “Expedition for the Procurement of State Papers” Publ. (in Russian).
13. Levkiiyevskaya, E. E. 2002. *Slavyanskiy obereg. Semantika i struktura (The Slavic Amulet: Semantics and Structure)*. Moscow: “Indrik” Publ. (in Russian).
14. Steblin-Kamenskiy, M. I. (ed.). 1970. *Mladshaya Edda. Per. kom. Smirnitckaya, O. A. (The Prose Edda (Younger Edda). Trans. and comm. by Smirnitckaya, O. A.)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).
15. Lobanova, T. V., Kardash, O. V., Kosintsev, P. A. 2019. In Lapshin, V. A. (ed.). *Arkheologiya Severa Rossii: Yugra – volost' Novgoroda Velikogo v XI–XV vekakh: Svod istochnikov i issledovaniy. Ch. 2 (Archaeology of the North of Russia: «Ugra – the county of Novgorod the Great in the 11th–15th centuries»: a collection of sources and studies. Part 2)*. Series: Research materials on the history of the North of Western Siberia, 8. Surgut; Nefteyugansk; Ekaterinburg: “Institute for Archaeology of the North” Publ., 407–435 (in Russian).
16. Pasturo, M. 2010. In *Neprikosnovennyy zapas (Emergency Reserve)* 4. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/4/ohota-na-kabana-kak-korolevskaya-dich-stala-nechistym-zhivotnym-istoriya-pereocnenki.html> (accessed: 24.10.2024).
17. Ipat'evskaia letopis (Ipatiev Chronicle). 1998. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 2. Moscow: “Iazyki russkoi kul'tury” Publ. (in Russian).
18. *Novgorodskaya IV letopis (Novgorod Four Chronicle)*. 2000. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) IV. P. I. Moscow: “Iazyki russkoi kul'tury” Publ. (in Russian).
19. *Lavrent'evskaia letopis' (Laurentian Chronicle)*. 2001. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) I. Moscow: “Iazyki russkoi kul'tury” Publ. (in Russian).
20. Rybakov, B. A. 1953. In Fedorov, G. B. (ed.). *Po sledam drevnikh kul'tur. Drevnyaya Rus' (Following the Traces of Ancient Cultures: Ancient Rus)*. Moscow: Cultural and Educational Literature Publishing House, 108–120 (in Russian).
21. Rybina, E. A. 2001. *Torgovlya srednevekovogo Novgoroda (Trade of Medieval Novgorod)*. Velikiy Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ. (in Russian).
22. Rybina, E. A., Singkh, V. K., Pokrovskaya, L. V. 2020. In Singkh, V. K., Novikov, V. V. (eds.). *Usad'ba X–XI vv. v Lyudinom kontse srednevekovogo Novgoroda (Homestead X–XI centuries in Lyudin's end of Medieval Novgorod)* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
23. Tolstaya, S. M. (ed.). 2009. *Slavyanskiye drevnosti. Etnolingvistiicheskiy slovar' v 5-ti tomakh (Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary in 5 Volumes)* 4. Moscow: “Mezhdunarodnye otnosheniya” Publ. (in Russian).
24. Toporov, V. N. 2014. *Mifologiya. Stat'i dlya mifologicheskikh entsiklopediy. T. 2. P–Ya (Mythology: Articles for Mythological Encyclopedias. Vol. 2. P–Ya)*. Moscow: “Yazyki slavyanskikh kul'tur” Publ. (in Russian).
25. Tyanina, E. A. 2011. In Nosov, E. N. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 17. Saint Petersburg: “Dmitrii Bulanin” Publ., 158–168 (in Russian).
26. Shved, I. 2018. In *Zoophilologica. Polish Journal of Animal Studies*, 4, 49–69 (in Russian).
27. Aleksandrov, A. (comp.). 1999. *777 zagovorov i zaklinaniy russkogo naroda (777 Incantations and Spells of the Russian People)*. Moscow: “Lokid” Publ. (in Russian).
28. Berger, D. 2014. In *Restaurierung und Archäologie*. 7, 65–81.
29. Brandt, E. 1961. In *Tragungsberichte № 37 Beiträge zur Jagd- und Wildforsch.* Bd. 1, 53–77.
30. Fuglesang, S. H. 1989. In *Fornvännen*, 84, 15–27.
31. Habermehl, K. H. 1985. *Alterbestimmung bei Wild- und Pelztieren*. Verlag Paul Parey-Hamburg, Berlin.

32. Homer, R. F. 2001. In *English medieval industries. Craftsmen, techniques, products*. London–New York: Hambledon Press, 57–80.
33. Jensen, B. 2010. *Viking Age Amulets in Scandinavia and Western Europe*. In BAR International Series 2169. Oxford: Archaeopress.
34. Tylecote, R. 1986. *The Prehistory of Metallurgy in the British Isles*. The Institute of Metals. London.
35. Watt, M. 2002. In *Drik – og du vil leva skønt. Festskrift til Ulla Lund Hansen på 60-årsdagen 18. Augusti 2002*. National Museum of Denmark, Copenhagen, 50–69.
36. Zachrisson, I. 1984. In *Archaeology and environment* 3. University of Umeå (in Swedish).

About the Authors:

Tyanina Elena A. M.V. Lomonosov Moscow State University. Leninskiye Gory, 1, build.12, Moscow, 119991, Russian Federation; vyla@yandex.ru

Lebedeva Olga S. M.V. Lomonosov Moscow State University. Leninskiye Gory, 1, build.12, Moscow, 119991, Russian Federation; lebold@mail.ru

Singh Victor K. Candidate of Historical Sciences. M.V. Lomonosov Moscow State University. Leninskiye Gory, 1, build.12, Moscow, 119991, Russian Federation; arxeolog@gmail.com

Eniosova Natalya V. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. M.V. Lomonosov Moscow State University. Leninskiye Gory, 1, build.12, Moscow, 119991, Russian Federation; eniosova@gmail.com

Abdrashitova Irina V. M.V. Lomonosov Moscow State University. Leninskiye Gory, 1, build.12, Moscow, 119991, Russian Federation; 1543irina@rambler.ru

Statkus Mikhail A. Doctor of Chemical Sciences, M.V. Lomonosov Moscow State University. Leninskiye Gory, 1, build.12, Moscow, 119991, Russian Federation; statkusma@my.msu.ru

Статья принята в номер 01.06.2026 г.

МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ УСАДЬБЫ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ В ЗАПАДНОМ ЗАБАЙКАЛЬЕ¹

© 2026 г. Д.А. Миягашев, Е.А. Бессонова, С.А. Зверев, А.С. Маликов,
И.С. Жущиховская, Я.В. Дикий, Б.Л. Бальжанов, И.Г. Курчатова

В статье представлены результаты комплексных мультидисциплинарных исследований памятника Сутайская усадьба времен Монгольской империи, расположенного в Западном Забайкалье. В ходе работ была выполнена площадная георадиолокация в М 1:100 и микромагнитное картирование М 1:100, а также исследованы физические свойства, микроструктура, текстура, элементный состав и показатели водопоглощения образцов строительной керамики. В ходе работ были учтены особенности природно-антропогенного ландшафта и климатических условий местности, а также значимые элементы геологического строения для успешной и более точной интерпретации результатов геофизических исследований. Обследование памятника геофизическими методами позволило выявить остатки печей для обжига строительной керамики. В результате исследования строительной керамики был выявлен элементный состав и технология обжига.

Ключевые слова: археология, Западное Забайкалье, Монгольская империя, Сутайская усадьба, культурный слой, микромагнитная съемка, георадиолокация, печи для обжига, строительная керамика, физико-химические свойства.

Введение

Великая монгольская империя и личность ее создателя – Чингисхана – остается в центре внимания исследователей, специализирующихся в различных областях гуманитарного знания: востоковедов, историков-медиевистов, археологов, антропологов, политологов. За последние годы было опубликовано огромное количество научных трудов, посвященных различным аспектам истории монгольского государства. В археологии Империи Чингисхана ведущим направлением исследований является изучение городов, широкое распространение которых многие исследователи связывают с так называемой монгольской глобализацией (Крадин, Скрынникова, 2006; Крадин, 2016; Крадин и др., 2018). Среди городов и поселений выделяют различные типы

в зависимости от их функционального назначения – имперские столицы, административные центры и места сосредоточения ремесленников и земледельцев, а также отдельно стоящие дворцовые комплексы и усадьбы – пункты сезонного проживания представителей элиты, а также простых категорий населения, обеспечивавших их продуктами и изделиями ремесла (Древнемонгольские города, 1965; Пэрлээ, 1957; 1961; Данилов, 2004; Крадин и др., 2016; Крадин, 2024).

В Западном Забайкалье, являющемся северной периферией Монгольской империи, крупные города этого периода неизвестны, однако здесь были выявлены и изучены два памятника, расположенные в Тугнуйской долине, представляющие собой отдельные усадьбы близ с. Нарсатуй и

¹ Работа выполнена при поддержке РНФ № 23-78-10139 «Наследие Великой Монгольской империи и средневековых монголов в исторической памяти народов Внутренней Азии» (Дикий Я.В., Бальжанов Б.Л.), проекта государственного задания № 126020616724-3 (Миягашев Д.А.), геолого-геофизические исследования проводились в рамках проекта государственного задания № 124022100084-8 (Бессонова Е.С., Зверев С.А., Маликов А.С.), изучение строительной керамики выполнено в рамках проекта № 121022500181-3 (Жущиховская И.С.).

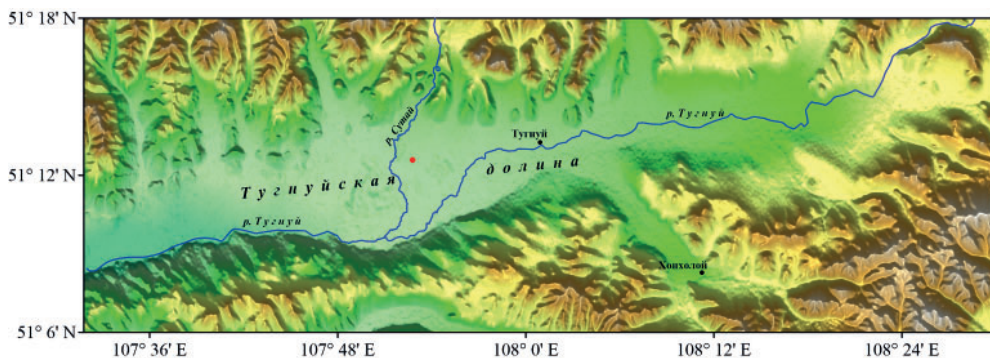

Рис. 1. Обзорная карта Тугнуйской долины. Красной точкой показано местонахождение археологического памятника Сутайская усадьба.

Fig. 1. Overview map of the Tugnui valley. The red dot indicates the location of the archaeological resource Sutaï homestead.

в долине р. Сутайки. На Нарсагуйской усадьбе С.В. Даниловым была раскопана одна из двух платформ, которая оказалась остатками здания, крытого черепичной крышей, опиравшейся на деревянные столбы-колонны с гранитными базами. Ими была оконтурена часть здания размером 7×13 м. Пол здания был сложен из кирпичей серого цвета. С внешней стороны здание было обнесено кирпичной стенкой, высота которой могла достигать 40–60 см. Площадь между кирпичной стенкой и линией деревянных колонн служила в качестве террасы. С южной стороны к этой террасе примыкала площадка, служившая входом в здание (Данилов, 1992).

Первые упоминания о Сутайской усадьбе принадлежат ученому секретарю Бурят-Монгольского научного общества им. Д. Банзарова (Попов, 1928). Судя по его описанию, поселение имело фортификационные сооружения в виде двойной линии валов и рвов. Валы сохранились с северной и восточной стороны, длина наружного восточного вала была около 120 м, северного – около 90 м, ширина рва у северного вала составляла 6 м, у восточного – 8 м. Внутри укреплений были зафиксированы четыре возвышенности – треугольной, овальной и прямоугольной формы. На поверхно-

сти возвышенностей были найдены плоские гранитные камни, а в небольшом раскопе, на одной из возвышенностей, встречались кирпичи красного и серого цветов, серые кирпичи имели размеры 28×15×4,5 см, черепица – длиной 27 см, шириной 16,5 (14) см и толщиной 1,8 см (Попов, 1928).

В 1950-х г. был раскопан один из трех холмов – остатки здания с черепичной крышей. Результаты работ отражены в двух кратких публикациях предварительного характера (Окладников, 1975; Хамзина, 1982), из которых следует, что здесь было раскопано двухэтажное здание с кирпичным полом, второй этаж опирался на деревянные колонны, установленные на каменные базы, поперечные стены были украшены малиновой и синей краской. Кровля была покрыта черепицей. Рядом с основным зданием располагалось малое здание, пол его также был выложен из кирпича, крыша покрыта черепицей.

В 1986–1987 гг. работы на памятнике проводил С.В. Данилов. В 1986 г. был заложен разведочный раскоп 4×3 м. Следов пола и стен обнаружено не было. Находки были представлены обломками строительных материалов – черепицы, кирпичей, лепных украшений. Кирпичи по размерам, форме и цвету схожи с кир-

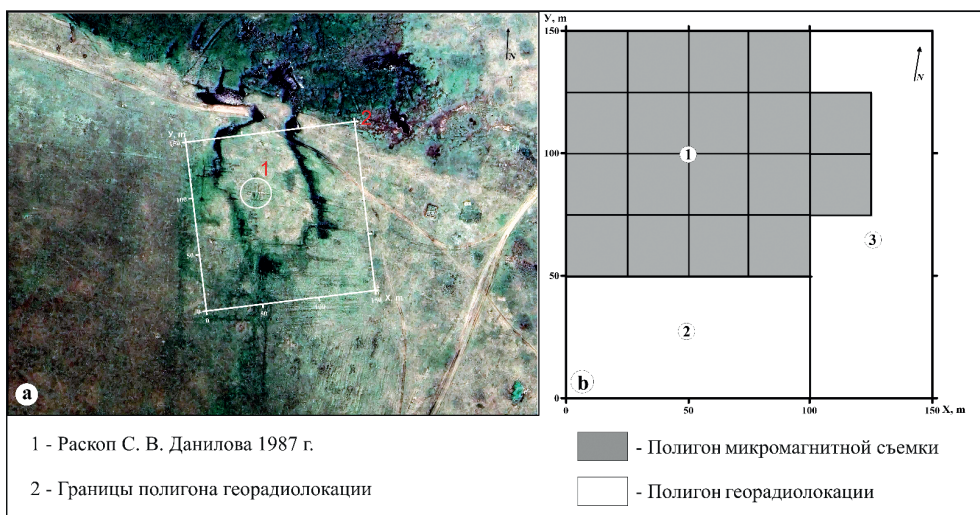

Рис. 2. Ситуационный план района работ: а. Спутниковый снимок (<https://www.google.ru/maps/place/>). а) 1 – раскоп С.В. Данилова 1987 г.; 2 – границы полигона измерений; б) Схема полигонов георадиолокации (1-3). Полигон микромагнитного картирования показан серым цветом. Сеть наблюдений разделена на квадратные участки размерами 25×25 м (Бессонова и др., 2024).

Fig. 2. Location plan of the survey area: а. Satellite image (<https://www.google.ru/maps/place/>). 1 – excavation by S.V. Danilov, 1987; 2 – limits of the geophysical survey area; б) Scheme of the ground-penetrating radar (GPR) survey area (1-3). The micromagnetic mapping grid is shown in gray. The observation network is divided into 25×25 m square sectors (Bessonova et al. 2024).

пичами из Нарсатуя и Кара-Корума, также сходство имеет и черепица, что позволило предварительно датировать памятник XIII–XIV вв. (Данилов, 1987). В 1987 г. был заложен раскоп в основании небольшой округлой возвышенности. В ходе расчистки была выявлена глинобитная площадка в форме неправильного овала размерами 12×18 м, вытянутая по длинной оси с востока на запад. Стратиграфические наблюдения показали, что площадка была уложена на древнюю дневную поверхность. В подстилающем слое была расчищена канава, в ее заполнении попадались фрагменты черепицы (Данилов, 1988). Остатки стен обнаружены не были.

В 2024 г. с целью выявления жилищных и иных конструкций, не различимых на дневной поверхности в результате многолетней распашки территории памятника, нами были проведены комплексные мультимедий-

циплинарные исследования, включающие микромагнитное картирование М 1:100, площадную георадиолокацию М 1:100, а также исследованы физические свойства, микроструктура, текстура, элементный состав и показатели водопоглощения образцов строительной керамики. В ходе работ были учтены особенности природно-антропогенного ландшафта и климатических условий местности, а также значимые элементы геологического строения для успешной и более точной интерпретации результатов геофизических исследований.

Природно-антропогенный ландшафт

Памятник расположен на северо-восточном равнинном участке Тугнуйской долины, обрамленной горными хребтами с плавными очертаниями. На современных картах местоположение памятника может быть определено как левобережный

участок пойменной долины нижнего течения реки Сутай, русло которой характеризуется развитым меандрированием. Это равнинная местность с небольшими заболоченными понижениями, антропогенными холмами и увалами. В последнее столетие в связи с интенсивным сельскохозяйственным и лесохозяйственным освоением территории, добычей каменного угля произошли существенные антропогенные изменения природной среды Тугнуйской долины. На космоснимке (Карты google) визуально различима разбивка площади на несколько сопряженных квадратных участков с прямыми углами, ориентированными границами строго по сторонам света, и расположенный диагонально к ним прямоугольник со скругленными углами. На территории археологического памятника прослеживаются заболоченные участки, высохшие остатки болотных кочек. Заметны следы задернованной вспашки. В почвенном слое часто попадаются детали механизмов сельскохозяйственной техники различных размеров. На востоке отмечаются протяженные участки ЮВ–СЗ простирания, продавленные колесами автомобилей (рис. 2). Здесь и далее использована единая относительная метровая система координат (ХУ), привязанная к реперной точке. Участок исследований используется местными жителями для выпаса крупного рогатого скота. Остатки раскопов прежних лет выражены в рельефе задернованными ямами и сопряженными с ними задернованными насыпями (отвалы грунта) размерами 15×3 м и 8×3 м (рис. 2: а). Размеры этих форм микрорельефа оценены визуально.

Структура близповерхностного грунта исследована в шурфе глубиной около 0,5 м. В основании выделена грубозернистая дресва, подстилающая аллювиальные суглинки. Перекрывающие отложения представле-

ны покрытым суглинистой почвой дерном мощностью до 30 см мощностью 5–10 см. На поверхности грунта встречаются обломки кирпича рыжего и различных оттенков серого цвета, серая черепица.

Картирование местности геофизическими методами

Для планирования границ участка геофизических исследований использованы архивные материалы раскопок (Окладников, 1975; Хамзина, 1982; Данилов, 1987; 1988). Экспериментальные работы геофизическими методами на территории археологического памятника «Сутайская усадьба» выполнены методом георадиолокации и магнитометрии. Выбор методов картирования не случаен. Их комплексирование популярно в археологических исследованиях (Ерохин и др., 2012; Янбухтин, Закиров, 2023) не только из-за относительно невысокой стоимости измерительного оборудования, высокой производительности и разрешающей способности. Методы прекрасно дополняют друг друга. Микромагнитное картирование позволяет обнаружить аномально намагниченные антропогенные объекты, скрытые в современных геологических отложениях, вычислить их пространственные характеристики. Метод имеет ограничения, прежде всего обусловленные интегральным характером поля. Разделить объекты с различной глубиной локализации, расположенные друг над другом, невозможно вследствие многозначности решения обратной задачи. Георадиолокация, несмотря на высокое затухание сигнала в условиях влажной среды, позволяет определять положение границ слоев грунта и выделять объекты поиска на различных глубинах.

Георадиолокация

Для проведения измерений методом георадиолокации был использован полевой комплект георадара ОКО-2 (НПЦ «ГЕОТЕХ», Россия)² с

приемно-передающей антенной частотой 400 МГц.

Экспериментальные измерения выполнены в масштабе 1:100 на трех полигонах, вплотную прилегающих друг к другу (рис. 2: b):

полигон № 1: 100×100 м (площадь 10 000 м²);

полигон № 2: 50×100 м (площадь 5000 м²);

полигон № 3: 50×150 м (площадь 7500 м²).

Сеть измерений (ХУ) разбита в относительной системе координат с привязкой к реперу и ориентировкой оси У по магнитному меридиану с отклонением 6,5° к западу от географического севера. Общее количество профилей георадиолокации – 303. Площадь исследуемого участка – 22 500 м². Определение пространственного положения электрофизических границ и неоднородностей выполнено по отдельным профилям в плоскости ХZ, а также послойной интерпретацией результатов трёхмерной визуализации волновой картины в плоскости ХУ.

Микромагнитная съёмка

Измерения модуля полного вектора геомагнитного поля выполнены пешеходным протонным магнитометром MiniMag («Геодавайс» Россия³). Плотность сети наблюдений выбрана с учетом минимальных предполагаемых размеров источников магнитных аномалий (2×2 м) – руин средневековых строительных конструкций – таким образом, чтобы искомая аномалия перекрывалась хотя бы тремя точками измерений. Микромагнитная съёмка М 1:100 в пределах территории памятника выполнена по квадратной сети плотностью 1×1 м на 18 экспериментальных полигонах размерами 25×25 м, в пределах полигонов георадиолокации 1 и 2 (рис. 2: b). Общая площадь микромагнитной съёмки составила 11 250 м².

Результаты геомагнитного картирования реализованы в виде цифровой модели трансформированного магнитного поля вида ΔТа М 1:100 (Бессонова и др., 2024). Из наблюдаемого магнитного поля исключено нормальное поле, вариации геомагнитного поля, региональная компонента модуля полного вектора геомагнитного поля.

Результаты измерений Георадиолокация

Качество записи на георадарограммах удовлетворительное. Отмечена высокая степень затухания сигнала с глубиной и снижение глубинности исследований до 2,5 м. Это свидетельствует о большой концентрации глинистых частиц в составе грунта и достаточно высокой степени его обводненности вследствие неглубоко залегающего водоупора. В результате хозяйственной деятельности человека в последнее столетие на территории археологического памятника сформирован не только антропогенный микрорельеф – холмы насыпного грунта, отвалы раскопов, канавы, но и уплотнение грунта на местах грунтовых дорог линейного простирания, а также уплотнение грунта домашними животными, привязанными на выпасе к столбам и т. п. Эти особенности существенно снижают качество полученных результатов.

Наиболее информативен двумерный срез в плоскости ХУ трёхмерной визуализации волновой картины на глубине 50 см от поверхности. В северо-западной части полигона 1 на глубине 0,5 м в плоскости ХУ трёхмерной модели выделены кольцевые участки уплотнённого грунта диаметром 7 и 9 м (рис. 3: а). На профилях георадиолокации в плоскости ХZ они маркируются нарушением осей синфазности (рис. 3: b, c). Предположительно, это следы местоположения юрт. Вероятный диаметр юрт 4 и 6 метров.

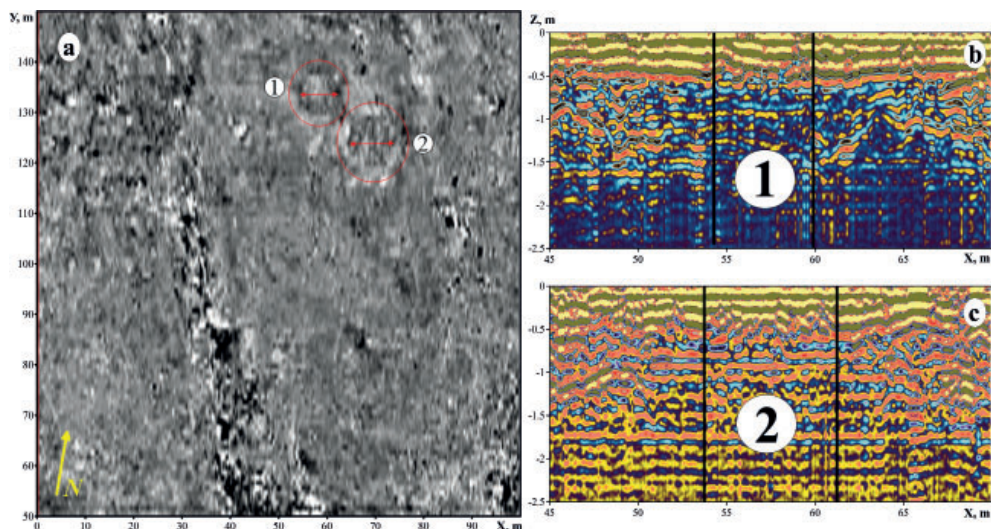

Рис. 3. Результаты георадиолокации: а – плоскостной срез трехмерной визуализации волновой картины в плоскости XY полигона 1 на глубине 0.5 м от поверхности (1, 2 – участки аномального уплотнения грунта); б-с – профили георадиолокации в плоскости XZ (1, 2 – участки аномального уплотнения грунта).

Fig. 3. Ground-penetrating radar results: а – plane section of the 3D visualization of the radar wave pattern in the XY plane of survey area 1 at a depth of 0.5 m below the surface (1, 2 – sectors of anomalous soil compaction); б-с – GPR profiles in the XZ plane (1, 2 – sectors of anomalous soil compaction).

Результаты геомагнитных исследований

Аномальное магнитное поле вида ΔT_a знакопеременное, характеризуется значениями $-1200 \div 696$ нТл. На большей площади исследований интенсивность магнитных аномалий $5-20$ нТл и не превышает 70 нТл. Прослежены разнонаправленные цепочки магнитных аномалий линейного простираения. Наиболее интенсивные локальные магнитные аномалии, представляющие исследовательский интерес, расположены компактно в юго-восточной части полигона 1 (рис. 2, 4). Эти аномалии представляют собой сгруппированные аномалии в форме диполей, которые можно объединить в западную и восточную группы. Магнитные аномалии западной группы 5 и 6 (рис. 4), расположены вдоль линии ЮВ-СЗ простираения на расстоянии $3,5$ м друг от друга. Полюсы магнитных аномалий ори-

ентированы по магнитному меридиану с максимумами на юге. Диапазон интенсивности аномалий около 160 нТл. Морфология, интенсивность и взаимное расположение магнитных аномалий, наличие в подъемном материале большого количества обломков обожженной строительной керамики, а также результаты авторских исследований (Бессонова и др., 2018) позволяют сделать вывод о типе их источников. С большой долей вероятности это печи для обжига строительной керамики. Размеры источников магнитных аномалий оценены на основе количественной интерпретации аномального магнитного поля в двумерном варианте. Результаты вычислений по профилям АВ, CD, EF, GH показаны на рисунках (рис. 5, 6). Размеры аномалообразующего источника (5) $1,8 \times 1,5$ м (рис. 5). Глубина нижней кромки объекта $1,9$ м. Диапазон интенсивности магнитных аномалий

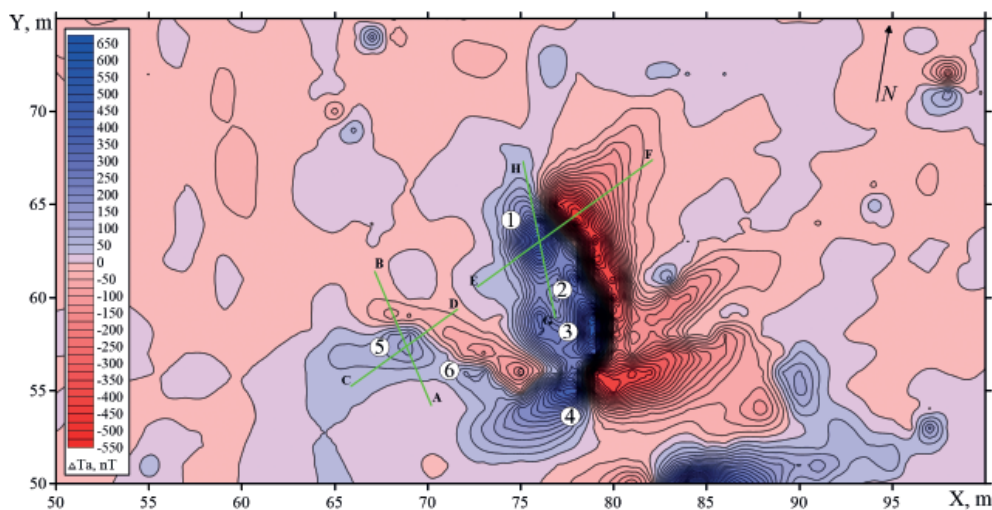

Рис. 4. Карта-схема аномального магнитного поля вида ΔT_a М 1: 100.

Археологический памятник «Сутайская усадьба». Цифрами и овалами показаны локальные магнитные аномалии, источниками которых (предположительно) являются печи для обжига строительной керамики. Линиями зеленого цвета показаны профили количественной интерпретации.

Fig. 4. Sketch-map of the anomalous magnetic field ΔT_a at a scale of 1:100.

Archaeological site "Sutai homestead". Numbers and ovals indicate local magnetic anomalies, which are (presumably) caused by kilns for firing building ware. Green lines indicate the profiles used for quantitative interpretation.

восточной группы в 4–6 раз выше, чем у западной группы: 740–950 нТл. В результате **суперпозиции полей четырех локальных магнитных аномалий восточной группы** суммарная знакопеременная магнитная аномалия, отражающая действие всех источников поля, характеризуется субширотной ориентацией взаимного расположения полюсов диполей. Подобная ситуация отмечена в исследованиях средневекового гончарного центра горного Крыма (Смекалова и др., 2020). Размеры источников локальных магнитных аномалий восточной группы (2–4) 1,2×2,6 м; 1,5×2,3 м; 1×1,3 м соответственно. Самый крупный объект – источник магнитной аномалии 1. Его размеры 1,8×2,8 м, глубина нижней кромки 1,8–2 м (рис. 6). С учетом известных эталонов магнитных аномалий антропогенного происхождения (Смекалова и др., 2000), априорной информации о наличии обломков термически об-

работанного средневекового кирпича и результатов раскопок А.П. Окладникова и С.В. Данилова источниками выделенных локальных магнитных аномалий являются печи для обжига строительной керамики.

Сделанный вывод согласуется с локальной геологической ситуацией. Дочетвертичный геологический разрез представлен отложениями тугнуйской угленосной свиты среднеюрского возраста, смятыми в синклинальную складку субширотного простирания (Угольная..., 2001, с. 313). Большая часть южного крыла складки срезана кососекущим взбросо-надвигом (там же, с. 329). Выходы углей на дневную поверхность были обнаружены на востоке синклинальной складки в западном замыкании Эрдэмского угольного месторождения севернее местоположения археологического памятника (рис. 7). По экономическим показателям промышленная до-

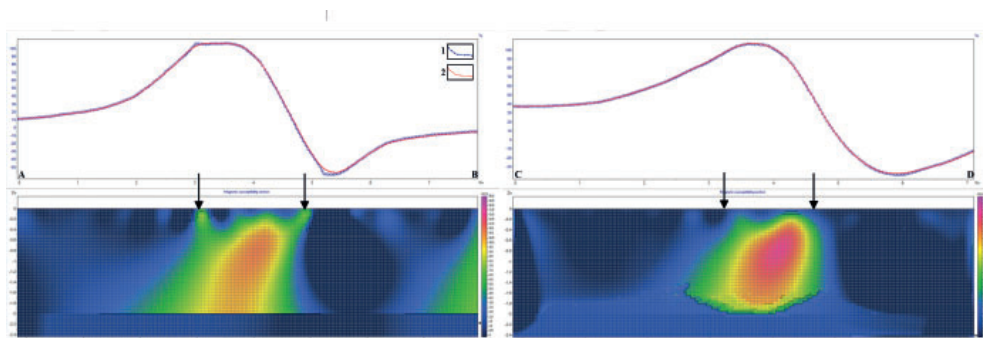

Рис. 5. Количественная интерпретация магнитной аномалии 5.

Fig. 5. Quantitative interpretation of magnetic anomaly 5.

быча угля на этом месторождении не производится (там же, с. 332).

Четвертичные отложения сформированы осадками различных генетических типов и литологического состава, в том числе суглинками и глинами. Схожие геологические условия характеризуют месторождение кирпичных глин вблизи с. Хонхой (рис. 1), которое приурочено к аллювиальным образованиям четвертичного возраста надпойменной террасы р. Тугнуй (Савельева, 1978). Эти породы залегают на отложениях тугнуйской свиты и представлены залежью глин и легкоплавких суглинков, пригодных для изготовления кирпича марки М-75 при температуре обжига 900–1000 °С (Месторождения..., <https://burpriroda.ru>).

Локализация печей, их взаимное расположение позволяют сделать

предположение о том, что топочные отверстия располагались с западной стороны. Выбор такой ориентировки обусловлен преобладанием здесь западного ветра летом и западного и северо-западного – в переходные сезоны (Моделирование..., <https://www.meteoblue.com>) (рис. 8). Ориентация обжигательных конструкций по направлению господствующего ветра обеспечивала хорошую тягу (Левицкий, 2010). Вероятно, обжиг кирпича осуществляли в теплый сезон. Продолжительность теплого сезона около 3–4 месяцев (рис. 8). О сезонном обжиге кирпича косвенно свидетельствует прекращение речного стока на несколько месяцев вследствие глубокого промерзания реки Сутай. Её половодье в теплый сезон обеспечивают осадки, которые носят преимущественно ливневый характер.

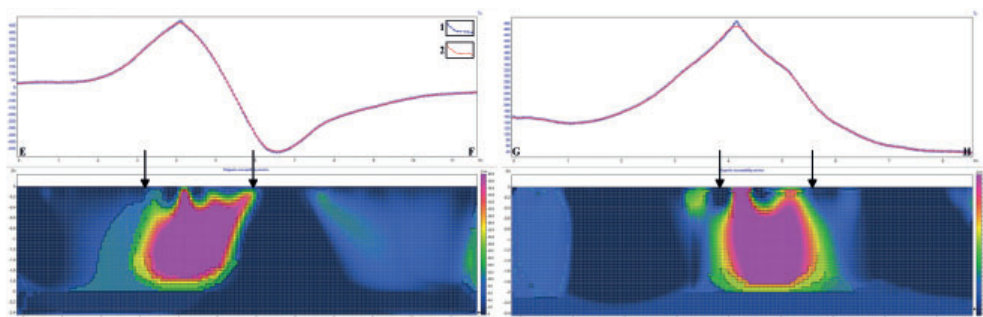

Рис. 6. Количественная интерпретация магнитной аномалии 4.

Fig. 6. Quantitative interpretation of magnetic anomaly 4.

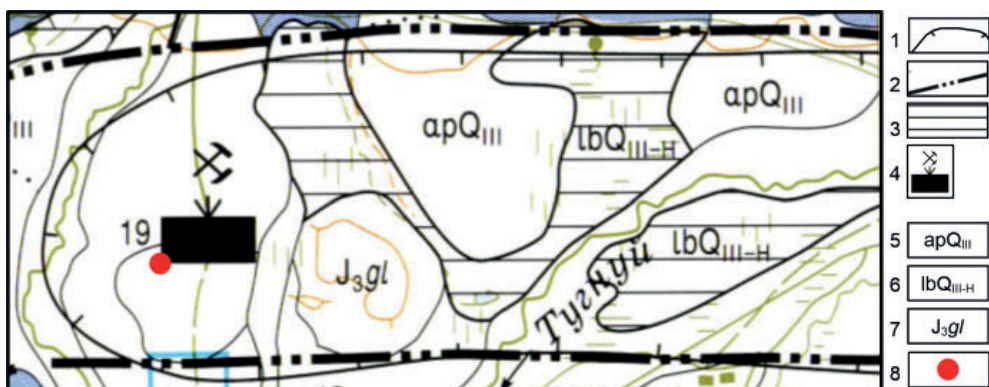

Рис. 7. Особенности геологического строения участка исследований и его территориального обрамления. Условные обозначения: 1 – угольная залежь; 2 – разрывное нарушение; 3 – озерно-биогенные отложения, благоприятные для торфообразования; 4 – законсервированное месторождение каменного угля; 5 – озерно-биогенные пески, супеси, илы верхнего звена неоплеистоцена-голоцен; 6 – аллювиально-пролювиальные пески, супеси, суглинки верхнего звена неоплейстоцена; 7 – поздняя юра, галгатайская свита; (по Карта полезных..., 2005) 8 – участок исследований.

Fig. 7. Geological features of the study area and its territorial setting. Legend: 1 – coal seam; 2 – thrust-fault; 3 – lacustrine-biogenic deposits favorable for peat formation; 4 – mothballed hard coal deposit; 5 – lacustrine-biogenic sands, loam and silts of the upper Neopleistocene-Holocene; 6 – alluvial-proluvial sands, loam and loamy soil of the upper Neopleistocene; 7 – Late Jurassic, Khalgatay Formation; (according to the Map of mineral resources..., 2005) 8 – study sector.

Исследования строительной керамики

Магнитные свойства строительной керамики подтверждают результаты интерпретации локальных магнитных аномалий (табл. 1). Исследованы фрагменты обожженного кирпича из подъемного материала, собранного в процессе геомагнитного картирования.

Образцы могут быть разделены на два типа: сильномагнитные (1-С-1, 1-С-2, 3-С) и образцы, остаточная

намагниченность которых настолько велика, что не хватает диапазона оборудования, чтобы ее измерить (2-С, 4-С-1, 4-С-2). При одинаковой исходной глиняной массе обжиг в первом случае, скорее всего, осуществляли при температуре ниже 900 °С с доступом кислорода и образованием магнетита из гидроокислов железа, содержавшихся в исходной глине в печах 5 и 6. В печах 1–4 обжиг мог быть осуществлен при более высокой температуре.

Таблица 1

Физические свойства строительной керамики Сутайской усадьбы. Средства измерений: лабораторные весы ВЛКТ-2100; спин-магнитометр JR-4; капметр KLY-2.

№ п/п	№ образца	Плотность ρ	Магнитная восприимчивость, c	Фактор Q	Намагниченность J , 10^{-3} А/м
1	1-С-1	1.929	1481	9.6	564.8
2	1-С-2	1,849	1433	10.9	622.9
3	2-С	1.857	10573	-	-
4	3-С	1.902	3645	13.8	2001.0
5	4-С-1	1.898	15896	-	-
6	4-С-2	1.921	15949	-	-

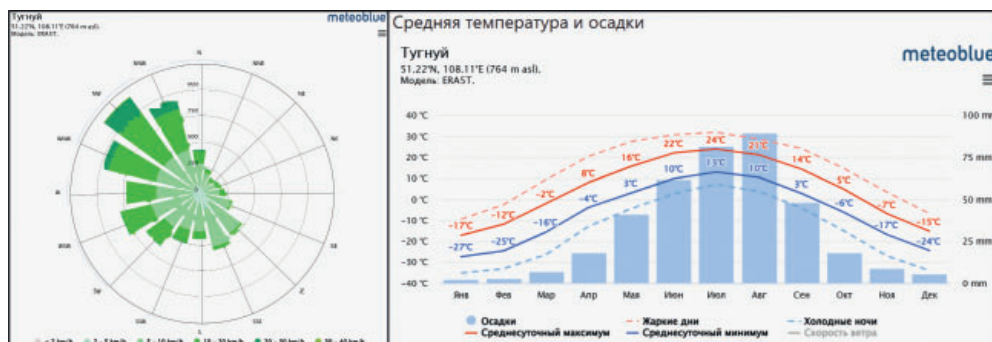

Рис. 8. Природно-климатические условия района исследований (Моделирование..., <https://www.meteoblue.com>), слева показана роза ветров.

Fig. 8. Natural and climatic conditions of the study area (Modeling..., <https://www.meteoblue.com>); the wind rose is shown on the left.

С целью характеристики особенностей формовочной массы керамических образцов текстура их поверхностей была исследована на цифровом микроскопе марки Levenhuk DTX 50 с увеличением 10,54 (рис. 9: а–с). Текстура очень однородная и тонкодисперсная, содержит мелкие, размером $\leq 0,1$ мм, включения светлого цвета – предположительно, это естественная примесь кварца и полевого шпата в глине. Отмечены единичные включения размером около 0,2 мм. Характерная особенность – наличие округлых или овальных каверн, внешне очень похожих на пустоты, которые остаются в результате выгорания примеси угля. Эти пустоты надо отличать от мелких круглых замкнутых пор – индикаторов витрифицированной глинистой массы при высокотемпературном обжиге. Можно предположить, что в формовочную массу добавлялся толченый каменный уголь. Эта технология известна в некоторых районах Китая и в других регионах мира. Примесь угля оптимизирует процесс обжига керамики, способствует активизации спекания глинистого вещества, улучшает практические качества изделий (Reedy, Vandiver, 2017).

Микроструктура образцов строительной керамики исследована на сканирующем электронном микроскопе

EVO-40 в режиме увеличения $\times 500$ (рис. 9: d–f). Образцы 1-С, 2-С и 4-С характеризуются аморфной, мелкодисперсной, достаточно однородной микроструктурой. Не исключено, что во всех трех случаях использовано одинаковое либо очень сходное глинистое сырье. Отсутствуют признаки витрификации глинистого вещества даже в начальной степени: частицы глинистых минералов имеют достаточно «свежий» вид (нет краевой оплавленности, склеивания, образования стекловидной фазы, мелких замкнутых пор и др.). Это является вполне объективным свидетельством низкотемпературного режима обжига (предположительно, до 800°C). Как известно, интервал $800\text{--}850^\circ\text{C}$ является пороговым для начала процессов витрификации у большинства легкоплавких гончарных глин (Tite, Maniatis, 1975; Maniatis, 2009). Таким образом, все три образца показывают общие признаки микроструктуры – аморфность, отсутствие даже малейших признаков витрификации. По морфоструктурным особенностям глинистых частиц можно предполагать также общность использованного пластичного сырья (один тип глины).

Для получения данных об элементном химическом составе керамического материала использована

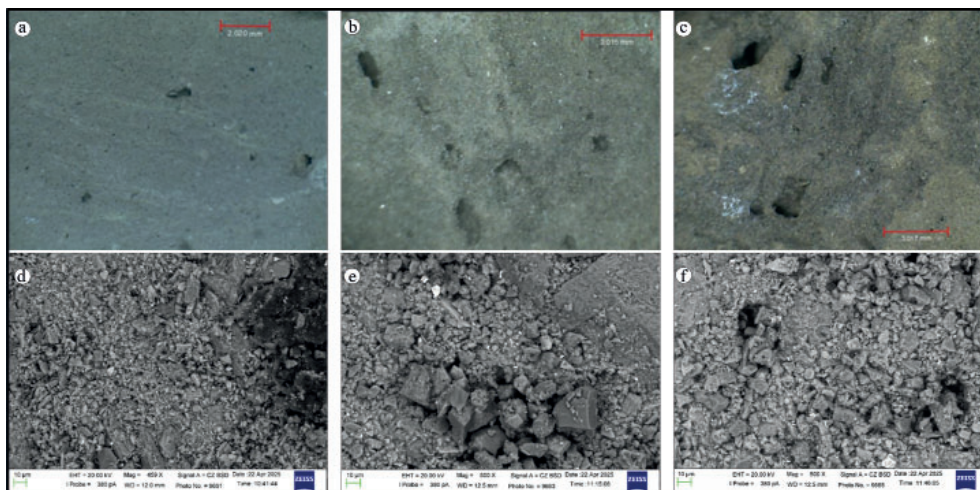

Рис. 8. Природно-климатические условия района исследований (Моделирование..., <https://www.meteoblue.com>), слева показана роза ветров.

Fig. 8. Natural and climatic conditions of the study area (Modeling..., <https://www.meteoblue.com>); the wind rose is shown on the left.

энергодисперсионная спектроскопия (EDS). Исследования проведены на установке EDS Oxford Instruments, присоединенной к сканирующему электронному микроскопу EVO-40. Для образцов 1-С, 2-С, 4-С снято по 10 EDS-спектров. В таблице 2 помещены данные по содержанию основных химических элементов, определяющих свойства глинистого сырья.

В целом все три образца схожи по составу основных химических элементов. Важной характеристикой является низкое содержание Al (глинозем) по отношению к содержанию Si (кремнезем). Это свидетельствует о том, что глина не является тугоплавкой, т. е. рассчитана на обжиг при достаточно низких температурах (до 1000 °С). Степень пластичности, вероятно, была умеренной. Данный результат с большой вероятностью может соответствовать Хонхойской залежи глин и легкоплавких суглинков четвертичного возраста, пригодных для изготовления кирпича. Содержание Fe (железа), увеличивающего пластичность и плавкость глины, в большинстве EDS-спектров

находится на относительно высоком уровне, до 5% и выше. При этом отдельные спектры в образцах 2-С и 4-С показывают пики Fe со значениями 24,23% и 38,05% соответственно – это свидетельство присутствия железистых включений в составе керамики и согласуется с их аномально высокой остаточной намагниченностью и магнитной восприимчивостью. Образцы оказались сходны по содержанию Ca (кальция). Значения этого элемента скорее можно считать средними, чем высокими. Известно, что процессы витрификации в карбонатных глинах с высоким содержанием кальция, $\geq 6\%$ начинаются при более низких температурах, около 800 °С (Tite, Maniatis, 1975; Maniatis, 2009). Однако рассматриваемый материал, как можно полагать, не относится к категории карбонатного глинистого сырья.

Еще одна общая характеристика исследованных образцов – постоянное присутствие в составе примеси Ti (титана), что может являться геохимическим индикатором источников глинистого сырья. В этом плане представляет интерес также присут-

Таблица 2

Содержание основных химических элементов состава керамики
(указан диапазон значений, в % от весового состава)

№	Al	Si	Na	Mg	Ca	K	Ti	Fe
1-С	2.92-8.56	9.26-25.07	0.49-3.51	0.54-2.97	1.42-5.73	0.71-4.05	0.15-0.88	2.38-10.34
2-С	3.46-8.72	13.89-29.96	0.79-5.45	0.43-1.77	0.83-3.25	1.04-3.49	0.14-10.55	2.01-24.23
4-С	2.22-9.90	13.72-40.92	0.47-2.97	0.40-1.84	0.56-3.00	0.56-3.06	0.15-0.59	1.78-38.05

ствии микропримеси меди в единичных EDS-спектрах образцов 2-С и 4-С, 0,72% и 0,38% соответственно. В единичных спектрах образцов 1-С и 2-С отмечено высокое содержание Zr (циркона) – 6,07% и 21,96% соответственно, что указывает на генетический источник материала – кислые магматические породы. В совокупности наблюдения по химическому составу изученных образцов представляют интерес для дальнейших исследований по индикации локальных выходов глины.

Для получения информации о физико-технологических свойствах керамики были определены показатели водопоглощения и значения относительной твердости. Показатель водопоглощения измерен по стандартной методике погружения высушенного образца в воду на 48 часов с последующим подсчетом коэффициента разницы весов до и после насыщения водой. Для исследованных образцов получены значения: 1-С – 20%, 2-С – 22%, 3-С – 20%, 4-С – 23%. Эти значения являются высокими, указывают на рыхлую, плохо спеченную керамическую массу (Shepard, 1985, p. 127–130). Результат хорошо согласуется с характеристиками сканирующей электронной микроскопии. В процессе измерения водопоглощения был учтен такой показатель, как остаточная пластичность керамического вещества (Волкова, Цетлин, 2015). Отсутствие остаточной пластичности у образцов указывает на прохождение при обжиге температурного порога 600 °С, достижение которого происходит с образованием магнетита.

Показатель относительной твердости поверхности керамических образцов измерен по шкале Мооса от 1 до 9. Полученные значения близки к 5, что соответствует керамике, обожженной при относительно низких температурах. Для сравнения – значения твердости для высокотемпературной керамики составляют не менее 7–8 (Shepard, 1985, p. 114–115).

В целом исследование образцов строительной керамики приводит к следующим предварительным заключениям. Можно предположить, что использованное сырье являлось обычной легкоплавкой ожелезненной, умеренно пластичной глиной. Качество обжига образцов нельзя назвать высоким. Возможно, при обжиге не достигалась температура, при которой начинается процесс витрификации (от 800–850 °С), или выдержка при таких температурах была очень кратковременной.

Заключение

В результате проведенных комплексных мультидисциплинарных исследований Сутайской усадьбы удалось зафиксировать объекты, которые с большой долей вероятности могут быть интерпретированы как остатки печей для обжига строительной керамики – кирпича и черепицы, использованных при строительстве усадьбы. Для Западного Забайкалья это первый подобный случай. Исследование образцов кирпича позволило выявить некоторые технологические особенности изготовления строительного материала – были получены данные об элементном составе формовочных масс кирпича и условиях обжига.

Дальнейшие исследования выявленных теплотехнических конструкций археологическими методами и сопоставление данных с результатами изучения физических свойств строительной керамики позволит получить новые сведения о технологии их изготовления. Кроме того, на основе оценки источников минеральных ресурсов в районе Сутайской усадьбы были выделены зоны хозяйственного освоения территории Тугнуйской долины во времена монгольской империи. В целом расположение здесь небольшого производственного центра вполне закономерно, если учесть, что совсем недалеко отсюда находится еще одна

усадьба – Нарсатуй. Полученные результаты указывают на перспективность дальнейшего исследования памятника. В ряду первостепенных задач – определение четких датировок памятника, выявление его планиграфических особенностей археологическими методами.

На основе георадиолокации впервые выделены участки предполагаемого расположения юрт на территории Сутайской усадьбы. Для подтверждения сделанного предположения и датировки обнаруженных объектов необходима его заверка археологическими раскопками.

Примечания:

² НПП «Геотекс», <https://www.geotech.ru/>.

³ ООО «Геодавайс», <https://geodevice.ru/main/magnetometers/minimag/>.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бессонова Е.А., Зверев С.А., Маликов А.С., Червинская И.В., Базаров Б.А., Миягашев Д.А. Цифровая модель аномального магнитного поля «Сутайская феодальная усадьба». Номер регистрации (свидетельства): 2024623478. Дата регистрации: 09.08.2024. Дата публикации и номер бюллетеня: 09.08.2024 Бюл. № 8.
2. Волкова Е.В., Цетлин Ю.Б. Некоторые проблемы экспериментального изучения обжига сосудов // Самарский научный вестник. 2015. №3. С. 56–62.
3. Данилов С.В. Отчет о предварительных исследованиях остатков средневековых сооружений в Мухоршибирском районе Бурятской АССР в 1986 г. Улан-Удэ, 1987 // Архив ИА РАН. Р-1. № 11732.
4. Данилов С.В. Отчет об исследованиях средневековых сооружений в Мухоршибирском районе Бурятской АССР в 1987 г. Улан-Удэ, 1988 // Архив ИА РАН. Р-1. № 12211
5. Данилов С.В. Средневековые поселения Западного Забайкалья // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии / Отв. ред. П.Б. Коновалов. Новосибирск, 1992. С. 137–145.
6. Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2004. 202 с.
7. Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука, 1965. 418 с.
8. Ерохин С.А., Павлова А.М., Балашов А.Ю., Шевнин В.А., Модин И.Н., Бобачев А.А. Методические электротомографические исследования при археологических раскопках в селе Бородино // Археология Подмосковья. Вып. 8 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2012. С. 435–445.
9. Карта полезных ископаемых четвертичных образований и закономерностей их размещения: М-48-ХП (Мухоршибирь). Карта полезных ископаемых и закономерностей их размещения Российской Федерации. Серия Селенгинская. Издание второе., масштаб: 1:200000, серия: Селенгинская, составлена: ФГБУ «ВСЕГЕИ», 2005 г., редактор: Новиков В.А. <https://www.geokniga.org/maps/3860?ysclid=ma0jjqnuuy289828346>.
10. Крадин Н.Н. Актуальные проблемы истории Монгольской империи // Труды отделения историко-филологических наук РАН-2015 / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: Наука, 2016. С. 289–321.
11. Крадин Н.Н. Вопросы планиграфии Хирхирина городского поселения в сравнительной перспективе // Археология Евразийских степей. 2024. № 2. С. 318–327. DOI 10.24852/2587-6112.2024.2.318.327.

12. Крадин Н.Н., Бакшеева С.Е., Ковычев Е.В., Харинский А.В. Археология империи Чингис-хана в Монголии и Забайкалье // *Stratum Plus*. 2016. № 6. С. 17–43.
13. Крадин Н.Н., Бакшеева С.Е., Прокорец С.Д. Города и дворцы Монгольской империи в Восточном Забайкалье // *Сибирские исторические исследования*. 2018. № 2. С. 64–80. DOI 10.17223/2312461X/20/4.
14. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература, 2006. 557 с.
15. Левицкий И.А., Павлюкевич Ю.Г. Основы проектирования керамических предприятий: учебно-методическое пособие для студентов специальности 1-48 01 01 «Химическая технология неорганических веществ, материалов и изделий» специализации 1-48 01 01 09 «Технология тонкой, функциональной и строительной керамики». Минск: БГТУ, 2010. 121 с.
16. Месторождения строительных материалов Бурятской АССР, Хонхойское месторождение глины. Интернет-ресурс Министерства Природных ресурсов и экологии республики Бурятия. https://burpriroda.ru/content/nedra/kadastr_nedra.php?ELEMENT_ID=30525&ysclid=m9tehpepm778656731. Дата обращения 20.04. 2025.
17. Моделирование исторических данные о климате и погоде – *meteoblue*. <https://www.meteoblue.com>
18. Окладников А.П. Древнее Забайкалье (культурно-исторический очерк) // *Быт и искусство русского населения Восточной Сибири*. Ч. 2 / Отв. ред. И.В. Маковецкий, Г.С. Маслова. Новосибирск: Наука, 1975. С. 6–20.
19. Пэрлээ Х. К истории древних городов и поселений Монголии // *СА*. 1957. № 3. С. 43–53.
20. Пэрлээ Х. Монгол ард улсын эрт, дундан ууийн хот суурины товчоон (Краткий очерк древних и средневековых городов и поселений на территории Монголии). Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн хэрэг эрхлэх хороо, 1961. 158 с. (монг. яз.).
21. Савельева Е.Г., Стангрит А.К. Тугнуйская группа месторождений строительных материалов (гравийно-песчаная смесь, строительный камень, глины и песок отощитель). Отчет о результатах поисковых и разведочных работ Мухоршибирской ГРП за 1974–76 гг. 1978 г. Бурятское ГУ. ФГБУ "Росгеолфонд".
22. Смекалова Т.Н., Мельников А.В., Мыц В.Л., Беван Б.В. Магнитометрическое изучение гончарных печей средневековой Таврики. СПб.: Изд-во СПбУ, 2000. 162 с.
23. Смекалова Т.Н., Науменко В.Е., Кулькова М. А., Завадская И.А., Беван Б.В. Естественнонаучные методы в изучении раннесредневекового керамического центра Илька 2 в Горном Крыму и его продукции // *Краткие сообщения Института археологии*. 2020. № 258. С. 326–339.
24. Угольная база России Т. VI. Угольные бассейны и месторождения Восточной Сибири (Тунгусский и Таймырский бассейны, месторождения Забайкалья). Москва: Геоинформмарк. 2001. С. 313.
25. Янбухтин, И. Р., Закиров А.Ш. Опыт применения неинвазивных методов геофизики при решении задач археологии // *Вестник КРАУНЦ (Камчатской региональной ассоциации Учебно-научный центр)*. Физико-математические науки. 2023. Т. 42. № 1. С. 223–238.
26. Maniatis Y The Emergence of Ceramic technology and its Evolution as Revealed with the use of Scientific Techniques // Shortland A., Freestone I., Rehren T. (eds.). *From Mine to Microscopy: Advances in the Study of Ancient Technology*. Oxford: Oxbow, 2009. P. 1–18.
27. Reedy Ch. L., Vandiver P.B. Research into Coal-Clay Composite Ceramics of Sichuan Province, China // *MRS Advances*. 2017. Vol. 2 (37 – 38): 2043-2079. DOI:10.1557/adv.2017.286
28. Shepard A.O. *Ceramics for the Archaeologist*. Washington, D.C.: Carnegie Institute press, 1985. 414 p.
29. Tite M.S., Maniatis Y. Examination of ancient pottery using the scanning electron microscope // *Nature*. 1975. No. 257. P. 122–123.

Информация об авторах:

Мягашев Денис Алексеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия); silker10@yandex.ru

Бессонова Елена Александровна, кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник, Тихоокеанский океанологический институт им. В.И. Ильичева Дальневосточного отделения РАН (г. Владивосток, Россия); bessonova@poi.dvo.ru

Зверев Сергей Александрович, научный сотрудник, Тихоокеанский океанологический институт им. В.И. Ильичева Дальневосточного отделения РАН (г. Владивосток, Россия); Zverev_84@poi.dvo.ru

Маликов Алексей Сергеевич, старший инженер, Тихоокеанский океанологический институт им. В.И. Ильичева Дальневосточного отделения РАН (г. Владивосток, Россия); Malikov.as@poi.dvo.ru

Жущиховская Ирина Сергеевна, профессор, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Музей археологии и этнографии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток, Россия); irinalzh@mail.ru

Дикий Ярослав Витальевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия); yaroslavdiki@gmail.com

Бальжанов Батор Логинович, стажер-исследователь, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия); bator.balzhanov@mail.ru

Курчатова Ирина Георгиевна, аспирант, Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ, Россия); advocadob@yandex.ru

MULTIDISCIPLINARY STUDIES OF A FEUDAL HOMESTEAD OF THE MONGOL EMPIRE IN WESTERN TRANSBAIKALIA

D.A. Miyagashv, E.A. Bessonova, S.A. Zverev, A.S. Malikov, I.S. Zhushikhovskaya, Ya.V. Dikiy., B.L. Balzhanov, I.G. Kurchatova

This paper deals with the results of a comprehensive multidisciplinary study of the Sutai homestead, dating to the Mongol Empire period, located in Western Transbaikalia. Fieldwork included an area ground-penetrating radar (GPR) survey and micromagnetic mapping, both conducted at a 1:100 scale, alongside laboratory analyses of construction ceramic samples. Physical properties, microstructure, texture, elemental composition and water absorption capacity were systematically evaluated. To ensure accurate interpretation of the geophysical data, the study incorporated site-specific features of the natural-anthropogenic landscape, local climatic conditions and key geological structures. Geophysical surveying successfully identified remains of kilns used for firing building ware. Subsequent archaeometric analysis established the elemental composition and firing technology of the pottery assemblage.

Keywords: archaeology, Western Transbaikalia, Mongol Empire, Sutai homestead, cultural layer, micromagnetic survey, ground-penetrating radar, kilns, building ceramics, physical and chemical properties.

REFERENCES

1. Bessonova, Ye. A., Zverev, S. A., Malikov, A. S., Chervinskaya, I. V., Bazarov, B. A., Miyagashv, D. A. 2024. *Tsifrovaya model' anomal'nogo magnitnogo polya «Sutayskaya feodal'naya usad'ba» (Digital model of the abnormal field of the site "Sutay nobel townhouse")*. Nomer registratsii (svidetel'stva): 2024623478. Data registratsii: 09.08.2024. Data publikatsii i nomer byulletenya: 09.08.2024 Byul. №8.
2. Volkova, E. V., Tsetlin, Yu. B. 2015. In *Samarskiy nauchnyy vestnik (Samara Journal of Science)* 3, 56–62 (in Russian).
3. Danilov, S. V. 1987. *Otchet o predvaritel'nykh issledovaniyakh ostatkov srednevekovykh sooruzheniy v Mukhorshibirskom rayone Buryatskoy ASSR v 1986 g. (Report on preliminary studies of the remains of medieval structures in Mukhorshibirsky district of the Buryat ASSR in 1986)*. Ulan-Ude. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, dossier 11732 (in Russian).
4. Danilov, S. V. 1988. *Otchet ob issledovaniyakh srednevekovykh sooruzheniy v Mukhorshibirskom rayone Buryatskoy ASSR v 1987 g. (Report on studies of medieval structures in Mukhorshibirsky dis-*

The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 23-78-10139 "Legacy of the Great Mongol Empire and Medieval Mongols in the historical memory of the peoples of Inner Asia". Geological and geophysical research was conducted as a part of the State Assignment, project No. 124022100084-8 (Bessonova E.S., Zverev S.A., Malikov A.S.). The analysis of building ware was carried out as a part of the project No. 121022500181-3 (Zhushikhovskaya I.S.).

trict of the Buryat ASSR in 1987). Ulan-Ude. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. R-1, dossier 12211 (in Russian).

5. Danilov, S. V. 1992. In Konovalov, P. B. (ed.). *Arkheologicheskiye pamyatniki epokhi srednevekov'ya v Buryatii i Mongolii (Archaeological sites of Middle Ages in Buryatia and Mongolia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 137–145 (in Russian).

6. Danilov, S. V. 2004. *Goroda v kochevykh obshhestvakh Tsentral'noy Azii (Towns in the Nomadic Societies of Central Asia)*. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

7. Kiselev, S. V. (ed.). 1965. *Drevnemongol'skie goroda (Ancient Mongol Towns)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

8. Yerokhin, S. A., Pavlova, A. M., Balashov, A. Yu., Shevnin, V. A., Modin, I. N., Bobachev, A. A. 2012. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiya Podmoskov'ya (Archaeology of the Moscow Region)* 8. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., 435–445 (in Russian).

9. Novikov, V. A. (ed.). 2005. *Karta poleznykh iskopayemykh chetvertichnykh obrazovaniy i zakonmernostey ikh razmeshcheniya: M-48-XII (Mukhorshibir') (Map of minerals of Quaternary formations and patterns of their distribution: M-48-XII (Mukhorshibir'))*. In *Karta poleznykh iskopayemykh i zakonmernostey ikh razmeshcheniya Rossiyskoy federatsii. Seriya Selenginskaya*. Izdaniye vtoroye., masshtab: 1:200000, seriya: Selenginskaya. FGBU «VSEGEI». <https://www.geokniga.org/maps/3860?ysclid=ma0jjqnuy289828346> (in Russian).

10. Kradin, N. N. 2016. In Tishkov, V. A. (ed.). *Trudy otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk RAN (Proceedings of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences)*. Moscow: "Nauka" Publ., 289–321 (in Russian).

11. Kradin, N. N. 2024. In *Arkheologiya Yevraziyskikh stepey (Archaeology of the Eurasian steppes)* 2, 318–327 (in Russian).

12. Kradin, N. N., Baksheyeva, S. E., Kovychev, E. V., Kharinskiy, A. V. 2016. In *Stratum Plus. Archaeology and cultural anthropology* 6, 17–43 (in Russian).

13. Kradin, N. N., Baksheyeva, S. Ye., Prokopets, S. D. 2018. In *Sibirskiyе istoricheskiye issledovaniya (Siberian historical research)* 2. Tomsk: Tomsk National Research University Publ., 64–80 (in Russian).

14. Kradin, N. N., Skrynnikova, T. D. 2006. *Imperiya Chingis-khana (The Empire of Genghis Khan)*. Moscow: "Vostochnaya Literatura" Publ. (in Russian).

15. Levitskiy, I. A., Pavlyukevich, Yu. G. 2010. *Osnovy proyektirovaniya keramicheskikh predpriyatiy: (Fundamentals of Designing Ceramic Enterprises)*. Minsk: BGTU Publ. (in Russian).

16. *Mestorozhdeniya stroitel'nykh materialov Buryatskoy ASSR, Khonkholoy skoye mestorozhdeniye glin. Internet-resurs Ministerstva Prirodnnykh resursov i ekologii respubliki Buryatiya (Deposits of Building Materials of the Buryat ASSR, Khonkholoy Clay Deposit. Internet Resource of the Ministry of Natural Resources and Environment of the Republic of Buryatia)* (in Russian). https://burpriroda.ru/content/nedra/kadastr_nedra.php?ELEMENT_ID=30525&ysclid=m9tehpem778656731. Accessed obrashcheniya 20.04. 2025.

17. *Modelirovaniye istoricheskikh dannyye o klimate i pogode – meteoblue (Modeling historical data on climate and weather – meteoblue)*. <https://www.meteoblue.com>

18. Okladnikov, A. P. 1975. In Makovetskiy, I. V., Maslova, G. S. (eds.). *Byt i iskusstvo russkogo naseleniya Vostochnoy Sibiri (Everyday life and art of the Russian population of Eastern Siberia)* 2. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 6–20 (in Russian).

19. Perlee, H. 1957. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet Archaeology)* 3, 43–53 (in Russian).

20. Perlee, H. 1961. *Mongol ard ulsyn ert, dundan uuiyn khot suuriny товчоон (A brief overview of ancient and medieval cities and settlements on the territory of Mongolia)*. Ulaanbaatar: Ulsyn khevleliyn kherg erkhelek khoroo (in Mongolian).

21. Savel'yeva, E. G., Stangrit, A. K. 1978. *Tugnuyskaya gruppa mestorozhdeniy stroitel'nykh materialov (graviyno-peschanaya smes', stroitel'nyy kamen', gliny i pesok otoshchitel') Otchet o rezul'tatakh poiskovykh i razvedochnykh rabot Mukhorshibirskoy GRP za 1974-76 gg. 1978 g (Tugnui group of deposits of building materials (gravel-sand mixture, building stone, clays and lean sand) Report on the results of prospecting and exploration work of the Mukhorshibir GRP for 1974-76)*. Buryatskoye GU. FGBU "Rosgeolfond" (in Russian).

22. Smekalova, T. N., Mel'nikov, A. V., Myts, V. L., Bevan, B. V. 2000. *Magnitometricheskoye izucheniye goncharnykh pechey srednevekovoy Tavriki (Magnetometric study of pottery kilns of medieval Taurica)*. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg university Publ. (in Russian).

23. Smekalova, T. N., Naumenko, V. E., Kul'kova, M. A., Zavadskaya, I. A., Bevan, B. V. 2020. In *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 258. Moscow: "Nauka" Publ., 326–339 (in Russian).

24. 2001. *Ugol'naya baza Rossii T. VI. Ugol'nyye basseyny i mestorozhdeniya Vostochnoy Sibiri (Tungusskiy i Taymyrskiy basseyny, mestorozhdeniya Zabaykal'ya) (Coal base of Russia T. VI. Coal basins and deposits of Eastern Siberia (Tunguska and Taimyr basins, deposits of Transbaikalia))*. Moscow: Geoinformmark Publ. (in Russian).

25. Yanbukhtin, I. R., Zakirov, A. Sh. 2023. In *Vestnik KRAUNTS. Fiziko-matematicheskiye nauki (Bulletin of the Kamchatka Regional Association Educational and Scientific Center (KRASEC). Physical and Mathematical Sciences)* 42 (1), 223–238 (in Russian).
26. Maniatis, Y. 2009. In Shortland, A., Freestone, I., Rehren, T. (eds.). *From Mine to Microscopy: Advances in the Study of Ancient Technology*. Oxford: Oxbow, 2009. P. 1–18.
27. Reedy, Ch. L., Vandiver, P. B. 2017. In *MRS Advances* 2 (37 – 38), 2043–2079. DOI:10.1557/adv.2017.286
28. Shepard, A. O. 1985. *Ceramics for the Archaeologist*. Washington, D.C.: Carnegie Institute press.
29. Tite, M. S., Maniatis, Y. 1975. In *Nature* 257, 122–123.

About the Authors:

Miyagashiev Denis A. Candidate of Historical Sciences. Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Sakh'yanovoy str., 6, Ulan-Ude, 670047, Russian Federation; silker10@yandex.ru

Bessonova Elena A. Candidate of Geological and Mineralogical Sciences. V.I. Il'ichev Pacific Oceanological Institute Far Eastern Branch Russian Academy of Sciences. Baltic str., 43, Vladivostok, 690041, Russian Federation; bessonova@poi.dvo.ru

Zverev Sergey A. V.I. Il'ichev Pacific Oceanological Institute Far Eastern Branch Russian Academy of Sciences. Baltic str., 43, Vladivostok, 690041, Russian Federation; Zverev_84@poi.dvo.ru

Malikov Aleksey S. V.I. Il'ichev Pacific Oceanological Institute Far Eastern Branch Russian Academy of Sciences. Baltic str., 43, Vladivostok, 690041, Russian Federation; Malikov.as@poi.dvo.ru

Zhushchikhovskaya Irina S. Doctor of Historical Sciences, Professor. Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya str., 89, Vladivostok, 690001, Russian Federation; irina1zh@mail.ru

Dikiy Yaroslav V. Candidate of Historical Sciences. Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Sakh'yanovoy str., 6, Ulan-Ude, 670047, Russian Federation; yaroslavdikii@gmail.com

Balzhanov Bator L. Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Sakh'yanovoy str., 6, Ulan-Ude, 670047, Russian Federation; bator.balzhanov@mail.ru

Kurchatova Irina G. Buryat State University. Ranjurov str., Ulan-Ude, 670000, Russian Federation; advocadof@yandex.ru

Статья принята в номер 01.06.2026 г.

УДК 904

<https://doi.org/10.24852/pa2026.2.56.202.218>

КРАНИОЛОГИЯ РАННЕОРДЫНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БОЛГАРА ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2020 Г. МУСУЛЬМАНСКОГО НЕКРОПОЛЯ (РАСКОП № ССХЛІІІ) У «ЧЕРНОЙ ПАЛАТЫ»

© 2026 г. И.Р. Газимзянов

В статье анализируются краниологические материалы из раскопок 2020 года мусульманского некрополя раннеордынского времени у «Черной палаты» на Болгарском городище (р. ССХЛІІІ). По краниометрической программе исследовано 16 мужских и 14 женских черепов. Мужские черепа в целом характеризуются как европеоидные. В среднем они имели мезокранную черепную коробку, хорошо профилированное и узкое лицо мезоморфного типа со средневыступающим носом. Женские черепа с учетом полового диморфизма морфологически близки к мужским, но они имели более прогнатное в альвеолярной части лицо и ослабленное выступание носа. Межгрупповой канонический анализ с привлечением краниологических серий золотоордынского Болгара и домонгольского времени с территории Среднего Поволжья показал, что население, оставившее некрополь у «Черной палаты», формировалось как на основе местного населения Волжской Булгарии, так и, возможно, пришлых мигрантных групп европеоидного морфотипа юго-западных генетических истоков (Крым, Северный Кавказ и т. д.).

Ключевые слова: археология, средневековый Болгар, Среднее Поволжье, Золотая Орда, краниология, антропологический состав.

Осенью 2020 года экспедицией под руководством М.В. Сивицкого были проведены археологические исследования к югу от средневекового каменного сооружения «Черная палата» (р. ССХЛІІІ), которые дали новый антропологический материал, характеризующий морфологический облик средневекового населения Болгара. На площади раскопа (236 кв. м) выявлено 56 погребений, из которых полностью было исследовано 41 захоронение, совершенное по мусульманскому погребальному обряду. Отдельные могилы частично были прорезаны сооружениями, которые датируются концом XIII в. Исходя из этого стратиграфического наблюдения, могильник может быть датирован либо поздним домонгольским периодом (первая половина XIII в.), либо ранним ордынским временем (вторая половина XIII в.). Поэтому материалы раскопок возле Черной палаты, в том числе и антропологические, представляют большой интерес как в плане изучения развития городского пространства средневекового Болгара, так и в плане генезиса его населения, особенно на начальной стадии его формирования, так

как большая часть антропологических коллекций Болгара относится к более позднему периоду (Газимзянов, 2015).

Расположение древнего кладбища вблизи Черной палаты было известно еще с позапрошлого века, когда местные крестьяне при хозяйственных работах регулярно встречали человеческие кости из нарушенных захоронений. На этом месте в 1877 г., с целью сбора болгарских черепов средневекового времени, были проведены небольшие раскопки под руководством Э.Д. Пельцама (Тр. IV АС, 1884). Им было исследовано несколько могил и получена небольшая серия черепов (один детский, два мужских и два женских), которые впоследствии были измерены А.П. Богдановым, а в советское время – перемерены Г.Ф. Дебецом (Богданов, 1879; Дебеч, 1932). В настоящее время эти черепа хранятся в фондах Института и Музея антропологии МГУ (Алексеева и др., 1986; с. 98, № 1556, 1557, 1559, 1560, 1563). По нашей просьбе А.А. Евтеевым были домерены размеры, характеризующие горизонтальную профилировку лица, за что приносим ему нашу благодарность.

В середине прошлого столетия, в 1966 г. (р. XV) и 1975 г. (р. L), на площадке некрополя было изучено еще более десятка мусульманских захоронений (Хлебникова, 1987). К сожалению, мы не обладаем цифровыми данными по черепам из раскопок этих лет. Единственное, есть упоминание Н.М. Постниковой (Рудь) о двух черепах (один женский и один мужской), которые были включены ею в суммарную краниологическую серию из некрополя у Малого минарета (Постникова, 1973). Они, по словам исследователя, характеризуются европеоидным обликом брахи-кранного типа (Рудь, 1987, с. 92). По мужскому черепу из погребения 11 (р. XV) Л.Т. Яблонским сделана графическая реконструкция лица по методу М.М. Герасимова (рис. 1).

Антропологическая коллекция, полученная в ходе раскопок 2020 г. в районе Черной палаты, имела относительно хорошую сохранность. После небольших реставрационных работ удалось составить для краниометрического исследования серию, состоящую из 16 мужских и 14 женских черепов (в серию включены также взрослые черепа из раскопок Э.Д. Пельцама). Средние параметры по группам приведены в табл. 1.

Мужские черепа суммарно характеризуются средним продольным и средним поперечным диаметрами черепной коробки. Высота свода от базиса на границе средних и больших величин. По черепному указателю серия мезокранная, а по соотношениям высоты свода к длине и ширине мозгового отдела серия относится к относительно высоким группам. Лоб среднеширокий и средненаклонный, с умеренно выраженным рельефом. Лицевой скелет средней ширины и средней высоты, по пропорциям – мезен. В горизонтальной плоскости он хорошо профилирован как на уровне орбит, так и на уровне скул. По углам верти-

Рис. 1. Графическая реконструкция лица по черепу мужчины из Болгар. Черная Палата. Раскоп XV (15), погребение 11, 1966 год (рук. А.С. Воскресенский). Автор реконструкции: Л.Т. Яблонский.

Fig. 1. Graphic reconstruction of the face based on the skull of a man from Bolgar. Black Chamber. Excavation area XV (15), burial 11, 1966 (field director A.S. Voskresenskiy). Reconstruction by L.T. Yablonsky.

кальной профилировки и указателю выступления лица серия ортогнатна. Исключением является угол альвеолярной части лица, значение которого указывает на некоторый прогнатизм в этой области. Орбиты неширокие и низкие, по пропорциям – мезоконхные. Нос средних размеров, мезоринный. Носовые косточки широкие и высокие, по указателю среднепрофилированные. Угол выступления носа средний. Клыковые ямки средней глубины. В строении нижнего края грушевидного отверстия преобладают заостренные формы. В целом мужские черепа можно отнести к одному из вариантов европеоидного типа, который характеризуется мезокранной формой головы и мезоморфным строением лица. При этом в серии отмечается небольшая монголоидная примесь, проявляющаяся на отдельных черепах в среднем угле выступления носа и в не-

Таблица 1.

Средние краниометрические параметры черепов из некрополя у «Черной Палаты».

Признаки	Мужчины			Женщины		
	N	X	S	N	X	S
1. Продольный диаметр	15	181.0	8.38*	12	174.8	8.80
8. Поперечный диаметр	15	139.0	6.55	10	140.5	5.78
17. Высотный диаметр	10	136.1	3.93	7	130.6	5.13
5. Длина основания лица	10	102.7	2.98	6	95.0	3.90
9. Наименьшая ширина лба	14	97.6	3.98	11	94.8	6.55
45. Скуловой диаметр	12	132.8	4.22	6	125.0	3.74
40. Длина основания лица	9	97.7	4.18	5	91.4	3.44
48. Верхняя высота лица	13	68.2	4.56	6	65.0	4.38
43. Верхняя ширина лица	14	104.6	3.13	11	101.8	5.31
46. Средняя ширина лица	10	97.3	4.30	4	93.3	5.68
55. Высота носа	13	50.3	2.56	5	49.4	1.67
54. Ширина носа	12	25.3	1.76	6	24.3	2.56
51. Ширина орбиты	13	40.8	1.92	6	40.0	3.46
52. Высота орбиты	14	31.9	1.75	7	32.6	1.90
20. Ушная высота	14	114.3	5.89	7	111.4	3.51
77. Назомаллярный угол	10	139.0	4.26	7	141.4	6.49
Zm. Зигмаксиллярный угол	10	126.3	4.76	4	124.4	2.75
SS. Симотическая высота	13	4.6	1.39	7	3.3	0.93
SC. Симотическая ширина	13	10.3	1.05	7	8.5	3.05
DS. Дакриальная высота	9	11.5	1.43	5	10.1	1.07
DC. Дакриальная ширина	9	21.7	1.56	5	20.1	3.58
Глубина клыковой ямки	13	4.7	1.96	5	4.6	1.92
32. Угол профиля лба	11	83.8	4.02	5	83.4	6.19
72. Общий лицевой угол	11	84.4	4.32	5	87.4	5.37
74. Альвеолярный угол лица	9	72.3	5.15	3	72.0	7.00
75(1). Угол выступания носа	10	26.0	9.08	4	20.8	5.74
8:1. Черепной указатель	15	77.0	6.22	10	81.4	4.74
17:1. Высотно-продольный указатель	10	74.9	2.83	7	76.3	2.86
17:8. Высотно-поперечный указатель	10	99.9	4.77	7	94.0	4.12
9:8. Лобный указатель	14	70.6	3.23	9	67.6	5.06
40:5. Указатель выступания лица	9	95.4	3.68	5	96.1	2.44
48:45. Верхнелицевой указатель	11	51.9	2.52	5	53.5	2.14
54:55. Носовой указатель	12	50.4	4.26	4	49.2	4.64
52:51. Орбитный указатель	13	78.6	4.14	6	80.8	4.31
SS:SC. Симотический указатель	13	45.6	10.0	7	39.8	7.83
DS:SS. Дакриальный указатель	9	52.0	7.92	5	51.2	6.38
Надпереносье (1 - 6)	16	3.2	0.89	11	2.0	0.57
Надбровные дуги (1 - 3)	14	1.5	0.31	11	1.4	0.32
Затылочный бугор (0 - 5)	14	2.5	0.77	12	1.7	0.44
Сосцевидный отросток (1 - 3)	14	2.8	-	10	1.8	-
Передне-носовая кость (1-5)	7	2.9	0.85	3	2.0	0.50
Нижний край носового отверстия (Antr. %)	14	78.6	-	9	88.9	-

* - выделены значения, превышающие стандартные

котором прогнатизме лицевого отдела на альвеолярном его уровне.

Женские черепа при сравнении с мужскими (с учетом полового ди-

морфизма) выглядят несколько более крупными как в строении черепной коробки, так и лицевого скелета (табл. 2). Небольшое, но более суще-

Сравнение мужских и женских черепов при помощи коэффициентов полового диморфизма.

Признаки	K_{st}^*	X(M)	X (Ж x K_{st})
1. Продольный диаметр	1.049	181.0	183.2
8. Поперечный диаметр	1.037	139.0	145.7
17. Высотный диаметр	1.047	136.1	136.7
5. Длина основания черепа	1.054	102.7	100.1
9. Наим.ширина лба	1.032	97.6	97.8
40. Длина основания лица	1.042	97.7	95.2
45. Скуловой диаметр	1.072	132.8	134.0
48. Высота лица	1.076	68.2	69.9
55. Высота носа	1.061	50.3	52.4
54. Ширина носа	1.041	25.3	25.3
51. Ширина орбиты (от mf)	1.041	40.8	41.6
52. Высота орбиты	1.005	31.9	32.8
20. Ушная высота	1.046	114.3	116.5
SS. Симотическая высота	1.207	4.6	3.9
DS. Дакриальная высота	1.113	11.5	11.2
75(1). Угол носа	+2.5°	26.0	23.3
77. Назомалярный угол	1.000	139.0	141.4
Zm. Зигомаксилярный угол	1.000	126.3	124.4

K_{st} - стандартный коэффициент

ственное различие между ними выступает в высоте переносья и углу выступления носа. В женской группе ослабленное выступание носа к линии профиля сопровождается некоторой уплощенностью носовых косточек, что может указывать на присутствие в ней большей доли монголоидной примеси.

Таким образом, краниологическая серия из некрополя у Черной палаты характеризуется в целом как европеоидная с небольшой долей монголоидной примеси, которая больше всего фиксируется в женской ее части.

Вместе с тем внутрigrупповой анализ показал, что серия морфологически неоднородна. Это выявляется как визуально, так и статистически. Повышенную вариабельность, независимо от половой принадлежности, демонстрируют признаки, которые описывают форму черепа и степень выступления носовых костей. Выделяются два основных краниотипа: европеоидный, в основном мезо-до-

лихокранный с узким лицом и хорошо выступающим носом; второй – также европеоидный, но с нерезко выраженными чертами, особенно в области вертикальной профилировки лица и угла выступления носа. Черепной указатель в этой группе сильно варьирует. Черепа монголоидного облика в серии не встречено.

Как уже отмечалось выше, мусульманский некрополь у Черной палаты, судя по стратиграфическим наблюдениям, функционировал либо в поздний домонгольский период, либо в раннемонгольское время (вт. пол. XIII в.). Не исключено, что он использовался на протяжении всего XIII столетия. В любом случае данный могильник является одним из наиболее ранних в истории средневекового Болгара. К такому мы можем отнести также некрополь у Соборной мечети («Четырехугольник») и кладбище на Бабьем бугре («Рядовой» и «Братская могила»). Относительно последнего у ряда исследователей нет единого мнения

по поводу его конфессиональной и этнической принадлежности. Так, по мнению автора раскопок А.М. Ефимовой, погребальный обряд средневекового некрополя характеризуется в целом мусульманскими чертами с включением языческих пережитков, а население, оставившее могильник на Бабьем бугре, являлось местным болгарским, финно-угорских истоков (Ефимова, 1960, 1974). Е.А. Халикова, наоборот, считала, что по элементам погребального обряда (отсутствие сопровождающегося инвентаря, положение на спине, направление лица вверх) большая часть захоронений на Бабьем бугре совершена в христианских традициях, а учитывая антропологический тип погребенных – мезодолихокранный, узколицый и резко европеоидный, – оставлена пришлой группой населения – аланами или славянами (Халикова, 1978). В свое время мы уже высказали свое отношение к данной проблеме (Газимзянов, 2002). На наш взгляд, кладбище на Бабьем бугре оставлено, вероятнее всего, мусульманизированными группами населения, имевшими разные этногенетические истоки: болгарами-аланами, мордвой-мокшей и т. д. (Газимзянов, 2002, с. 136).

В этом отношении интересны результаты сопоставления средних краниометрических параметров серии Черной палаты с краниологическими группами из Соборной мечети и Бабьего бугра (табл. 3).

По черепному указателю среди мужских групп выделяются серии из Черной палаты и Бабьего бугра. Для них на фоне брахикранных (короткоголовых) черепов из некрополя у Соборной мечети характерна удлиненная (мезокранная) форма головы. Женские черепа по форме черепной коробки демонстрируют более общие морфологические черты и относятся к суббрахикранным типу.

По высоте и ширине лица у мужчин промежуточное положение занимает серия из некрополя Бабьего бугра. Более низколицы и узколицы черепа из погребений у Черной палаты, а черепа у Соборной мечети обладали более широким и более высоким лицевым скелетом. При этом следует отметить, что по пропорциям лица все мужские группы характеризуются мезоморфным строением. По этому аспекту наблюдаемые различия по женским группам, вероятно, связаны, на наш взгляд, с небольшим количеством черепов в сравниваемых выборках.

По степени уплощенности лицевого скелета в горизонтальной проекции все группы, независимо от половой принадлежности, демонстрируют практически одинаковые параметры. Только по большой высоте перенося и, соответственно, более резкой его профилированности в какой-то мере выделяются мужские и женские черепа из захоронений на Бабьем бугре. В вертикальной проекции по общелицевому углу все черепа сопоставляемых групп имеют в основном мезогнатный или ортогнатный профиль лица. При этом отмечается хорошо выраженный альвеолярный прогнатизм в серии черепов из Черной палаты. Они также характеризуются пониженными значениями и по углу выступления носовых костей к линии профиля, особенно у женщин, что еще раз позволяет нам более аргументировано говорить о присутствии в данной группе достаточно ощутимой доли монголоидной примеси. По этому признаку и по большому углу выступления носа выделяется серия из Бабьего бугра.

Таким образом, сравнительный анализ краниологических серий, характеризующих физический облик населения средневекового Болгара, скорее всего раннеордынского времени (XIII в.), показал его неоднород-

Таблица 3.

Сравнительный анализ краниологических серий из раннеордынских некрополей Болгара

Некрополи / Признаки	Мужские группы			Женские группы		
	«Черная палата»	«Четырехугольник»	Бабий бугор (Рядовой)	«Черная палата»	«Четырехугольник»	Бабий бугор (Рядовой)
1. Продольный диаметр	181.0 (15)	179.2 (12)	184.3 (13)	174.6 (12)	176.0 (3)	172.9 (10)
8. Поперечный диаметр	139.0 (15)	146.5 (12)	141.4 (16)	140.5 (10)	140.7 (3)	136.2 (9)
8:1. Черепной указатель	77.0 (15)	81.9 (12)	77.4 (12)	81.3 (10)	79.9 (3)	80.0 (9)
17. Высотный диаметр	136.1 (10)	132.6 (10)	137.1 (14)	130.6 (7)	125.0 (3)	127.4 (7)
9. Наименьшая ширина лба	97.6 (14)	94.9 (12)	96.6 (18)	94.8 (11)	92.3 (3)	94.9 (8)
45. Скуловой диаметр	132.8 (12)	135.7 (11)	134.4 (5)	125.0 (6)	126.6 (3)	128.0 (4)
48. Верхняя высота лица	68.2 (13)	72.2 (11)	70.1 (17)	65.0 (6)	72.0 (2)	65.6 (8)
48:45. Верх. лицевой указатель	51.9 (11)	53.1 (11)	52.7 (5)	53.5 (5)	58.1 (2)	51.8 (4)
55. Высота носа	50.3 (13)	52.8 (11)	52.6 (16)	49.4 (5)	52.3 (3)	48.6 (7)
54. Ширина носа	25.3 (12)	26.0 (11)	25.3 (16)	24.3 (6)	26.3 (3)	24.4 (7)
51. Ширина орбиты	40.8 (13)	42.5 (11)	41.2 (15)	40.0 (6)	42.6 (3)	37.5 (8)
52. Высота орбиты	31.9 (14)	33.0 (11)	31.9 (16)	32.6 (7)	31.0 (3)	30.8 (8)
77. Назомалярный угол	139.0 (10)	135.9 (11)	140.6 (17)	141.4 (7)	136.7 (3)	139.2 (9)
Zm. Зигомаксиллярный угол	126.3 (10)	128.2 (11)	126.5 (11)	124.4 (4)	127.3 (3)	131.5 (6)
SS. Симотическая высота	4.6 (13)	4.2 (11)	4.4 (16)	3.3 (7)	4.1 (3)	3.7 (7)
SS:SC. Симотический ук-ль	45.6 (13)	53.4 (11)	50.9 (16)	39.8 (7)	40.8 (3)	39.9 (7)
DS. Дакриальная высота	11.5 (9)	12.2 (11)	12.4 (15)	10.1 (5)	10.0 (3)	10.6 (6)
DS:SS. Дакриальный ук-ль	52.0 (9)	52.3 (11)	56.1 (15)	51.2 (5)	49.9 (3)	57.7 (4)
Глубина клыкковой ямки	4.7 (13)	4.9 (10)	4.4 (18)	4.6 (5)	5.9 (3)	4.7 (8)
32. Угол профиля лба	83.8 (11)	82.3 (10)	86.2 (5)	83.4 (5)	80.0 (3)	84.5 (6)
72. Общий лицевой угол	84.4 (11)	84.8 (10)	84.2 (9)	87.4 (5)	84.3 (3)	82.5 (6)
74. Альвеолярный угол лица	72.3 (9)	78.1 (10)	-	72.0 (3)	78.1 (10)	-
75(1). Угол выступания носа	26.0 (10)	26.1 (10)	31.6 (7)	20.8 (4)	25.0 (3)	28.2 (5)

ный антропологический состав. В его основе лежал в целом европеоидный компонент, вариации которого зависели в основном от формы черепной коробки (долихо-мезокран – брахикран) и степени выраженности монголоидной примеси, которая главным образом проявлялась по углу выступания носа и в вертикальной профилировке лицевого отдела. Минимально она фиксировалась в серии черепов из рядового кладбища на Бабьем бугре, средне – в краниокомплексе группы населения, оставившего мусульманский некрополь в районе Соборной мечети («Четырехугольник»), и более выражено в краниологических материалах из могильника у Черной палаты, особенно в женской ее части. Вероятно, что формирование населения Болгара на раннем этапе его развития

проходило на многокомпонентной этнокультурной и этногенетической основе.

Для выяснения генетических истоков средневековой популяции, использовавшей в раннеордынское время кладбище у Черной палаты, и ее места в антропологической структуре населения средневекового Болгара был проведен межгрупповой статистический анализ мужских краниологических серий при помощи канонического метода. Данный анализ проводился в два этапа: на первом выявлялся характер межгрупповой морфологической изменчивости среди 14 городских групп Болгара, а на втором определялся вектор их генетических связей с 14 мужскими группами домонгольского населения Волжской Булгарии и более ранних групп с тер-

Таблица 4

Элементы первых трех канонически векторов (I-III)
для 14 мужских краниологических серий средневекового Болгара.

Признаки	I	II	III
1. Продольный диаметр	-0.443	0.088	0.047
8. Поперечный диаметр	0.762*	-0.138	-0.022
17. Высотный диаметр	-0.101	0.598	0.083
9. Наименьшая ширина лба	-0.364	0.377	0.428
45. Скуловой диаметр	-0.163	-0.825	0.460
48. Верхняя высота лица	0.000	-0.248	-0.017
51. Ширина орбиты	0.368	0.394	-0.812
52. Высота орбиты	0.376	0.037	0.253
54. Ширина носа	0.024	-0.138	0.118
55. Высота носа	0.326	0.459	-0.048
77. Назомалярный угол	0.102	0.142	0.225
Zm'. Зигомаксиллярный угол	0.100	-0.245	-0.309
SS:SC. Симотический указатель	-0.018	-0.356	-0.109
75(1). Угол носа	0.102	0.549	0.597
Собственные числа	27.7	10.8	7.7
Доля в общей дисперсии (в %)	60.1	23.3	16.6

*- выделены значения, указывающие на сильную коррелятивную связь

ритории Среднего Поволжья. На всех этапах исследования были задействованы одни и те же таксономически важные признаки: основные диаметры черепной коробки, наименьшая ширина лба, ширина и высота лица, основные размеры орбит и носа, углы горизонтальной профилировки, симотический указатель и угол наклона носа.

Каноническим анализом выделено три вектора, чьи собственные числа превышают единицу (табл. 4).

В первом каноническом векторе, отражающем более 60% всей изменчивости, наибольшая нагрузка падает на поперечный диаметр. Этот признак разделяет анализируемую совокупность на длинноголовые и группы с более короткой головой в зависимости от ширины черепной коробки.

Второй канонический вектор, описывающий более 23% всей межгрупповой дисперсии, демонстрирует отрицательную взаимосвязь между скуловым диаметром и диаметром высоты свода, а также между шириной лица и углом выступления носа, то есть

с уменьшением ширины лицевого отдела увеличивается высота свода и, соответственно, увеличивается угол выступления носа. Вероятно, данный вектор выделяет в антропологическом составе средневекового населения Болгара группы с европеоидными и монголоидными комплексами признаков. Для первых будет характерно узкое лицо, большая высота свода и резкое выступание носовых косточек. Для вторых – наоборот, более широкое лицо будет сопровождаться более низким сводом и пониженными значениями угла носа.

Третий вектор (более 16% в общей доле всей изменчивости) также, возможно, выделяет европеоидные и монголоидные группы, связанные со следующей особенностью строения лицевого скелета: с уменьшением высоты орбит увеличивается угол выступления носа, и наоборот.

Таким образом, характер межгрупповой изменчивости в антропологическом составе населения средневекового Болгара связан с формой черепной коробки (долихокранная – брахикран-

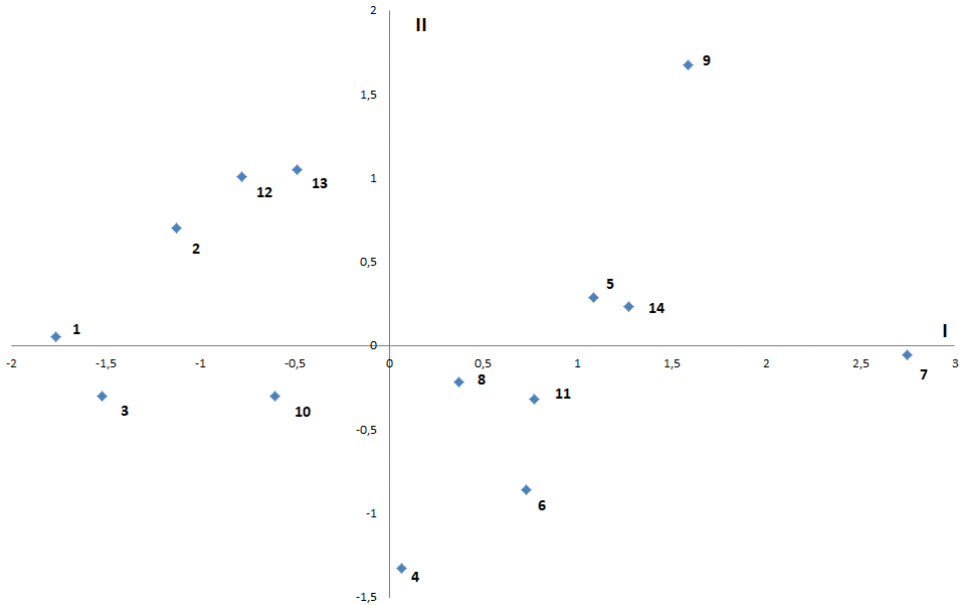

Рис. 2. Расположение краниологических серий средневекового Болгара в пространстве первых двух канонических векторов.

«Черная палата», XIII в. (Газимзянов, наст. раб.); 2 – «Бабий бугор, рядовой», XIII–XIV вв. (Трофимова, 1956); 3 – «Бабий бугор, братская могила», XIII–XIV вв. (Трофимова, 1956); 4 – «Культурный слой», XIII–XV вв. (Трофимова, 1956; Газимзянов, 2001); 5 – «Греческая палата», XIV–XV вв. (Трофимова, 1956; Газимзянов, 2024); 6 – «Четырехугольник», XIII–XIV вв. (Постникова (Рудь), 1970); 7 – «Ханская усыпальница», XIV–XV вв. (Рудь (Постникова), 1987); 8 – «Малый минарет», XIV–XV вв. (Рудь (Постникова), 1987; Газимзянов, 2001); 9 – мавзолей г. Болгар, XIV–XV вв. (Газимзянов, 2016); 10 – Усть-Иерусалимский некрополь, XIV–XV вв. (Газимзянов, 2004); 11 – некрополь у «Памятного знака», XIV–XV вв. (Газимзянов, 2015); 12 – некрополь в районе бывшего аэродрома, XIV–XV вв. (Газимзянов, 2015); 13 – некрополь в южной части Болгарского городища (р. CLXXIV), XIV–XV вв. (Газимзянов, 2015); 14 – некрополь в северной части Болгарского городища (р. СХСІ), XIV–XV вв. (Газимзянов, 2015).

Fig. 2. Position of the medieval Bolgar craniological series in the space of the first two canonical vectors.

ная), с шириной лица и углом выступания носа. Более наглядно это выглядит на графике, построенном в пространстве первых двух канонических векторов, которые представляют в сумме больше 80% от всей изменчивости (рис. 2).

Так, крайние позиции по горизонтали (I канонический вектор) занимают анализируемая нами серия из кладбища у Черной палаты и серия из некрополя «Ханская усыпальница». Если в среднем, как мы отмечали выше, мужские черепа из захоронений у Черной палаты демонстрируют

в основном европеоидные черты: узкое и хорошо профилированное низкое лицо сопровождается мезокранной черепной коробкой и средним углом выступания носа, – то мужские черепа из Ханской усыпальницы, наоборот, в своем краниотипе сочетают европеоидные черты с монголоидными особенностями: широкое и высокое уплощенное лицо сопровождается брахикранной формой черепной коробки и резко выступающим носом. Не детализируя расположение городских групп средневекового Болгара на графике в пространстве первых двух

канонических векторов, лишь отметим, что оно морфологически было крайне разнообразно. Специалистами не раз подчеркивался тот факт, что антропологический облик его населения формировался на многокомпонентной основе из разных групп различного этногенетического происхождения (Дебец, 1948; Трофимова, 1956; Рудь (Постникова), 1987; Газимзянов, 2001, 2015, 2022). В этом контексте интересно, что серия «Черная палата» по краниокомплексу типологически близка к двум сериям из Бабьего бугра – рядового и так называемого «Братская могила», занимая между ними промежуточное положение. Исходя из этого, можно наметить генетическую связь между мужскими черепами из захоронений Черной палаты и «рядовых» захоронений на Бабьем бугре, учитывая в их составе общий резко европеоидный длинноголовый компонент. В то же время в серии из Черной палаты, особенно в женской ее части, есть черепа, имеющие ослабленное выступание носа и прогнатизм альвеолярной части лица, что в некоторой степени объединяет их с серией из Братской могилы. В последней доля черепов такого морфологического типа довольно существенна. По мнению Т.А. Трофимовой, которая исследовала краниологические материалы «Братской могилы», истоки этой группы могут быть связаны с местным финно-угорским (поволжско-приуральским) населением (Трофимова, 1956, с. 115).

Таким образом, мы можем еще раз констатировать, что антропологический состав населения Болгара в раннеордынское время было морфологически неоднородным и состоял из групп разного генетического и, судя по археологическим материалам, этнокультурного происхождения (Ситиков, Баранов, 2022, с. 246–280). В его составе при наличии промежуточных (прежде всего смешанных)

форм можно выделить три основных морфологических компонента, различающихся по степени выраженности европеоидных признаков. Первый компонент – длинноголовый с узким и хорошо профилированным лицом мезоморфного типа – хорошо представлен в краниологических материалах из некрополей «Бабий бугор» и «Черная палата». Второй компонент – брахикранный, более широколицый и менее профилированный, со средним углом выступления носа – хорошо выражен в серии черепов из захоронений у Соборной мечети («Четырехугольник»). Третий – низкоголицый с ослабленным углом выступления носовых костей и выраженным альвеолярным прогнатизмом – доминирует в серии черепов из «коллективного захоронения» на Бабьем бугре («Братская могила»). Вместе с тем, выделяя в антропологической структуре населения раннеордынского Болгара основные морфотипы (компоненты), нельзя не отметить одну тенденцию, которая отмечается как визуально, так и статистически. Это процесс смешения между разными городскими группами Болгара в раннеордынское время. Об этом может свидетельствовать не только наличие внутри этих групп индивидов с разными морфологическими, прежде всего европеоидными, характеристиками, но и наличие в их составе индивидов с краниотипом смешанных форм, сочетающее (в разной доле) как европеоидные, так и монголоидные черты. Все это антропологическое многообразие хорошо представлено в краниологической серии «Черная палата». Вероятно, данная серия, а также другие краниологические материалы из раннеордынских некрополей Болгара отражают в какой-то мере общие моменты метисации (смешения), проходившие как в механической, так и в биологической форме, но с разной степенью интенсивности в отдельных городских группах.

Элементы первых трех канонически векторов (I-III)
для 28 мужских краниологических серий средневекового Болгара (XIII – XV вв.)
и Среднего Поволжья домонгольского времени (VIII – XIII вв.).

Признаки	I	II	III
1. Продольный диаметр	-0.504	-0.043	-0.127
8. Поперечный диаметр	0.781	0.154	-0.081
17. Высотный диаметр	-0.143	0.371	0.474
9. Наименьшая ширина лба	-0.353	0.246	0.580
45. Скуловой диаметр	0.071	-1.093	0.385
48. Верхняя высота лица	0.047	0.063	0.267
51. Ширина орбиты	0.312	0.260	-0.235
52. Высота орбиты	0.218	0.288	-0.182
54. Ширина носа	0.035	-0.030	-0.057
55. Высота носа	0.287	0.186	-0.289
77. Назомалярный угол	0.114	0.045	0.200
Zm'. Зигомаксиллярный угол	0.105	-0.220	-0.347
SS:SC. Симотический указатель	0.005	-0.368	-0.097
75(1). Угол носа	0.071	0.443	0.509
Собственные числа	18.5	8.5	5.9
Доля в общей дисперсии (в %)	56.1	25.9	17.9

*- выделены значения, указывающие на сильную коррелятивную связь

Для выявления вероятных генетических истоков средневекового населения Болгара, в том числе и группы жителей города, оставившей мусульманские захоронения возле Черной палаты, был проведен второй этап межгруппового канонического анализа с привлечением 14 краниологических серий, представляющих физический облик средневекового населения Среднего Поволжья до включения его в состав Золотой Орды (Улус Джучи).

Второй этап канонического анализа показал, что в мужских группах наибольшую межгрупповую изменчивость отражают первые три вектора (табл. 5).

Максимальные нагрузки в первом каноническом векторе (более 56 % всей дисперсии) несут два признака: поперечный и продольный диаметры, образуя между собой отрицательную корреляционную связь – с увеличением поперечного диаметра закономерно уменьшается продольный. Данная взаимосвязь еще раз на статистическом уровне подтверждает наш вывод

о роли формы головы в морфологической межгрупповой изменчивости как в городских популяциях Болгара, так и в группах домонгольского населения Среднего Поволжья. Не вызывает сомнения, что данный вектор (на крайних его полюсах) выделяет в рассматриваемой краниологической совокупности долихо-мезокранные и брахикранные группы.

Во втором каноническом векторе (более 25% от всей изменчивости) максимальная нагрузка падает на скуловой диаметр и в какой-то мере на угол выступания носа, выявляя между ними отрицательную корреляционную связь – с уменьшением ширины лица увеличивается угол выступания носа. Этот вектор прежде всего выделяет европеоидные группы, имеющие узкое лицо и сильное выступание носовых костей, и группы с монголоидными особенностями: более широкое лицо сочетается с менее выступающим носом.

Третий канонический вектор (более 17% в общей доле дисперсии)

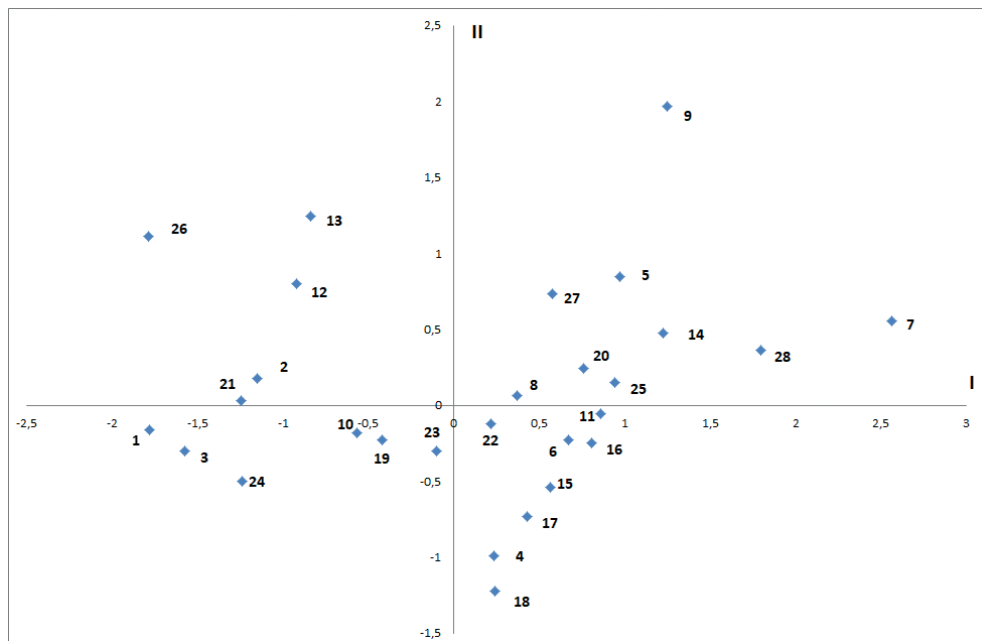

Рис. 3. Расположение краниологических серий средневекового Болгара и домонгольского времени с территории Среднего Поволжья.

«Черная палата», XIII в. (Газимзянов, наст. раб.); 2 – «Бабий бугор, рядовой», XIII–XIV вв. (Трофимова, 1956); 3 – «Бабий бугор, братская могила», XIII–XIV вв. (Трофимова, 1956); 4 – «Культурный слой», XIII–XV вв. (Трофимова, 1956; Газимзянов, 2001); 5 – «Греческая палата», XIV–XV вв. (Трофимова, 1956; Газимзянов, 2024); 6 – «Четырехугольник», XIII–XIV вв. (Постникова (Рудь), 1970); 7 – «Ханская усыпальница», XIV–XV вв. (Рудь (Постникова), 1987); 8 – «Малый минарет», XIV–XV вв. (Рудь (Постникова), 1987; Газимзянов, 2001); 9 – мавзолей г. Болгар, XIV–XV вв. (Газимзянов, 2016); 10 – Усть-Иерусалимский некрополь, XIV–XV вв. (Газимзянов, 2004); 11 – некрополь у «Памятного знака», XIV–XV вв. (Газимзянов, 2015); 12 – некрополь в районе бывшего аэродрома, XIV–XV вв. (Газимзянов, 2015); 13 – некрополь в южной части Болгарского городища (р. CLXXIV), XIV–XV вв. (Газимзянов, 2015); 14 – некрополь в северной части Болгарского городища (р. СХСІ), XIV–XV вв. (Газимзянов, 2015); 15 – Больше-Тарханский могильник, VIII–IX вв. (Акимова, 1964); 16 – Кайбельский (ранний), VIII–IX вв. (Герасимова, 1956); 17 – население Самарского Поволжья (сборная), VIII–X вв., (Газимзянов, 2014); 18 – население кушнаренково-караякуповской культуры (сборная), VII–XI вв. (Газимзянов, 2018); 19 – Танкеевский могильник, IX–XI вв. (Акимова, 1973, Газимзянов, 2018); 20 – Кайбельский могильник (поздний), X–XIII вв. (Герасимова, 1956); 21 – Рождественский III некрополь, X–XIII вв. (Газимзянов, неоп. мат.); 22 – Старокуйбышевский I некрополь, X–XIII вв. (Рудь, 1987; Газимзянов, неоп. мат.); 23 – Измерский некрополь, X–XIII вв. (Рудь-Постникова, 1987); 24 – Джукетау, X–XIII вв. (Газимзянов, Набиуллин, 2011); 25 – «Муромский городок», X–XIII вв. (Газимзянов, 2019); 26 – Билярск (сборная, долихо-мезокранная группа), X–XIII вв. (Ефимова, 1991); 27 – Билярск (сборная, брахикранная группа), X–XIII вв. (Ефимова, 1991); 28 – Билярский IV некрополь, X–XIII вв. (Фаттахов, 1979).

Fig. 3. Position of the medieval Bolgar and pre-Mongol period craniological series from the Middle Volga region.

указывает на положительную взаимосвязь между наименьшей шириной лба и углом выступания носа, то есть с увеличением ширины лба возрас-

тает угол выступания носа. Данный вектор дополняет предыдущий и также разграничивает краниологические серии с европеоидным морфотипом

от групп, имеющих монголоидные расовые признаки. Для первых будет характерным более широкий лоб и более высокое и выступающее переносье, а для вторых, наоборот, узкий лоб будет сопровождаться пониженными значениями угла носа.

Таким образом, характер межгрупповой изменчивости среди домонгольских групп населения Среднего Поволжья и жителей золотоордынского Болгара зависел прежде всего от формы черепной коробки, ширины лица и угла выступления носа к линии профиля. Он в какой-то мере отражает сложный и многокомпонентный антропологический состав местного средневекового в целом населения и выявляет в его структуре как европеоидные группы и группы с монголоидными особенностями, так и группы смешанного морфотипа. Наглядно это представлено на графике, построенном в пространстве первых двух канонических векторов (рис. 3).

По горизонтальной линии первого канонического вектора крайние позиции занимают серии из Болгара с противоположными краниологическими характеристиками – «Черная палата» и «Ханская усыпальница». Как мы уже отмечали выше, брахикранные черепа из захоронений у каменных мавзолеев в центре Болгарского городища обладали довольно широким, высоким и несколько уплощенным лицом в сочетании с резко выступающим носом. Мезокранные черепа из некрополя у Черной палаты, наоборот, суммарно выделялись узким, низким и хорошо профилированным лицом со средним углом выступления носовых костей. К последним по комплексу признаков близки серии из могильников на Бабьем Бугре («Рядовой» и «Братская могила»), а также серии из мусульманских некрополей Волжской Булгарии (Рождественский III и Джукетау). При этом важно отметить, что к серии из рядового могильника на

Бабьем бугре, где доминирует долихо-мезокранный узколиций европеоидный морфологический компонент, типологически близки черепа Рождественского III некрополя. А с серией «Братская могила», где количественно преобладают индивиды с менее выразительными европеоидными чертами субуральского типа, морфологически сопоставима группа черепов из городского некрополя домонгольского Джукетау. В связи с этим выскажем в довольно осторожной форме, учитывая небольшое количество наблюдений в сравниваемых группах, мысль о том, что население Болгара в раннеордынское время формировалось как из выходцев из «местной» поволжско-приуральской среды, так и за счет мигрантов. Вероятно, доля «местного» этнического компонента в составе жителей Болгара на всем протяжении его средневековой истории, в том числе и ранней, превалировала. К этому выводу нас подводит анализ элементов мусульманского погребального обряда по материалам некрополей у Соборной мечети и Черной палаты, который может свидетельствовать в пользу их генезиса и связи с домонгольскими некрополями Волжской Булгарии (Халикова, 1986).

Таким образом, краниологический анализ антропологических материалов одного из ранних мусульманских некрополей средневекового Болгара в районе «Черной палаты» позволяет сделать несколько выводов предварительного характера:

1. Данная группа населения в целом представляется как европеоидная с небольшой долей монголоидной примеси. Для нее в среднем характерна мезокранный черепная коробка, узкое и низкое, хорошо профилированное лицо мезоморфного типа в сочетании со средневыступающим носом.

2. Внутригрупповой анализ серии показал, что она морфологически неоднородна. Визуально в его состав

ве – при наличии промежуточных – выделяются два основных морфологических компонента: первый – резко европеоидный мезо-долихокранного типа с узким лицом и большим углом выступания носа; второй – также европеоидный, но с несколько ослабленным выступанием носовых костей и менее профилированным лицом в альвеолярной его части. При этом нужно отметить, что хорошо выраженные европеоидные черты в большей степени характерны для краниотипа мужской части популяции, а менее – для женской.

3. Сравнительный анализ краниологических серий, характеризующих антропологический состав жителей Болгара в раннеордынское время, показал, что оно было морфологически неоднородным. При общей европеоидной основе в его краниотипе выделяются отдельные комплексы признаков, имеющих некую территориальную приуроченность. Так, черепа из некрополя у Соборной мечети имели в целом более округлую (брахикранную) форму головы, более широкое и менее профилированное лицо, чем краниумы из могильников на Бабьем бугре («Рядовой» и «Братская могила») и в районе «Черной палаты». Для них характерна мезо-долихокранная черепная коробка, более узкое и более профилированное лицо с большим углом выступания

носа. Еще одну группу составляют черепа, чей морфологический облик традиционно связывают с поволжско-приуральскими группами населения, носителями так называемого субуральского антропологического типа, характерными чертами которого являются несильное выступание носа и некоторая уплощенность и прогнатность лицевого скелета, особенно в альвеолярной его части (Акимова, 1973; Ефимова, 1991). Черепа данного типа численно преобладают в составе серии могильника «Братская могила» и в качестве компонента фиксируются в серии «Черной палата», главным образом в женской ее части.

4. Сравнительный межгрупповой краниологический анализ, проведенный с целью выявления возможных генетических истоков населения Болгара раннеордынского времени, показал, что оно формировалось в большей степени из выходцев местной (в широком плане) этнокультурной среды. При этом нельзя исключать, что часть населения Болгара пополнялось из «мигрантов» с других территорий, как на индивидуальном уровне, так и на уровне отдельных групп. Важно также отметить, что во всех краниологических сериях раннеордынского Болгара отсутствуют черепа монголоидного типа южно-сибирского или центрально-азиатского генезиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова М.С. Материалы к антропологии ранних болгар // Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. С. 177–191.
2. Акимова М.С. Антропологические материалы из Танкеевского могильника // ВА. 1973. Вып. 45. С. 15–29.
3. Алексеева Т.И., Ефимова С.Г., Эренбург Р.Б. Краниологические и остеологические коллекции Института и Музея антропологии МГУ. М.: Изд-во Моск-го ун-та, 1986. 224 с.
4. Богданов А.П. Жители древних Болгар по краниологическим признакам // Антропологическая выставка 1879. Т. III, ч. 1. М.: тип. М.Н. Лаврова и К^о, 1879. С. 1–15.
5. Газимзянов И.Р. Золотая Орда и этногенетические процессы на Средней Волге // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Часть II / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М.: Изд-во «Старый сад», 2000. С. 189–216.

6. Газимзянов И.Р. Население Среднего Поволжья в составе Золотой Орды по данным краниологии (реконструкция этногенетических процессов). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2001. 33 с.

7. Газимзянов И.Р. Еще раз о могильнике «Бабий Бугор» // Вопросы древней истории Волго-Камья / Отв. ред.: Е.П. Казаков. Казань: Мастер Лайн, 2002. С. 132–137.

8. Газимзянов И.Р. Краниология Усть-Иерусалимского могильника // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы III Халиковских чтений / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Школа, 2004. С. 46–49.

9. Газимзянов И.Р. Об антропологическом единстве ранних болгар Восточной Европы // Трети международен конгресс по българистика. Материалы научной конференции (София, 23–26 мая 2013 г.) / Отв. ред. Тодор Попнеделев. София: Изд-во унив-та «Св. Климент Охридски», 2014. С. 102–133.

10. Газимзянов И.Р. Население средневекового Болгара по данным краниологии. Предварительные результаты по материалам раскопок 2010–2013 гг. // Поволжская археология. 2015. № 3. С. 112–124.

11. Газимзянов И.Р. Мавзолеи города Болгара: антропологический аспект // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ / Отв. ред. Х.М. Абдуллин, А.Г. Ситдииков. Казань: Институт археологии АН РТ, 2016. С. 77–88.

12. Газимзянов И.Р. Древние венгры в антропологическом аспекте // IV-й Международный мадьярский симпозиум / Археология Евразийских степей. 2018а. № 6. С. 66–72.

13. Газимзянов И.Р. Антропология Танкеевского могильника: краниологический анализ старых и новых материалов // Поволжская археология. 2018б. № 1 (23). С. 294–320.

14. Газимзянов И.Р. Краниология городского населения Волжской Булгарии (по материалам Муромского городка) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 7 / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: Изд-во СГСПУ, 2019. С. 202–209.

15. Газимзянов И.Р. Антропологическая характеристика населения в Волго-Урале во второй половине XIII – начале XV в. // Средние века (вторая треть XIII – первая половина XV вв.). Эпоха Золотой Орды (Улуса Джучи) / Археология Волго-Уралья. Т. 6 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. В.С. Баранов. Казань: АН РТ, 2022. С. 796–822.

16. Газимзянов И.Р. Новые краниологические данные к антропологической характеристике населения армянской колонии средневекового Болгара (по материалам некрополя «Греческая палата») // Российский журнал физической антропологии. 2024. № 3 (11). С. 23–32.

17. Газимзянов И.Р., Набиуллин Н.Г. Антропология населения Джукетау (по материалам Донауровского могильника) // Уч. зап. Казан. ун-та. Т. 153. Кн. 3. 2011. С. 21–28.

18. Герасимова М.М. Скелеты древних болгар из раскопок у села Кайбелы // Антропологический сборник. Т. 1 / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Т. 33 / Отв. ред. Г.Ф. Дебец, М.Г. Левин. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 146–165.

19. Дебец Г.Ф. Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии // Антропологический журнал. 1932. № 1. С. 54–73.

20. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. IV. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 391 с.

21. Ефимова А.М. Могильник на Бабьем бугре городища Болгары // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 3 / МИА. № 80 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. С. 169–194.

22. Ефимова А.М. Кладбище на окраине посада города Болгара // Города Поволжья в средние века / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 24–29.

23. Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: Изд-во МГУ, 1991. 95 с.

24. Постникова Н.М. К антропологии средневекового могильника Четырехугольник // Поволжье в средние века / МИА. № 164 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1970. С. 24–38.

25. Постникова Н.М. К антропологии населения Волжской Булгарии: Антропологические материалы из могильника Минарет XIV–XV вв. // СА. 1973. № 3. С. 203–211.

26. Рудь (Постникова) Н.М. Антропологические данные к вопросу об этнических взаимоотношениях на Средней Волге X–XIV вв. // Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. Великанова. М.: Наука, 1987. С. 83–141.

27. Ситдигов А.Г., Баранов В.С. Золотоордынский Болгар // Средние века (вторая треть XIII – первая половина XV вв.). Эпоха Золотой Орды (Улуса Джучи) / Археология Волго-Уралья. Т. 6 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. В.С. Баранов. Казань: АН РТ, 2022. С. 246–280.

28. Трофимова Т.А. Антропологический состав населения г. Болгары в X–XV вв. // Антропологический сборник. Т. 1 / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Т. 33. М.: АН СССР, 1956. С. 73–145.

29. Труды Четвертого Археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Т. 1. Казань: Тип. ун-та, 1884. 652 с.

30. Халикова Е.А. О могильнике «Бабий бугор» в Болгарах // Вопросы древней и средневековой истории Восточной Европы / Отв. ред. В.И. Козенкова, Ю.А. Краснов, И.Г. Розенфельдт. М.: Наука, 1978. С. 205–211.

31. Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань: Изд-во КГУ, 1986. 160 с.

32. Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия, топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1987. С. 34–89.

Информация об авторе:

Газимзянов Ильгизар Равильевич, кандидат исторических наук, смотритель. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); G-Ilgizar@yandex.ru

CRANIOLOGY OF THE EARLY GOLDEN HORDE POPULATION OF BOLGAR BASED ON THE MATERIALS OF THE 2020 EXCAVATIONS AT THE MUSLIM NECROPOLIS (EXCAVATION AREA NO. CCXLIII) NEARBY THE BLACK CHAMBER

I.R. Gazimzyanov

The article analyzes craniological materials from the 2020 excavations of the Early Golden Horde Muslim necropolis nearby the Black Chamber at the Bolgar archaeological site (excavation area No CCXLIII). According to the craniometric protocol, 16 male and 14 female crania were examined. The male crania are generally characterized as Caucasoid. On average, they exhibited a mesocranic cranial vault, a well-defined, narrow face of the mesomorphic type and a medium-protruding nose. Accounting for sexual dimorphism, the female crania are morphologically close to the males, though they display greater alveolar prognathism and reduced nasal projection. A canonical variate analysis, incorporating craniological series from Golden Horde Bolgar and pre-Mongol sites in the Middle Volga region, indicates that the population that left necropolis at the Black Chamber was formed from the local population of Volga Bulgaria, mixed with potential incoming migrant groups of Caucasoid morphology originating from the southwest (e.g., the Crimea and the North Caucasus).

Keywords: archaeology, medieval Bolgar, Middle Volga region, Golden Horde, craniology, anthropological composition.

REFERENCES

1. Akimova, M. S. 1964. In Genning, V. F., Khalikov, A. Kh. *Rannie bolgary na Volge (Early Bolgars on the Volga)*. Moscow: "Nauka" Publ., 177–191 (in Russian).
2. Akimova, M. S. 1973. In *Voprosy antropologii (Issues of Anthropology)* 45, 15–29 (in Russian).
3. Alekseeva, T. I., Efimova, S. G., Erenburg, R. B. 1986. *Kraniologicheskiye i osteologicheskiye kolleksii Instituta i Muzeya antropologii MGU (Craniological and osteological collections of the Institute and Museum of Anthropology, Moscow State University)*. Moscow: Moscow University Publ. (in Russian).
4. Bogdanov, A. P. 1879. In *Antropologicheskaya vystavka 1879. T. III, ch. 1 (Anthropological Exhibition of 1879. Vol. III, part 1)*. Moscow: Printing house of M. N. Lavrov and Co., 1–15 (in Russian).

5. Gazimzyanov, I. R. 2000. In Alekseeva, T. I. (ed.). *Narody Rossii: ot proshlogo k nastoyashchemu. Antropologiya (Peoples of Russia: from past to present. Anthropology)* II. Moscow: "Stary Sad" Publishing House. P. 189–216.
6. Gazimzyanov, I. R. 2001. *Naselenie Srednego Povolzh'ia v sostave Zolotoi Ordy po dannym kraniologii: Rekonstruktsiia etnogeneticheskikh protsessov. (Population of the Middle Volga Region within the Golden Horde on the basis of Craniological Information: Reconstruction of Ethnogenetic Processes)*. PhD. Thesis. Moscow, 2001 (in Russian).
7. Gazimzyanov, I. R. 2002. In Kazakov, E. P. (ed.). *Voprosy drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Issues of Ancient History of the Volga-Kama Region)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 132–137 (in Russian).
8. Gazimzyanov, I. R. 2004. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Drevnost' i srednevekov'e Volgo-Kam'ia. Materialy III Khalikovskikh chtenii (Antiquity and Middle Ages of the Volga-Kama Region. Proceedings of the III Khalikov Readings)*. Kazan: "Shkola" Publ., 46–49 (in Russian).
9. Gazimzyanov, I. R. 2014. In Popnedelev, T. (ed.). *Treti mezhdunaroden kongress po b'lgaristika. Materialy nauchnoy konferentsii (Sofiya, 23–26 maya 2013 g.) (Third International Congress on Bulgarian Studies. Proceedings of the scientific conference (Sofia, May 23–26, 2013))*. Sofia: St. Kliment Ohridski University Press, 102–133 (in Russian).
10. Gazimzyanov, I. R. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 112–124 (in Russian).
11. Gazimzyanov, I. R. 2016. In Abdullin, Kh. M., Sitdikov, A. G. (eds.). *Materialy Kongressa islamskoi arkheologii Rossii i stran SNG (Materials of the Congress on Islamic Archaeology of Russia and the CIS Countries)*. Kazan: Institute of Archeology of the Tatarstan Academy of Sciences, 77–88 (in Russian).
12. Gazimzyanov, I. R. 2018. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 66–72 (in Russian).
13. Gazimzyanov, I. R. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 23(1), 294–320 (in Russian).
14. Gazimzyanov, I. R. 2019. In Turetskii, M. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ya (Issues on Archaeology of the Volga Region)* 7. Samara: Samara State Social and Pedagogical University, 202–209 (in Russian).
15. Gazimzyanov, I. R. 2022. In Sitdikov, A. G., Baranov, V. S. (eds.). *Srednie veka (vtoraya tret' XIII – pervaya polovina XV vv.). Epokha Zolotoy Ordy (Ulusa Dzhuchi) (Middle Ages (the second third of the XIII – first half of the XV centuries). Juchi Ulus period)*. Series: *Arkheologiya Volgo-Ural'ya (Archaeology of the Volga-Urals)* Vol. 6. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 796–822 (in Russian).
16. Gazimzyanov, I. R. 2024. In *Rossiyskiy zhurnal fizicheskoy antropologii (Russian Journal of Physical Anthropology)* 3, 23–32 (in Russian).
17. Gazimzyanov, I. R., Nabiullin, N. G. 2011. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan University. Series: Humanities)* 153. Book 3. Kazan: Kazan State University, 21–28 (in Russian).
18. Gerasimova, M. M. 1956. In Debets, G.F., Levin M.G. (eds.) *Antropologicheskii sbornik (Anthropological Collected Papers)* 1. Series: *Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences*, 33. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 146–165 (in Russian).
19. Debets, G. F. 1932. In *Antropologicheskii zhurnal (Anthropological Journal)* 1, 54–73 (in Russian).
20. Debets, G. F. 1948. *Paleoantropologiya SSSR (Paleoanthropology of the USSR)*. Series: *Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute. of Ethnography. New Series*, 4. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
21. Efimova, A. M. 1960. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 3. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 80. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 169–194 (in Russian).
22. Efimova, A. M. 1974. In Smirnov, A. P., Fedorov-Davydov, G. A. (eds.). *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Cities in the Volga Region during the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 24–29 (in Russian).
23. Efimova, S. G. 1991. *Paleoantropologiya Povolzh'ia i Priural'ia (Paleoanthropology of the Volga Region and the Urals)*. Moscow: Moscow State University Publ. (in Russian).
24. Postnikova, N. M. 1970. In Smirnov, A. P. (ed.). *Povolzh'e v srednie veka (Volga Region in the Middle Ages)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 164. Moscow: "Nauka" Publ., 24–38 (in Russian).
25. Postnikova, N. M. 1973. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 203–211 (in Russian).
26. Rud', N. M. 1987. In Gerasimova, M. M., Rud', N. M., Iablonskii, L. T. *Antropologiya antichnogo i srednevekovogo naseleniia Vostochnoi Evropy (Anthropology of the Ancient and Medieval Population of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ., 83–141 (in Russian).

27. Sitdikov, A. G., Baranov, V. S. 2022. In Sitdikov, A. G., Baranov, V. S. (eds.). *Srednie veka (vtoraya tret' XIII – pervaya polovina XV vv.). Epokha Zolotoy Ordyy (Ulusa Dzhuchi) (Middle Ages (the second third of the XIII – first half of the XV centuries). Juchi Ulus period)*. Series: Arkheologiya Volgo-Ural'ya (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 6. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 246–280 (in Russian).

28. Trofimova, T. A. 1956. In *Antropologicheskii sbornik (Anthropological Collection)* 1. Series: *Trudy Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia (Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute. of Ethnography, USSR Academy of Sciences)* 33. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 73–145 (in Russian).

29. 1884. In *Trudy IV Arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th Archaeological Congress in Kazan)* I. Kazan: Imperial Academy of Sciences (in Russian).

30. Khalikova, E. A. 1978. In Kozenkova, V. I., Krasnov, Yu. A., Rozenfel'dt, I. G. (eds.). *Voprosy drevnei i srednevekovoi istorii Vostochnoi Evropy (Issues of the Ancient and Medieval History of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ., 205–211 (in Russian).

31. Khalikova, E. A. 1986. *Musul'manskie nekropoli Volzhskoi Bulgarii X – nachala XIII vv. (Muslim Necropolises in Volga Bulgaria in 10th – early 13th Centuries)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

32. Khlebnikova, T. A. 1987. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki istorii i kul'tury (City of Bolgar. Essays on History and Culture)*. Moscow: "Nauka" Publ., 34–89 (in Russian).

About the Author:

Gazimzyanov Ilgizar R. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Bauman St., 20, Kazan, 420111, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; G-Ilgizar@yandex.ru

Статья принята в номер 01.06.2026 г.

INTEGRATION OF GEOSPATIAL MODELING METHODS AND APPROACHES FOR THE PRESERVATION AND STUDY OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE SITES¹

© 2026 G.M. Sayfutdinova, A.M. Qurbonov

Modern strategies for preserving archaeological heritage increasingly employ digital technologies to document, analyze, and visualize sites that are either threatened with destruction or already lost. This article explores the integration of Geographic Information Systems (GIS) and three-dimensional (3D) reconstruction methods as a robust framework for conserving cultural heritage sites. Drawing on case studies – including the Maklasheevka IV burial ground, the Bish-Balta necropolis, the architectural ensemble of the Kazan Kremlin and the Lyashevo hillfort – this study demonstrates the potential of developing digital models across multiple scales, ranging from broad landscape reconstructions to high-resolution models of individual artifacts and architectural fragments. Particular emphasis is placed on the methodology for processing heterogeneous source data, which includes field surveys, archival materials, aerial imagery, and laser scanning data. The study examines international experience in the reconstruction of lost architectural ensembles in Central Asia, which is of special interest when dealing with fragmentary and incomplete sources. The integrated use of spatial analysis and 3D modeling makes it possible not only to create accurate virtual reconstructions but also to conduct detailed analyses, identifying missing elements and the structural features of the sites. The findings prove the efficacy of digital technologies for monitoring the condition of heritage sites, their scientific restoration and promotion. The proposed methodologies can be adapted to study various types of archaeological sites, thereby facilitating their preservation and comprehensive investigation.

Keywords: archaeological heritage site, historical and cultural heritage site, geospatial modeling, geographic information systems, digital elevation model, 3D reconstruction, three-dimensional model, integration of modeling methods.

Introduction. Current trends in preserving archaeological heritage necessitate combining traditional field research methods with modern digital technologies. This article presents practical experience in the integrated use of Geographic Information Systems (GIS) and 3D modeling technologies for documenting and virtually reconstructing historical and cultural heritage sites at risk of destruction or already lost.

The study sample includes diverse archaeological sites such as the Maklasheevka IV burial ground, the Bish-Balta necropolis, the ensemble of the Kazan Kremlin, the Lyashevo hillfort, and destroyed temple complexes of Central Asia (Sarazm, Sapallitepa, Dashly, Gonur-Depe, Togolok, and

Djarkutan). The research methodology combined modern approaches: aerial photogrammetric surveying using UAVs, ground-based laser scanning (LiDAR), processing historical and archival materials, and creating digital reconstructions using specialized software.

The technological component included the software packages Agisoft Metashape (photogrammetric processing), ArcGIS Pro (spatial analysis and cartographic visualization), SketchUp, and Blender (detailed 3D modeling). A crucial aspect of the methodology was adapting digital modeling approaches to the individual characteristics of each monument, reflecting the variability in preservation

¹ This work was supported by a grant from the Tatarstan Academy of Sciences, awarded to research and academic staff to incentivize the defense of doctoral dissertations and the conduct of research. Grant Agreement No. 1/2025-PD, dated 22.12. 2025.

of archaeological sites, the amount of available source data, and specific research objectives.

Using these technological solutions enabled not only the creation of digital three-dimensional models but also comprehensive spatial analysis, reconstruction of lost elements, and the development of practical recommendations for monitoring object conditions. The results confirm the promise of integrating spatial analysis and 3D reconstruction approaches into archaeological practice, opening new opportunities for studying, preserving, and revitalizing cultural heritage.

Methodology for geomodeling and three-dimensional reconstruction of archaeological heritage sites. The research methodology involves integrating various GIS analysis and 3D modeling techniques, accounting for the complex spatial and temporal organization of these sites. Historical and cultural heritage sites are not simply collections of structural elements but constantly evolving structures shaped over long chronological periods. This approach allows for analyzing not only the spatial aspects of a site but also its changes over time, which is particularly important for multi-layered archaeological complexes.

An algorithmic approach was developed to solve complex 3D reconstruction tasks involving analyzing topographical features, architectural structures, and material artifacts. The methodology combines two complementary approaches: geomodeling of territorial complexes and detailed graphical 3D modeling of individual elements (Fig. 1). This integration enables a step-by-step representation of archaeological sites, from the monument's topography to individual artifacts.

Geomodeling as a methodological approach allows for exploring spatial complexes by creating and analyzing

their digital models. In archaeological research, this is implemented through creating Digital Elevation Models (DEMs), which serve multiple functions. DEMs act as a geospatial foundation for 3D visualization and as a platform for integrating and spatially referencing diverse archaeological data. This approach provides a comprehensive understanding of the subject, considering its spatial characteristics and temporal changes.

Creating a three-dimensional scene involves integrating heterogeneous spatial data, including:

- Remote sensing materials (aerial and satellite imagery);
- Data from topographic and geodetic measurements;
- Results of archaeological research;
- Cartographic materials (topographic and situational plans of the area);
- Other spatial data and information resources.

Detailed reconstruction of architectural sites, engineering structures, and individual artifacts is implemented by the means of graphical 3D modeling. This method is commonly used for complex architectural sites and their structural features, providing a relatively accurate visual representation and enabling subsequent integration with GIS. This combination allows researchers to conduct comprehensive spatial analysis, studying the location of archaeological findings and their relationship with the surrounding landscape.

The developed modeling algorithm is a step-by-step system of technological operations, flexible and adaptable to each specific case of studying historical and cultural heritage. This approach enables the creation of scientifically grounded digital reconstructions applicable to archaeological sites with varying degrees of preservation and structural complexity. The modular architecture allows for varying the depth of detail

depending on research objectives and available data.

1. *Preparatory research stage.* Initial research involves a comprehensive collection and analysis of historical, archival, and reference data on the object, including:

- Systematic analysis of historical, archival, and scientific publications (archaeological research reports, field diaries, graphic materials, photographic materials, monographic studies, and articles);
- Digital processing and subsequent vectorization of historical cartographic materials (handwritten plans, topographic maps, land survey documents, urban planning projections);
- Geospatial verification of historical/archival cartographic materials against a modern topographic base (topographic/situational maps, handwritten plans/schemes, land survey documents, urban planning documents);
- Systematization of information from previous archaeological investigations (expedition reports, publications).

2. *Field geodetic work.* To update spatial data, the following actions are performed:

- Precision geodetic measurements using electronic total stations and GNSS satellite equipment;
- Multispectral aerial photography using UAVs to obtain data in various spectral ranges;
- Laser scanning (LiDAR) for documenting extensive areas and hard-to-reach sites.

3. *Office data processing.* The collected materials undergo multi-level processing:

- Photogrammetric processing of images in specialized software (Agisoft Metashape) to generate dense point clouds and digital models;

- Spatial integration and verification of heterogeneous data to create a unified coordinate framework;
- Geometric correction of archival plans to align them with modern topographic basemaps;
- Precise determination of site boundaries through georeferencing control points with coordinate fixation in a unified system.

4. *Geospatial modeling and 3D reconstruction.* The fundamental stage includes:

- Building a Digital Elevation Model (DEM) of the area, reflecting the historical or modern topography of the historical and cultural heritage site;
- Creating parametric 3D models of architectural ensembles (considering stratigraphy), defensive structures, individual artifacts, and structural elements).

5. *Visualization and spatial analysis.*

The final stage involves:

- Creating a complex 3D scene in ArcGIS Pro, including all simulate components: raster/vector surfaces, 3D models, and decorative elements (textures, color schemes);
- Generating derivative products (orthophotos, DEMs, interactive 3D panoramas);
- Analyzing spatial relationships between *sites* in their natural environment;
- Developing animated reconstructions demonstrating the monument's planning evolution and everyday scenes from various historical periods;
- Preparing final materials in universal formats suitable for further scientific research and presentation projects using various software solutions.

The flexible modeling methodology allows for varying methodological approaches depending on the type of initial data, software/hardware capabilities, and target accuracy

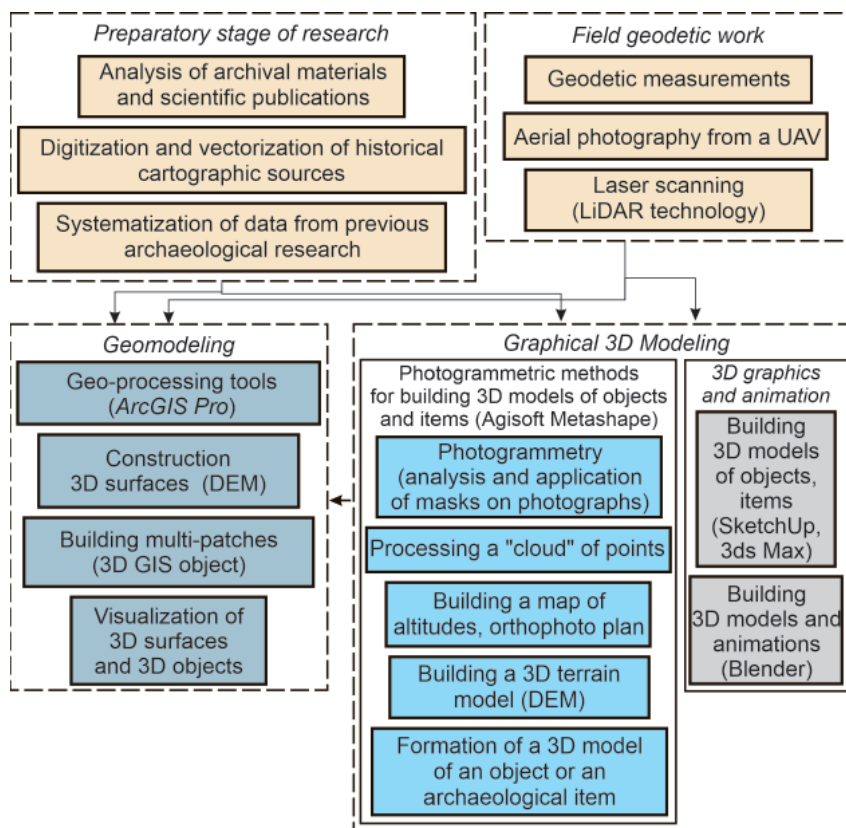

Fig. 1. Algorithm for integrating geomodelling and 3D graphics for the reconstruction of archaeological heritage sites.

Рис. 1. Алгоритм интеграции геомоделирования и 3D-графики для реконструкции объектов археологического наследия.

parameters, enabling comparable results using different methods. Individual procedures can be supplemented or modified to optimize model output. Some operations are optional, as their inclusion is determined solely by modeling objectives and the specific research task.

The study clearly demonstrates that the key drawbacks of geomodeling in archaeology – such as the fragmentation and low accuracy of the initial data, the complexity of reconstructing lost complex forms, the disregard of temporal dynamics, and the subjectivity of interpretations – have been successfully overcome through the development and application of a comprehensive methodology. This

methodology is based on the integration of a comprehensive array of diverse sources, ranging from historical maps and archival reports to data from modern high-precision technologies. The creation of a unified geospatial framework in GIS, which allows for the correlation and verification of time-related materials, has been a crucial step. To compensate for the lack of data, a scientifically based principle of analogy was used, and all hypotheses were carefully documented. This allowed us to move from scattered information to a cohesive, location-specific digital reconstruction.

Overcoming technical and methodological limitations was achieved by combining specialized software:

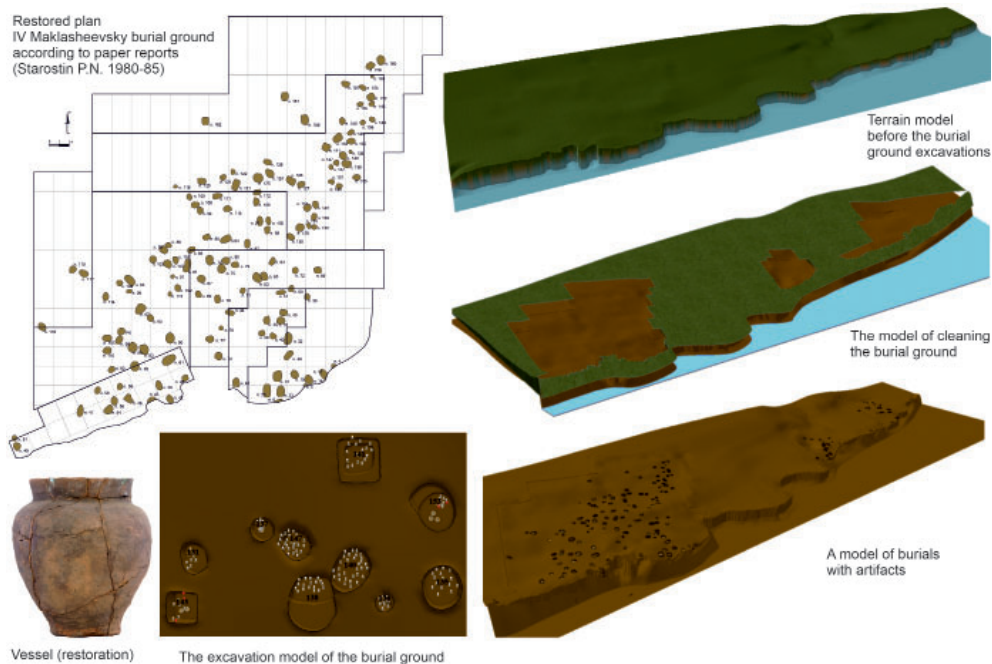

Fig. 2. Digital reconstruction of the Maklasheevka IV burial assemblage.

Рис. 2. Цифровая реконструкция погребального комплекса Маклашеевский IV могильник.

a GIS system for spatial analysis and landscape modeling with tools for detailed 3D modeling and visualization. This approach enabled the creation of models, from digital terrain to individual artifacts, and their subsequent integration into unified interactive scenes. Special attention was given to considering the time factor: by reconstructing different chronological slices and analyzing the dynamics of changes, it was possible to go beyond a static image. As a result, the developed adapted methodology not only overcame the traditional shortcomings of geomodelling, but also turned them into solvable tasks, ensuring the creation of scientifically grounded, visually authentic, and analytically rich digital twins of archaeological heritage sites of varying degrees of preservation.

Application of digital modeling methodology for the reconstruction of archaeological heritage sites. The effectiveness of digital modeling for reconstructing archaeological

heritage sites depends directly on the completeness and quality of the source data, which determines both the choice of technological operations and the final modeling outcome. This correlation was confirmed through work with various types of archaeological sites, including burial complexes (Maklasheevka IV burial ground, Bish-Balta necropolis), fortifications (Kazan Kremlin, Lyashevo hillfort), and temple structures (Central Asian temple complexes), analyzed below.

Maklasheevka IV burial ground: digital reconstruction. The burial ground is located in the former village of Maklasheevka (Spassky district), at the confluence of the Utka and Volga rivers. Between 1980 and 1986, an expedition led by P.N. Starostin documented 180 burial objects [1]. Based on field documentation from scientific report by Starostin, a digital reconstruction of the burial ground's planigraphy was performed (Fig. 2).

Processing of archival materials included:

Scanning and georeferencing of 40 excavation plans (1980–1982), distributed by area:

Trenches I-II: 6 plans;

Trenches III-V: 10 plans;

Trenches VI-VII: 9 plans;

Trench VIII: 7 plans;

Trenches IX-XI: 3 plans;

Trenches XII-XIV: 5 plans;

Vectorization of plans for 179 individual burials.

Topographic reconstruction used elevation benchmarks in the Baltic coordinate system from report materials. In ArcGIS, a raster elevation model was created and converted to contour lines with a specified interval, enabling construction of a three-dimensional terrain model.

For comprehensive visualization, three key states were modeled (Fig. 2): 1) the original relief before excavations; 2) the surface after clearing; 3) burial complexes with artifacts. Individual categories of finds (ceramic vessels, maces, anthropological remains) were created in SketchUp, closely approximating the morphological characteristics of the originals. The resulting spatial data, complete with attribute information (burial descriptions, trench characteristics, artifact details with photographic references), were integrated into a GIS project enabling multifaceted analysis of the archaeological complex.

Muslim cemetery of Bish-Balta settlement (16th–20th centuries): comprehensive study. The heritage site is located 2.8 km southwest of the Kazan Kremlin, occupying a 3-hectare (200 × 150 m) cape-shaped area on the right bank of the Kazanka River. Anthropogenic transformation – including partial flooding due to the Kuibyshev Reservoir and modern construction – has significantly altered the site's original appearance (Belyaev,

Abdullin, Saifutdinova, Sitdikov, 2019, pp. 300–313).

Comprehensive archaeological studies in 2017 employed an interdisciplinary approach combining historical-cartographic analysis with modern digital documentation. Spatial correlation of archival cartographic materials with current topographic basemaps in ArcGIS enabled determination of site boundaries and identification of anthropogenic changes over time. Fieldwork identified and recorded 25 gravestones from the 16th–20th centuries, enriching understanding of the region's ethno-confessional history. Each gravestone underwent detailed analysis, including paleographic study of Arabic-script epitaphs, linguistic interpretation, and comprehensive photographic documentation using circular shooting for subsequent photogrammetric modeling in Agisoft Metashape (Saifutdinova, Vafina, 2018, pp. 199–203).

Concurrently, detailed geodetic surveys using an electronic total station formed the basis for a precise topographic plan with coordinate referencing of all identified archaeological sites. The collected data were integrated into a multilayer GIS model using ArcGIS 3D Analyst tools, providing: 1) realistic visualization of the necropolis's spatial organization; 2) structured storage of heterogeneous data (photo archives, artifact descriptions, epigraphic analysis results); 3) capability for comprehensive study through spatial-attribute queries (Fig. 3).

The developed 3D model clarified the historical cemetery's boundaries and recorded its current state, demonstrating the efficacy of combining traditional archaeological methods with digital documentation technologies for studying vulnerable heritage sites.

Reconstruction of the historical relief of the Kazan Kremlin: interdisciplinary approach. The Kazan Kremlin

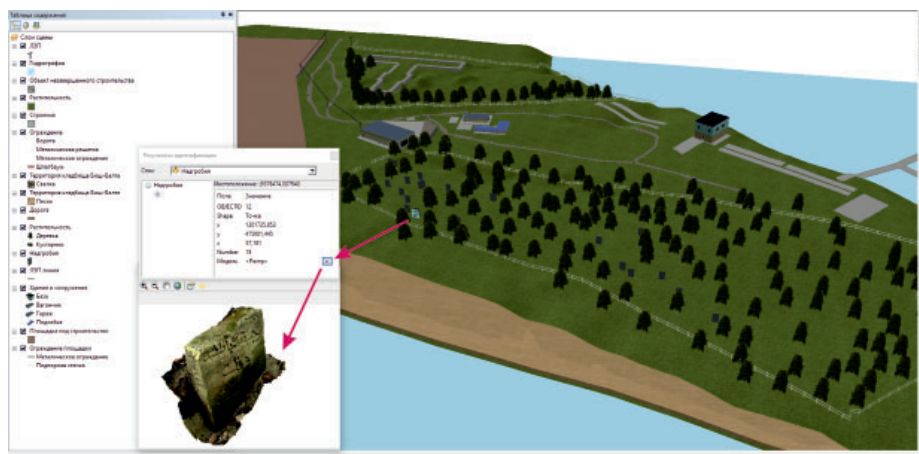

Fig. 3. 3D model of the Muslim cemetery in the Bish-Balta settlement and its gravestones.

Рис. 3. Трехмерная модель территории Мусульманского кладбища слободы Биш-Балта и намогильных камней.

represents a complex archaeological ensemble where reconstruction of ancient relief was conducted in the context of studying an Ananyino culture settlement (Early Iron Age). Large-scale anthropogenic modifications initiated in the 18th century and peaking in the second half of the 19th century (including leveling the northeastern part of the Kremlin promontory under K.A. Thon's project with up to 2.5 m of soil removal) radically altered the original topography. Subsequent 20th-century construction completed the transformation (Chizhevsky, Sitdikov, Khisyametdinova, Saifutdinova, 2023, pp. 182–195), necessitating scientific reconstruction.

Landscape reconstruction revealed a complex, now entirely lost ravine system (Fig. 4). The most significant feature was the Tezitsky Ravine, up to 30 m deep, later repurposed as a defensive moat. Equally important were the Old and Spassky ravines, along with a system of meridional gullies that shaped historical planning. The hydrographic network divided the territory into three main sectors, profoundly influencing the ancient settlement's spatial organization. Of particular interest is the curved hollow in the promontory's western part (modern

Sheinkman Passage), which originally curved toward the Syuyumbike Tower.

Historical relief reconstruction was based on comprehensive analysis of large scale cartographic materials using GIS technologies. The process involved:

- Georeferencing and vectorization of historical plans;
- Restoration of lost relief fragments through spatial interpolation;
- Creation of digital elevation models for two chronological periods (current state and Early Iron Age);
- Visualization of archaeological investigation coverage by linking excavations to the 3D model (Fig. 4).

Spatial analysis revealed patterns in the Ananyino settlement's layout. Residential structures clustered in the western promontory, while the eastern sector's uneven terrain likely served as a burial ground. This zoning reflected both natural factors (relief, water sources) and functional aspects of ancient lifeways. Particularly significant was the relationship between relief features and settlement planning, evident in the spatial distribution of archaeological finds.

The findings substantially enhance understanding of the Kazan Kremlin

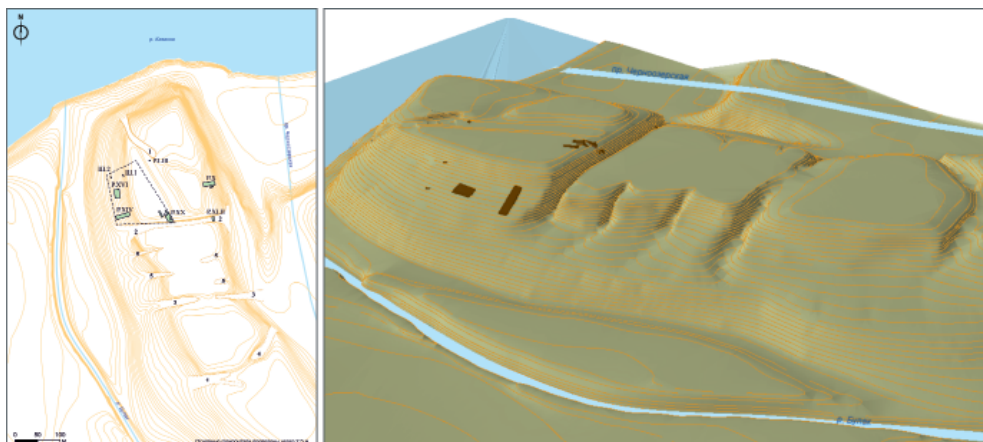

Fig. 4. Reconstruction of the topographic situation and 3D model of the Kazan Kremlin territory in the Early Iron Age. 1 – hollow (modern Sheinkman Street); 2 – Tezitsky ravine; 3 – Stary (Old) ravine; 4 – Spassky ravine; 5 – unnamed ravines.

The dotted line indicates the presumed area of the Early Iron Age settlement.

Рис. 4. Реконструкция топографической ситуации и 3D-модель территории Казанского Кремля в раннем железном веке. 1 – лощина (совр. Проезд Шейнкмана); 2 – овраг Тезицкий; 3 – овраг Старый; 4 – овраг Спасский; 5 – безымянные овраги.

Пунктиром показана предполагаемая территория поселения раннего железного века.

landscape's evolution and its role in shaping this unique archaeological complex.

Lyashevo hillfort: contemporary research. In 2023, comprehensive exploratory investigations were conducted at the Lyashevo hillfort (13th–15th centuries), a registered Golden Horde-period cultural heritage site located in Tetyushsky District, Tatarstan, on the left bank of the Ulema River (Saifutdinova, Ovechkina, Yarantseva, 2025, pp. 273–282). The work included a detailed visual inspection, photogrammetric recording of the monument's current state, topographic surveying, and high-precision coordinate referencing of contour points.

Archive analysis revealed prior studies relied predominantly on descriptive methods and visual surveying for topographic plans. Modern research established that the ancient settlement occupies a subrectangular site on the edge of a bedrock terrace.

For precise localization and characterization, GNSS receivers and a DJI Phantom 4 UAV were used

simultaneously, yielding synchronized data: high-accuracy coordinates, a detailed DEM, and georeferenced ultra-high-resolution aerial images. Integration with archival materials enabled exact determination of site boundaries and parameters.

Topographic-geodetic results underwent comprehensive photogrammetric processing. The outputs formed the basis for a detailed digital terrain model encompassing the site and surrounding landscape. Creation of an orthophoto map was particularly valuable, serving as the foundation for texturing the 3D model, enhancing informational value and visual reliability. Key infrastructure elements were modeled in SketchUp and integrated into the GIS project (ArcGIS Pro).

Using geoprocessing tools, 3D reconstruction of fortifications was performed by integrating georeferenced historical maps (Kalinin's 1949 plan and an 1878 historical plan) with modern orthophotos (Fig. 5). A specialized class of spatial objects has been created that contains digital contours of defensive

Fig. 5. 3D reconstruction of defensive structures and 3D visualization of the Lyashevo settlement archaeological heritage site.

Рис. 5. 3D-реконструкция оборонительных сооружений и 3D визуализация объекта археологического наследия Льяшевское городище.

ramparts and hypothetical reconstructions of lost elements. An interactive profile tool analyzed defensive structure degradation, enabling comparative assessment of current conditions versus historical reconstructions at any point. Results indicate near-total loss of original fortifications due to anthropogenic impact: only fragments of the western and northwestern ramparts remain (height 1–1.5 m, width 6–8 m), with the moat identifiable only in the northern sector, confirming significant degradation over 150 years.

Bronze Age temple architecture of Central Asia: comprehensive study. This research analyzes Bronze Age cult complexes in Central Asia, focusing on significant sites like Sarazm, Sapallitepa, Dashly, Gonur-Depe, Togolok, and Djarkutan. These properties are crucial for understanding sacred architecture evolution in the region. Historical and archaeological analysis established the chronological framework of temple

construction development, identified functional transformations of religious complexes, determined regional construction traditions, and reconstructed socio-religious aspects (Qurbonov, 2024, pp. 322–336). The study's significance lies in its holistic approach combining architectural form analysis with socio-religious context reconstruction.

The methodology employs a systems approach integrating written sources (classical accounts, cuneiform texts) with archaeological reports and archival materials. Special attention was given to chronological analysis involving stratigraphic refinement, comparative ceramic studies, and radiocarbon dating correlation. Functional analysis of sacred spaces was complemented by studies of construction technology and design, revealing regional architectural traditions.

Results demonstrate sequential evolution from simple single-chamber shrines to complex multi-component

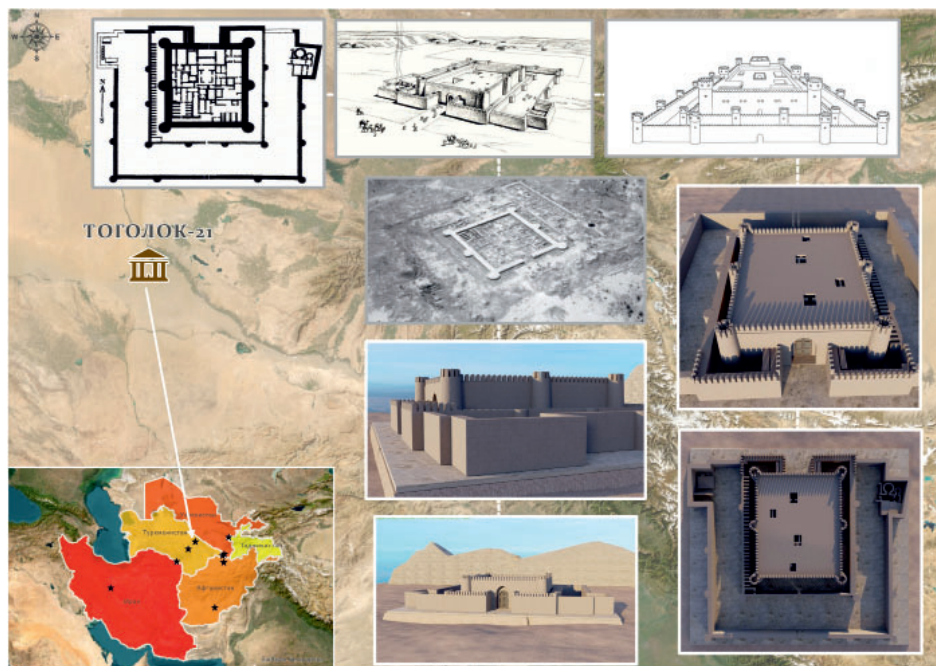

Fig. 6. Togolok 21. Temple. Plan and location map (after: Sarianidi, 1990, p. 126).

Рис. 6. Тоголок 21. Храм. План и карта расположения (по: Сарияниди, 1990, с. 126).

temple complexes in the Late Bronze Age. Clear regional differences emerged between Margiana architectural schools (Gonur-Depe, Togolok) and Bactrian-Sogdian construction canons (Sarazm, Djarkutan). Parallel reconstruction addressed key aspects of religious and social organization, including sacred space zoning, priestly class structure, and characteristic cult practices.

The study relied on office processing of secondary sources – archival materials and published archaeological reports – without original fieldwork. Established correlations between cult structure morphology and religious practice features are reflected in a developed temple complex typology (Qurbonov, 2024, p. 322–336). These results underpinned scientifically grounded 3D reconstructions of lost architectural elements.

Digital modeling involved meticulous study of plans, photographs, diagrams, and excavation reports. Where documentation was insufficient,

analogues from comparable sites were used (e.g., Gonur-Depe structural elements for Sapallitepa reconstruction). The base methodology created digital twins through historical plan digitization followed by lost element reconstruction using archaeological parallels.

Model detailing employed various techniques, including Sculpt Mode for brick erosion and decorative relief simulation. Texturing utilized photogrammetric data (for preserved plaster fragments) and procedural textures for mudbrick simulation. All reconstruction assumptions and hypotheses were thoroughly documented.

Blender-created 3D models enabled visualization of lost elements and functional zoning analysis of religious complexes. For example, the Djarkutan temple reconstruction features a domed central section based on foundation remains and Gonur-Depe parallels. The typological approach vividly demonstrates regional variations through

altar placement, entrance configurations, and decorative treatment.

3D modeling proved effective for documenting current conditions, identifying lost features, and developing virtual conservation strategies – particularly vital for Bronze Age structures of perishable mudbrick and clay. The multilevel spatial database significantly expands research and preservation possibilities for Central Asia's Bronze Age heritage.

Conclusion. This study demonstrated the effectiveness of integrating modern geospatial technologies with traditional archaeological methods for investigating and preserving historical and cultural heritage sites. The developed methodology combining GIS analysis and 3D modeling enabled scientifically grounded reconstructions of diverse archaeological monuments – from burial complexes to temple architecture. Particularly valuable is the adaptive documentation approach that account for preservation status, data availability, and research specifics.

Application of the comprehensive methodology to sites like the Maklasheevka IV burial ground, Bish-Balta Muslim cemetery (16th–20th centuries), Kazan Kremlin ensemble, Lyashevo hillfort, and Central Asian temple complexes confirmed its

universality and scientific significance. The digital models not only record current conditions but also recreate lost elements, enabling new research opportunities and virtual conservation. The results obtained open up prospects for further development of digital archaeology methods, which is especially relevant in the context of increasing anthropogenic threats to cultural heritage sites. In the future, the results obtained will create a methodological basis for comprehensive monitoring of the preservation of archaeological sites, scientifically based zoning of protected areas, the development of interactive educational resources and tools for visualizing cultural heritage, including specialized tourism applications with augmented reality elements, and the implementation of interdisciplinary scientific research. The practical implementation of the methodology opens up opportunities for academic activities (publication work, creation of methodological materials), museum design (development of virtual exhibitions), cultural tourism (development of thematic routes with 3D reconstructions), and the popularization of archaeological heritage through digital platforms, which contributes to its preservation and integration into the modern cultural context.

REFERENCES

1. Belyaev, A. V., Abdullin, Kh. M., Sayfutdinova, G. M., Sitdikov, A. G. 2019. Archaeological and interdisciplinary studies of the Bish-Balta muslim cemetery in Kazan Admiralteyskaya Sloboda in 2017. In *Archaeology of Eurasian Steppes* 6, 300–313 (in Russian).
2. Chizhevsky, A. A., Sitdikov, A. G., Khisyametdinova, A. A., Sayfutdinova, G. M. 2023. Ananyino settlement on the Kremlin promontory of Kazan In *Archaeology of Eurasian Steppes* 2, 182–195 (in Russian).
3. Qurbonov, A. M. 2024. Innovative processes in Central Asian temple architecture of the Bronze Age. In *Archaeology of the Eurasian Steppes* 5, 322–336 (in Russian).
4. Sayfutdinova, G. M., Vafina, G. Kh. 2018. 3D Representation of gravestones and territory of Bish-Balta cemetery. In *Virtual Archaeology (From air, land, underwater and in museums). Proceedings of the International Forum*. Saint Petersburg: State Hermitage Publ., 199–203 (in Russian).
5. Sayfutdinova, G. M., Yarantseva, N. S., Ovechkina, L. V. 2025. Spatial 3D visualization of archaeological heritage sites: Case study of Lyashevo hillfort. In *Archaeology of Eurasian Steppes* 2, 273–282 (in Russian).
6. Sarianidi, V. I. 1990. *Antiquities of Margiana*. Ashgabat: "Ylym" Publ. (in Russian).
7. Starostin, P. N. 1982. *Report on Archaeological excavations of Bogoroditsky and IV Maklasheevka burial grounds conducted summer 1981*. Kazan, 1982. 53 p. Archive of the Institute of History named after Sh. Marjani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian)

About the Authors:

Sayfutdinova Guzel M. Candidate of Technical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Bauman St., 20, Kazan, 420111, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Associate Professor. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; saif_gm@mail.ru

Qurbonov Abdusamad M. Doctor of Philosophy (PhD) in Historical Sciences, Termez State University, “Barkamol avlod” str., 43 Termez, 190111, Uzbekistan; Abdusamad_Qurbonov@mail.ru

ИНТЕГРАЦИЯ МЕТОДОВ И ПОДХОДОВ ГЕОПРОСТРАНСТВЕННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

© 2026 г. Г.М. Сайфутдинова, А.М. Курбонов

Современные стратегии сохранения археологического наследия все активнее используют цифровые технологии, которые обеспечивают документирование, анализ и визуализацию памятников, подверженных разрушению или уже утраченных. В статье исследуется комбинированное применение геоинформационных систем (ГИС) и методов трехмерной реконструкции в качестве перспективного инструментария для сохранения историко-культурных объектов. На примере таких археологических комплексов, как Маклашеевский IV могильник, некрополь Биш-Балта, ансамбль Казанского Кремля и Ляшевское городище, продемонстрированы возможности разработки цифровых моделей разного масштаба – от ландшафтных реконструкций до детализированных воссозданий отдельных артефактов и архитектурных фрагментов. Особое значение придается методологии обработки разнородных исходных данных, включающих полевые исследования, архивные материалы, аэрофотоснимки и данные лазерного сканирования. В работе рассматривается зарубежный опыт реконструкции утраченных архитектурных ансамблей Средней Азии, который представляет особый интерес в контексте работы с фрагментарными и неполными источниками. Комплексное использование пространственного анализа и 3D-моделирования позволяет не только создавать точные виртуальные реконструкции, но и проводить их детальный анализ, выявляя утраченные элементы и структурные особенности объектов. Полученные результаты подтверждают эффективность цифровых технологий для мониторинга состояния памятников, их научного восстановления и популяризации. Предложенные методики могут быть адаптированы для изучения различных типов археологических объектов, способствуя их сохранению и комплексному исследованию.

Ключевые слова: объект археологического наследия, объект историко-культурного наследия, геопрограмное моделирование, геоинформационные системы, цифровая модель рельефа, 3D-реконструкция, трехмерная модель, интеграция методов моделирования.

Информация об авторах:

Сайфутдинова Гузель Маратовна, кандидат технических наук, заведующий отделом, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; доцент, Институт геологии и нефтегазовых технологий Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань, Россия); saif_gm@mail.ru

Курбонов Абдусамад Мелигалеевич, доктор философии (PhD) по историческим наукам, Термезский государственный университет (г. Термез, Узбекистан); Abdusamad_Qurbonov@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2026 г.

Работа выполнена за счет гранта, предоставленного Академией наук Республики Татарстан научным и научно-педагогическим работникам обособленных структурных подразделений Академии наук Республики Татарстан с целью их стимулирования к защите докторских диссертаций и выполнению научно-исследовательских работ. Соглашение о предоставлении гранта: № 1/2025-ПД от 22.12.2025 г.

ТЕПЛОВИЗИОННАЯ СЪЕМКА ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

© 2026 г. И.В. Журбин, А.Г. Злобина, Е.А. Рублева

Предложен новый подход для оценки мощности и структуры культурного слоя археологических памятников, разрушенных распашкой, основанный на анализе материалов тепловизионной съемки. Оптимальными условиями обследования являются малая плотность растительного покрова при значительном контрасте дневной и ночной температур, что обеспечивается в весенний период при съемке после захода солнца. Для непрерывного покрытия территории необходима привязка каждого снимка по характерным точкам, координаты которых получены с цифрового ортофотоплана. Построение сводного тепловизионного изображения требует выравнивания яркости смежных кадров. Сегментированное изображение, полученное в результате статистической обработки мозаики, отражает распределение участков, отличающихся по тепловому излучению. Интерпретация сегментов основана на привлечении эталонных данных археологических, геофизических и почвенных исследований. На основе данного подхода для средневекового Кушманского III селища (Удмуртская Республика) предложена и обоснована реконструкция сохранности культурного слоя, в значительной степени пострадавшего от многолетней распашки. Тенденции распределения сегментов тепловизионного изображения демонстрируют существенные отличия культурных напластований на участке застройки поселения и в прилегающей зоне хозяйственной периферии. В первом случае в центре площадки выявлены участки значительного культурного слоя (сегменты Классов 1 и 2), а втором – фиксируется постепенное уменьшение мощности слоя по направлению к северной границе памятника (Классы 2 и 3).

Ключевые слова: археология, тепловизионная съемка, археологический памятник, распашка, мозаика, сегментация, мощность и структура культурного слоя.

Методы дистанционного зондирования успешно используются для поиска и изучения археологических памятников, мониторинга состояния объектов историко-культурного наследия. Выделяют три основных типа признаков археологических объектов, различимых на данных дистанционного зондирования: рельефные, растительные и почвенные (Lasaponara, Masini, 2012). Наиболее ярко проявляются рельефные признаки крупных антропогенных изменений ландшафта (курганы, каналы, земледельческие террасы и т. п.) и остатков погребенных фундаментов и стен каменных сооружений, которые вызывают локальные изменения рельефа поверхности. С высокой долей определенности рельефные признаки фиксируются при съемке в видимом диапазоне и при лазерном сканировании (Gojda, 2019; Vinci et al., 2025). Однако археологические объекты на

многих памятниках средней полосы России, Предуралья и Зауралья в рельефе не выражены – в Новое время и особенно в XX веке их территория использовалась как сельскохозяйственные угодья. Поэтому сохранились лишь заглубленные части сооружений – подполья домов, хозяйственные ямы и пр. Такие объекты не фиксируются на поверхности, но могут быть выявлены по растительным признакам. Накопление гумусированного слоя на отдельных участках памятников или в локальных заглубленных объектах определяет изменение плотности и высоты растительного покрова. Вариации растительности проявляются на данных многозональной съемки. В каждом из спектральных каналов более контрастно выделяются определенные ландшафтные объекты при «приглушенном» проявлении объектов других типов: зеленая растительность, открытые участки почвы,

Рис. 1. Ортофотоплан участка Кушманского III селища.

Fig. 1. Orthophotomap of the Kushmanskoye III settlement.

увлажненные участки и пр. Эти вариации являются основой для археологической интерпретации полученных изображений (Luo et al., 2019). Достоверное выявление почвенных признаков до сих пор вызывает сложности. В результате распашки и эрозии следы археологических объектов «сглаживались» не только в рельефе, но и в структуре поверхностных слоев грунта. Поэтому традиционный подход к выявлению почвенных признаков археологических объектов, основанный на оценке изменения цвета и текстуры открытого грунта, ограничен. Альтернативным вариантом является тепловизионная съемка, которая фиксирует распределение излучаемой температуры грунта (Perisset, Tabbagh, 1981; Scollar et al., 1990). Гранулометриче-

ский состав и морфологические свойства почвенных материалов культурного слоя существенно отличаются от характеристик грунтов природной среды, не подвергавшейся антропогенному воздействию. Следовательно, эти участки отличаются по термодинамическим свойствам (Lillesand, Kiefer, 1994). В мировой практике археологических исследований этот вид дистанционного зондирования пока не получил широкого распространения – тепловизионное обследование является вспомогательным методом изучения памятников археологии.

Территория и объект исследования

Тепловизионная съемка выполнена на поселениях чепецкой культуры (IX–XIII вв. н. э.), которые располо-

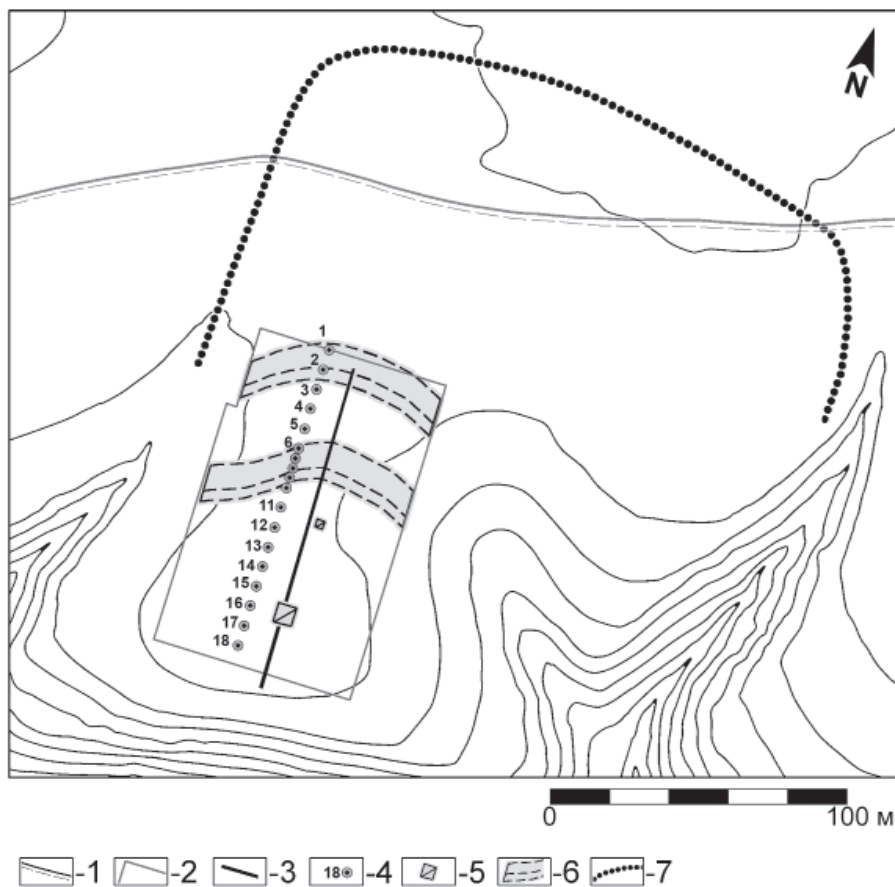

Рис. 2. Топографический план (основа – Н.Г. Воробьева, ООО «Финко»; дополнение – Р.П. Петров, ФТИ УдмФИЦ УрО РАН). Горизонтالي через 2 м. 1 – дорога; 2 – участок электропрофилерования; 3 – профиль электротомографии; 4 – пикет бурений и его номер; 5 – шурф и раскоп; 6 – основания оборонительных сооружений (вал и ров); 7 – граница поселения (Журбин и др., 2019).

Fig. 2. Topographic plan (base – N.G. Vorobyova, FINKO LLC; addition – R.P. Petrov, PTI UdmFRC UB RAS). The contours are drawn through 2.0 m. 1 – road; 2 – electrical profiling area; 3 – electrical tomography profile; 4 – drilling picket and its number; 5 – pit and excavation; 6 – foundations of defensive structures (rampart and ditch); 7 – settlement boundary (Zhurbin et al., 2019).

жены в среднем течении р. Чепцы в северной части Удмуртской Республики. Большинство чепецких поселений представляют собой открытые пространства, они схожи по ландшафтным признакам – пологая поверхность мысов высоких береговых террас, ограниченных притоками р. Чепцы или оврагами. Оборонительные сооружения защищали поселения только с пологой напольной стороны. Долгое время их территория распахи-

валась, а в настоящее время используется под покосы или выведена из сельскохозяйственного оборота. В статье представлены материалы изучения одного из чепецких памятников – Кушманского III селища IX–XIII вв. (Иванов и др., 2004, с. 202, 203). Поселение открыто в 1959 г. Г.Т. Кондратьевой. Площадка памятника ограничена с востока и запада глубокими оврагами, с юга – обрывистым склоном коренного берега р. Чепцы

(рис. 1). Рельефные признаки оборонительных сооружений и других средневековых построек отсутствуют. В 2012 г. А.Н. Кирилловым в центре площадки был заложен шурф (Кириллов, 2012), в 2016–2017 гг. на мысовой части М.Г. Ивановой заложен раскоп (Иванова, 2016, 2017) (рис. 2). Междисциплинарные исследования проводились в 2013–2017 гг. и включали съемку беспилотными летательными аппаратами (видимый диапазон, тепловизионная и многозональная), геофизические исследования (электро- и магниторазведка) (Журбин и др., 2019), химико-биологический анализ почв (Zhurbin et al., 2022).

Тепловизионная съемка

Известны тепловизионные исследования, которые позволили выявить сглаженные рвы, канавы и ямы (Brooke, Clutterbuck, 2020; Linck et al., 2023; Waagen et al., 2022), засыпанные колодцы (Lasaponara et al., 2012), а также дороги, каменные стены и фундаменты древних построек (Hill et al., 2020; Poirier et al., 2013). В перечисленных случаях эффективность тепловизионной съемки определяется тем, что сооружения из камня и заглубленные объекты, заполненные влажным грунтом, значительно отличаются по термодинамическим свойствам от окружающего слоя. Изучение памятников, на которых отсутствуют объекты с контрастными свойствами, остается существенной проблемой. Примером являются поселения чепецкой культуры (Иванов и др., 2004, с. 53–64). Конструкции из камня на этих памятниках не выявлены. Различные элементы средневековых построек отличаются лишь составом грунтов (глина, суглинки, супеси и пр.) и способом их формирования (уплотнение, прокал или неоднородное заполнение) (Иванова, 1998, с. 81, 82). Поэтому остатки сооружений и слой межжилищного пространства несущественно отличаются по тер-

модинамическим свойствам. Кроме того, мешающим фактором является значительная мощность переотложенного культурного слоя, который перекрывает сглаженные основания построек и оборонительных сооружений. Следовательно, на чепецких поселениях, как и на многих памятниках средней полосы России, Предуралья и Зауралья, возможности традиционного варианта тепловизионного обследования, предполагающего поиск отдельных объектов, существенно ограничены. Тем не менее этот вид съемки может быть использован для выявления тенденций распределения культурного слоя на основе оценки его мощности, структуры и состава. Это принципиально новая постановка задачи тепловизионной съемки в междисциплинарных исследованиях археологических памятников.

Основы интерпретации тепловизионных изображений

Интерпретация основывается на относительной разнице теплового излучения сухих камней и почвы по сравнению с водой или влагонасыщенной почвой (Kuenzer, Dech, 2013). Принято считать, что благодаря этим отличиям на тепловизионных изображениях могут быть выделены поверхностные концентрации артефактов; ямы, канавы или земляные валы; погребенные остатки архитектурных сооружений и локальные вариации рельефа поверхности (Casana et al., 2017). Данные предположения могут являться основой для выявления участков культурного слоя различной мощности на поселениях, разрушенных распахкой.

В изучаемом регионе материковый слой представлен красноцветными карбонатными пермскими глинами, которые характеризуются значительной естественной влажностью и низкой водопроницаемостью. Температура плотных и влажных грунтов меняется медленно (Casana et al.,

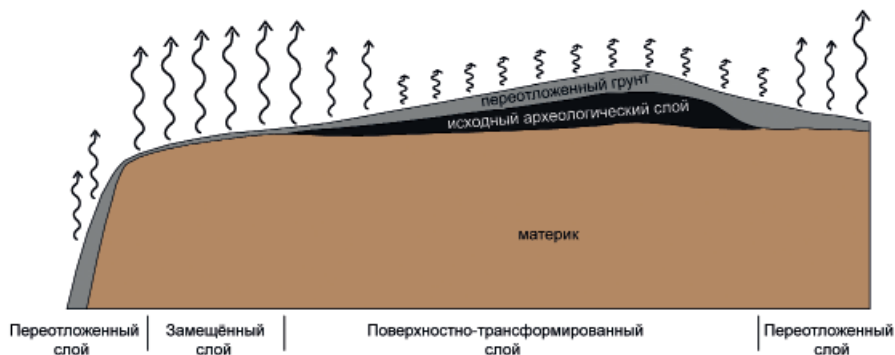

Рис. 3. Относительное изменение теплового излучения разноплановых участков культурного слоя.

Fig. 3. Relative change in thermal radiation of different types of the occupation layer.

2017; Waagen et al., 2022). Ввиду существенного влияния свойств материковой глины замещенный культурный слой археологического памятника – тонкий пахотный горизонт на месте полностью разрушенного культурного слоя (рис. 3) – должен обладать высокой тепловой инерцией. Следовательно, при съемке, выполняемой после захода солнца, замещенный слой, вероятно, будет фиксироваться как более «теплые» области. Аналогичный эффект наблюдается на участках открытого материкового грунта (полевые дороги, оползни на склонах и пр.) (Blochin et al., 2023; Lasaponara et al., 2012). Но их специфическая форма и очевидное проявление на ортофотоплане (рис. 1) позволяет отличить такие объекты от областей замещенного слоя археологических памятников.

Помимо замещенного, на поселениях чепецкой культуры выделяются участки поверхностно-трансформированного и переотложенного культурного слоя (рис. 3). Под поверхностно-трансформированным понимается культурный слой, нижние горизонты которого сохранились в исходном состоянии, а его верхняя часть разрушена распашкой. Переотложенный – разрушенный распашкой культурный слой поселения, который перемещен

эрозионными процессами. Эти варианты слоя принципиально различны с точки зрения структуры, но схожи с точки зрения интерпретации материалов тепловизионной съемки. Культурный слой, в сравнении с материковой глиной, более легкогранулометрического состава. Он становится более влаго- и воздухопроницаемым благодаря включению в исходный глинистый слой растительных остатков, золы, бытового мусора, песка, мелких камней и иных остатков средневековой деятельности. Известно, что пористые почвы обладают низкой тепловой инерцией (Waagen et al., 2022). Следовательно, после захода солнца они будут выявляться как более «холодные» области. На участках поверхностно-трансформированного и переотложенного слоя обычно фиксируется гумусовый горизонт значительной мощности (до 1,5 м). Учитывая, что эффективная глубина тепловизионной съемки не превышает 0,5 м (Casana et al., 2014; Scudero et al., 2018), на таких участках преимущественное влияние на интенсивность излучаемого теплового потока будет оказывать именно пористый гумусированный слой.

Совокупность этих факторов позволяет предположить, что на тепло-

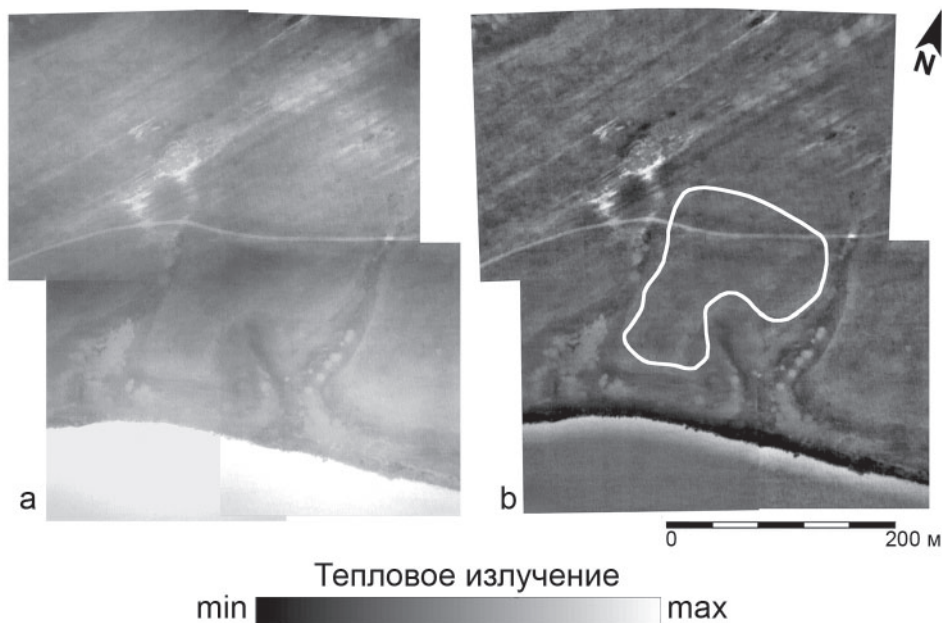

Рис. 4. Мозаика исходных (а) и преобразованных (б) тепловизионных изображений.

Fig. 4. Mosaic of original (a) and transformed (b) thermal images.

визионном изображении участки гумусированного слоя малой мощности (предположительно, замещенного) будут существенно отличаться от участков более мощного культурного слоя (поверхностно-трансформированного или переотложенного).

Параметры съемки

Широкое распространение тепловизионного обследования ограничивает комплексное влияние условий съемки на интенсивность проявления почвенных признаков археологических памятников. Основными факторами являются период вегетации растительности, погодные условия и увлажненность почв (Casana et al., 2017; Waagen et al., 2022). Известно, что развитая растительность «выравнивает» температуру поверхности, тем самым «скрывает» термический отклик археологических объектов (Donoghue et al., 2006; Lasaronara et al., 2012). Именно поэтому тепловизионное обследование более эффективно в период ранней вегетации. После захода солнца почвенные материалы

начинают остывать. Тепловизионная съемка фиксирует испускаемое излучение поверхности Земли. Поэтому в это время суток различие тепловой инерции объектов поиска и вмещающего грунта определяет более выраженный контраст на изображении (Casana et al., 2017; Hill et al., 2020; Waagen et al., 2022). Кроме того, при ночной съемке существенно снижается маскирующее влияние травянистой растительности, которая обычно произрастает на памятниках, разрушенных распахкой. Другим преимуществом съемки после заката и именно в весенний период является резкий перепад дневной и ночной температур, что определяет более интенсивное тепловое излучение поверхностного слоя грунта (Waagen et al., 2022).

Исходя из известного опыта, поселения чепецкой культуры обследовались в период ранней вегетации растительности после захода солнца. Например, Кушманское III селище – в мае 2015 г. с 02:00 по местному времени (UTC+4) в условиях слабой об-

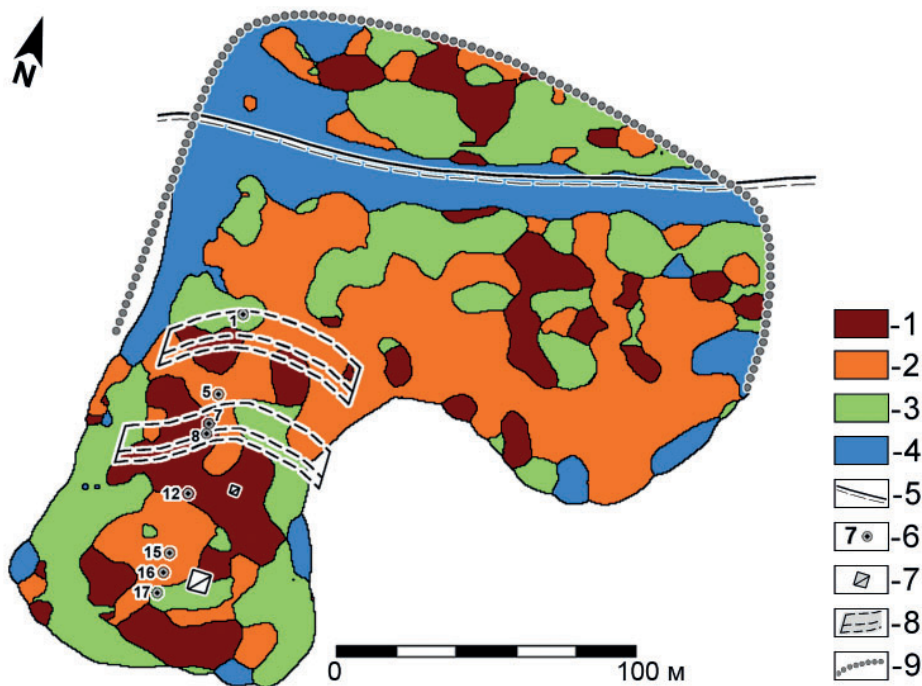

Рис. 5. Сегментация тепловизионного изображения в пространстве текстурных признаков. 1 – Класс 1; 2 – Класс 2; 3 – Класс 3; 4 – Класс 4; 5 – дорога; 6 – пикет буреный и его номер; 7 – шурф и раскоп; 8 – основания оборонительных сооружений (вал и ров); 9 – граница поселения (Журбин и др., 2019).

Fig. 5. Segmentation of thermal imaging in the space of texture features. 1 – Class 1; 2 – Class 2; 3 – Class 3; 4 – Class 4; 5 – road; 6 – drilling picket and its number; 7 – pit and excavation; 8 – foundations of defensive structures (rampart and ditch); 9 – settlement boundary (Zhurbin et al., 2019).

лачности. Температура воздуха днем была +21 °С, а ночью, в период полета, +7 °С. Использовался комплекс беспилотного мониторинга на базе самолета Supercam S350 (ООО «Финко», Ижевск). Съемка выполнялась нерадиометрической камерой с неохлаждаемым болометром Flir Tau 2 с высоты 500 м. Разрешение снимков составило 0,5 м/пиксель. В целом это обеспечивало оптимальные условия: малая плотность растительного покрова и значительный контраст температур.

Построение мозаики и предварительная обработка

Обычно территория обследования отображается на наборе частично перекрывающихся снимков (рис. 4:

а). Поэтому необходимо построение мозаики – сводного тепловизионного изображения исследуемого участка (Blochin et al., 2023; Casana et al., 2017; James et al., 2020). В некоторых случаях объединение смежных снимков требует предварительной обработки: выравнивание яркости смежных кадров (Casana et al., 2017) или удаление искажений, вызванных автоматической регулировкой камеры (Hill et al., 2020; McLeester et al., 2018). В нашем случае для предварительной обработки применялось сглаживание высокочастотного шума исходных снимков фильтром Гаусса и последующее подавление фоновой составляющей каждого из тепловизионных изображений фильтром скользящего

среднего (Злобина и др., 2024). Построение мозаики было выполнено в геоинформационной системе MapInfo 12.5 (рис. 4: б). Для обеспечения непрерывного покрытия территории проведена привязка каждого снимка по характерным точкам, координаты которых получены с цифрового ортофотоплана, выполненного в системе координат МСК-18 (местная система координат Удмуртской Республики) (рис. 1).

Статистический анализ

Как отмечалось ранее, участки замещенного культурного слоя археологических памятников могут значительно отличаться по интенсивности излучаемого теплового потока от участков поверхностно-трансформированного и переотложенного слоя. Следовательно, на полученной мозаике области замещенного слоя выявляются достаточно наглядно (например, на переходе от пологой поверхности мыса к его склонам, рис. 4: б). При этом визуальное разделение областей поверхностно-трансформированного и переотложенного слоев проблематично – на таких участках мощность гумусированных напластований сопоставима. Поэтому для контрастного отображения этих разноплановых участков необходима дополнительная математическая обработка. Основой разработанного алгоритма статистического анализа является вычисление текстурных признаков Харалика (Haralick et al., 1973), которые содержат информацию о различных характеристиках изображения (однородность, линейная зависимость тона, контраст, количество и природа границ и пр.). Это необходимо для выявления участков культурного слоя различной сохранности как единых площадных ландшафтных объектов.

На Кушманском III селище для вычисления признаков и классификации аномалий выбран участок на пологой поверхности мыса (белая линия на

рис. 4: б). Возможности тепловизионной съемки для анализа ситуации на склонах существенно ограничены. Плотная древесная и кустарниковая растительность препятствует оценке распределения теплового излучения (Blochin et al., 2023; Casana et al., 2014; Lasaponara et al., 2012), а для открытых участков склона требуется математическая корректировка искажающего влияния уклона поверхности (Khesin, Eppelbaum, 1994).

Статистический анализ позволил сформировать сегментированное изображение, отражающее распределение участков различного теплового излучения на площадке Кушманского III селища (рис. 5). Под сегментацией понимается разбиение изображения на непересекающиеся области, каждая из которых характеризуется близкими значениями рассматриваемых параметров и, предположительно, близкими свойствами. В нашем случае под параметрами понимается интенсивность теплового излучения, а под свойствами – мощность гумусированного слоя.

Интерпретация сегментов и обсуждение результатов

Предварительный вывод о наличии культурного слоя различной мощности может быть основан на анализе конфигурации сегментов изображения и их приуроченности к особенностям ландшафта. Например, замещенный культурный слой обычно фиксируется в зонах интенсивной эрозии – вершины локальных водоразделов на пологой поверхности или переход от пологой поверхности к склонам мыса. Поверхностно-трансформированный слой формируется в нижней части склонов локальных водоразделов при уклоне местности 2–3°. На склонах северной экспозиции сохранность культурного слоя потенциально выше.

Оценка степени сохранности культурного слоя в сегментах различных

классов (поверхностно-трансформированный, замещенный или переотложенный) может быть основана только на привлечении дополнительных данных – материалов междисциплинарных исследований (рис. 2). Такой подход к интерпретации термических аномалий известен. Минимальным набором, вероятно, являются данные других видов дистанционного зондирования – съемка в видимом диапазоне, LiDAR и многозональная съемка (Brooke, Clutterbuck, 2020; Collaro et al., 2023; Lasaponara et al., 2012). Помимо этого, для интерпретации привлекаются исторические карты и аэрофотоматериалы (Hill et al., 2020; McLeester et al., 2018). При изучении археологических объектов более информативны данные наземных исследований, в частности геофизики (Hill et al., 2020; Masini et al., 2022; Scudero et al., 2018). Наибольшую достоверность интерпретации термических аномалий обеспечивают раскопки (Casana et al., 2017; Salgado Carmona et al., 2020; Waagen et al., 2022). Все перечисленные методы не исключают, а дополняют друг друга. Очевидно, что сравнительный анализ данных нескольких видов дистанционного зондирования и наземного обследования увеличивает вероятность корректной археологической интерпретации выявленных термических аномалий.

Сравнительный анализ сегментированного изображения тепловизионной съемки Кушманского III селища (рис. 5) и материалов междисциплинарных исследований (Журбин и др., 2019) позволяет предположить, что сегменты Класса 1 соответствуют поверхностно-трансформированному слою. В первую очередь это подтверждают материалы шурфа в центральной части поселения (рис. 2). Здесь культурный слой фиксируется до глубины 0,7 м. Верхняя его часть (0,25–0,3 м) нарушена современной пахотой, а нижняя находится в ис-

ходном состоянии (Кириллов, 2012). Почвенные бурения показали, что значительные напластования (0,7 м и более) фиксируются практически на всей центральной части поселения вблизи внутренней линии укреплений (например, пикеты 7 и 12) (рис. 5, 6). Максимальная мощность слоя (до 1,5 м) отмечена в пикете 8. Также сегментация согласуется с данными электропрофилирования и электротомографии (рис. 7). На геофизических данных сегментам Класса 1 соответствуют области высокого удельного сопротивления. Известно, что слою, насыщенному органическими остатками антропогенной деятельности, соответствуют области высокого удельного сопротивления, а культурному слою малой мощности – участки относительно низкого сопротивления (Слукин, 1988, с. 46–48).

В сегментах Класса 2 уменьшается мощность культурных напластований и их насыщенность гумусом. Это наглядно демонстрируют результаты почвенных бурений. Например, в керне 15 нижняя граница гумусированного слоя расположена на глубине 0,6 м (рис. 5, 6). Здесь пахотный горизонт сформирован тяжелым суглинком с незначительным содержанием гумуса (переотложенный слой), а нижележащая прослойка – гумусированным легким суглинком (вероятно, исходный культурный слой). Схожая структура выявлена в кернах 16 и 5, расположенных на принципиально разных частях поселения – на мысовой части и между линиями оборонительных сооружений. На материалах электропрофилирования отмеченной ситуации соответствуют области со средним значением удельного сопротивления (рис. 7: а), а электротомография фиксирует гумусовый горизонт незначительной мощности (рис. 7: б). Вероятно, интенсивность теплового излучения на участках Класса 2 снижается за счет значительного со-

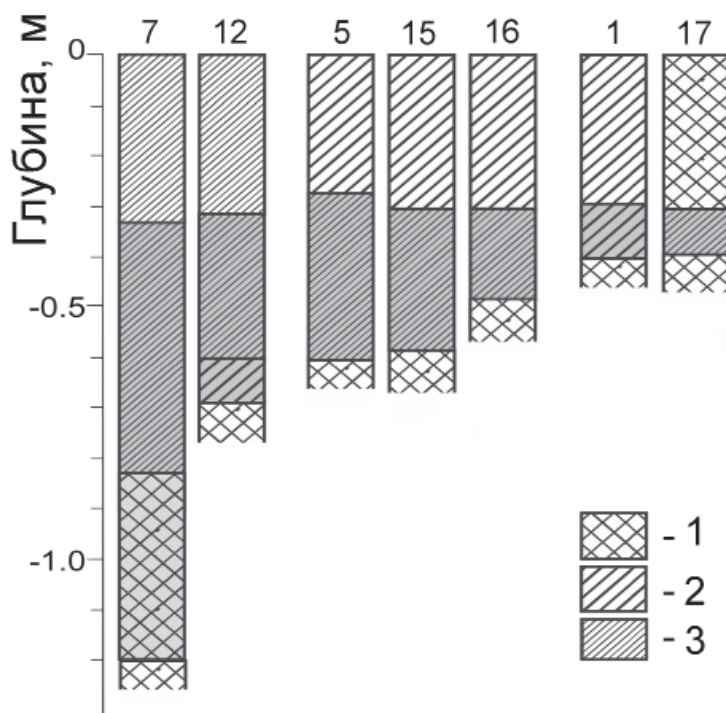

Рис. 6. Литологическое строение кернов (Иванова, 2016). 1 – материковая глина; 2 – тяжелый суглинок; 3 – легкий суглинок. Затенение показывает наличие археологического материала (керамика, кость и пр.).

Fig. 6. Lithological structure of cores (Ivanova, 2016). 1 – clay of bedrock; 2 – heavy loam; 3 – light loam. Shading indicates the presence of archaeological material (ceramics, bone, etc.).

держания глины в верхней части напластований.

В сегментах Класса 3 мощность гумусированного слоя минимальна. На мысовой части (кern 17) и за пределами зоны застройки Кушманского III селища (кern 1) фиксируется очень тонкий гумусированный слой (до 0,1 м), перекрытый глинистым переотложенным грунтом (рис. 5, 6). Таким участкам замещенного слоя соответствуют области с минимальным значением удельного сопротивления грунта (рис. 7).

Отмеченные тенденции хорошо согласуются с материалами раскопок на мысовой части поселения (Иванова, 2017). Раскоп расположен на стыке сегментов Классов 1–3 (рис. 5). В северо-восточном углу раскопа отмечен

поверхностно-трансформированный слой мощностью до 0,5 м (сегмент Класса 1), а в северо-западном (сегмент Класса 2) – переотложенный слой до 0,3 м от поверхности. В обоих случаях переотложенный слой сформирован легким суглинком со значительным содержанием гумуса. В южном направлении мощность слоя постепенно уменьшается до 0,2 м, основу пахотного горизонта составляет слабогумусированный тяжелый суглинок.

Сегменты Класса 4 связаны с участками открытой материковой глины. Они фиксируются вдоль внешнего периметра мыса на переходе от пологой поверхности к склонам, а также на полевой дороге и прилегающих к ней участках (рис. 5). Благодаря очевид-

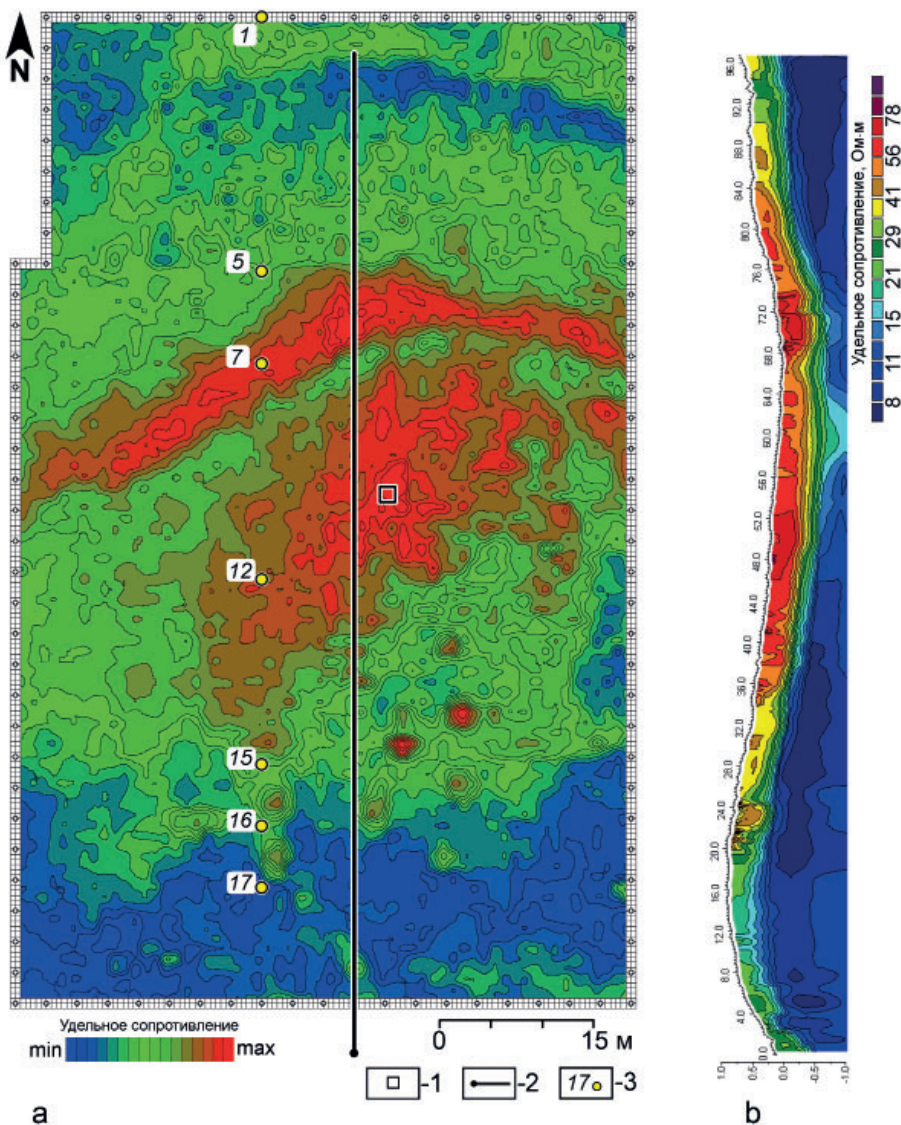

Рис. 7. Результаты геофизических исследований: электропрофилерование (а) и геоэлектрический разрез (б). 1 – шурф; 2 – профиль электротомографии; 3 – пикеты почвенного зондирования.

Fig. 7. Results of geophysical studies: resistivity survey (a) and geoelectric section (b). 1 – pit; 2 – electrical resistivity tomography profile; 3 – soil probing pickets.

ному проявлению современных разрушений на ортофотоплане (рис. 1) возникает возможность отличить участок полевой дороги от замещенного слоя памятника.

Предложенная интерпретация сегментов позволяет оценить мощность и степень сохранности культурного слоя Кушманского III селища. В зоне

застройки поселения, которая ограничена внешней линией укреплений (Журбин и др., 2019, рис. 5), рельефные признаки объектов отсутствуют. Планировка восстановлена по результатам электро- и магниторазведки. Раскопки и почвенные бурения геофизических аномалий показали, что основания построек и оборонитель-

ных сооружений фиксируются только в нижних, сохранившихся горизонтах поверхностно-трансформированного слоя. На мысовой части поселения культурный слой полностью разрушен. Сохранились только заглубленные части сооружений, перекрытые переотложенным слоем. В целом в зоне застройки Кушманского III селища мощность перекрывающего слоя постепенно уменьшается от центра площадки к краям мыса. Эта ситуация отражается на тепловизионном изображении (рис. 5). Сегменты Классов 1 и 2 сконцентрированы в центре площадки. Сегменты Класса 3 расположены по периметру этих участков мощного слоя. Сегменты Класса 4, которые маркируют замещенный слой, встречаются только на переходе от пологой поверхности к склонам.

Участок за внешней линией укреплений являлся хозяйственной периферией Кушманского III селища. Это предположение основано на анализе содержания фосфатов и активной микробной биомассы, значений магнитной восприимчивости почвенных материалов (Журбин и др., 2019, рис. 6). Величины этих параметров, сопоставимые со значениями на участках поверхностно-трансформированного слоя, свидетельствуют о значительном поступлении в почву органических веществ. Это является индикатором активной антропогенной деятельности на данной территории. Сегменты Классов 2 и 3 маркируют переотложенный грунт культурного слоя. У южной границы участка хозяйственной периферии, прилегающей к внешней линии укреплений, фиксируется более мощный слой, сопоставимый со слоем в центральной части зоны застройки поселения (Класс 2). В северной части, вблизи границы Кушманского III селища, преобладают сегменты Класса 3. Отмеченная тенденция позволяет предположить, что толщина гуму-

сированного горизонта постепенно уменьшается.

Заключение

Тепловизионная съемка фиксирует распределение излучаемой температуры грунта. Выявленные отличия на различных участках памятника вызваны особенностями структуры и состава почвенных материалов. Поэтому данные дистанционного зондирования могут быть использованы для оценки мощности культурного слоя и мониторинга состояния археологических памятников. Эта постановка задачи тепловизионной съемки при исследовании поселений принципиально отличается от традиционной, при которой внимание сконцентрировано на выявлении локальных объектов с контрастными термодинамическими свойствами.

Основой решения этих актуальных научных и практических задач является статистический анализ построенной мозаики тепловизионных снимков. Отличительной особенностью алгоритма является использование текстурных признаков Харалика. Необходимость использования именно текстурных признаков вызвана тем, что тепловое излучение разноплановых участков культурного слоя (поверхностно-трансформированный, замещенный и переотложенный) неоднородно ввиду неоднородной структуры культурных напластований, разрушенных распашкой. Такое преобразование позволяет выявить визуально неочевидную структуру тепловизионных снимков, отражающую тенденции изменения мощности культурного слоя. Ввиду отсутствия рельефных признаков интерпретация сегментов изображения, относящихся к разным классам, основывается на комплексе материалов археологических, геофизических и почвенных исследований.

Апробация данного подхода проведена на материалах междисципли-

нарных исследований средневекового поселения Кушманское III селище (Удмуртская Республика). В результате предложена и обоснована рекон-

струкция сохранности культурного слоя археологического памятника, в значительной степени пострадавшего от многолетней распашки.

Благодарности

Вычисление текстурных признаков Харалика выполнено к.т.н. А.С. Шаура, сотрудником УдмФИЦ УрО РАН (Ижевск), за что авторы приносят ему искреннюю благодарность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Журбин И.В., Борисов А.В., Назмутдинова А.И., Милич В.Н., Петров Р.П., Иванова М.Г., Модин Р.Н., Князева Л.Ф., Воробьева Н.Г., Зинчук С.В. Комплексное использование методов дистанционного зондирования, геофизики и почвоведения при изучении поселений, разрушенных распашкой // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. № 2(47). С. 103–111.
2. Злобина А.Г., Рублева Е.А., Журбин И.В. Фильтрация изображений при построении мозаики тепловизионных снимков археологических памятников // Геодезия и картография. 2024. № 11. С. 45–55.
3. Иванов А.Г., Иванова М.Г., Останина Т.И., Шутова Н.И. Археологическая карта северных районов Удмуртии / Под ред. А.Г. Иванова. Ижевск: Удмуртский институт истории языка и литературы УрО РАН, 2004. 276 с.
4. Иванова М.Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв.: Монография. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 294 с.
5. Иванова М.Г. Отчет об исследованиях на Кушманском городище Учкакар, Кушманском III селище и Кушманском II селище в Ярском районе Удмуртской Республики в 2016 г. / НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, 2016. Ф. РФ. Оп. 2-н. Д. 1693.
6. Иванова М.Г. Отчет об исследованиях на Кушманском городище Учкакар и Кушманском III селище в Ярском районе Удмуртской Республики в 2017 г. / НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, 2017. Ф. РФ. Оп. 2-н. Д. 1707а, 1707б, 1707в.
7. Кириллов А.Н. Отчет о научно-исследовательской работе «Археологические работы по определению границ объектов археологического наследия в Глазовском районе и разведочные работы в Ярском районе Удмуртской Республики» / Архив БУК ИКМЗ УР «Иднакар», 2012. Д. 02–03.
8. Служкин В.М. Неразрушающие методы исследования памятников архитектуры. Свердловск: Уральский ун-т, 1988. 220 с.
9. Blochin J.K., Pavlovskaja E.A., Sadykov T.R., Caspari G. Remotely sensing the invisible – thermal and magnetic survey data integration for landscape archaeology // Remote Sensing. 2023. Vol. 15., iss. 20. Article no. 4992.
10. Brooke C., Clutterbuck B. Mapping heterogeneous buried archaeological features using multisensor data from unmanned aerial vehicles // Remote Sensing. 2020. Vol. 12, iss. 1. Article no. 41.
11. Casana J., Kantner J., Wiewel A., Cothren J. Archaeological aerial thermography: A case study at the Chaco-era Blue J community, New Mexico // Journal of Archaeological Science. 2014. Vol. 45. P. 207–219.
12. Casana J., Wiewel A., Cool A., Hill A., Fisher K., Laugier E. Archaeological aerial thermography in theory and practice // Advances in Archaeological Practice. 2017. Vol. 5, iss. 4. P. 310–327.
13. Collaro C., Enríquez-Muñoz C., López A., Enríquez C., Jurado J.M. Detection of landscape features with visible and thermal imaging at the Castle of Puerta Arenas // Archaeological and Anthropological Sciences. 2023. Vol. 15, iss. 10. Article no. 152.
14. Donoghue D.N.M., Beck A., Galiatzatos N., McManus K., Philip G. The use of remote sensing data for visualising and interpreting archaeological landscapes // Recording, Modeling and Visualization of Cultural Heritage / Eds. E. Baltsavias, A. Gruen, L. Van Gool, M. Pateraki. Leiden: Taylor and Francis, 2006. P. 317–326.
15. Gojda M. Current development in archaeological remote sensing: A central European experience and evaluation // Interdisciplinaria Archaeologica. 2019. Vol. X, iss. 2. P. 155–164.

16. *Haralick R.M., Shanmugam K., Dinstein I.* Textural features for image classification // *IEEE Transactions on Systems, Man, and Cybernetics.* 1973. Vol. 6. P. 610–621.
17. *Hill A.C., Laugier E., Casana J.* Archaeological remote sensing using multi-temporal, drone acquired thermal and near infrared (NIR) imagery: A case study at the Enfield Shaker Village, New Hampshire // *Remote Sensing.* 2020. Vol. 12, iss. 4. Article no. 690.
18. *James K., Nichol C.J., Wade T., Cowley D., Poole S.G., Gray A., Gillespie J.* Thermal and multispectral remote sensing for the detection and analysis of archaeologically induced crop stress at a UK site // *Drones.* 2020. Vol. 4, iss. 4. Article no. 61.
19. *Khesin B.E., Eppelbaum L.V.* Near-surface thermal prospecting: Review of processing and interpretation // *Geophysics.* 1994. Vol. 59, no. 5. P. 744–752.
20. *Kuenzer C., Dech S.* Theoretical background of thermal infrared remote sensing // *Thermal Infrared Remote Sensing. Remote Sensing and Digital Image Processing.* Vol. 17 / Eds. C. Kuenzer, S. Dech. Dordrecht: Springer Netherlands, 2013. P. 1–26.
21. *Lasaponara R., Masini N.* Remote sensing in archaeology: from visual data interpretation to digital data manipulation // *Satellite remote sensing: a new tool for archaeology* / Eds. R. Lasaponara, N. Masini. Dordrecht: Springer, 2012. P. 3–16.
22. *Lasaponara R., Masini N., Holmgren R., Backe Forsberg Y.* Integration of aerial and satellite remote sensing for archaeological investigations: A case study of the Etruscan site of San Giovenale // *Journal of Geophysics and Engineering.* 2012. Vol. 9, iss. 4. P. S26–S39.
23. *Lillesand T.M., Kiefer R.W.* Remote sensing and image interpretation. 3rd ed. New York: John Wiley & Sons, 1994. 750 p.
24. *Linck R., Kluthe S., Krause H.* Investigating the thermal imprint of archaeological sites // *AARGnews.* 2023. Vol. 66. P. 42–47.
25. *Luo L., Wang X., Guo H., Lasaponara R., Zong X., Masini N., Wang G., Shi P., Khateli H., Chen F., Tariq Sh., Shao J., Bachagha N., Yang R., Yao Y.* Airborne and spaceborne remote sensing for archaeological and cultural heritage applications: A review of the century (1907–2017) // *Remote Sensing of Environment.* 2019. Vol. 232. Article no. 111280.
26. *Masini N., Sogliani F., Sileo M., Abate N., Danese M., Vitale V., Lasaponara R., Piro S.* Fusion and integration of heterogeneous close range remote sensing and geophysical data. The case of Grumentum // *Journal of Physics: Conference Series.* 2022. Vol. 2204, iss. 1. Article no. 012018.
27. *McLeester M., Casana J., Schurr M.R., Hill A.C., Wheeler J.H.* Detecting prehistoric landscape features using thermal, multispectral, and historical imagery analysis at Midewin National Tallgrass Prairie, Illinois // *Journal of Archaeological Science: Reports.* 2018. Vol. 21, iss. 3. P. 450–459.
28. *Perisset M.C., Tabbagh A.* Interpretation of thermal prospection on bare soils // *Archaeometry.* 1981. Vol. 23, iss. 2. P. 169–187.
29. *Poirier N., Hautefeuille F., Calastrenc C.* Low altitude thermal survey by means of an automated UAV for the detection of archaeological buried structures // *Archaeological Prospection.* 2013. Vol. 20, iss. 4. P. 303–307.
30. *Salgado Carmona J.A., Quiros E., Mayoral V., Charro C.* Assessing the potential of multispectral and thermal UAV imagery from archaeological sites: A case study from the Iron Age hillfort of Villasviejas del Tamuja (Cáceres, Spain) // *Journal of Archaeological Science: Reports.* 2020. Vol. 31, iss. 2. Article no. 102312.
31. *Scollar I., Tabbagh A., Hesse A., Herzog I.* Archaeological prospecting and remote sensing. Cambridge & New York: Cambridge University Press, 1990. 674 p.
32. *Scudero S., Martorana R., Capizzi P., Pisciotto A., D'Alessandro A., Bottari C., Di Stefano G.* Integrated geophysical investigations at the Greek Kamarina Site (Southern Sicily, Italy) // *Surveys in Geophysics.* 2018. Vol. 39, iss. 6. P. 1181–1200.
33. *Vinci G., Vanzani F., Fontana A., Campana S.* LiDAR applications in archaeology: A systematic review // *Archaeological Prospection.* 2025. Vol. 32, iss. 1. P. 81–101.
34. *Waagen J., Sanchez J.G., Van Der Heiden M., Kuiters A., Lulof P.* In the heat of the night: Comparative assessment of drone thermography at the archaeological sites of Acquarossa, Italy, and Siegerswoude, The Netherlands // *Drones.* 2022. Vol. 6, iss. 7. Article no. 165.
35. *Zhurbin I., Borisov A., Zlobina A.* Reconstruction of the occupation layer of archaeological sites based on statistical analysis of soil materials // *Journal of Archaeological Science: Reports.* 2022. Vol. 41. Article no. 103347.

Информация об авторах:

Журбин Игорь Витальевич, доктор исторических наук, кандидат технических наук, главный научный сотрудник, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Ижевск, Россия); zhurbin@udm.ru

Злобина Анна Григорьевна, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Ижевск, Россия); elf54@yandex.ru

Рублева Елена Алексеевна, кандидат географических наук, ведущий математик, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Ижевск, Россия); доцент, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); real197@mail.ru

**THERMAL IMAGING FOR RECONSTRUCTION
OF THE OCCUPATION LAYER OF ARCHAEOLOGICAL SITES**

I.V. Zhurbin, A.G. Zlobina, E.A. Rubleva

A new approach to assessing the thickness and structure of the occupation layer of archaeological sites destroyed by plowing is proposed. It is based on the analysis of thermal imaging data. The optimal survey conditions are a low density of vegetation cover with a significant contrast between day and night temperatures. This corresponds to the spring period, when survey is carried out after sunset. For continuous coverage of the area, each image must be referenced by characteristic points, the coordinates of which are obtained from a digital orthophotomap. Construction of a consolidated thermal image requires equalizing the brightness of adjacent frames. The segmented image obtained as a result of statistical processing of the mosaic reflects the distribution of areas that differ in thermal radiation. Interpretation of the segments is based on the use of reference data from archaeological, geophysical and soil studies. Based on this approach, a reconstruction of the preservation of the occupation layer, significantly damaged by long-term plowing, is proposed and substantiated for the medieval Kushmanskoye III settlement (Udmurt Republic). Trends in the distribution of thermal imaging segments demonstrate significant differences in archaeological strata in the area of settlement development and in the adjacent zone of the economic periphery. In the first case, areas of a thick occupation layer were identified in the center of the site (segments of Classes 1 and 2), and in the second case, a gradual decrease in layer thickness was observed towards the northern boundary of the archaeological site (Classes 2 and 3).

Keywords: archaeology, thermal imaging, archaeological site, plowing, mosaic, segmentation, thickness and structure of the occupation layer.

REFERENCES

1. Zhurbin, I. V., Borisov, A. V., Nazmutdinova, A. I., Milich, V. N., Petrov, R. P., Ivanova, M. G., Modin, R. N., Knyazeva, L. F., Vorob'yeva, N. G., Zinchuk, S. V. 2019. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 47 (2), 103–111 (in Russian).
2. Zlobina, A. G., Rubleva, E. A., Zhurbin, I. V. 2024. In *Geodeziya i kartografiya (Geodesy and Cartography)* 11, 45–55 (in Russian).
3. Ivanov, A. G., Ivanova, M. G., Ostanina, T. I., Shutova, N. I. 2004. In Ivanov, A. G. (ed.). *Arkheologicheskaya karta severnykh raionov Udmurtii (Archaeological Map of the Northern Regions of Udmurtia)*. Izhevsk: "Udmurtskii institut istorii iazyka i literatury UrO RAN" Publ. (in Russian).
4. Ivanova, M. G. 1998. *Idnakar: Drevneudmurtское городище IX–XIII vv. (Idnakar: Ancient Udmurt Hillfort of 9th – 13th Centuries)*. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
5. Ivanova, M. G. 2016. *Otchet ob issledovaniyakh na Kushmanskom gorodishche Uchkakar, Kushmanskom III selishche i Kushmanskom II selishche v Yarskom rayone Udmurtskoy Respubliki v 2016 g. (Report on Research at the Kushman Hillfort Uchkakar, Kushman III Settlement and Kushman II Settlement in the Yarsky District of the Udmurt Republic in 2016)*. Scientific Archive of the Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. F. RF. Op. 2-n. D. 1693 (in Russian).
6. Ivanova, M. G. 2017. *Otchet ob issledovaniyakh na Kushmanskom gorodishche Uchkakar i Kushmanskom III selishche v Yarskom rayone Udmurtskoy Respubliki v 2017 g. (Report on Research at the Kushman Hillfort Uchkakar and Kushman III Settlement in the Yarsky District of the Udmurt Republic in 2017)*. Scientific Archive of the Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. F. RF. Op. 2-n. D. 1707a, 1707b, 1707c (in Russian).

7. Kirillov, A. N. 2012. *Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote «Arkheologicheskiye raboty po opredeleniyu granits ob'yektov arkheologicheskogo naslediya v Glazovskom rayone i razvedochnyye raboty v Yarskom rayone Udmurtskoy Respubliki» (Report on Research Work "Archaeological Works to Determine the Boundaries of Archaeological Heritage Sites in the Glazovsky District and Prospecting Works in the Yarsky District of the Udmurt Republic")*. Archive of the Budgetary Cultural Institution of the Udmurt Republic "Idnakar" Museum and Exhibition Center. D. 02–03 (in Russian).

8. Slukin, V. M. 1988. *Nerazrushayushchiye metody issledovaniya pamyatnikov arkhitektury (Non-Destructive Methods for Studying Architectural Monuments)*. Sverdlovsk: "Ural University" Publ. (in Russian).

9. Blochin, J. K., Pavlovskaya, E. A., Sadykov, T. R., Caspari, G. 2023. In *Remote Sensing* 15 (20). Article no. 4992.

10. Brooke, C., Clutterbuck, B. 2020. In *Remote Sensing* (12) 1. Article no. 41.

11. Casana, J., Kantner, J., Wiewel, A., Cothren, J. 2014. In *Journal of Archaeological Science* 45, 207–219.

12. Casana, J., Wiewel, A., Cool, A., Hill, A., Fisher, K., Laugier, E. 2017. In *Advances in Archaeological Practice* 5 (4), 310–327.

13. Collaro, C., Enriquez-Muñoz, C., López, A., Enríquez, C., Jurado, J. M. 2023. In *Archaeological and Anthropological Sciences* 15 (10). Article no. 152.

14. Donoghue, D. N. M., Beck, A., Galiatzatos, N., McManus, K., Philip, G. 2006. In E. Baltasavias, A. Gruen, L. Van Gool, M. Pateraki (Eds.). *Recording, Modeling and Visualization of Cultural Heritage*. Leiden: Taylor and Francis, 317–326.

15. Gojda M. 2019. In *Interdisciplinaria Archaeologica*. 2019. Vol. X, iss. 2. P. 155–164.

16. Haralick, R. M., Shanmugam, K., Dinstein, I. 1973. In *IEEE Transactions on Systems, Man, and Cybernetics* 6, 610–621.

17. Hill, A. C., Laugier, E., Casana, J. 2020. In *Remote Sensing* 12 (4). Article no. 690.

18. James, K., Nichol, C. J., Wade, T., Cowley, D., Poole, S. G., Gray, A., Gillespie, J. 2020. In *Drones* 4 (4). Article no. 61.

19. Khesin, B. E., Eppelbaum, L. V. 1994. In *Geophysics* 59 (5), 744–752.

20. Kuenzer, C., Dech, S. 2013. In Kuenzer, C., Dech, S. (Eds.). *Thermal Infrared Remote Sensing. Remote Sensing and Digital Image Processing* 17. Dordrecht: Springer Netherlands, 1–26.

21. Lasaponara, R., Masini, N. 2012. In Lasaponara, R., Masini, N. (Eds.). *Satellite Remote Sensing: A New Tool for Archaeology*. Dordrecht: Springer, 3–16.

22. Lasaponara, R., Masini, N., Holmgren, R., Backe Forsberg, Y. 2012. In *Journal of Geophysics and Engineering* 9 (4), S26–S39.

23. Lillesand, T. M., Kiefer, R. W. 1994. *Remote Sensing and Image Interpretation*. 3rd ed. New York: John Wiley & Sons.

24. Linck, R., Kluthe, S., Krause, H. 2023. In *AARGnews* 66, 42–47.

25. Luo, L., Wang, X., Guo, H., Lasaponara, R., Zong, X., Masini, N., Wang, G., Shi, P., Khatteli, H., Chen, F., Tariq, Sh., Shao, J., Bachagha, N., Yang, R., Yao, Y. 2019. In *Remote Sensing of Environment* 232. Article no. 111280.

26. Masini, N., Sogliani, F., Sileo, M., Abate, N., Danese, M., Vitale, V., Lasaponara, R., Piro, S. 2022. In *Journal of Physics: Conference Series* 2204 (1). Article no. 012018.

27. McLeester, M., Casana, J., Schurr, M. R., Hill, A. C., Wheeler, J. H. 2018. In *Journal of Archaeological Science: Reports* 21 (3), 450–459.

28. Perisset, M. C., Tabbagh, A. 1981. In *Archaeometry* 23 (2), 169–187.

29. Poirier, N., Hautefeuille, F., Calastrenc, C. 2013. In *Archaeological Prospection* 20 (4), 303–307.

30. Salgado Carmona, J. A., Quiros, E., Mayoral, V., Charro, C. 2020. In *Journal of Archaeological Science: Reports* 31(2). Article no. 102312.

31. Scollar, I., I., Tabbagh, A., Hesse, A., Herzog, I. 1990. *Archaeological prospecting and remote sensing*. Cambridge & New York: Cambridge University Press.

32. Scudero, S., Martorana, R., Capizzi, P., Pisciotta, A., D'Alessandro, A., Bottari, C., Di Stefano, G. 2018. In *Surveys in Geophysics* 39 (6), 1181–1200.

33. Vinci, G., Vanzani, F., Fontana, A., Campana, S. 2025. In *Archaeological Prospection* 32 (1), 81–101.

34. Waagen, J., Sanchez, J. G., Van Der Heiden, M., Kuiters, A., Lulof, P. 2022. In *Drones* 6 (7). Article no. 165.

35. Zhurbin, I., Borisov, A., Zlobina, A. 2022. In *Journal of Archaeological Science: Reports* 41. Article no. 103347.

About the Authors:

Zhurbin Igor V. Doctor of Historical Science, Candidate of Technical Science. Udmurt Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, T. Baramzinoy St., 34, Izhevsk, 426067, Russian Federation; zhurbin@udm.ru

Zlobina Anna G. Candidate of Technical Science. Udmurt Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, T. Baramzinoy St., 34, Izhevsk, 426067, Russian Federation; elf54@yandex.ru

Rubleva Elena A. Candidate of Geographical Sciences. Udmurt Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, T. Baramzinoy St., 34, Izhevsk, 426067, Russian Federation; Udmurt State University, Universitetskaya St., 1, Izhevsk, 426034, Russian Federation; rea197@mail.ru

Статья принята в номер 01.06.2026 г.

Список сокращений

- АВУР – Археология Волго-Уралья
АЕС – Археология Евразийских степей
АЕС – Археология Евразийских степей. Казань.
АИУз – Археологические исследования в Узбекистане
АН РТ – Академия Наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук Советского Союза
АО – Археологические открытия
АП – Археология Подмосковья
АС – Археологический съезд
БУК ИКМЗ УР – Бюджетное учреждение культуры Историко-культурный музей-заповедник Удмуртской Республики «Иднакар»
ВА – Вестник антропологии
ВДИ – Вестник древней истории, Москва
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
ГМЗ – Государственный музей-заповедник
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
ИА АН СССР/РАН – Институт археологии АН СССР/РАН
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАК – Известия Археологической комиссии
ИАЭТ – Институт археологии и этнографии
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института археологии материальной культуры
КФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
МАР – Материалы по археологии России
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР, Москва; Ленинград
НА – научный архив
НАВ – Нижневолжский археологический вестник
НГУ – Новосибирский государственный университет
ОмГУ – Омский государственный университет
РА – Российская археология (Москва)
РАН – Российская академия наук
РГБ – Российская государственная библиотека
РГО – Русское географическое общество
РНФ – Российский научный фонд
РСМ – Раннеславянский мир
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников

- СГЭ – Сборник Государственного Эрмитажа
СЕЭС – Степи Европы в эпоху средневековья
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
СПб – Санкт-Петербург
СЭ – Советская этнография
ТАЭ – Тульская археологическая экспедиция
ТНИИЯЛИ – Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея
Тр. КАЭЭ – Труды Камской археолого-этнографической экспедиции
УдмФИЦ – Удмуртский федеральный исследовательский центр
УИИЯЛ – Удмуртский институт истории, языка и литературы
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
ХакНИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу: <http://archaeologie.pro/ru/for-authors/>

Сроки приема материалов

№ 1 (март) – не позднее 1 декабря

№ 2 (июнь) – не позднее 1 марта текущего года

№ 3 (сентябрь) – не позднее 1 июня текущего года

№ 4 (декабрь) – не позднее 1 сентября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

Журнал основан в апреле 2012 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-61900 от 25 мая 2015 г.
выдано Роскомнадзором

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Баумана, 20
Технический редактор Першагина И.А.
Дата выхода в свет 30.06.2026 г. Формат 70×108 ¹/₁₆
Печать офсетная. Бумага мелованная. Печ. л. 15,6. Усл. печ. л. 21,88.
Общий тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №
Цена свободная
Отпечатано в типографии "Orange Key"

Издательство «Фэн»
Академии наук Республики Татарстан
420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Баумана, 20